

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

10

2019

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

10/2019 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А.Д. Попова** — Механизмы контроля над властью в гла
зах россиян в эпоху становления парламентаризма .. 3

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Н.Г. Семова** — Проблематика реиндустриализации: под
ходы к ее изучению в начале XXI в. 14
- М.А. Безнин, Т.М. Димони** — Социальная революция
в советской России 32

СООБЩЕНИЯ

- И.В. Петров** — Карикатуры в оккупационной прессе
1942 — 1944 гг. и советская религиозная политика 43
- С.Ю. Каргапольцев, И.Ю. Лапина** — Церковный кор
пус Большого Петергофского дворца и прилегающие
к нему объекты: история, хронология и изыскатель
ские работы 52

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Д.В. Боднарчук** — Запад в воображении русских либе
ралов 60-х гг. XIX в. (на материалах «Отечественных
записок») 77

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

- И.Г. Чапайкина** — Столыпинский проект губернского
управления в контексте реформ начала XX в. 88

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ

СОТРУДНИЧЕСТВО

- Н.В. Антонова, В.С. Калиновская, Д.А. Пашенцев,
В.А. Шестак** — Роль Д.В. Стасова в развитии
российской юриспруденции. 95
- А.Р. Батяева, В.С. Калиновская, Б.В. Сангаджиев,
С.Н. Смирнов** — Личность и профессиональная
деятельность Ф.Н. Плевако 99
- А.А. Галушкин, М.Е. Жукова, Е.Ю. Комлев, Д.А. Па
шенцев** — История создания и деятельности
Организации американских государств 103
- А.А. Дарков, М.В. Игнатъева, Е.В. Майстрович,
А.А. Соловьёв** — История политических и граждан
ских прав женщин в Федеративной Республике Герма
нии 108

Выходит
с 1926 года
ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

НАРОДЫ РОССИИ

- О.В. Бураева, Б.А. Базаров, Н.В. Именохоев, Д.А. Миягашев** — У истоков сибирского города..... 113

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- И.Н. Колесников, М.В. Дарендорф** — Русские дипломаты в государствах Германии в XVIII в.: Франк-фурт-на-Майне, германские княжества и города..... 124

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- В.Н. Макарова, З.Ф. Хасанова** — Михаил Фомич Чурко — краевед-исследователь быта и культуры населения горно-лесной зоны Башкирии 131

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Ш.А. Гапуров, И.Г. Косиков, А.Д. Осмаев** — Видному российскому историку, общественному и государственному деятелю Явусу Ахмадову — 70 лет 138

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- В.И. Долинко, Ю.В. Рыжова** — История формирования железнодорожного комплекса России и его влияние на социально-экономическое развитие государства . 144
- О.А. Колякина** — Анализ боевой эффективности и преимущества истребителей РВГК на Курской дуге . . 152
- Р.И. Сефербеков, О.Б. Халидова** — Периодизация исторических макропроцессов в России: этапы модернизации (на примере Дагестана) 163
- Г.М. Мендикулова, Е.А. Надежук, А.Ж. Габдуллина, А.А. Акатаева, Т.С. Тумабаев** — Военнопленные казахи в лагерях Норвегии и Финляндии в годы второй мировой войны 169

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- Г.Г. Хмуркин** — Сколько священнослужителей РПЦ погибло в 1917—1926 гг.? 178
- В.А. Ахмадуллин** — Деятельность Совета по делам религиозных культов по исследованию зарубежного ислама в 1956—1965 гг. 199
- Р.А. Бекназаров** — Ислам в Актобинском крае: история формирования и становления в XIX — начале XX в. 207

ИСТОРИОГРАФИЯ

- О.А. Плех** — Провинциальное чиновничество России первой половины XIX в. в трудах дореволюционных и советских исследователей. 215
- А.В. Чернецов** — Н.А. Соболева. Идентичность Российского государства языком знаков и символов: эмблематики, геральдики, сфрагистики, вексилологии 230
- А.Б. Крючков, К.В. Крючкова** — История транспорта России. 237

Механизмы контроля над властью в глазах россиян в эпоху становления парламентаризма

А.Д. Попова

Аннотация. В публикации анализируется становление в общественном сознании представлений о механизмах общественного контроля над властью. Автор показывает, что формирование парламентаризма в нашей стране происходило не просто позже, чем в других государствах, но и имело хронодискретный характер — в начале XX в. в годы Первой русской революции и в конце XX в. в период перестройки, что предопределило специфику развития гражданского сознания. Используя письма во власть двух исторических периодов, автор анализирует уровень развития в общественном сознании представлений о механизмах воздействия общества на власть. В статье показано, что в оба момента гражданское сознание находилось в неразвитом состоянии.

Ключевые слова: гражданское сознание, гражданское общество, парламентаризм, власть, перестройка, Государственная дума, контроль над властью.

Abstract. The publication analyzes the process of formation of ideas about the mechanisms of public control over power in the public consciousness. The author believes that the development of civic consciousness is a condition for the formation of civil society. The author shows that the formation of parliamentarianism in our country took place later than in other countries and had a chronodiscrete character — at the beginning of the 20th century in the years of the First Russian Revolution and at the end of the 20th century in the period of perestroika. The author used letters in the power of two historical periods. It analyzes the level of development in the public consciousness of the notions of the mechanisms of the influence of society on power. The article shows that the civil consciousness was in an undeveloped state in both periods.

Key words: civilian consciousness, civil society, perestroika, State Duma, parliamentarianism, power, control over power.

Важнейшим признаком демократического государства и гражданского общества является наличие механизмов общественного контроля над властью, что подразумевает возможность для народа высказывать властным лицам свои соображения об управлении страной и требовать отчета от должностных лиц. Кроме того, необходимо внесение в право норм, которые ограничивают произвол властных структур по отношению к людям. Именно это делает государство демократическим: «Гражданский контроль, гражданская экспертиза, гражданское участие являются

Попова Анна Дмитриевна — доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. E-mail: a.popova@365.rsu.edu.ru.

Popova Anna D. — doctor of historical sciences, professor of the Ryazan State University named after S. Yesenin. E-mail: a.popova@365.rsu.edu.ru.

необходимыми формами движения к правовому государству»¹. Однако механизмы общественного контроля над властью будут работать реально только в том случае, если в общественном сознании закрепятся развитые представления о них. Гражданское общество невозможно без гражданского сознания, структурным элементом которого как раз и являются представления о механизмах контроля над властью.

Эволюция общественного сознания, пожалуй, один из самых сложных моментов развития гражданского общества в нашей стране. Можно согласиться с мнением В.И. Еременко, полагавшего, что «... национальнокультурные особенности российского сознания характеризуются сочетанием, как кажется на первый взгляд, несовместимых требований к политической системе: авторитарное единоначалие главы государства и общенациональное участие в принятии решений; стремление к жесткости в следовании законам и милосердие к отдельным нарушителям закона; требование соблюдать интересы нации и апатия и безразличие к выражению этих интересов. Можно сказать, что именно противоречия национального сознания создают неповторимую специфику культуры парламентаризма в России»². Поэтому для понимания особенностей процесса становления гражданского общества в современной России важно исследовать процесс формирования ментальных установок в обществе относительно механизмов общественного контроля над властными структурами. Как подчеркивает профессор МГУ им. М.В. Ломоносова А.Я. Лившин, «пренебрежение ментальными и настроенческими особенностями населения нередко приводит к тяжелым последствиям для общества и для государства»³.

В мировой общественно-политической мысли представления о механизме контроля общества над властью начали оформляться еще в XVII веке. В трудах английского политика и философа Дж. Локка подчеркивалось, что власть в государстве должна действовать исключительно во благо людей: «Ведь вся власть правительства существует только для блага общества и, поскольку она не должна быть деспотической и произвольной, поскольку она должна осуществляться при помощи установленных и опубликованных законов, так чтобы народ знал свои обязанности и находился в безопасности в пределах закона...»⁴ Соответственно власть в государстве должна находиться под контролем общества. Локком были сформулированы основные идеи осуществления механизма этого контроля: возможность народа в лице избранных представителей влиять на законодательство и разделение властей, ограничивая таким образом возможность произвола и узурпации власти кем-либо, включая монарха. Политическая практика развития Англии после буржуазной революции родила еще один важный механизм ограждения граждан от произвола властных лиц: судебный порядок осуществления полномочий должностных лиц, которые могут ущемить права и свободы людей. Знаменитый Хабеас корпус акт 1679 г. вводил судебный порядок ареста, ограничивая этим даже полномочия короля. В XVIII в. эти идеи были отражены в трудах французского философа Шарля Луи Монтескьё, который подчеркивал роль судебной власти как арбитра в спорных вопросах между властью и гражданином.

Революции конца XVIII в. во Франции и в Америке создали реальный опыт формирования такого контроля. Конституция США 1787 г. и первая

Конституция Франции 1791 г. закрепили принцип разделения властей, что должно было обеспечить механизм сдержек и противовесов — каждая ветвь власти имела право воздействовать на другую, остановив ее поползновение узурпировать власть. Также обе конституции определили механизм ответственности главы государства перед народом.

Французская Конституция 1791 г. не упраздняла монархию, однако полномочия монарха не просто ограничивались представительным органом, но и сам монарх был обязан принять присягу: «Король при своем вступлении на престол или по достижению совершеннолетия приносит в присутствии законодательного корпуса присягу на верность нации и закону, обязуется употреблять всю вверенную ему власть на соблюдение Конституции»⁵. Статья 15 Конституции гласила: «Общество имеет право требовать отчета у каждого должностного лица по вверенной ему части управления»⁶.

Американская конституция установила республиканскую форму правления. Полномочия Президента были ограничены 4-летним сроком. После того как Ф. Рузвельт был избран на пост Президента в третий раз в текст Конституции была внесена XXII поправка, запрещающая занимать пост главы государства более двух сроков. Более того, глава государства, совершивший серьезное правонарушение, несовместимое с занимаемой должностью, мог быть подвергнут импичменту: «Президент, Вице-президент и все гражданские должностные лица Соединенных Штатов могут быть отстранены от должности по импичменту за государственную измену, взяточничество либо за другие серьезные преступления и правонарушения»⁷.

Обе Конституции закрепляли достаточно сильный статус судебной власти, которая была призвана ограничить произвол исполнительной власти по отношению к гражданам. При этом сам механизм формирования судебной власти также предполагал участие народа: важным атрибутом демократического государства становился суд присяжных. Поправка VI Конституции США гласит: «При всех уголовных преследованиях обвиняемый имеет право на безотлагательное и публичное разбирательство дела беспристрастным судом присяжных того штата и округа, в котором преступление совершено»⁸. Суд присяжных является важным гарантом защиты гражданина от произвольного осуждения и назначения необоснованного наказания. То есть формирование механизма общественного контроля напрямую связано с буржуазными революциями, которые привели к установлению парламентаризма в стране.

Особенностью формирования парламентаризма в российской истории является не только то, что наша страна вступила на этот путь значительно позже других европейских стран. Наиболее уникальной чертой истории российского парламентаризма является хронодискретный характер этого процесса: в истории нашей страны отмечаются две вехи, когда началось формирование российского парламента, — начало XX в. во время первой русской революции и во второй половине 1980-х гг., когда в стране началась перестройка. Установившаяся в 1917 г. советская власть отказалась от традиций классического буржуазного парламентского государства и предприняла попытку создать новую уникальную государственно-политическую модель — власть советов. Перестройка, которая

вначале была направлена на оживление этой модели, в конечном итоге привела к возвращению принципов парламентского государства. Конституция 1993 г. оформила классическое разделение власти на три ветви и определила статус парламента, сопоставимый со статусом западных представительных органов. Неслучайно в ряде публикаций по проблеме становления парламентаризма в России проводится сравнительный анализ двух эпох этого процесса ⁹.

При этом изучение становления в общественном сознании представлений о механизмах общественного контроля над властью также требует хронодискретного подхода. Необходимо сопоставить взгляды российского общества на этот предмет начала и конца XX века. Важную роль в этом играет изучение так называемых «писем во власть», то есть обращений людей в органы власти, в которых высказывались соображения и предложения об улучшении государственного строя. Письма людей достаточно ярко отражают настроения и взгляды их авторов, что в совокупности позволяет судить об уровне развития общественного сознания, поэтому они неоднократно привлекали внимание историков ¹⁰. Так, Лившин подчеркивал: «Письмо — это отражение пестрой мозаики повседневности с базисными структурами национальной психологии и культуры» ¹¹. За обе исторические эпохи сохранился достаточно обширный массив писем подобного рода.

Столкнувшись с революционным движением в 1905 г., царское правительство 18 февраля объявило о намерении создать законосоветательный орган, а Именной Высочайший Сенату указ возлагал на Совет Министров обязанность рассмотреть и обобщить все предложения от частных лиц и учреждений, которые поступят по этому вопросу ¹². Данный указ давал возможность обратиться с письмом к власти любому подданному Российской империи. Следует отметить, что сформировался весьма большой пласт подобных обращений, которые писали люди разных сословий, разного уровня образования. Часть из них направлялась в Совецание, которое было образовано при Государственном совете для обсуждения вопроса о государственных преобразованиях (РГИА, ф. 1544), другие — на имя самого императора (РГИА, ф. 1412), после созыва Думы подобные послания присылались непосредственно в саму Думу (РГИА, ф. 1278). Некоторые авторы предлагали обширные работы, в которых с опорой на западный опыт и труды известных философов и политиков содержались развернутые проекты организации парламента в нашей стране, в то же время были и небольшие записки и даже телеграммы.

Еще большую активность проявляли люди в годы перестройки. Линия на гласность и обещания превратить власть в СССР в поистине народную обусловили огромный поток писем, направляемых в газеты, органы власти, а также популярным политическим лидерам, прежде всего Б.Н. Ельцину (ГАРФ. ф. А-644). Граждане высказывали предложения самого различного рода — экономические, политические, социальные. Поводом могло стать что угодно: выступление главы государства по телевизору, отсутствие товара в магазине, проблемы в воспитании детей, коммунальные неурядицы. При этом также налицо разный уровень мышления и образования авторов: присылались как развернутые и весьма грамотно составленные, с точки зрения юридической техники, проекты, так

и сумбурные, эмоциональные, а иногда даже эпатажные предложения. Для исследования отбирались наиболее яркие, образные и в то же время типичные послания.

На формирование общественных взглядов относительно механизмов осуществления контроля народа над властью повлияла ситуация выбора в оба исторических периода, когда страна оказалась перед альтернативой: в начале века — между монархией и республикой, в конце — между классическим парламентским государством и советами. Конечно, в начале века намного сильнее были распространены в обществе монархические взгляды, хотя само по себе наличие монархии не может означать отсутствие у народа возможностей контролировать работу власти. К 1905 г. в Великобритании уже сформировалась классическая конституционная монархия, в которой король царствует, но не правит.

В некоторых письмах начала XX в. демонстрируется осознание того, что парламент — это способ диалога между обществом и властью. Очень образно это высказали в своем послании жители Горбатовского уезда Нижегородской губернии: «...все негодующие и обиженные части Русской империи могли через своих представителей, в собрании себе равных поднять голос о своих нуждах. Вместо бомб и революционеров тогда возможно будет объясниться с помощью слова»¹³. Однако подданные российского царя смотрели чаще на своего монарха именно как на самодержца, а предложение высказывать соображения об улучшении государственного устройства — как на милость царя. Диалог власти и общества через парламент расценивался не как способ контроля народа над властью, а как помощь батюшке-царю со стороны народа в сложном деле управления государством. Достаточно типичными являются высказывания типа: «Государственная Дума, составленная из выборных лиц, а не назначенных должна быть помощницей Самодержавному Государю, и только ею составленные законы и утвержденные Государем обязательны для исполнения»¹⁴ или: «Государь только тогда может творить правду и заботиться о благе своего народа, когда ему известны его нужды и потребности; когда народ имеет возможность изложить свои мнения и желания непосредственно своему Государю»¹⁵.

Более того, некоторые подданные подменяли понятие «право» на «обязанность». В своем письме дворянин Бессарабской губернии Павел Петрович Кузминский распоряжение императора оценил именно как появление у народа новой обязанности: «... высказывать правдивое мнение о нуждах России и предложения о наилучшем их удовлетворении, потому мы должны отдать этому делу все помышления, все силы...»¹⁶ Логично, что в письмах не удалось обнаружить предложений о введении элементов ответственности императора перед народом, таких как принесение клятвы, регулярные отчеты и уж тем более механизм отрешения его от должности.

Предложения о республиканском строе высказывались значительно реже, хотя тоже достаточно экспрессивно, и происходило это уже после того, как Государственная дума начала свою работу. В ее адрес шло достаточно много писем с предложениями и идеями об усовершенствовании государственного строя. Большинство из них также были наполнены верноподданническими чувствами. Однако авторы обращались уже не

к царю, а к депутатам, но при этом, как правило, выражали уверенность в полном их единении: «Господа члены Думы! Вас сам Государь Император признал, что вы лучшие люди страны и обличены полным доверием всего российского народа...»¹⁷ И в то же время в некоторых письмах высказывается мысль о необходимости замены формы правления, то есть установления республиканского строя: «Царская власть — это эмблема произвола, насилия и порабощения и угнетения народов в культурном и экономическом отношении»¹⁸.

В конце XX в. общество также эмоционально обсуждало сложившуюся альтернативу — классический парламентаризм и власть советов. Революция 1917 г. была основана на уникальной политической концепции, сформулированной в трудах В.И. Ленина. Вождь мирового пролетариата считал, что традиционный парламентаризм не обеспечивает власти народа, для него выборы в парламент это всего лишь право «раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавливать народ в парламенте...»¹⁹ Власть народа обеспечивают только советы — органы, которые соединяют исполнительные и законодательные функции, а депутаты выполняют свои обязанности на непрофессиональной основе, не прекращая свою основную профессиональную деятельность. Советская идеология внушала людям, что именно это гарантирует связь депутатов и избравшего их народа, что народ имеет реальную возможность заменить депутата, не оправдавшего доверие.

В реальной жизни советы не стали истинным воплощением власти народа. Можно согласиться со словами профессора МГУ Л.И. Семенниковой, что советской власти никогда не было²⁰. Была власть партийной номенклатуры, реальная возможность влиять на принимаемые решения у народа практически отсутствовала. Перестройка проходила под флагом оживления советов, и в то же время стали вводиться элементы традиционной парламентской демократии: был сделан шаг к разделению властей на три ветви и введен пост Президента страны. Народ неоднозначно оценил это изменение в системе государственных органов. В письмах, которые направлялись политическим лидерам в 1990 г., высказывались противоположные взгляды. Для многих авторов введение поста Президента СССР — это внедрение чуждого политического и государственного элемента, который не совместим с принципами советской власти: «Но зачем в нашей социалистической настроенной стране президентский пост не понятен. Не передав руль руководства Советам строится преграда советской власти. Это явный признак двоевластия, а может и того хуже — президентская единая власть»²¹.

Многие высказывали опасение, что введение поста Президента может привести к узурпации власти и даже к установлению диктатуры. Так, ветеран войны и труда Алексей Герасимович Десенко из Оренбургской области недоумевал: «У меня и моих многочисленных товарищей появилось недоразумение: для чего и кому нужен Президент. Мы пришли к мнению, что президент нужен для четы Горбачёвых и его приближенных... От того, что появится у нас Президент нам лучше не станет. У нас подозрение, что звание Президента Горбачёву нужно, чтобы усилить личную власть, став диктатором»²². Не менее эмоционально письмо работников Кировского завода: «... нам пора кричать “КА_РА_УЛ!” и гото-

виться к жизни в условиях жесточайшей антинародной диктатуры»²³. По мнению противников нового поста главой государства должен оставаться Председатель Верховного Совета СССР.

У тех, кто не возражал против введения поста Президента, были свои вполне обоснованные поводы для возмущения. Как известно, М.С. Горбачёв не был избран всенародным голосованием, а избирался на Съезде народных депутатов, что вполне логично было оценено народом как ущемление права на выбор. Неоднократно в письмах повторяется мысль, подобная той, которую высказал студент Ибрагимов: «Я за президентство, но сейчас я вижу только попытку увеличить власть М.С. Горбачёва. Выборы президента должны быть только прямыми, альтернативными и всеобщими»²⁴.

Это показывает, что выборность должностных лиц оценивалась в общественном сознании как механизм воздействия народа на власть. В то же время анализ писем этого периода выявляет и присутствие в народном сознании представления о необходимости регулярных отчетов со стороны главы государства перед своим народом и даже о его возможной ответственности. Причем, это понимание демонстрируют как сторонники поста Президента, так и приверженцы советского поста Председателя Верховного Совета. Одним из главных инструментов механизма такой ответственности, по мнению авторов писем, является регулярный отчет главы государства перед народом или Съездом народных депутатов. И если жительница Москвы Касаткина использует формулировку: «Во главе государства стоит Президент, который ежегодно выступает с посланием о положении в стране»²⁵, то одессит Трубицын пишет более требовательно: «Выборы Председателя Верховного Совета проводить после его отчета и на альтернативной основе»²⁶. Кроме того, он настаивает на проведение каждые 5 лет референдума о доверии главе государства.

В письмах упоминается и об ответственности народных избранников, а также министров. Тот же Трубицын считал необходимым ввести в Конституцию статью, предусматривающую ежегодную замену 200 депутатов Верховного Совета, чтобы избавляться от бездельников. Жители Пятигорска настаивали на регулярных отчетах народных избранников: «Местные советы ежеквартально обязаны проводить сходы, на которых депутаты должны отчитываться за проделанную работу, намечать перспективы дальнейшего развития. Сход должен иметь право выражать “вотум” недоверия депутату, который не оправдал доверия избирателей»²⁷. Москвич Шильцов говорил о ежегодном отчете перед Съездом народных депутатов не только Председателя Верховного Совета, но и Председателя Совета Министров²⁸. Это же требование указано в одном анонимном письме: «Обязать тов. Рыжкова Н.И. как главу правительства ежемесячно докладывать народу о конкретных результатах экономических изменений в стране»²⁹. Житель Белгорода Деркун допускал, что отчеты министров перед Верховным Советом должны проводиться раз в 5 лет, однако подчеркивал, что итогом может быть решение об отставке министра³⁰.

В качестве механизма ответственности в письмах появляются предложения ввести институт присяги для главы государства и депутатов: «Каждый Президент и депутат при избрании должен давать клятву перед своими избирателями в верном ему служении»³¹. Еще одним элементом

этого механизма называется положение об ограничении сроков замещения поста главы государства. Например, Николай Павлович Черешкин подчеркивал, что Президент в России как и в США должен избираться на 4 года и не более двух сроков подряд³².

Очевидно, что в конце XX в. представления о механизме контроля над властью со стороны общества были более развиты, что вполне логично. Однако было бы неверно утверждать, что в начале XX в. российское общество совсем не считало нужным требовать отчета у власти. И если в 1905—1906 гг. россиянам было еще трудно осознать, что должно и можно контролировать главу государства, то есть монарха, то многие понимали, что общество в лице народных избранников обязано иметь возможность контролировать руководителей высших управленческих органов, то есть министров. В предложениях начала XX в. нередко встречается мысль о необходимости установить порядок систематических отчетов министров перед депутатами Государственной думы. Также встречаются предложения ввести для министров институт импичмента: «Министры привлекаются к следствию и суду или по воле главы государства, или по постановлению Государственной Думы, сделанному большинством тайно подданных голосов... и судятся в уголовном кассационном суде, с участием присяжных заседателей...»³³ В письмах, которые были адресованы депутатам Государственной думы в 1906 г., нередко звучало требование добиться отставки министров, не желающих прислушиваться к мнению народа.

Конечно, логично, что в конце XX в. общественное сознание оказалось более развитым в части понимания необходимости механизмов ответственности власти перед обществом. Если в начале века российскому обывателю было трудно представить, как он требует отчета у батюшки-царя и уж тем более высказывает ему недовольство, то в конце столетия с главы государства были готовы спрашивать в полной мере. В определенной степени этому способствовали 70 лет советской власти, которые могут быть оценены неоднозначно с точки зрения развития демократических механизмов. С одной стороны, реальной власти народа не было, советы были ширмой для власти партийной номенклатуры, но, с другой — советские конституции предусматривали возможность отозвать депутата, который не устраивает избирателей. Формальная сторона деятельности советской власти требовала проведения регулярных собраний, отчетов руководителей учреждений и общественных организаций. Часто они имели показной характер и мало соответствовали настоящей демократии. Однако свою роль в формировании общественного сознания это сыграло. Разговоры о демократии, возрождении принципов советской власти очень быстро породили желание реальной отчетности.

Однако в другом очень важном вопросе общественное сознание конца XX в. не продвинулось вперед, а даже оказалось отброшенным назад. Речь идет о механизмах защиты общества от произвола со стороны власти. В начале XX в. для подданных Российской империи была очевидна роль судебной независимой власти как барьера для произвола. Именно судебный порядок решения конфликтов между государством и гражданином обеспечивает защиту от произвола со стороны власти или со стороны толпы, а участие представителей народа в отправлении правосудия в роли присяжных усиливает силу этого барьера.

Российские поданные демонстрировали понимание этого, неоднократно в своих письмах подчеркивая роль суда как арбитра между властью и человеком, и требовали сделать его более доступным. Например, в развернутом проекте преобразования всего государственного строя подчеркивалось: «Россия страдает от произвола чиновников. Действия администрации должны быть законом определены точно и определенно, как например действия суда, с правом каждому жаловаться на неправильные действия всех чиновников суду, а не начальству чиновников, как теперь. Тогда произвола не будет»³⁴. Поэтому вполне типичным требованием было ликвидировать суд земских начальников, волостные суды, а вместо них возродить мировые суды, упраздненные в эпоху контрреформ Александра III.

Неоднократно в письмах появлялось требование заменить административный порядок наложения взыскания на судебный. Например, это требование содержалось в прошении на имя императора Николая II от совета Макарьевского сельскохозяйственного общества Николаевского уезда Самарской губернии: «Всякого рода административные наказания следует отменить, чтобы каждый отвечал по суду»³⁵. Особенно часто настаивали на судебном порядке наложения взысканий, если речь шла о свободе печати. Именно отмена права администрации закрывать или каким-либо еще образом воздействовать на органы печати, а также передача суду вопросов об ответственности печатных изданий стали одними из самых символических требований свободы в 1905 году. Для ограничения произвола со стороны полиции в письмах встречались предложения подчинить ее земскому и городскому самоуправлению³⁶.

Если говорить о мировоззрении советских людей, то в своих письмах они демонстрируют довольно слабое понимание механизма защиты от произвола. Можно встретить требование не принимать антинародные законы без пояснения, какие нормы права могут считаться антинародными, или принять закон, который не допустил бы к власти диктатора: «Узаконить невозможность возврата к Сталину, Брежневу, Черненко, Алиеву и др.»³⁷ опять же без пояснений, кто и в каком порядке может быть определен как потенциальный диктатор. Кроме того, очевидно явное недопонимание роли суда в качестве барьера возможного произвола, его роли в защите прав и свобод людей и контроле над административной властью.

О судебной власти в письмах советских людей упоминается крайне редко и то чаще в контексте требований усилить ответственность социально чуждых элементов — спекулянтов, тунеядцев, кооператоров. Народ не требует сделать судебную власть более доступной, дать возможность участвовать в отправлении правосудия в роле присяжных. Наоборот, он демонстрирует склонность к насилию и даже к одобрению произвольного насилия, которое готовы повернуть против самой власти. Например, ветераны из города Николаева предлагали ввести в Конституцию статью следующего содержания: «... народу дано право снимать, отстранять, отзываться, переизбирать, отдавать под суд, казнить или помиловать любое должностное лицо на всех этапах государственной или партийной власти»³⁸.

Особенно показательны слова «казнить или помиловать», что лишний раз подчеркивает недопонимание значения судебного порядка от решения от должности. Такая трансформация легко объясняется стату-

сом суда в государственном механизме до революции и после. Судебная реформа 1864 г. заложила основы состязательного и демократического правосудия. Новые суды смогли оказать существенное влияние на умы людей всех сословий. Советская власть сильно принизила судебный порядок разрешения споров и конфликтов, сами суды не были независимыми, круг вопросов, которые могли разрешаться в судебном порядке, был сильно сужен. Более того, советская идеология формировала представление о суде как о карательном органе, который в первую очередь наказывает правонарушителей, а не разрешает споры. Само обращение в суд в общественном сознании приравнивалось к сутяжничеству и осуждалось обществом.

Таким образом, эволюция процесса формирования представлений в российском общественном сознании о механизмах общественного контроля над властью отражает сложный и противоречивый путь становления гражданского сознания у нас в стране. Россия намного позже встала на путь формирования парламентской демократии, и этот путь был не просто сложный, а еще и непоследовательный и хронодискретный по своему характеру. Поэтому вполне логично, что в начале XX в. гражданское сознание было еще в неразвитом состоянии. Патриархальные традиции российского общества тормозили формирование представлений об ответственности власти перед обществом, касаясь на тот период только министров, но не главы государства. Соответствующее представление начало оформляться только в конце XX в. в период перестройки. Однако анализ писем во власть показывает, что в другом вопросе произошел откат назад: советские люди хуже, чем их предки в начале века, понимали суть и механизм защиты общества от произвола и роль суда в этом процессе. В целом гражданское сознание может быть названо находящимся в стадии становления. Постсоветская Россия уже проделала некий путь в развитии демократии, однако общественное сознание не может меняться быстро, на него и сегодня оказывает влияние исторический груз прошлого. Пока достаточно актуальным представляется вывод В. А. Крючкова и В. А. Назарова: «За годы во многом неудачных демократических реформ в сознании населения России сформировался особый комплекс политических установок, включая и специфическое, сопряженное со страхом и пассивностью перед государственной машиной, и во многом — недоверчивое отношение к демократии и к правам человека»³⁹. У нас в стране только начался процесс формирования гражданского общества и развития гражданского сознания, предстоит проделать еще немалый путь в этом направлении. И это невозможно без учета исторического опыта и соответствующих коллизий.

Примечания

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Эволюция ценностей и идей гражданского общества в ментальных установках российского общественного сознания» (№ 18—09—00130\19).

1. ГОСТЕВ А.Н., ДЕМЧЕНКО Т.С. Гражданское общество: контроль над деятельностью государства. М. 2011, с. 74.

2. ЕРЁМЕНКО В.И. Национально-культурные особенности генезиса парламентаризма в России. — Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013, № 4 (54), с. 14.
3. ЛИВШИН А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917—1932. М. 2010, с. 6.
4. ЛОКК Дж. Сочинения в 3-х томах. Т. 3. М. 1988, с. 343.
5. Документы истории Великой французской революции. Т. 1. М. 1990, с. 122.
6. Там же, с. 113.
7. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство. М. 1993, с. 37.
8. Там же, с. 41.
9. СУСЛОВ М.Г. Исторические факторы становления многопартийности в России: сравнительный анализ рубежей веков. — Вестник Пермского университета. 2009, № 4, с. 60—64; ВИЛЬДАНОВ Р.Р. Тенденции развития парламентаризма в дореволюционной и постсоветской России: сравнительный анализ. — Государственное управление. Электронный вестник. 2009, № 18, с. 1—10; ЕРЫГИНА В.И. Либеральная модель парламентаризма в отечественной политико-правовой мысли начала XX века и возможность ее реализации в современной России. — Современное право. 2011, № 3, с. 141—144; ГАМАН-ГОЛОТВИНА О.В. Российский парламентаризм: история и современность. — Вестник РУДН. Серия «Политология». 2007, № 1, с. 5—21.
10. См.: ДАРЕНСКАЯ И.В. «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920—30-е гг. — Вопросы всеобщей истории. 2013, т. 1, с. 31—36; ТИХОМИРОВ А.А. Заслужить, оправдать и вернуть доверие партии: советское «Я» в письмах во власть в ранней советской России. — Новейшая история России. 2017, № 3, с. 138—158; ПОПОВА О.Д. «Правительство живет при коммунизме, а мы в нищете...» мысли и думы советского народа накануне 50-летия Октября. — Уральский исторический вестник. 2017, № 3 (56), с. 127—135.
11. ЛИВШИН А.Я. Ук. соч., с. 16.
12. ПСЗ РИ. Собрание 1881—1913, т. 25, № 25 853.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 145об.
14. Там же, л. 138об.
15. Там же, л. 130об.
16. Там же, л. 184.
17. Там же, ф. 1278, оп. 1, д. 235, л. 11.
18. Там же, д. 236, л. 34об.
19. ЛЕНИН В.И. Государство и революция. ПСС. Т. 33. М. 1969, с. 46.
20. СЕМЕННИКОВА Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М. 2006, с. 492.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. А-664, оп. 1, д. 159, л. 67.
22. Там же, л. 8.
23. Там же, л. 21.
24. Там же, л. 31об.
25. Там же, д. 149, л. 3.
26. Там же, л. 6.
27. Там же, д. 72, л. 21.
28. Там же, д. 149, л. 9.
29. Там же, д. 72, л. 86.
30. Там же, д. 70, л. 7.
31. Там же, д. 78, л. 33.
32. Там же, д. 159, л. 88.
33. РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 263.
34. Там же, л. 323.
35. Там же, ф. 1412, оп. 248, д. 38, л. 3об.
36. Там же, ф. 1544, оп. 1, д. 2, л. 330.
37. ГА РФ, ф. А-664, оп. 1, д. 71, л. 48.
38. Там же, д. 70, л. 31.
39. КРЮЧКОВ В.А., НАЗАРОВ В.А. Особенности современного гражданского общества. — Youth World Politic. 2015, № 2, с. 51.

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201910Statyi02 ББК 63.3(0)6

Проблематика реиндустриализации: подходы к ее изучению в начале XXI в.

Н.Г. Семова

Аннотация. Предпосылки научных дискуссий первого десятилетия XXI в. состояли в следующем: российскую экономику разрушила деиндустриализация, и ее возрождение возможно посредством реиндустриализации. Именно эти процессы должны лечь в основу экономической политики, определяя набор конкретных мероприятий, направленных на восстановление роли и места промышленности в качестве базовой компоненты экономики. В публикации представлены результаты анализа теоретических подходов и методологий исследования процессов реиндустриализации и сопряженного с ними социокультурного пространства. Рассмотрены определения и генезис новой индустриализации. Авторами обосновывается фундаментальная разница смыслов и содержания терминов «реиндустриализация» и «новая индустриализация».

Ключевые слова: реиндустриализация, деиндустриализация, экономика.

Abstract. According to the academic discussions of the early 21st century, the Russian economy was destroyed by deindustrialization, and only industrialization can recover it. These two processes should form the foundation of an economic policy, defining a set of specific activities directed on recovery of industry's role and place as the basic components of economy. This publication provides the results of analyzing theoretical approaches and research methodologies of reindustrialization processes and the associated social-cultural space, considering the definitions and genesis of the new industrialization. The authors explain the fundamental distinction between the meaning and content of the terms "Reindustrialization" and "New Industrialization".

Key words: reindustrialization, deindustrialization, economy.

Структурные изменения, происходящие в отечественной экономике, связанные с восстановлением и расширением промышленного потенциала, техническим и технологическим обновлением производства, актуализируют проблематику, затронутую в данной работе. Предпосылки научных дискуссий первого десятилетия XXI в. состояли в следующем: российскую экономику разрушила деиндустриализация, и возрождение ее возможно посредством реиндустриализации. Именно эти процессы должны определять перечень мероприятий, лежащих в основе экономической политики, нацеленной на восстановление промышленности как базовой компоненты экономики. Стремление «развернуть идею реиндустриализации»

Семова Наталья Геннадьевна — кандидат педагогических наук, доцент Тюменского государственного университета (ТюмГУ). E-mail: semovang@mail.ru.

Semova Natalia G. — candidate of Pedagogy, associate professor at the Tyumen State University. E-mail: semovang@mail.ru.

зации в продуманную промышленную политику»¹, высокую значимость курса на модернизацию для развития России отмечают некоторые политики². Учитывая, что существуют различные подходы к самому пониманию как концепции «новой волны индустриализации», так и собственно «реиндустриализации», цель данной работы — представить результаты анализа научных источников, теоретических подходов и методологии исследования процессов новой индустриализации и сопряженного с ними социокультурного пространства как их ядра. В академических кругах активно идет дискуссия: «Что происходит сегодня с российской экономикой?» Вышло значительное число публикаций, считающих идею реиндустриализации доминирующей в доктрине экономического развития. Среди авторов: Э.Г. Аушев, Д.И. Батманов, Ю.Ш. Капкаев, С.Д. Бодрунов, Р.С. Гринберг, Д.Е. Сорокин, П. Быков, О.В. Глушакова, В.В. Михайлов, Я.Н. Дубенецкий, С.А. Дятлов, А.И. Колганов, А.В. Бузгалин, Е.В. Котов, В. Красильщиков, Е.Б. Ленчук³. Понятия «реиндустриализация» и «новая индустриализация» широко используются многими теоретиками как отражающие динамику экономических систем и пути развития отечественной экономики, в том числе отечественной промышленности, на предстоящий посткризисный период.

Одновременно концепт «реиндустриализации» подвергается критике со стороны других ученых. Так, В.Л. Иноземцев настаивал на избирательном употреблении термина «модернизация». Он подчеркивал, что, хотя в России активно говорили о модернизации, никто не ставил вопроса о локализации производства высокотехнологичной продукции⁴. А. Балашов и Я. Мартьянов сделали фундаментальный вывод о том, что предложенная «сверху» концепция реиндустриализации исходит из наращивания бюджетных расходов, дальнейшего роста в экономике государственного и квазигосударственного секторов, а также нерыночного механизма ценообразования⁵. О. Мамедов привел веские доводы насущности ускоренной модернизации отечественной экономики. Обосновывая свою теоретическую позицию, он опирался на глубочайший анализ профессора Энгельберта Весткемпера из Штутгартского университета, чья монография, посвященная реиндустриализации и новой индустриализации, стала значительным событием в мировой и европейской науке⁶. Главный вывод звучал так: «нам нужна — не реиндустриализация, нам нужна — реэкономизация»⁷.

Актуальные проблемы реиндустриализации и новой индустриализации решаются с применением мультидисциплинарного подхода учеными стран мира, фокусирующими свое внимание на экономических, экологических, политических, технико-технологических, региональных, институциональных и других аспектах⁸. В частности, Фиона Трегенна, одна из лидеров в области исследований по структурным изменениям индустриализации, анализирует различные аспекты ре- и деиндустриализации, выделяя межсекторальные связи, особенности и специфику производственных секторов как первостепенных движущих сил роста экономики⁹.

При анализе животрепещущих проблем международной реиндустриализации, главные акценты делаются на смысловых и содержательных составляющих терминологии новых моделей экономического развития, а также на конкретных экономических и технологических процессах¹⁰.

В частности, в США и Евросоюзе — ведущих центрах мировой реиндустриализации и новой индустриализации — выявляется специфика экономических процессов, которые носят достаточно разнородный характер, выражают специфику региональной (страновой) экономики, особенности воплощения не только самих бизнес-стратегий, но и воздействия институциональных структур, продуктивности работы инвестиционной и финансовой систем, социального и человеческого капитала и их разнообразных модификаций.

После кризиса 2008—2009 гг. во многих западных странах остро встал вопрос поиска новых источников экономического роста. Экономические элиты озадачились проблематикой создания новых рабочих мест, усложнения глобальных цепочек получения добавленной стоимости, усиления конкуренции со стороны развивающихся стран, в первую очередь, в традиционно базовых отраслях и сегментах рынка для развитых экономик. Обнаружилось, что оживление экономики быстрее всего наступило в промышленном секторе, поскольку вложение в промышленность одной денежной единицы приводит к росту ВВП на полторы единицы. Столкнувшись с реальной возможностью будущей долгосрочной стагнации, предприниматели и правительства развитых стран осознали важность стимулирования не только спроса, но и предложения через инвестиции в инфраструктуру, селективную поддержку технологий, отдельных компаний и целых секторов экономики. Промышленный сектор всегда являлся генератором инноваций, их потребителем, стимулом производительности труда, крупным потребителем и каналом реализации различных услуг, с учетом мультипликации добавленной стоимости. Для сохранения и увеличения числа рабочих мест, помощи национальным компаниям (включая прямой протекционизм) в борьбе с иностранными конкурентами элиты развитых стран были готовы к разработке и внедрению новых стратегий, направленных на сбалансирование внутреннего и внешнего спроса, устранение явных диспропорций между отдельными секторами экономики, внедрение новых технологий в передовые отрасли обрабатывающей промышленности. В частности, США, Великобритания, ФРГ, Франция и другие страны Евросоюза по настоящее время пытаются сбалансировать свои национальные экономики, стремясь уйти от чрезмерно разбухших сфер финансовых услуг и недвижимости (иные действия грозят новыми финансовыми пузырями).

подавляющее большинство российских авторов в своих публикациях о реиндустриализации и новой индустриализации признают ее государственную сущность. В течение последних 15—20 лет доля государства в российской экономике значительно возросла: за период 2005—2015 гг. она удвоилась и достигла почти 70% ¹¹. В этой тенденции бюджетная природа реиндустриализации означает «огосударствление экономики» до 100%. Подобного рода достижение уже имело место при советской власти, когда бюджетное стимулирование экономического роста так и не смогло сделать отечественную экономику конкурентоспособной. Сегодня на многоликих региональных уровнях дефицитом стали не только финансовые ресурсы, но и политическая воля и полномочия мезоакторов ¹². Такая модернизация, не имеющая возможности соблюдать эффективный баланс рыночного и государственного влияния, не позволяет вызвать

экономический рост¹³. Тем самым основная проблема — обеспечение в интересах страны оптимальных величин этих пропорций — остается. В настоящее время научную общественность волнуют ответы на «старые вопросы» о том, почему, несмотря на весомую ресурсную базу и по-прежнему высокий уровень управляющих и рабочих кадров, до сих пор так и не произошло значительных позитивных сдвигов в экономическом и промышленном развитии России.

Затяжная стагнация и аккумулируемые негативные тенденции (низкая деловая активность, отток капитала за рубеж, недоверие бизнеса к власти, обескровливание рыночных институтов и др.) делают практически неизбежным сценарий мобилизационного развития¹⁴. Мамедов заключает, что «экономическая суть реиндустриализации — это стимулирование экономического роста за счет государственного бюджета, в целях модернизации устаревших и появления новых отраслей промышленности»¹⁵. Существуют чисто экономические подходы к трактовке концепции «новой волны индустриализации» и/или «реиндустриализации», которые заявляют о необходимости создания института реализации государственной политики восстановления и развития технологий российского машиностроения. Под реиндустриализацией экономики часто подразумевается формулировка «модернизация отечественной промышленности». В более поздних публикациях этих авторов представленная ими научная точка зрения находит все большее подтверждение¹⁶.

Более подробно эту парадигму, включающую анализ фундаментальных теоретических и ключевых эмпирических характеристик концепции как модернизации в целом, так и модернизации экономики в частности, представил академик РАН А.Г. Аганбегян. Он весьма подробно описал «элементарные ловушки» стагнации и рецессии, развенчал «укоренившиеся мифы» модернизации и показал, что важнейшее условие возобновления экономического роста — это единая целенаправленная социально-экономическая политика. Чтобы ее обеспечить на практике, нужно перейти к массовому технологическому обновлению действующих производств, а также к созданию и генерированию новейших мощностей в высокотехнологических и инновационных производствах. Главной причиной приостановки экономического роста Аганбегян считает недофинансирование, что, в свою очередь, ведет в дальнейшем к рецессии и упадку экономики. Промышленный выпуск в 2016 г. разных видов инвестиционного оборудования упал в разы относительно 1990 г.¹⁷ Анализ такой печальной статистики свидетельствует о том, что в буквальном смысле слова уничтожаются и сокращаются целые сектора и сегменты отечественного производства. Превращение в высокоразвитых странах ключевых элементов «новой индустриализации» в основное теоретическое течение (мейнстрим) и в практику экономической политики для России может означать «отставание навсегда» и закрепление в роли мирового сырьевого придатка, а возможно и к потере экономического суверенитета.

Ориентация на новую индустриализацию (или реиндустриализацию) — это стратегический приоритет экономической политики любой высокоразвитой страны. Сюда включается распространение прорывных технологий и инноваций в традиционных и новых секторах промышленности. Эти процессы требуют соответствующей модернизации всего

производственного аппарата и создания новых идеологий и парадигм. В странах Евросоюза установлены ключевые технологические направления, называемые «key enabling technologies»: передовые методы производства, новые материалы, микро- и наноэлектроника, нанотехнологии, фотоника, биотехнология. На их разработку и рыночное внедрение выделено 6 млрд. евро (до 2020 г.), которые стали приоритетным финансированием Европейского инвестиционного банка ¹⁸.

Если в западной экономике реиндустриализация поддерживается инвестициями, то в российской экономике данные процессы продвигаются зачастую при поддержке органов власти за счет бюджетных средств. Данный тезис подтверждают представители реального сектора экономики, в частности агропромышленного комплекса (АПК). Исторически агропромышленный комплекс играет важную роль в экономике Тюменской области, являющейся на сегодняшний день одним из крупнейших производителей сельскохозяйственной продукции на территории Уральского федерального округа. В 2017 г. индекс производства продукции сельского хозяйства вырос до 103,8% и впервые за последние годы превысил среднероссийский уровень — 102,4% ¹⁹. На примере сельскохозяйственной отрасли можно продемонстрировать факторы ускорения технологического развития экономики на базе государственного вмешательства по модернизации производств с использованием принципиально новых технологий, преодоления основных барьеров при решении задач реиндустриализации. Значимость данного отраслевого направления подчеркивается действием государственной программы Тюменской области «Развитие агропромышленного комплекса» на 2013—2020 гг. (используются результаты экспертных интервью, проведенных авторами в 2018 г. Экспертами выступили руководители и специалисты предприятий и организаций, специализирующихся на производстве и переработке сельскохозяйственной продукции).

Целью программы, принятой постановлением Правительства Тюменской области от 30.12.2014 № 699-п1 явилось стремление к росту эффективности и конкурентоспособности агропромышленного производства, а также создание благоприятных социально-экономических условий для устойчивого развития сельских территорий Тюменской области. Особый толчок для развития сельского хозяйства в регионах дало введение экономических санкций в отношении России и сокращение некоторых видов экспортной продукции. Эксперты дают следующие оценки: «... средняя урожайность, продуктивность молочного поголовья, уровень привеса мясного скотоводства отличаются от соседних регионов... Хорошо развито у нас производство, по сравнению, например, с Курганской, Омской, Свердловской областями»; «... сельское хозяйство в Тюменской области на достаточно высоком уровне... Нельзя останавливаться, нельзя в грудь себя бить — “у нас все хорошо”; «... юг Тюменской области занимает 28-е место в стране. Если взять Свердловскую область, то они на 26-ом... Учитывая наши природно-климатические условия, конечно, не так уж и плохо».

На сегодняшний день уровень производства продовольствия и сельскохозяйственного сырья в регионе высоко оценивается экспертами, представляющими органы власти, крупный бизнес и ученых-исследователей.

Реализован ряд крупных инвестиционных проектов, которые обеспечили количественное и качественное развитие сельскохозяйственной отрасли Тюменской области. Среди них: индустриальное рыбноводное хозяйство (с. Сладково), новое предприятие ООО «Хлебокомбинат “Абсолют”» (Тюменский р-н), введенные в 2013 году. В 2016 г. завершена реализация крупного инвестиционного проекта по строительству современного рыбоперерабатывающего производства (Тюменский р-н); введен в эксплуатацию суперсовременный тепличный комплекс ООО «ТюменьАгро». В 2017 г. открыт молочно-товарный комплекс, работающий по передовым технологиям, компании «Дамате» (Голышмановский р-н).

В постановлении Правительства Тюменской области от 10.08.2018 № 308-п ²⁰[81] говорилось: «По большинству продуктов мы себя обеспечиваем достаточно хорошо и, как известно, мы еще кормим соседние регионы»; «Яйцо, мясо курицы, мясо свинины, хлеб, хлебобулочные изделия, вся линейка молочных продуктов у нас в полном изобилии, и даже в большом избытке»; «На сегодняшний день... по тем продуктам, которые производятся на территории Тюменской области, мы себя полностью обеспечиваем, даже с большим избытком. За исключением мяса говядины». Масштабный тепличный комплекс, оснащенный современными производственными мощностями, позволяет обеспечивать население Тюменской области значительной частью овощной продукции и в осенне-зимний период. Обеспеченность хлебом и хлебобулочными изделиями, мясом птицы, яйцом, свининой в экспертных оценках доходит до 100%. Несмотря на открытие новых предприятий по разведению рыбы, производству рыбной продукции, развитие сыроделия, данные продукты остаются в категории «потенциального развития». Рынок насыщается за счет ввозимой продукции, «тем более, сегодня логистика нашего региона позволяет привезти в любое место все что угодно». Дополнительные меры необходимы для увеличения поголовья КРС (крупного рогатого скота), производства говядины и продуктов из нее. Это подчеркивается экспертами всех представительных групп (власть, бизнес, наука): «... У нас недостаточно мяса крупного рогатого скота»; «... Мясо КРС в дефиците... но я в этом вижу нишу, не только в производстве сырья, но и в переработке». Данный вопрос актуален не только для Тюменской области, но и для других регионов: «...Здесь основной показатель для всех — и для России, и для Тюменской области — это мясо, мясопродукты крупного рогатого скота, говядина»; «... Думаю, что это общие проблемы для всей страны — производство молочной продукции и поголовье крупно-рогатого скота».

Объем производственной сельскохозяйственной продукции и продуктов питания стратегически значим, поскольку позволяет обеспечить продовольственную безопасность населения региона: «... В разрезе Тюменского района при норме потребления 120 килограмм картофеля мы производим 360 килограмм. Все овощи — 125 (называю в килограммах), произведено 328, в том числе закрытого грунта. По молоку 392 — норма потребления, мы 390 производим. Мясо птицы при норме 80 мы производим 397... По яйцу: 243 яйца на человека в год — мы производим 12 190». Локомотивом роста производства сельхозпродукции являются модернизация техники и оборудования, внедрение современных техно-

логий в производственные процессы, поддерживаемый в регионе уровень инвестиций. Это подчеркивается экспертами — представителями органов власти: «Мы практически полностью провели реконструкцию всех животноводческих помещений, заменили доильное и холодильное оборудование; построено 5 сушильно-сортировальных комплексов. На 40% обновилась материальная база (трактора и комбайны)». Производители высоко оценивают государственную поддержку: «...Модернизация отрасли произошла. Поддержка субсидиями была достаточно неплохой, денежные средства действительно выделялись, и даже с льготными условиями. Существенно обновлен машинно-тракторный парк в сельском хозяйстве, очень много импортной техники, много обновлено молочных комплексов, поголовья, КРС...»; «... Государство развивает сельское хозяйство, идет поддержка малых форм, а именно КФХ, ИП... Реально пошла тенденция (поддержки с/х. — *Н.С.*), наверное, с 2015 года, 2014—2015 годы, когда начались все санкции, начали закрывать поступления из-за границы». При этом приходится вновь акцентировать внимание на том, что часто инициативы совершенствования и их ресурсное обеспечение осуществляются со стороны государства и руководства регионом. Нередко в экспертных суждениях представителей органов власти звучат высказывания, подтверждающие данное утверждение. Например, «... сельскохозяйственное производство на сегодняшний день очень высокое в Тюменской области благодаря господдержке и той политике, которая ведется по отношению к сельхозтоваропроизводителям» или: «...Одна из задач — внедрение в сельскохозяйственное производство всех инновационных технологий, которые на сегодняшний день, ну, будем так говорить, нарабатываются. И мы пытаемся, как бы вот, рекомендовать их применять на данных сельскохозяйственных предприятиях».

Большое значение для многовекторного развития агропромышленного комплекса имеет поддержание среды благоприятствования для мелкого и среднего бизнеса и различных форм сельхозкооперации. В данном случае речь идет не только о финансировании проектов и льготах кредитования, которые очень значимы для предпринимателей, но и о развитии бизнес-инфраструктуры, консалтинге и профессиональном обучении. Все эти факторы в совокупности обеспечивают рост предпринимательского сектора, увеличение объема выпуска продукции и позволяют ставить задачи дальнейшего наращивания оборотов: «... Построили ферму, завезли скот. Сейчас команда есть, корма знаю откуда брать, скот растет... Разобрались с технологическими процессами. Нам сейчас только объемы наращивать надо»; «... Большой скачок, я скажу... Вот ферму построили, дороги нам сделали за счет местного бюджета. Самим бы нам не потянуть никак. Не брошены мы»; «... Малые формы хозяйствования — это развитие сельских территорий». При этом далеко не все суждения мелких сельхозпроизводителей и глав крестьянско-фермерских хозяйств оптимистичны, и они чаще отличаются от оценок экспертов других категорий: «... Развитие — это когда что-то обновляется, строится, идет вперед, какой-то прогресс. У нас, по крайней мере за последнее время, я этого развития не ощущаю»; «... По-честному, развитие сельскохозяйственного производства в нашем регионе плохое». Ответы различаются не только по группам экспертов, но и в зависимости от территории (муни-

ципального района), где работает эксперт: «... Где-то имеется советского еще производства, советского образца оборудование»; «В нашем поселке развития никакого нет. Нет производства. В соседнем поселке ситуация получше, там построили молочные фермы»; «... Поддерживаются только эти мегафермы, наше руководство упустило развитие средних и малых форм хозяйства». Данные различия указывают на неравномерность отраслевого развития как по сегментам мелкий-крупный бизнес, так и территориально. Таким образом, несмотря на крупные вложения в сельскохозяйственную отрасль, их результативность и положительная отдача наблюдаются не везде: «... У начальства все хорошо, удои растут. Как совещание, ни одного крестьянина никто не позовет. А потом в газете читаю: все хорошо. У нас нет (с властью) общения»; «... на власть не так просто выйти, не допускают»; «... хоть у нас и есть железная дорога, но это никак сельскому хозяйству не помогает». Иногда предприниматели пытаются просто выжить, выбираясь из сложной ситуации. Это противоречие актуализирует задачи разработки новых и сохранения существующих механизмов поддержки не крупного бизнеса и крестьянских (фермерских) хозяйств на фоне современного финансового и налогового ужесточения работы с предпринимательским сообществом, усиления индивидуализации производства и снижения его серийности. Действительно, недостаточная обеспеченность материально-техническими ресурсами, низкие производительность производства и окупаемость, как правило, характерны для мелких форм хозяйствования. И говорить о решении задач модернизации и использования новейших технологий, обеспечивающих производство в соответствии с предъявляемыми к качеству продовольственной продукции требованиями, затруднительно. По оценкам эксперта, представляющего бизнес, «под все эти требования нужны колоссальные инвестиции. Крупные производители смогут позволить себе эти инвестиции, средние предприятия, разделив риски, наверно, смогут это сделать, мелкий бизнес вообще не осилит эти инвестиции, они будут неподъемными». Ограниченность мелкомасштабного производства возможно частично решить с помощью налаживания эффективных форм кооперации в сельскохозяйственном производстве. Некоторые структуры уже апробированы и действуют: «... Внутри нашего уже подразделения выращиваются животные или осуществляется закуп в ЛПХ; внутри нашего холдинга идет переработка мясной продукции и свои же фирменные магазины. Контроль качества продукции идет на всех этапах, то есть мы этим можем управлять...» Какие-то формы взаимодействия остаются пока в проектах и высказываются экспертами в виде предложений. Например, для производства рыбы, при котором с соблюдением технологических требований мелкими предприятиями возникают большие сложности, предлагается следующее. Предприятие базовое занимается выведением качественного посадочного материала (мальков), «раздают эту продукцию малым, маленьким предприятиям... и потом эта продукция снова опять возвращается на базовое предприятие» для переработки с соблюдением всех санитарно-гигиенических и технологических норм.

В целом представители органов власти, оценивая внутриотраслевые барьеры и трудности, с которыми сталкиваются местные производители продовольствия и сельскохозяйственного сырья, выделяют ряд эконо-

мических и социальных проблем. Среди основных сложностей называются «диспаритет цен и низкие закупочные цены на продукцию». Так, «основная проблема в молочном животноводстве — это низкая цена за произведенное молоко, которую платят переработчики. С марта месяца стоимость 1 литра молока, закупаемого переработчиками, упала более чем на 3 рубля. Затраты растут... стоимость конечного продукта на прилавках не увеличивается»; «... Есть проблемы у каждого предпринимателя и бизнесмена, связанные с нестабильным уровнем цен на реализацию продукции сельскохозяйственного производства». Специфика отрасли — высокие производственные затраты и «непомерно высокие тарифы на электроэнергию, дизтопливо и газ» — усиливает проблему низкой рентабельности и часто требует регулирования со стороны правительства: «Цены каждую весну, перед проведением весенних полевых работ, резко вырастают, минимум на 10%...» Сезонность работ также накладывает свой негативный отпечаток. В периоды посевной и уборочной страды сельскохозяйственным предприятиям очень сложно обеспечить себя оборотными средствами: «... Глобальная проблема — отсутствие оборотных средств у сельхозтоваропроизводителей. То есть не хватает денег... на то, чтобы успешно провести посевную кампанию. И потом на выгодных условиях продать свою продукцию».

На этапе производства проблемы сельскохозяйственного бизнеса, к сожалению, не заканчиваются. Отсутствие гарантированного рынка сбыта может поставить под угрозу и большой урожай, и значительные удои молока. «Для географического положения и транспортной логистики нашего региона очень серьезная проблема — где продавать, кому продавать, за сколько продавать». Рынок «очень сильно, очень быстро меняется» по уровню конкуренции с привозной продукцией, уровню технологического развития (требования к упаковке, маркировке, сортности и т.д.), развитию торговых форматов. И вновь поднимается вопрос о возможности поддержки: «... малые предприятия, которые не могут войти в торговые сети, полагают, что нужны усилия правительства...»; «... сложное взаимодействие с федеральными сетями. Я знаю, что сейчас есть программа, в которой идут переговоры о вхождении местных производителей. Но как договорятся, и какой будет результат? Федеральные, региональные сети — с ними тяжело...» Значимой проблемой для современного села является недостаток квалифицированных кадров, в том числе низкий уровень подготовки фермеров по части ведения бизнеса: «... множество сложностей: в первую очередь правовых, в части ведения бухгалтерии, оформления документов предприятия... документов по охране труда, пожарному надзору, по сертификации». Особенно трудно молодым и начинающим фермерам выполнить все существующие требования как физически, так и финансово: «... Простым людям обеспечить полный набор документов, своевременных исследований, контроль за качеством продукции в полном объеме сегодня непросто. Это не бесплатно и стоит денег».

Оценки производителей совпадают с мнением представителей органов власти. Низкие закупочные цены и отсутствие гарантированной системы сбыта продукции ограничивают развитие сельскохозяйственных предприятий, особенно мелких. Несмотря на государственную под-

держку и субсидирование производства, сельхозтоваропроизводитель не справляется с растущими ценами на ГСМ, запчасти и технику. Кроме того, выделена еще одна проблема — высокие цены на ветеринарные услуги, точнее услуги по ветеринарно-лабораторному исследованию: «... Ветеринарные услуги очень сильно выросли в цене... трехлитровая банка восемь тысяч вышла. И делается он очень долго. Допустим, я сегодня отдаю, а готов он только через 10 дней. Извините, у меня это — скоропортящийся продукт!» При жесткой системе требований к этим процедурам, закрепленным законодательно, на сегодняшний день это становится еще одной ощутимо затратной статьёй расходов фермеров.

При всем прочем сельское хозяйство является производственной зоной с высокими предпринимательскими рисками: «... Нет прозрачности. Ты можешь вложить 5—6 миллионов рублей, но не понимаешь, когда и как ты все это вырастишь. У тебя нет конкретной картинки, через полтора года куда ты это будешь сбывать. Благо сейчас есть поддержка государства. ... На самом деле многие интересуются (сельскохозяйственным бизнесом). Но у всех страх, непонимание: кто и как все это будет делать. Не верят люди пока еще, не верят». Риски обусловлены не только непредсказуемостью сибирской погоды, но в первую очередь экономическими факторами — невысокой рентабельностью производства: «... Мы нерентабельны. Солярка — 40, а молоко 15. У меня миниферма, и я мог бы держать много коров, но из-за этого не держу. Какой мне смысл? Раньше крестьяне кормили на 60%, сейчас только 40%. С этой политикой скоро только 20% останется». Отсюда — высокие ожидания сельхозпроизводителей поддержки со стороны государства («... Чтобы эту цену удерживать, нужно субсидирование. Но и эта субсидия не покрывает понесенные затраты»), в том числе, относительно выделения средств на обновление основных фондов, на капитальный ремонт сооружений. Рассуждая об отсутствии квалифицированных кадров, эксперты предпринимательского сообщества отмечают не только недостаточную профессиональную подготовку, но и низкую мотивацию работающих специалистов: «... Самое главное, что кадровый голод на всех территориях сельских есть... Люди не готовы работать и идти на предприятие». Если экономическую заинтересованность работников предприниматели могут стимулировать самостоятельно, то проблемы привлекательности сельскохозяйственного труда и проживания на сельской территории не будут решены, пока развитие социальной инфраструктуры будет отставать от современного уровня. Это та задача, которая требует всеобщего внимания на уровне производственного, технологического и инновационного развития АПК.

Эксперты — жители мелких поселений — отмечают: «... У нас на сегодня инфраструктура сельской местности... середина XX века: дороги не благоустроены, газификации нет. Культурно-массовых мероприятий катастрофически мало проводится, точнее нет. Клубы пустые почти, нет работников», «интернета нет». Безусловно, сейчас много государственных и частных инвестиций направляется на социальное развитие сельских поселений, в том числе привлечение и поддержку молодых специалистов. Но стоит задуматься, сколько ресурсов смогли бы сэкономить, если бы не позволили развалиться множеству сел в перестроечный период: «... Мы... не смогли закрепить молодежь на селе. ... Можно сказать,

это — системная ошибка. Потому что мы упустили тот момент, когда нужно было сделать сельские территории привлекательными для молодежи».

Таким образом, развитие сельского хозяйства на юге Тюменской области тормозится рядом значимых проблем. Самая главная из них — социокультурное развитие села, и отсюда кадровый голод. Вторая по значимости проблема — низкая эффективность производства. Региональные власти осуществляют различные формы поддержки производителя, но формы и методы этой поддержки таковы, что выживают отнюдь не самые эффективные. Себестоимость сельскохозяйственной продукции не всегда конкурентоспособна. Кроме внутренних проблем, существенно влияние внешних: плохого развития бизнесинфраструктуры, новых форм интеграции научных, сельскохозяйственных и промышленных структур, неконкурентные механизмы ценообразования в смежных областях (вет. контроль, сбыт и др.). Достижение целей развития сельскохозяйственной отрасли, в том числе заявленных в государственной программе Тюменской области «Развитие агропромышленного комплекса на 2013—2020 годы», будет достигнуто при условии дальнейшей технической модернизации агропромышленного комплекса, развития отраслей АПК, обеспечивающих импортозамещение основных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, на основе новейших технологий и стимулирования частных инвестиций. Реализация этих задач, в свою очередь, зависит от повышения уровня рентабельности производства сельхозпродукции и снижения ее себестоимости, позитивного мотивирования предпринимателей путем поддержки малых форм хозяйствования (личных подсобных хозяйств граждан, крестьянских (фермерских) хозяйств, сельскохозяйственных потребительских кооперативов), а также повышения уровня и качества жизни населения.

Обращаясь к работам директора Института экономики Российской академии наук Е. Б. Ленчук и других членов этого высокопрофессионального научного коллектива, уточняем, что базовый термин «новая индустриализация» экономики первоначально употреблялся в кавычках. Это может говорить как о некоей ментальной ассоциации, связанной с лозунговой пропагандой советского времени (типа «план — это закон, его выполнение — честь»), так и о некоторой неопределенности этого понятия. Указывалось, что общественное внимание к проблематике промышленной политики сначала было в некоторой степени как бы «запретной темой», связанной с тем, что в официальной академической экономической науке «новая индустриализация» означала объективную необходимость для России и многих ее регионов остановить уже ярко выраженные тенденции примитивизации структуры экономики²¹. «Учитывая масштабные процессы примитивизации структуры экономики, деиндустриализации промышленности, произошедшей в ходе рыночных трансформаций в последние два десятилетия, Россия должна в первую очередь обеспечить восстановление отраслей промышленности традиционных укладов на новой технологической основе, то есть речь идет именно об реиндустриализации»²².

Но принимаемые меры по ментально-концептуальному изменению парадигмальной ситуации оказались недостаточными: нужно было сде-

лать научное усилие для серьезного структурного и понятийно-концептуального разворота от «реиндустриализации» к «новой индустриализации» (в кавычках), к развитию промышленных, прежде всего технологически емких секторов экономики. В более поздних по времени работах научного коллектива Института экономики РАН понятие «новая индустриализация» стало употребляться уже без кавычек²³. Но остался абсолютно неясным вопрос о приоритетах промышленного развития, которые могли бы стать точками роста и запускающим механизмом для ускорения развития отечественной экономики на базе собственных воспроизводственных цепочек. К настоящему времени на практике создания механизма содействия структурным преобразованиям в рамках формирования осмысленной промышленной политики и выбора приоритетов промышленного роста пока не получилось. Горький опыт последних десятилетий показал, что попытки сформировать российскую инновационную систему без опоры на реальный сектор экономики сделали такую систему нежизнеспособной. Хотя с точки зрения здравого смысла очевидно, что именно техноёмкие отрасли и есть главные потребители инноваций.

В российских научных кругах разгорелись и другие дискуссии: правилен ли вообще концепт именно «реиндустриализации», предложенный академиком Евгением Примаковым; может быть, нужны более точные термины? Поскольку в отечественной экономической политике целевые установки власти за последние десятилетия терминологически видоизменялись («модернизация», «переход на инновационный путь развития», «реиндустриализация», «новая индустриализация» и т.д.), отметим, на наш взгляд, очень сильное высказывание Е.Н. Корепанова о том, что все это (сравнение терминов) было «несодержательным» по существу. Так называемые «реформы на словах» на деле приводили лишь к уничтожению российской промышленности²⁴. В качестве главного вывода из этих научных дискуссий отметим следующее. «Ставшая модной идея реиндустриализации ведет к консервации особенностей исторического и экономического пути развития российской экономики», и потому лишь «придает технократическое содержание предстоящим преобразованиям»²⁵. Другими словами, концепция реиндустриализации на самом деле консервирует многие архаичные подходы и, скорее всего, концептуально определяет вектор, противоположный «новой индустриализации». Термин «новая индустриализация» по сути является интегрирующим понятием, включающим в себя и реиндустриализацию (как восстановление традиционных отраслей промышленности на основе современной материально-технической базы), и неоиндустриализацию (как важнейшее принципиальное технологическое обновление промышленности).

В России отсутствовал ключевой момент, характерный особенно для высокоразвитых стран, когда новая индустриализация принимает черты опережающего развития в части новых технологий. Наряду с процессом снятия кавычек с термина «новая индустриализация» появились попытки возвращения к теории и практике инноваций, а также к анализу ошибок реализации инновационной модели развития в России²⁶. В теоретико-методологическом плане новая индустриализация рассматривается в разрезе стандартных научных аспектов: макро-, мезо- и микроэкономического, институционального, функционального, структурного,

технологического, ресурсного, регионального, социокультурного. Среди многих ученых продолжаются дискуссии по поводу выбора структурных приоритетов новой промышленной политики и реиндустриализации в России. Так, В.В. Ивантер и Н.И. Комков выдвинули идею, что неоиндустриализацию следует начинать с военно-промышленного комплекса, который с мультипликационным эффектом «потянет за собой все остальное»²⁷. Другая точка зрения на отраслевые приоритеты новой волны индустриализации российской экономики принадлежит члену-корреспонденту РАН В. Цветкову. Он анализирует топливно-энергетический комплекс России, афористично утверждая, что «нет устарелых производств, а есть устарелые способы производства (технологии)»²⁸. В качестве наиболее прорывных отраслей Цветков рассматривает добывающую промышленность топливно-энергетического комплекса, национальную инфраструктуру (транспортную, телекоммуникационную, энергетическую отрасли). По его мнению, эти отрасли обладают внешней конкурентоспособностью, необходимыми и достаточными условиями для долгосрочной трансформации с высоким кумулятивно-синергетическим эффектом, что позволит им служить мощнейшими локомотивами внедрения инноваций. В то же время вследствие значительного сокращения финансирования фундаментальных и прикладных исследований, по его мнению, будет продолжаться дальнейшая деградация и упрощение производственной базы, порождая серьезные проблемы на уровне регионов и предприятий²⁹. Свою точку зрения по отраслевым аспектам новой индустриализации, близкую к вышеизложенной, высказал Иноземцев. Добыча полезных ископаемых — это сектор с высокими технологическими стандартами. Для примера: энергетические компании всего мира вкладывают в новейшие технологии от 4 до 7% совокупной прибыли, а это десятки миллиардов долларов. По мнению Иноземцева, сырьевая экономика способна предъявить основной платежеспособный спрос на новые технологии и оборудование, то есть стать локомотивом народного хозяйства в России.

Идея перехода от сырьевой экономики к инновационной соответствует логике современного экономического прогресса. Но она имеет изъяны: в крупных странах мира такого рода переход предполагал наличие «промежуточного звена»: развитой промышленности, ориентированной на конечный спрос, конкурентоспособной на мировом рынке, чего у России нет. Чтобы инновации обогащали народ России, а не ее «партнеров», отечественная экономика сама по себе должна предъявлять на них спрос, чего опять-таки нет. Наконец, любая смена технологического уклада всегда чревата серьезными кризисами. В своих работах более позднего времени Иноземцев скептически оценивает основания, возможности и перспективы российской модернизации — независимо от того, какую бы отрасль ни сделали приоритетной или «опорной», исходя из разработанного и обоснованного им нового концепта «несовременной страны», в которой нет ни экономических, ни политических интересантов (потенциальных бенефициаров) модернизации³⁰. По его мнению, модернизации оказывались успешными только тогда, когда они ориентировались на встраивание в глобальную экономику на уровне развивающихся стран. Именно это и становилось — как с экономической, так и с социальной

точек зрения — важнейшей гарантией того, что модернизации сделали бы общества, решившиеся на преобразования, более современными.

В планы российской элиты модернизация не входит не только потому, что может поставить под сомнение роль сырьевого сектора, но и потому, что ее следствием окажется рост конкуренции в промышленности в целом. Этим же было обусловлено и ее скептическое отношение к иностранным инвестициям в индустриальный сектор. Хотя в ряде ориентированных на потребительский рынок отраслей необходимые стандарты качества производства обеспечены в 2000-е гг., в настоящее время (2018 г.) инвестиционный приток в страну практически остановился. Во всем мире в последние десятилетия передовыми и наиболее востребованными стали отрасли, производящие такую продукцию, себестоимость которой устойчиво снижается, а рыночная успешность обуславливается не столько массовостью выпуска одинаковых (и примитивных) товаров, сколько способностью заполнить относительно узкие сегменты рынка самыми разнообразными видами одного и того же продукта. Российская промышленность, к сожалению, не является конкурентом высокоразвитым странам, производителям новых продуктов и услуг.

По мнению Иноземцева, в России главным условием «успешности» стало скорее повышение издержек (фактически все товары и услуги постоянно растут в цене, и чем более монополизирована отрасль, тем это происходит сильнее и быстрее), что означает на самом деле поступательное снижение эффективности, а не ее рост, который как раз и является воплощением теории и практики модернизации³¹. Ясно, что для проведения новой индустриализации как амбициозного проекта реально необходим высокотехнологичный базис российской промышленности. С теоретической точки зрения любого направления, приоритетом должно стать возрождение диверсифицированного отечественного высокотехнологичного машиностроения, которое смогло бы обеспечить конечный конкурентный спрос как внутри России, так и за рубежом. На сегодняшний день, наблюдаемая динамика российской промышленности несколько не впечатляет.

По оценкам В. Миронова, ведущего специалиста Центра развития Национального исследовательского университета Высшей школы экономики, полученным на основе первичных данных Росстата, динамика высокотехнологичных видов экономической деятельности в сфере обрабатывающей промышленности в первом квартале 2017 г. составила 0,0% относительно того же прошлогоднего периода, во втором квартале — минус 1,7%, в третьем — минус 1,6%. За январь-сентябрь 2017 г. высокотехнологичные обрабатывающие производства сократили выпуск в целом на 1,2% относительно того же периода прошлого года. Рассматривая тематику факторов конкурентоспособности России в сфере инноваций и технологического развития, Миронов отмечает, что многие важные индикаторы за последние десять лет изменились в лучшую сторону крайне несущественно. Это относится к качеству работы научных учреждений, к затратам на науку и НИОКР, по объему которых относительно ВВП Россия занимает стабильно низкое место. По индикаторам доступности научных работников и возможности для инноваций за прошедшие десять лет позиции России в рейтинге заметно ухудшились. Это неудивительно на фоне

«утечки мозгов» и отсутствия роста спроса на инновации со стороны государственных компаний, которые, в свою очередь, получают всестороннюю государственную поддержку и находятся в предпочтительном положении относительно частных компаний с точки зрения лоббирования своих интересов. Инновационная активность государственных компаний зачастую направлена на вчерашний или, в лучшем случае, сегодняшний день, а не на перспективу, не на создание или освоение абсолютно новых секторов, что так необходимо для развития российской экономики.

Концепты реиндустриализации и новой индустриализации являются приоритетными ментальными моделями для многих теоретиков, отражающих динамику экономических систем и пути развития отечественной экономики. Другие же исследователи отмечают, что следует избирательно употреблять данные термины, а также выносят критические суждения о необходимости продолжения рыночных реформ и сокращения государственного сектора экономики в целях эффективного решения задач реиндустриализации. Тем не менее, все ученые для анализа проблематики используют мультидисциплинарный подход, охватывая вниманием разные стороны социально-экономического развития и уровни макро-, мезо- и микроакторов. Таким образом, говоря о неоиндустриализации (новой индустриализации) и реиндустриализации, необходимо понимать фундаментальную разницу смыслов и содержаний обозначенных терминов и процессов, происходящих в высокоразвитых странах и в России. Реиндустриализация как восстановление промышленной базы на новой технологической основе внесена в повестку дня после мирового кризиса 2008—2009 гг., когда практика показала, что прирост экономики быстрее обеспечивается путем стимулирования предложения, прежде всего, в промышленном секторе. Новые стратегии развития предусматривали достижение сбалансированности между отдельными секторами экономики и снижение зависимости от финансового сектора, модернизацию оборудования и внедрение новых технологий в приоритетные отрасли промышленности. Для отечественной экономики одной из основных проблем является отсутствие эффективного баланса рыночного и государственного секторов экономики, что не позволяет обеспечить достаточный долговременный рост. При этом важнейшее условие возобновления экономического роста — это единая целенаправленная социально-экономическая политика. В первую очередь следует обеспечить восстановление отраслей промышленности традиционных укладов на новой технологической основе, и далее — развитие промышленных, технологически емких новых секторов экономики, определив курс на «новую индустриализацию» в качестве стратегического. При этом вопрос о выборе структурных приоритетов новой промышленной политики и реиндустриализации остается дискуссионным.

Примечания

1. ПРИМАКОВ Е.М. Реиндустриализация или постиндустриализация. — Российская газета. 2012, № 5679 (6).

2. ЕГО ЖЕ. Реиндустриализация или постиндустриализация. — Прямые инвестиции. 2012, № 3 (119), с. 3; Путин провозгласил курс на новую индустриализацию. — Ведомости. 2011. 11 мая; Реиндустриализация или постиндустриализация — что нужно России? — Время и деньги. 2016. 3 января. www.e-vid.ru/en/node/40461.
3. АУШЕВ Э.Г. Реиндустриализация российской экономики как необходимость для выхода из экономического кризиса. — Символ науки. 2016, № 4, с. 22—24; БАТМАНОВ Д.И. Проблемы деиндустриализации и реиндустриализации в российской экономике. — Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. 2017, № 2 (398), вып. 56, с. 58—64; БОДРУНОВ С.Д. Что делать? Императивы, возможности и проблемы реиндустриализации. — Аналитический вестник Совета Федерации. 2013, № 9 (503), с. 8—25; ГЛУШАКОВА О.В. Реиндустриализация и новая экономика — есть ли у России шанс добиться успеха? — Финансы и кредит. 2017, т. 23, вып. 1, с. 19—37; ДУБЕНЕЦКИЙ Я.Н. Реиндустриализация: практические шаги. — Мир новой экономики. 2014, № 2, с. 13—20; ИНОЗЕМЦЕВ В.Л. Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI в. М. 2010; КОЛГАНОВ А.И. Реиндустриализация как ностальгия? — Социологические исследования. 2014, № 3, с. 120—130; КОТОВ Е.В. Реиндустриализация экономики в условиях формирующейся государственности. — Журнал экономической теории. 2017, № 3, с. 65—74; КРАСИЛЬЩИКОВ В. Деиндустриализация, реиндустриализация и развитие. — Мировая экономика и международные отношения. 2016, т. 60, № 8, с. 34—43; ЛЬВОВА М.И. Реиндустриализация и импортозамещение: общее и особенное. — Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018, т. 7, № 2 (23), с. 203—206.
4. БЕЛЛ Д. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. М. 2007; ИНОЗЕМЦЕВ В.Л. Экономика здравого смысла. М. 2009; ЕГО ЖЕ. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. М. 2018; Институциональная среда «новой индустриализации» экономики России: сборник. М. 2014; КОЛГАНОВ А.И. Реиндустриализация как ностальгия? — Социологические исследования. 2014, № 1, с. 80—94; МАУ В. Между модернизацией и застоём: экономическая политика 2012 года. — Вопросы экономики. 2013, № 2, с. 4—23; РОМАНОВА О.А. Реиндустриализация как определяющая тенденция экономического развития промышленных территорий. — Фундаментальные исследования. 2014, № 6. с. 151—155; СИЛЛАСТЕ Г.Г. Социальная структура занятых в реальном секторе экономики как основа социального потенциала реиндустриализации. — Гуманитарий Юга России. 2017, т. 6, № 4, с. 54—62; СУХАРЕВ О.С. Реиндустриализация России: возможности и ограничения. — Экономист. 2013, № 3, с. 6—12; ХУБИЕВ К. Неиндустриальная модернизация и альтернативные подходы к ней. — Экономист. 2013, № 4, с. 27—32; ЮДИНА Т.Н. Деиндустриализация и новая индустриализация (реиндустриализация): Россия и Китай. — Теоретическая экономика. 2015, № 1, с. 76—78; ЯДОВ В.А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества. — Мир России. Социология. Этнология. 2010, т. 19, вып. 3, с. 46—56; INOZEMTSEV V. Democracy versus Modernization. A Dilemma for Russia and for the World. L.-N.Y. 2013
5. БАЛАШОВ А. Реиндустриализация российской экономики и развитие оборонно-промышленного комплекса. — Вопросы экономики. 2015, № 9, с. 31—44.
6. WESTKAMPER E. Towards the Re-Industrialization of Europe (A Concept for Manufacturing for 2030). Berlin-Heidelberg. 2014.
7. МАМЕДОВ О. Нам нужна не реиндустриализация, нам нужна — реэкономизация! — Terra economicus. 2016, т. 14, № 4, с. 6—13.
8. AYRES R.U., AYRES L. (eds.). A Handbook of Industrial Ecology. Edward Elgar Publishing. 2002; FINGER M., KUNNEKE R.W. (eds.). International Handbook of Network Industries: The Liberalization of Infrastructure. 2011; REINERT E.S., GHOSH J., KATTEL R. Handbook of Alternative Theories of Economic Development. Edward Elgar Publishing Limited. 2016.
9. TREGENNA F., GHOSH J., KATTEL R., REINERT E. (eds.). Deindustrialisation and Premature Deindustrialization. In: Elgar Handbook of Alternative Theories of Economic Development, 2016, p. 710—728; TREGENNA F., WEISS J., TRIBE M. (ed.). Deindustrialisation: An Issue for Both Developed and Developing Countries. In: Handbook on Industry and Development. 2016, p. 97—115. Routledge; ПАХОМОВА Н.В. Инклюзивный устойчивый рост: приоритеты, индикаторы, международный опыт, потенциал согласования с моделью реиндустриализации. — Проблемы современной экономики. 2014, № 3 (51), с. 15—24.

10. КОНДРАТЬЕВ В. Решоринг как форма реиндустриализации. — *Мировая экономика и международные отношения*. 2017, т. 61, № 9, с. 54—65; ПОБЫВАЕВ С.А. Реиндустриализация в США и ЕС. — *Мир новой экономики*. 2015, № 2, с. 29—36; ТОЛКАЧЁВ С.А. Реиндустриализация в США: канун неоиндустриального уклада? — *Экономист*. 2014, № 10, с. 54—69; ЕГО ЖЕ. Парадоксы американской реиндустриализации. — *Аврора*. 2015. 3 февраля; ЦВЕТКОВ В.А. Динамика развития экономических систем. М. 2016.
11. Со ссылкой на “Main Science and Technology Indicators 2012/1, OECD, 2012” в своей статье Е.Б. Ленчук (Институциональная среда «новой индустриализации» экономики России, с. 15) приводит следующие данные удельного веса стран на рынках высокотехнологичной продукции в 2010 г. (в % к общему объему рынков): продукция авиакосмической отрасли: США — 30,0%, Франция — 20%, Германия — 14%, Великобритания — 10%, Китай — 0,9% Россия — 0,4%; изделия электронной промышленности: Китай — 21%, США — 7,5%, Корея — 7,1%, Япония — 6,5%, Россия — 0,06%; офисное и компьютерное оборудование: Китай — 35,7%, США — 8,2%, Нидерланды — 6,2%, Германия — 4,5%, Россия — 0,03%; продукция фармацевтическая: Германия — 13,6%, Бельгия — 10,8%, Швейцария — 10,7%, США — 9,5%, Китай — 2,9%, Россия — 0,07%; продукция инструментальной отрасли: США — 14,7%, Германия — 11,9%, Китай — 10,9%, Япония — 8,4%, Россия — 0,27%. В “Main Science and Technology Indicators. Last update: MSTI 2016/1, June 2016, January 2017” есть данные 2016 г., но там Россия не упоминается — это означает, что она полностью «выпала» из мировых рынков высокотехнологичной продукции. Деградация отечественного станко- и приборостроения консервирует технологическое отставание всех воспроизводственных цепочек, поскольку машиностроение как отрасль производит новое оборудование не только для других секторов, но и собственно для машиностроительных производств.
12. ВОЛЬЧИК В.В. Институциональные изменения в периферийных регионах: роль гражданских институтов. — *Terra Economicus*. 2013, т. 11, № 4, с. 19.
13. ЦВЕТКОВ В. Мы должны свои «недостатки» превращать в достоинства. — *Российская Федерация сегодня*. Общественно-политический журнал Федеративного собрания Парламента РФ. 2013, вып. 11 (июнь), с. 24—27.
14. АКИНДИНОВА Н.В. Новый этап развития экономики в постсоветской России. Сб. докладов к XVI Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 7—10 апреля 2015 г.) М. 2015, с. 8.
15. МАУ В. Между модернизацией и застоем: экономическая политика 2012 года. — *Вопросы экономики*. 2013, № 2, с. 4—23.
16. АКИНДИНОВА Н.В. Российская экономика: от трансформации к развитию. Сб. докладов к XIX Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 10—13 апреля 2018 г.); BECATTINI G., BELLANDI M., De PROPRIIS L. A Handbook of Industrial Districts. 2009.
17. Промышленность России 2014. М. 2014, с. 189—195; Россия в цифрах 2015. М. 2015, с. 264—268; Россия в цифрах 2017. М. 2017, с. 234—237.
18. SIRKIN H.L. Made in America Again, Why Manufacturing will Return to the U.S. The Boston Consulting Group. 2011. URL: http://image-src.bcg.com/Images/made_in_america_again_tcm9—111853.pdf.
19. Отчет губернатора Тюменской области о результатах деятельности правительства Тюменской области в 2017 году. URL: https://admtyumen.ru/ogv_ru/block/important/report2duma.htm.
20. Реиндустриализация или постиндустриализация — что нужно России? — *Время и деньги*. 2016. 3 января. URL: <https://www.e-vid.ru/en/node/40461>.
21. ИВАНОВ А.Е. Проблемы развития приоритетных секторов промышленности в контексте «новой индустриализации» (машиностроение, ядерная энергетика). В кн.: Институциональная среда «новой индустриализации» экономики России: сборник. М. 2014, с. 63—96; ЦВЕТКОВ В.А., СУХАРЕВ О.С. Экономический рост России: новая модель управления. М. 2017.
22. ЛЕНЧУК Е.Б. Финансовые институты развития на службе «новой индустриализации». В кн.: Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости. СПб. 2016, с. 19.

23. ЛЕНЧУК Е. Б. Основные положения концепции инновационной индустриализации России. — Проблемы прогнозирования. 2012, № 5, с. 3—12; КОРЕПАНОВ Е. Н. Новая индустриализация или модернизация? В кн.: Институциональная среда «новой индустриализации» экономики России: сборник. М. 2014, с. 97—117.
24. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости: монография. СПб. 2016.
25. МАУ В. А. На исходе глобального кризиса: экономические задачи 2017—2019 гг. — Вопросы экономики. 2018, № 3, с. 6.
26. МИНГАЛЕВА Ж. А. Моделирование сценариев динамичного развития эколого-социо-экономических систем в условиях реиндустриализации России. — Экономика и предпринимательство. 2014, т. 8, № 4, ч. 2, с. 869—872.
27. ИВАНТЕР В. В. Основные положения концепции инновационной индустриализации России. — Проблемы прогнозирования. 2012, № 5, с. 3—12.
28. ЦВЕТКОВ В. А. Итоги и перспективы развития национальной экономики. — Проблемы рыночной экономики. 2017, № 3, с. 4—13.
29. Цветков продолжил развивать эту теоретическую линию с приложением наглядных эмпирических примеров в своих дальнейших фундаментальных работах по модернизации и экономическому росту. См.: ЦВЕТКОВ В. А. Реализация стратегий новой индустриализации экономики. — Финансы: теория и практика. 2016, № 20 (6), с. 19—30.
30. ИНОЗЕМЦЕВ В. Нищета модернизации. Почему Россия пропускает одну технологическую волну за другой. — Форбс. 2017. 18 апреля; ЕГО ЖЕ. Почему российская «знать» мешает модернизации и переменам: «Чтобы элита была предана интересам страны, она должна этой страной владеть». — Знак. 2018. 29 октября; ЕГО ЖЕ. Почему экономические проблемы не объединяют россиян. — РБК. 2018. 15 октября; ЕГО ЖЕ. Русский мир против Русского мира. — Социологические исследования. 2015, № 5, с. 150—155; ЕГО ЖЕ. Стратегия развития: выбор приоритетов. — Ведомости. 2013. 6 августа.
31. Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г., № 2227р.

Социальная революция в советской России

М. А. Безнин, Т. М. Димони

Аннотация. В публикации ставится вопрос о революционной социальной трансформации российского общества в советский период. Авторы делают вывод, что социальная революция в России свершилась в конце 1950-х-1960-х гг., когда был пройден решающий этап первоначального накопления капитала. В это же время претерпели коренные изменения социальные отношения: деревня рассталась с остатками «общинности», город — «сословности»; все большее место в жизни стали играть отношения в производственном коллективе и классовое взаимодействие.

Ключевые слова: социальная революция, классовая структура, советская Россия.

Abstract. The publication raises the question of the revolutionary social transformation of Russian society in the Soviet period. The authors conclude that the social revolution in Russia took place in the late 1950—1960s, when the decisive stage of the initial accumulation of capital was passed. At the same time, social relations underwent radical changes: the village parted with the remnants of “community”, the city — “class”; relations in the production team and class interaction began to play an increasingly important role in life.

Key words: social revolution, class structure, Soviet Russia.

Глубина социальных изменений в российском обществе советского периода была столь велика, что позволяет охарактеризовать их термином «революция». Советский период явился временем окончательного ухода от традиционного (аграрного) общества, формирования нового общественно-экономического устройства, которое в разных смысловых системах историографии называется индустриальным, социалистическим или капитализированным. Новый экономический базис, в котором главный акцент сместился на капитал (прошлый труд), как основной фактор производства, неизбежно потребовал ухода от гомогенности и «общинности» в социальном устройстве и формирования других социальных групп, играющих строго определенные роли в иерархии общественных отношений. Значимость решения задачи исследования социальной революции сопрягается с вопросом о сути и характере российского общества

Безнин Михаил Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой, проректор по научной работе Вологодского государственного университета. E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru; *Димони Татьяна Михайловна* — доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного университета. E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru

Beznin Mikhail A. — doctor of historical sciences, professor, head of the department, vice-rector for research at the Vologda State University. E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru; *Dimoni Tatiana M.* — doctor of historical sciences, professor at the Vologda State University. E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru.

в советское время, направленности происходивших в нем перемен и причинах «неожиданного» итога его существования.

Советские историки и обществоведы, описывая процесс трансформации российского общества, работали в рамках концепции, предложенной Конституцией СССР 1936 г., о существовании двух дружественных классов — рабочих и колхозного крестьянства, а также прослойки между ними — трудовой интеллигенции. Наибольшее внимание при этом привлекал рабочий класс (пролетариат), как авангард происходивших в стране изменений. Большая работа по его изучению была проделана А.И. Вдовиным, В.З. Дробижевым¹, А.М. Панкратовой², О.И. Шкарата́ном³, С.Л. Сенявским⁴, Э.В. Клоповым, Л.А. Гордоном⁵, Е.И. Пивоваром⁶ и др. Однако довольно жесткие идеологические рамки советского периода не позволили разработать проблему социальной неоднородности рабочих, их реального места в отношениях собственности.

Изучение «колхозного крестьянства» в общественных науках развивалось в русле «вызревания» крестьянства новой формации. С.Л. Сенявский, С.П. Трапезников⁷, П.И. Симуш⁸, В.Б. Островский⁹, М.А. Вылцан¹⁰ и др. прочно прописали в советской историографии схему, согласно которой после коллективизации крестьянство как «класс феодального и раннекапиталистического общества» трансформировалось в «класс колхозного крестьянства». В целом советское обществоведение делало вывод о постепенном классовом сближении крестьянства и рабочего класса.

При рассмотрении интеллигенции советские обществоведы (С.А. Федюкин¹¹, М.Е. Главатский¹² и др.) отмечали ее приверженность мировоззрению рабочего класса и колхозного крестьянства. Она трактовалась как социальная прослойка, состоящая из работников умственного труда. В течение 1960—1970-х гг. советские исследователи постепенно отходили от схемы классового структурирования 1930-х гг. и обращали внимание на то, что в обществе сложилось определенное количество «структурных групп», различающихся по доходам, образованию, профессиональной подготовке и т.д. Особенно в этом плане выделялась монография Ю.В. Арутюняна¹³, который на основе данных переписи населения 1959 г. доказал, что на первый план в деревне этого периода выступали социально-профессиональные различия, в основе которых лежал труд, разный по количеству и функциям. Исследование Арутюняна впервые в отечественной историографии показало отсутствие монолитности основных классов советского общества.

В западной науке понимание социальной дифференциации советского общества сложилось еще раньше, чем в нашем обществоведении, — в 1930-е годы. Этот подход базировался на концепции «стратификации», предполагавшей, что общество в XX в. делится не на классы, а на страты, определяемые такими критериями, как уровень доходов, образование, квалификация, род занятий и пр. Начиная с 1930-х гг. западные исследователи особенно настойчиво прописывали складывание в советском обществе «государственной буржуазии» — слоя «управляющих», связанного с концентрацией распределительных функций, командованием средствами производства (исследования М. Джиласа¹⁴, М. Восленского¹⁵, А. Авторханова¹⁶ и др.). В частности, Д. Бернхем¹⁷ считал, что

власть в России уже в 1940-е гг. перешла к управляющим, ибо тот, кто контролирует производство, тот и собственник. Господствующему классу номенклатуры, по мнению советологов, противостоял класс государственно зависимых работников, лишенных собственности. Эта категория исследовалась гораздо менее подробно, чем «номенклатура». Изучение социальной структуры населения СССР 1940—1950 гг., проведенное А. Инкельсом¹⁸, показывало, в частности, что крестьянство, хотя и являлось по сравнению с рабочими более гомогенной группой, все же распалось на группы «преуспевающих крестьян из колхозов-миллионеров» и «средних крестьян, включая наименее производительные и наиболее бедные группы людей». Как стратифицированное рассматривала позже советское общество Ш. Фицпатрик¹⁹. Ряд ученых Запада настаивали на существовании в СССР не классового, а сословного корпоративного общества. В. Теккенберг²⁰, например, считал, что тип советского общества — «феодалное общество», так как социальное неравенство проявлялось в жизненном положении и престиже, а не в различном уровне доходов, социальные слои выглядели замкнутыми, причем даже не в масштабах отраслей, а в рамках отдельных предприятий («цехов»). Важное место в изучении социальной трансформации имела теория человеческого капитала (подразумевающая инвестиции в образование, здравоохранение и пр.), разработанная Г. Беккером²¹ в 1960-е годы.

Несмотря на проделанную к данному времени работу, разные социологические и исторические схемы интерпретации социальной структуры населения советской России, тем не менее, не вылились в конкретные обобщения истории социальных слоев. Общее представление о социальной структуре российского общества в советский период не выходит за рамки представлений о существовании «верхов» (государственной бюрократии) и лишенных собственности на средства производства «низов» общества. Основные исследования постсоветского времени связаны с изучением становления «номенклатуры» (Т.П. Коржихина, Ю.Ю. Фигатнер²²), социальной психологии различных групп общества (Л.Н. Бехтерева²³, С.А. Красильников²⁴), повседневности различных слоев (Н.Б. Лебина²⁵, С. Журавлёв, М. Мухин²⁶) и др. Авторы данной публикации исследовали социальную структуру колхозно-совхозной деревни 1930-х-1980-х гг., выявив многоклассовость социального устройства села советского времени.

В основе нового социального структурирования советского общества, на наш взгляд, лежал очень специфично трансформировавшийся институт права собственности. До конца 1920-х гг. серьезная часть экономики была связана с индивидуализированными отношениями собственников в плане имущественных прав. Однако с начала 1930-х гг. стал складываться другой тип общества, где индивидуализированная собственность на средства производства была сведена до минимальных проявлений. Этот особый тип социально-экономического устройства в советской России являлся, по нашему мнению, государственным капитализмом.

Капитализм — это такое устройство социально-экономической жизни общества, при котором капитал (прошлый труд²⁷) становится главным фактором производства по отношению к живому труду²⁸, а основная со-

циальная градация общества предопределяется местом групп населения в отношении реализации права собственности на средства производства. Государственный капитализм, являясь разновидностью капиталистической системы, характеризуется отсутствием локализации полного права собственности на средства производства в руках отдельных индивидов, разделенностью этого права между фракциями высшего социального класса (по сути, протобуржуазии), сосредоточением основных прав владения, распоряжения и пользования в его руках. При этом вторичные признаки капиталистического устройства (механизмы товаризации, прогнозно-плановые рычаги, методы балансировки) могут серьезно отличаться от классического индивидуализированного капитализма.

В современной научной трактовке социальные революции далеко не всегда сопряжены с насилием или политическим переворотом. В соответствии с наиболее принятым сегодня научным сообществом определением социальных революций, Т. Скочпол высказывает следующее мнение: «социальные революции — это быстрые фундаментальные трансформации государственных и классовых структур общества; они сопровождаются и отчасти осуществляются низовыми восстаниями на классовой основе»²⁹. Скочпол подчеркивает, что от других процессов трансформации социальные революции отличаются комбинацией двух обстоятельств: совпадением структурных социальных изменений с классовыми восстаниями, а политических трансформаций — с социальными.

В целом поддерживая подобный подход, отметим, что мы трактуем социальную революцию как, прежде всего, глубокие качественные изменения социальной структуры общества, неразрывно связанные с коренным переворотом в экономических, политических, культурных институтах. При этом им обязательно сопутствует классовый конфликт. Непосредственно социальная революция, на наш взгляд, является не одномоментным явлением, она может быть растянута во времени на несколько десятилетий, при этом ее результаты проявляются поэтапно. В этом особенность процесса революционных изменений социума. Процесс социальной революции связан с отмиранием старой социальной структуры, становлением новых классов, соответствующих уровню развития общества. Так как это довольно длительный процесс, он происходит путем многочисленных социальных трансформаций.

Социальная трансформация предполагает постепенные фундаментальные институциональные и культурные изменения в обществе в течение определенного периода времени³⁰. В отличие от социальной эволюции, которая чаще всего трактуется как процесс саморазвития, социальная трансформация предполагает направленное действие государства, политических и экономических акторов исторического процесса. Так, государством было придано кардинальное ускорение одной из самых серьезных трансформаций российского общества в XX в. — глобальному процессу раскрестьянивания. Он характеризовался явлениями на разных уровнях экономической и социальной жизни, позволяя говорить о «внешней», связанной с действиями власти в отношении двора, и «внутренней», связанной с повседневной жизнью и ценностями крестьянства, составляющими этого феномена. Наиболее интенсивным периодом рас-

крестьянивания России стали 1930—1960-е гг., когда двор как основная ячейка общественной, в первую очередь, деревенской жизни, разрушался. Важнейшим элементом трансформации социальной структуры России советского времени вместе с исчезновением «старых» классов (прежде всего, крестьянства) и было появление новых классов, свойственных капитализированному обществу (буржуазии в недоразвитом виде — протобуржуазии, менеджеров, интеллектуалов, рабочей аристократии, сельскохозяйственного пролетариата). Для анализа крупных социальных трансформаций, на наш взгляд, наиболее приемлемой является дефиниция «класс», точнее «социальный класс», так как эта категория наиболее применима для описания крупных общественных групп. В современном обществознании под социальными классами понимаются большие группы людей, которые обладают сходными социально-экономическими статусами. Ряд авторов (в основном марксистской ориентации) подчеркивают, что основным фактором разделения на классы является отношение к средствам производства.

Крупное продвижение в изучении плодотворной марксистской идеи классов сделал Э.О. Райт³². Его представление о классах отражает публикация 1980 г. в журнале «Politics & Society», где автор высказал идею о том, что в процессе производства у части классов возникают позиции, способствующие установлению контроля над каким-либо ресурсом. По мнению Райта, классы могут контролировать поток инвестиций в производство и накопление (денежный капитал), физический капитал (средства производства) или труд. С «реальной экономической собственностью» связан контроль над денежным капиталом, контроль над физическим капиталом и трудом тяготеет к тому, что называют «распоряжением».

Говоря о необходимости теоретического осмысления классового деления, Райт отмечает, что осознание того, как общество делится на классы, дает лишь общее направление классовобразования. Для того, чтобы процессы стали понятными, необходимо сочетать структурный анализ с историческим анализом реального поведения классов.

Важнейшая особенность советского госкапитализма, по нашему мнению, состояла в действии системы разделенного права собственности. Уникальность этой системы позволила сформировать специфичную, присущую только России когорту управленцев, «разделивших» между «отрядами» политиков, хозяйственников, финансистов, плановиков и др. права со-собственников, прежде всего, в отношении производственного капитала (по советской терминологии — основные фонды производства). Это, в свою очередь, привело к исторической ситуации, когда «разделенное» управление собственностью не давало полностью консолидировать высший класс.

Класс советской протобуржуазии начал складываться в рамках активизации процесса первоначального накопления капитала, происходившего в конце 1920-х — начале 1930-х годов. На наш взгляд, в советский период выделились три крупных исторических этапа формирования протобуржуазии.

Первый охватывает годы гражданской войны и нэпа. Он характеризовался зачатками становления высшего класса советского общества, отношения собственности являлись неотрегулированными, большую роль

в них играли представители «старых» классов, олицетворявшие индивидуализированный капитализм (нэпманы, кулаки и пр.). Генезис класса советской протобуржуазии происходил чрезвычайно оригинальным образом: его генерировало государство и коммунистическая партия, на словах ставившие задачу формирования бесклассового общества. Центральным событием данного периода в процессах генезиса протобуржуазии было введение в 1923 г. «номенклатурной» системы³³, по сути дела очерчивающей профессиональные контуры новой элиты общества.

Второй этап генезиса протобуржуазии относится к 1930 — первой половине 1960-х гг. — времени латентного вызревания класса. На этом этапе сформировался классический советский вариант протобуржуазного социального класса. Были очерчены его границы: в состав класса протобуржуазии входили первые лица центрального (союзного и республиканского) и региональных партийных комитетов, руководители союзных и республиканских министерств и ведомств, председатели край- и об-лисполкомов, руководство банков в центре и на местах, руководители органов планирования, учета и материального снабжения, промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Таким образом, данный класс концентрировал отряды высшей партийно-политической и хозяйственной элиты страны. Его численность в СССР требует дополнительного изучения, поскольку пока о ней имеются довольно отрывочные сведения. Так, на 1 февраля 1937 г. ЦК ВКП(б) было утверждено 5860 партийных работников СССР, из них первых и вторых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий — 166, первых и вторых секретарей окружкомов ВКП(б) — 62, первых и вторых секретарей ГК ВКП(б) — 290, первых и вторых секретарей РК ВКП(б) — 4945. Если учесть, что первый и второй секретари в регионе были в единственном числе, можно определить, что «партийная» часть класса протобуржуазии составляла около 2700 человек³⁴. Отдельного изучения заслуживает вопрос о месте других важных партийных функционеров — появившихся позднее третьих секретарей региональных комитетов партии, партторгов крупных промышленных и сельскохозяйственных предприятий и др.

В центральных и региональных комитетах ВКП(б)-КПСС сосредотачивалась стратегия управления собственностью. Внешне это выражалось в определении ими направленности экономического развития страны в долгосрочном и краткосрочном (пятилетнем) форматах, рассмотрении конкретных вопросов развития отраслей народного хозяйства и др.

«Отряд» протобуржуазии, непосредственно отвечавший за управление экономикой, концентрировался в правительстве страны и региональных исполкомах. О приблизительной его численности можно судить по различным документам. Например, в 1936 г. была проведена работа по повышению окладов руководящим работникам, в ходе которой выяснилось, что советский аппарат (ЦИК и СНК республик, край- (обл-) исполкомов, горсоветов, горрайсоветов) насчитывал 7,9 тыс. сотрудников, руководящих работников республиканского аппарата наркоматов было около 2 тыс. чел., руководителей хозорганов непромышленных наркоматов — 5,7 тыс. чел., руководителей предприятий — 4,5 тыс. человек³⁵. К ведению правительственной верхушки (в СНК СССР — председатель, наркомы; в Совете Министров — председатель, министры) в хозяйствен-

ном плане относилось выполнение народно-хозяйственного плана и формирование государственного бюджета. Деятельность правительства была организована по отраслевому признаку, совнаркомы (позднее — министерства) руководили не только отраслями, но и предприятиями, объединениями, учреждениями и организациями. В дальнейшем исследователям предстоит решить вопрос о роли более мелких хозяйственных управленцев, вплоть до председателей сельсоветов.

Через институт планирования реализовывали свою часть права собственности высшие управленцы Госплана, а финансовая часть, связанная с реализацией разделенных прав собственности, была отдана Госбанку.

Внизу пирамиды класса собственников находились непосредственные руководители предприятий и организаций. Объем их прав, поначалу довольно регламентированный, постепенно возрастал, что стало особенно заметным в годы, последовавшие за реформой А. Н. Косыгина. Председатели колхозов, находясь в самом низу пирамиды со-собственников, обладали также довольно большим объемом полномочий.

Третий этап генезиса высшего класса советского общества охватывает вторую половину 1960-х — 1991 год. Это время, когда сформированный класс протобуржуазии набирал силу и продвигался вперед в осознании и реализации классовых интересов. Особую роль в этом процессе играла экономическая реформа 1965 г., которая в целом повышала роль хозяйственного блока руководителей в управлении экономикой, что выразилось в увеличении роли хозяйственников (министерств, банков) во всех экономических процессах.

Для того, чтобы осуществлять управление собственностью и контроль за ней, протобуржуазия нуждалась в классе, выполнявшем эти функции, — менеджестве. Несмотря на отсутствие термина «менеджер» в отношении советской системы, вопросы об управленцах ставились довольно часто, а в некоторые периоды выходили на первый план. Например, такое повышение интереса наблюдалось в 1920-е гг., когда были созданы исследовательские институты по изучению организации труда на производстве, и во второй половине 1950-х-1960-е гг. в связи с проведением реформ организации производства. В отличие от класса собственников, менеджеры осуществляли управление, контроль, оперативное распоряжение физическим капиталом, трудом (главные инженеры, главные агрономы и зоотехники, главные механики, бригадиры, мастера, начальники цехов, управляющие отделениями), финансовым капиталом (главные экономисты, главные бухгалтеры, плановики). Большой и пока неизученной спецификой обладал менеджмент в сферах нематериального производства — военный, правоохранный, а также в области движения человеческого капитала (образование, здравоохранение, культура и пр.).

Всего, по данным статистики, «в аппарате органов государственного управления, органов управления кооперативных и общественных организаций, в кредитных и страховых учреждениях» СССР в 1932 г. работали около 1,8 млн. чел., в 1940 и в 1950 гг. — около 2 млн., в 1960 г. — 1,5 млн. Эти показатели составляли до 1960 г. приблизительно 7% от всех занятых в народном хозяйстве, в 1960 г. — чуть более 2%³⁶. Львиную долю менеджеров составляли так называемые «хозяйственники». В РСФСР,

например, в 1955 г. в аппарате министерств и ведомств, их органов на местах и местных советах насчитывалось 555 тыс. сотрудников³⁷.

Во второй половине XX в. мировая экономическая система, в том числе и СССР, вступила в новую стадию своего развития, специфической чертой которой стало изменение роли факторов, участвовавших в процессе общественного производства. Важнейшим направлением материальных и финансовых инвестиций становился интеллектуальный капитал (воплощенный в знаниях, умениях, опыте, квалификации).носителем собственности на данный вид капитала выступали представители нового класса — интеллектуалов и интеллигенции. Отличие между группами данного класса состояло в сфере и особенностях их деятельности. Интеллектуалы были сосредоточены в материальном производстве и внедряли знания в производственный процесс (инженеры, бухгалтеры, экономисты, агрономы, зоотехники и др.), интеллигенция же больше была связана со сферой нематериального производства — наукой, образованием, творчеством и т.д. Однако между фракциями данного класса было много общего в образе жизни, стилях поведения и т.д. Довольно трудно рассчитать роль этого ресурса в жизни советского общества, но то, что место данного фактора возрастало, — несомненно. Количество человеко-лет обучения всех занятых в экономике СССР с 1940 по 1985 г. возросло более чем в 4 раза — с 292,4 млн. до 1359,3 млн. В расчете на одного занятого в народном хозяйстве СССР число лет обучения за этот период выросло в 2 раза — с примерно 5 до 10,5 лет³⁸. Из числа занятых в народном хозяйстве СССР специалисты и служащие с высшим и средним специальным образованием составляли в 1940 г. 2,4 млн. чел. (3,8% от всех занятых), в 1985 г. — 33,6 млн. чел. (25,8% от всех занятых)³⁹. Интеллигенция и интеллектуалы становились все более значимой общественной силой. По наблюдениям зарубежных советологов (И. Селеньи, Дж. Корада, С. Липсета и др.), это был «восходящий» класс, который двигался по пути к классовой власти, участвуя в конфликте с политическим руководством страны.

В основании классовой пирамиды находились рабочие. Однако они также не были однородны. Различие между ними проходило по грани, которая в советской статистике обозначалась как специфика труда — работа при помощи машин и механизмов или простой неквалифицированный ручной труд. С точки зрения политэкономии, высшая фракция рабочего класса (класс рабочей аристократии) возвышался за счет реализации во вновь создаваемые стоимости ресурсов прошлого труда (капитала). К классу рабочей аристократии относились профессиональные группы, работавшие с помощью машин и механизмов (токари, слесари, металлурги, комбайнеры, трактористы, шоферы и др.). Доля представителей данного класса в составе низших классов нарастала: в промышленности к 1985 г. при помощи машин и механизмов выполняли работу 51% рабочих, в сельском хозяйстве — около 25%.

Класс, главной характеристикой которого была собственность на свои рабочие руки, традиционно в историографии именуется пролетариатом. Представители данного класса превалировали в советском обществе, особенно большая его доля была сосредоточена в сельском хозяйстве. Низший статус данного класса подчеркивался особенностями

его правового статуса (например, в деревне — долгосрочное отсутствие паспортизации) и экономического положения (система повинностей, уровни оплаты труда и др.). Пролетаризация в России проходила параллельно процессам раскрестьянивания. Важнейшим индикатором в процессах пролетаризации являлась связь с самообеспечением семьи, опирающимся на наличие личного приусадебного хозяйства. В начале 1950-х гг. удельный вес продукции подсобного хозяйства в совокупных доходах колхозной семьи в РСФСР составлял половину и более всех поступлений. Так, в 1953 г. в Северо-Западном и Центральном районах от личного подсобного хозяйства (чистая продукция) в совокупный доход семьи колхозников поступало 50% всех ресурсов, в Волго-Вятском районе — 52%, в Центрально-Черноземном районе — 55% ⁴⁰. Этот показатель начал стремительно сокращаться с конца 1950-х годов. В 1960 г. доля личного хозяйства в совокупном доходе семьи колхозников России составляла 42%, в 1970 г. — 33%, в 1980 г. — 25% ⁴¹. Пролетаризация в совхозах шла гораздо более быстрыми темпами: кроме того, что совхозные рабочие с момента образования совхозов являлись по статусу рабочими, получали монетизированную заработную плату, удельный вес личного приусадебного хозяйства в их совокупном доходе играл гораздо меньшую роль, чем в колхозных семьях. Уже в 1958 г. в совхозах РСФСР этот показатель не превышал 1/3 всех поступлений ⁴² и уменьшался в 1960—1980-е годы. Однако институт личного подворья продолжал свое существование до конца советского периода (он и сейчас не исчез), что становилось основой определенной маргинализации пролетарского класса и, отчасти, других классов общества.

В сложном обществе, каким являлась советская Россия, постоянно шел классовый генезис. Основу его составлял переход от низкокапитализированного типа общества (аграрного) к высококапитализированному (индустриальному). С усложнением классовой пирамиды, умиранием самого массового класса «старого» общества — крестьянства, становлением и укреплением буржуазного и других классов произошла социальная революция. Она свершилась в конце 1950-х-1960-е гг., когда был пройден решающий этап первоначального накопления капитала, и страна начала решать вопросы капиталистического развития. В это же время претерпели коренное изменение социальные отношения — деревня рассталась с остатками «общинности», город — «сословности»; все большее место в жизни стали играть отношения в производственном коллективе и классовое взаимодействие (в том числе и в формах классового противостояния и протеста).

Примечания

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18—09—00184 «Социальная революция в советской России: предпосылки, этапы, итоги»

1. ВДОВИН А.И. ДРОБИЖЕВ В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917—1940. М. 1976.
2. ПАНКРАТОВА А.М. Союз рабочего класса и крестьянства — неизбежная основа Советского общества. М. 1954.
3. ШКАРАТАН О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (историко-социологическое исследование). М. 1970.

4. СЕНЯВСКИЙ С.Л. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961—1980 гг.). М. 1982.
5. ГОРДОН Л.А., КЛОПОВ Э.В., ОНИКОВ Л.А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М. 1977.
6. ПИВОВАР Е.И. Советские рабочие и НТР: по материалам автомобильной промышленности СССР (1966—1975). М. 1983.
7. ТРАПЕЗНИКОВ С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: В 2-х томах. М. 1983.
8. СИМУШ П.И. Облик хозяина земли. Новейшие и традиционные черты. М. 1987.
9. ОСТРОВСКИЙ В.Б. Колхозное крестьянство СССР. (Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты). Саратов. 1967.
10. ВЫЛЦАН М.А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны (1938—1941 гг.). М. 1970.
11. ФЕДЮКИН С.А. Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству в СССР. М. 1960.
12. ГЛАВАЦКИЙ М.Е. Историография формирования интеллигенции в СССР. Свердловск. 1987.
13. АРУТЮНЯН Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М. 1971.
14. ДЖИЛАС М. Новый класс. Нью-Йорк. 1961.
15. АВТОРХАНОВ А. Технология власти. Frankfurt/Main. 1983.
16. ВОСЛЕНСКИЙ М. Номенклатура. L. 1984.
17. BURNHAM J. The managerial revolution: What is happening in the world. N.Y. 1941.
18. ПАРСОНС Т., ИНКЕЛЬС А., ДЭВИС Дж.Э. и др. Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. 1972.
19. ФИЦПАТРИК Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М. 2008.
20. ТЕККЕНБЕРГ W. Social Structure of Soviet Working Class. Toward an Estatist Society? — *International Journal of Sociology*. 1981—1982, vol. 11, № 4, p. 2—163.
21. БЕККЕР Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. М. 2003.
22. КОРЖИХИНА Т.П., ФИГАТНЕР Ю.Ю. Советская номенклатура: Становление, механизм и действие. — *Вопросы истории*. 1993, № 7, с. 25—38.
23. БЕХТЕРЕВА Л.Н. Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х годов. — *Отечественная история*. 2000, № 2, с. 170—177.
24. КРАСИЛЬНИКОВ С.А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М. 2003.
25. ЛЕБИНА Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920—1930 годы. СПб. 1999.
26. ЖУРАВЛЁВ С.В., МУХИН М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928—1938. М. 2004.
27. Под «капиталом» (прошлым, или овеществленным трудом) здесь и далее понимаются ресурсы, используемые в производстве и воплощенные в ранее созданных средствах производства и предметах труда.
28. Под «живым трудом» понимаются непосредственные трудовые усилия, связанные с обеспечением функционирования овеществленного труда (капитала).
29. СКОЧПОЛ Т. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М. 2017.
30. KHONDKER H.H., SCHUERKENS U. Social Transformation, Development and Globalization. — *Sociopedia*. 2014, p. 1—14. URL: <http://www.sagepub.net/isa/resources/pdf/SocialTransformation.pdf>.
31. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Немецкая идеология. В кн.: МАРКС К. Сочинения. Т. 3. М. 1955. с. 32.
32. РАЙТ Э.О. Марксистские концепции классовой структуры. — *Politics & Society*. Vol. 9, No 3 (1980), p. 323—370.
33. Номенклатура партийно-государственная. Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2669868.
34. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 120, д. 278, л. 18.
35. Там же, д. 167, л. 40, 43.

36. Труд в СССР. Стат. сборник. М. 1988, с. 30—33. Часть данных в этих показателях относится к численности протобуржуазии.
37. РГАСПИ, ф. 556, оп. 14, д. 48, л. 4.
38. Экономическая эффективность общественного производства (статистические материалы для расчетов). М. 1988, с. 54.
39. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М. 1987, с. 414, 418, 300, 302, 307, 525—526.
40. Совокупный доход семей рабочих промышленности, рабочих совхозов и колхозников РСФСР (приложение к бюллетеню ЦСУ РСФСР). М. 1962, № 30, с. 25.
41. Там же; Бюджеты рабочих, служащих и колхозников за 1970, 1975, 1980—1984 гг. М. 1985, с. 95.
42. Совокупный доход семей рабочих промышленности, рабочих совхозов и колхозников РСФСР (приложение к бюллетеню ЦСУ РСФСР), № 30, с. 18.

Карикатуры в оккупационной прессе 1942—1944 гг. и советская религиозная политика

И. В. Петров

Аннотация. Публикация посвящена проблеме противодействия советской религиозной политике периода Великой Отечественной войны со стороны нацистских пропагандистов, в особенности после встречи в 1943 г. в Москве Иосифа Сталина с митрополитами и избрания митрополита Сергия (Страгородского) патриархом Московским и всея Руси. Именно в этот период столь сильно поменявшееся отношение вождя всех народов к религии стало катализатором появления жестких гротескных карикатур «на религиозные темы».

Ключевые слова: вторая мировая война, пропаганда, гротеск, нацизм, выборы в Москве в 1943 г. патриарха, Московская патриархия.

Abstract. The publication is devoted to the problem of countering the Soviet religious policy in the Great Patriotic War by Nazi propagandists, especially after meeting Joseph Stalin with metropolitans in Moscow in 1943 and electing Metropolitan Sergius (Stragorodsky) as Patriarch of Moscow and All Russia. The main protagonist of these caricatures was a Stalin and his policy, who was illustrated as a thorough propaganda aimed at both the domestic consumer and foreign allies.

Key words: World War II, propaganda, grotesque, Nazism, patriarch elections in Moscow in 1943, Moscow Patriarchy.

Проблема пропагандистской войны на Восточном фронте между Третьим рейхом и Советским Союзом давно уже стала одной из излюбленных тем российской историографии Великой Отечественной войны. Современные российские ученые не первый год заняты рассмотрением вопросов противостояния двух держав посредством побед не только на фронте военных действий, но и на фронте ином, гораздо более скрытом, но не менее опасном, — пропагандистском. В этих «сражениях» в ход шли все доступные средства, в том числе и прием комического, сатирического изображения противника. И нацисты, и советские пропагандисты пытались высмеять противника, в первую очередь, путем деморализации врага, фиксации абсурдности идейных побуждений противника, подспудной критики его идеологических устремлений и лживости госу-

Петров Иван Васильевич — кандидат исторических наук, ассистент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: ivanpet1990@hotmail.com, i.petrov@spbu.ru.

Petrov Ivan V. — candidate of historical sciences, assistant at the Institute of History, Saint-Petersburg State University. E-mail: ivanpet1990@hotmail.com, i.petrov@spbu.ru.

дарственных лидеров. Основными мишенями в этой пропагандистской дуэли стали Адольф Гитлер и Иосиф Сталин, изображавшиеся в наиболее комичном, гротескно-издевательском ключе. В составленном в 2007 г. сборнике «Пропуск в рай. Сверхоружие последней мировой. Дуэль пропагандистов на Восточном фронте» докторами исторических наук, профессорами исторического факультета МГУ Л. С. Белоусовым и А. Ю. Ватлиным, наглядно продемонстрированы примеры этого состязания в двух главах — «Агрессия нового порядка» и «Ответный удар»¹. В том же году вышла книга воронежского исследователя С. И. Филоненко, заострившего читательское внимание на проблеме психологической пропагандистской войны между СССР и странами Оси на Дону². Не менее подробно структуру ведения пропагандистской войны и особенностей форм пропаганды рассмотрели в своих монографиях такие известные российские историки, как Б. Н. Ковалёв³, А. В. О कोरोков⁴, Н. В. Доронина⁵, М. И. Близнюк⁶ и другие.

Большинство вышеуказанных авторов сосредоточились или на методах ведения «пропагандистских баталлий», или на самих пропагандистах, которые были втянуты в создание антисоветской литературы, печати, листовок. Менее всего подвергался рассмотрению сам пропагандистский материал, отмечались лишь некоторые основные просчеты нацистской пропаганды на Восточном фронте. Самым же нерассмотренным сюжетом, на взгляд автора этих строк, остается проблема особенностей ведения войны «на религиозном» фронте.

Одним из главных событий, во многом предопределивших исход «пропагандистской войны» между СССР и гитлеровской Германией в 1943 г., стала знаменитая встреча И. В. Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем). Последовавшее за этим событием избрание митрополита Сергия патриархом Московским и всея Руси выбивало из рук немцев один из главных козырей их пропаганды — отрицательное отношение советского государства к религии и, в особенности, к Православной церкви.

В 1941—1942 гг. вся тональность «религиозной части» пропаганды на временно оккупированной территории РСФСР была определена как демонстрация контраста гонимого положения как в довоенный, так и в военный период существования Православной церкви на территории, контролируемой большевиками, и «религиозной свободы», которая якобы пришла вместе с частями вермахта. Стоит признать, что в начальный период Великой Отечественной войны советскому руководству было сложно что-либо противопоставить нацистской религиозной политике. Важный поворот произошел в сентябре 1943 г., предопределив церковно-государственные отношения в Советском Союзе вплоть до конца 1980-х годов.

Нацисты не сразу смогли найти действенное «противоядие» новому религиозному курсу Сталина. Борьба с последствиями 1943 г. велась по трем основным направлениям.

Первое заключалось в попытке дезавуирования избрания в Москве патриарха путем обращения к авторитету тех церковных иерархов самых разных юрисдикций, которые находились на подконтрольной гитлеровцам территории. Однако, как убедительно доказал один из ведущих со-

временных церковных историков М. В. Шкаровский, немецкие представители не смогли достичь признания неканоничным избрания патриарха Сергия в Турции, Сербии, Болгарии и Греции, снискав наибольший успех лишь у представителей Русской православной церкви за границей, в октябре 1943 г. объявивших в Вене о непризнании московских выборов главы РПЦ, а также у православного епископата в оккупированных Риге, Варшаве и Минске ⁷.

Вторым направлением стала попытка запрещения поминовения новоизбранного патриарха за богослужением на временно оккупированной территории. Следует отметить, что и в предыдущие годы, в особенности там, где сильны были антироссийские настроения внутри православных приходов, как, например, в Эстонии и Украине, некоторые представители духовенства всячески отмежевались от московских церковных властей. Однако были и другие примеры. Наиболее показательным стал путь епископа Прибалтики, митрополита Литовского и Виленского Сергия (Воскресенского), который всячески пытался сохранить каноническое подчинение «Сергию Старшему» — главе Московской Патриархии. Согласно опубликованным сообщениям командующего полицией безопасности и СД в рейхскомиссариате «Остланд» от ноября 1943 г., митрополит Сергий (Воскресенский) считал, что не только не следует признавать выборы неканоничными, но и, наоборот, необходимо всячески подчеркивать, что «поворот» большевиков к Церкви является одновременно крахом их идеологии, а новоизбранный патриарх, тем самым, становится «символом антисоветизма» ⁸. Подобного рода позиция не нашла отклика у нацистов, они продолжали давить на православное духовенство временно оккупированных районов СССР в деле осуждения московских патриарших выборов и запрещения поминовения за богослужением Сергия (Страгородского). А Владыка Сергий (Воскресенский) в апреле 1944 г. при загадочных обстоятельствах был убит.

Наконец, третьим направлением нацистской политики стало высмеивание нового религиозного курса Москвы. Ретивые пропагандисты работали в русле демонстрации ложности сталинского поворота к религии, объясняя его лишь сиюминутной конъюнктурой. Чаще всего они комически обыгрывали следующие сюжеты: Сталин как подлинный «глава» Церкви; признание религии со стороны бывших атеистов и, в первую очередь, активистов «Союза воинствующих безбожников»; подчеркивание участия лиц еврейского происхождения в советской религиозной политике (возбуждение у местного населения антисемитских настроений); критика самого «подсоветского духовенства»; обличение инославных конфессий, признавших московские патриаршие выборы (в первую очередь представителей Англиканской церкви); бесконечное напоминание, в том числе и через комические сюжеты, о репрессиях против духовенства и верующих в предшествующие годы властвования большевиков. Разберем каждый из этих пропагандистских приемов в отдельности.

Для начала посмотрим, как действующими на временно оккупированной территории пропагандистами оценивалось руководство Православной церкви. Долгое время конкретных выпадов против личности митрополита Сергия (Страгородского) в пропагандистской печати не было. Исключением можно считать выходящую в Берлине русскоязычную га-

зету «Новое слово», в которой еще со времени нападения Третьего рейха на СССР муссировалась тема направленности действий подконтрольного советским властям духовенства. Наиболее показательная статья в этом печатном издании вышла в марте 1942 г. под недвусмысленным названием «Христоробивые Кагановичи»⁹. В ней в комическом ключе давалась характеристика сталинской религиозной политике и реакции на нее со стороны представителей православия. Критике подверглись не только митрополит Сергей (Страгородский), но и лидер обновленцев Александр (Введенский), а также пресвитеры общины евангельских христиан. В заметке было прямо сказано, что они являются митрополитами «милостью Сосо Джугашвили» и составляют свои воззвания в угоду «христоробивым союзникам» — Черчиллю и Рузвельту. Заснятое богослужение на площади у Елоховского кафедрального собора в августе 1941 г. названо не только творением «мастера лжи» Иосифа Сталина, но и «мистерией-буфф» для легковверных жителей Великобритании и САСШ. Заканчивается статья злой иронией автора по поводу сущности сталинской религиозной политики: «Сталин всегда действует согласно принципу: цель оправдывает средства и “Париж стоит обедни”. Сегодня он готов целовать туфлю Папе Римскому, а завтра с усмешкой подпишет приговор, представленный Губельманом, о ссылке всех оставшихся священников в Сибирь и запрещении христианского культа. Таково идеологическое лицо и всех остальных кремлевских Савлов»¹⁰. В данной статье были переплетены все постулаты нацистской религиозной контрпропаганды: паразитирование на еврейском происхождении «главного безбожника» СССР Емельяна Ярославского (Миней Губельмана), ложь о присутствии неполитических мотивов у просоветски настроенных церковных иерархов в их позиции периода войны. Более того, по мнению журналистов «Нового слова», обращение религиозных лидеров из СССР является ничем иным как выполнением предписания «канцелярии Молотова».

Несмотря на то, что берлинское издание было своеобразным примером для выходящей на занятой нацистами территории РСФСР прессы, к религиозной контрпропаганде здесь обратились значительно позже. Так, в первой половине 1943 г. стали встречаться публикации, в которых местоблюститель патриаршего престола Сергей (Страгородский) предстает перед читателем как сталинская марионетка, покорно выполняющая приказания советского руководства и всячески тем самым порочащая Церковь. Например, издаваемая в Орле газета «Речь» в апреле 1943 г. характеризовала добровольный сбор средств на танковую колонну имени Дмитрия Донского как очередную попытку Сталина «отобрать последние церковные ценности»¹¹. Читателю напомнили в заметке и о репрессированном духовенстве, и о «высасывании Сталиным крови из православной церкви», и о цинизме подобного рода акции.

Впоследствии пронемецкие пропагандисты перестали стесняться личности патриарха и сыпали в его адрес самые настоящие оскорбления. Наиболее жесткой статьёй стала вышедшая в псковской газете «За Родину» публикация «Сталин — злейший враг Церкви. Как большевики окривленными руками выбирали “патриарха”»¹². Авторы статьи не постыдились на самые жесткие эпитеты в адрес собравшихся в Москве

архиереев, назвав их и «подхалимами», и предателями (на контрасте с перечисленными в этой же статье умученными большевиками епископами), и шкурниками. Сам же архиерейский собор получил характеристику «гнусной комедии», «разыгранной по жидовско-коммунистическим приказам». Основной лейтмотив статьи — случившееся в Москве пошло не на пользу верующим, а, наоборот, исключительно во вред им.

Выходившая в Ревеле (Таллинне) русскоязычная газета «Северное слово» использовала более изысканную манеру контрпропаганды. Вместо огульных обвинений ее представители привели примеры суждений епископов РПЦЗ о московских патриарших выборах¹³. Наиболее жестко высказался митрополит Берлинский и Германский Серафим (Лядэ), до 1930 г. проживавший на территории Советского Союза, успевший сменить несколько юрисдикций, в том числе и обновленческую. Он подчеркнул наличие у избранного Московского патриарха прекрасного богословского образования, уживавшегося при этом с необыкновенной слабохарактерностью и старостью, благодаря чему Московская патриархия и стала полностью подконтрольна «оку НКВД».

Другое выходившее на оккупированной территории издание — «Голос Крыма» — решило прибегнуть к иному приему: оно представило московские выборы патриарха не иначе как назначение главы Московской патриархии советским руководством, взяв термины «патриарх», «патриаршество», «избрание», «выборы» в кавычки и приведя отрицательное мнение о каноничности избрания первоиерарха РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского), а в довершении ко всему в статье «Сталинский патриарх в роли паломника» охарактеризовало визит Сергия (Страгородского) на Ближний Восток как элемент «коммунистической подстрекательской пропаганды»¹⁴. Слова о том, что разрешение на избрание главы Русской православной церкви необходимо для открытия Второго фронта и западных союзников, в газете подтверждает главный специалист «по православному вопросу» — владыка Анастасий (Грибановский).

Но если глава Московской патриархии подвергался в подконтрольной немцам русскоязычной печати достаточно мягкой критике, то в гораздо большей степени за изменение своего курса по отношению к Православной церкви осуждались советские властители. Безусловно, более всего высмеивался сам Иосиф Сталин. Именно его пропагандисты хотели представить в комическом ключе — как явного большевика, в мгновение ока ставшего «православным». Лучшее всего подобного рода прием демонстрируют карикатуры на «религиозную тематику».

Крайне интересна карикатура под названием «Кремлевский маскарад», опубликованная во многих подконтрольных немцам периодических изданиях, в том числе в вышеупомянутом «Голосе Крыма». На ней Сталин изображен в царском одеянии, сидящим на троне, за его спиной виднеется красная звезда. Окружен Иосиф Виссарионович своими сторонниками, одетыми кто в боярина образца периода правления Алексея Михайловича, кто в генерала, а кто в солдата XVIII века. Изображен среди них и представитель православного духовенства с отчетливо выраженными еврейскими чертами лица. Подпись под карикатурой тоже говорит сама за себя. Сталину приписаны следующие слова, обращенные к собравшемуся окружению: «Ну смотрите же черты... то есть господя боя-

ре, чтобы никто не ляпнул там про коминтерн или мировую революцию! Гнем теперь по дворянско боярской линии»¹⁵.

Несколько похожих примеров появилось в уже упомянутом выше сборнике «Пропуск в рай». Так, например, на одной из карикатур показаны лидеры большевистского государства, открывающие могилу «Святой Руси». Любопытно отметить, что Сталин обращается к своему окружению со следующими словами: «Теперь поставьте ее так, чтобы казалась совсем как живая. Только осторожнее — вдруг на самом деле оживет!...»¹⁶ Как видим, в данной карикатуре пропагандистская машина Третьего рейха высмеивала постулат о возвращении Советского Союза к традициям прошлого, в том числе православным.

Еще одна любопытнейшая карикатура из этого сборника, на этот раз адресованная украинским гражданам СССР, в гротескном виде изображала «новый сталинский призыв православных священников». Как отмечали составители сборника, данная карикатура была изображена на пропуске для солдат Красной армии и служила им в качестве возможности перехода на сторону врага¹⁷. На карикатуре изображены священник и работник НКВД, причем оба с вычурно гротескными семитскими чертами (естественно, как их изображала нацистская пропаганда). Работник советских специальных служб с удивлением спрашивает священника (фамилия духовно лица — Либерман) о том, не в НКВД ли он, на что получает ответ, что теперь его бывший коллега служит православным благочинным. Важная и сразу бросающаяся в глаза особенность: вместо православного креста на шее у «благочинного» гексаграмма, что демонстрирует национальную принадлежность «священника». Особенно преуспели в издании подобного рода карикатур выходявшие под оккупацией сатирические издания «Бич» (Смоленск, Минск) и «Жало» (приложение к орловской газете «Речь»).

В 1943—1944 гг. Сталин все чаще предстал перед жителями оккупированных территорий как человек, узурпировавший управление Церковью в СССР. В одном из номеров «Бича» на карикатуре «Сталин и 3-й Интернационал» он изображен с огромных крестом на шее, провожающим при этом после приема черта. Сталин подчеркивал, что отныне посланец темных сил должен приходиться к нему «только через задний ход»¹⁸. В эту карикатуру ее авторы вложили следующий смысл: Сталин всегда был на стороне «сатанинских сил», но ранее он открыто выступал за борьбу с религией, вплоть до ее полного искоренения. Теперь же многое поменялось, и антирелигиозную политику приходится отложить «до лучших времен». Еще одно лежащее на поверхности объяснение — политика СССР исходит из подсказок «темных сил», что и выражает данное изображение. Как не странно, но на определенную часть населения оккупированных территорий и такая карикатура могло подействовать.

Следующий прием — обращение к ретроспективе сталинской религиозной политики. Особое внимание пропагандисты заостряли на том, что и в 1941, и в 1942 г. никаких реальных изменений и разворотов в сторону Православной церкви и верующих советским режимом не предпринималось.

Карикатура, озаглавленная ее создателями «Сталинский рай», состояла из множества картинок — «окошек», в каждом из которых показана

на демонстративная ложь советского правительства практически во всех аспектах его деятельности. Более того, каждое отдельное «окно» с одной стороны карикатуры — иллюстрация к статьям Конституции СССР 1936 г., с другой — «уголок достижений за 1942 г.», то есть реальное исполнение гарантируемых свобод. Статья, посвященная свободе совести, проиллюстрирована толпой народа, пытающегося попасть в храм, но окруженного советскими солдатами. Другая сторона карикатуры представлена закрытым храмом, у стен которого молится старик, а рядом дерутся его пьяные односельчане¹⁹. В середине карикатуры изображена фигура Януса, в лицах которого угадывается Сталин. Он сидит на троне, который держат три ряда подчиненных: сотрудники НКВД — самый верхний, партийные работники — средний и самый нижний ряд — придавленные весом простые советские граждане. Кроме того, практически в каждом «окне» тоже есть изображение Иосифа Виссарионовича, который то «монгольский хан», то «бюст Наполеона», то отчаянный трибун, воодушевляющий свой народ. Для пущей убедительности над карикатурой вновь можно увидеть звезду Давида — очередное подтверждение «иудейского» характера государственного строя в СССР.

В следующих номерах этого сатирического журнала Сталин по-прежнему остается главным героем разоблачения советской религиозной политики. Примечательно, что его изображение постепенно меняется. То он как бы «возвышается с ангельскими крылами» над алтарем, за которым находится его же фигура, но уже с окровавленной плетью и в военной форме, то тот же «ангел» летает по небу с пистолетом в одной руке и крестом в другой, то маршал «с окровавленными ножнами» получает благословение от архиепископа Кентерберийского или же стоит с крестом, а за его спиной развивается российский триколор. Наконец, Сталин разговаривает о религии с Лениным, причем если у первого в руках изображен щит с надписью «Спаси и сохрани», то второй сжимает лозунг «Религия — опиум для народа»²⁰.

Была ли подобная пропаганда действенной? В 1941—1942 гг., на фоне общих военных побед Германии, ее успехи на «фронте» религиозной пропаганды были достаточно ощутимыми. В периодике также доминировали рассказы об открытых храмах, священниках, служивших под немцами, невероятном религиозном подъеме, который чувствовался в занятых Третим рейхом районах. Однако общий фон церковного противостояния двух режимов изменился в 1943 г. после сентябрьских событий в Москве. Нацистские пропагандисты понимали, что до населения оккупированных территорий не могли не дойти сведения об избрании в советской столице патриарха. Слухи об изменении религиозной политики невозможно было только пресекать: их необходимо было опровергать и высмеивать. С первой задачей стали справляться сами представители Православной церкви, не считавшие проведенные выборы каноничными. А вот вопросы гротескного изображения нового религиозного курса в свои руки взяли уже работники оккупационной печати.

Однако в освещении религиозных проблем им преуспеть не удалось. Причин этому несколько. Первая — звериный антисемитизм гитлеровцев. Тезис о связи советской религиозной политики с «еврейским вопросом» смотрелся настолько лживо, что никакие реальные и мнимые проблемы

каноничности выборов патриарха не могли оставаться при подобной постановке вопроса на первом плане. Вторая причина — слишком частое заострение внимания потенциального адресата пропаганды на личности Сталина. К 1943 г. население оккупированных территорий настолько разочаровалось в деятельности самих немцев, что постепенно начинало верить в «национальный» разворот советских властей. Постоянное же изображение, пусть и в гротескном виде, советского лидера могло только подкрепить такие суждения. К этой же категории можно отнести и связку: советское руководство — западные союзники и иностранные религиозные авторитеты. У жителей оккупированных территорий на подсознательном уровне вполне могла появиться мысль о том, что раз политику большевиков поддерживают за пределами СССР, значит поворот в сторону религии реальный, а не мнимый.

Но были и действенные стороны этой пропаганды. Постоянное упоминание о прежних репрессиях советских властей, в особенности в период довоенных и военных лет, наводило на мысль о своего рода временной «ширме» изменений в отношении Православной церкви. Именно по этой причине другие действующие лица, являвшиеся проводниками этой политики, в карикатурах изображались как работники НКВД, активные «безбожники» и партийная верхушка. Параллельно этому демонстрировался тезис о несовместимости марксистской идеологии и церковного возрождения. Этих изменений не может быть, согласно пронемецким авторам, даже исходя из здравого смысла и теории.

Сами же карикатуры были очень похожи на советские, лишь с обратной идеологической «начинкой». В целом можно говорить о слабом результате «гротескной пропаганды», направленной против «сталинского нового религиозного курса». Вместе с военной удачей в 1943 г. от нацистов отвернулись и пропагандистские успехи первого периода войны.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 18—78—00048 «Служение русского православного пастырства на временно оккупированных районах РСФСР в 1941—1944 гг.»

1. Пропуск в рай. Сверхоружие последней мировой. Дуэль пропагандистов на Восточном фронте. М. 2007.
2. ФИЛОНЕНКО С.И. Психологическая война на Дону: мифы фашистской пропаганды. 1942—1943. Воронеж. 2007.
3. КОВАЛЁВ Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941—1944. М. 2004; ЕГО ЖЕ. Коллаборационизм в России в 1941—1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород. 2009.
4. ОКороков А.В. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М. 2007.
5. Доронина Н.В. Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополя и Кубани в 1942—1943 гг.: цели, особенности, крах. Пятигорск. 2012.
6. Близнюк М.И. «Войной навек проведена черта...». Вторая мировая война и русские артисты: под оккупацией, в Рейхе, в лагерях Ди-Пи. М. 2017.
7. Шкаровский М.В. Константинопольский Патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века. М. 2014, с. 99—101.
8. Соловьёв И., священник, Шкаровский М.В. Церковь против большевизма. М. 2013, с. 242—245.

9. ЕАА (Эстонский исторический архив), ф. 1655, п. 2, s. 2629, л. 41—41-арр.; Христолюбивые Кагановичи. — Новое слово. 1942. 25 марта, с. 1.
10. Там же.
11. Государственный архив Орловской области (ГА ОО), ф. Р-3681, оп. 1, д. 6, л. 91; Сталин ликвидирует последние церковные ценности. — Речь. 1943. 11 апреля, с. 2.
12. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.), ф. 0—116, оп. 9, д. 1288, л. 43; Сталин — злейший враг Церкви. Как большевики окровавленными руками выбирали «патриарха». — За Родину. 1943, с. 1.
13. ПАСЫНКОВ А. Церковь под игом НКВД. Православные иерархи о московских патриарших выборах. — Северное слово. 1943, с. 1.
14. Голос Крыма. 1943, № 130, 29 ноября, с. 2.
15. Там же, № 39, 31 марта, с. 4.
16. Пропуск в рай. Сверхоружие последней мировой..., с. 74.
17. Там же, с. 72.
18. Государственный архив Брянской области (ГА БО), ф. 2608, оп. 1, д. 54, л. 57.
19. Там же, д. 33, л. 160.
20. Боевой путь. 1942, № 37, декабрь, с. 1.

Церковный корпус Большого Петергофского дворца и прилегающие к нему объекты: история, хронология и изыскательские работы

С. Ю. Каргапольцев, И. Ю. Лапина

Аннотация. В публикации представлены этапы и обстоятельства строительства Большого дворца в Петергофе. Констатируется противоречивость историографических данных о начальном (первом) периоде строительства «каменного нагорного» дворца и каскада фонтанов перед его северным фасадом. Указывается, что Церковный (Восточный) корпус Большого дворца, освященный во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла (построен в 1747—1751 гг.), также имел корректировку первоначального проекта. Анализируется история дворцовой церкви в дореволюционный и советский периоды. Параллельно представлен краткий обзор боевых действий в районе Петергофа в 1941—1944 гг. с перечислением воинских соединений противостоящих сторон. Подробно освещаются результаты реставрационных работ и архитектурно-археологических исследований Петропавловской дворцовой церкви и прилегающих к ней комплексов, проведенных авторами в начале 2000-х годов.

Ключевые слова: Петергоф, Большой дворец, Церковный корпус, архитектор Растрелли, оборона Петергофа в 1941 г., реставрация, архитектурно-археологические исследования.

Abstract. The publication presents the stages and circumstances of the construction of the Grand Palace in Peterhof. The inconsistency of data on the initial (first) period of the construction of the «stone highland» palace and the cascade of fountains in front of its northern facade is stated. It is indicated that the Church (Eastern) building of the Grand Palace, consecrated in the name of the holy first superior apostles Peter and Paul (built in 1747—1751), also had an adjustment to the original project. The history of the palace church in the pre-revolutionary and Soviet periods is analyzed. In parallel, a brief overview of the hostilities in the Peterhof area in 1941—1944 is presented, listing the military units of the opposing sides. The results of restoration works and architectural and archaeological research of the Peter and Paul Palace Church and the adjacent complexes (parter flower beds and Upper Garden fence), conducted by the authors in the early 2000s, are covered in detail. It is concluded that the work on the return of the original look of parterre flower beds and the decoration of the pillars of the park fence at the southern facade of the Church building of the Grand Palace is incomplete.

Key words: Peterhof, Grand Palace, Church building, architect Rastrelli, defense of Peterhof in 1941, restoration, architectural and archaeological research.

Освещение основных результатов архитектурно-археологического обследования цокольной части Церковного корпуса Большого дворца и прилегающих к нему комплексов было бы неполным без краткой

источниковедческой справки по данному объекту и анализа имеющегося в нашем распоряжении иконографического материала. Несмотря на известность, Большой Петергофский дворец имеет «белые пятна» в своей истории, а также практически полную реконструкцию в послевоенный период с частичным изменением первоначального замысла и функционального назначения ряда воссозданных комплексов.

История самого величественного сооружения в Петергофе (с 1944 по 1997 г. — Петродворце) начинает свой отсчет еще при Петре I (1682/1689—1725), ставшем императором после победы над Швецией в 1721 году. Первоначально парадная резиденция на верхней террасе, построенная в стиле раннего (петровского) барокко, именовалась Нагорным дворцом или Верхними палатами (под Нижними подразумевался дворец Монплезир). Первый этап строительства дворца укладывается в период между 1714 и 1717 гг., хотя отдельные достроечные работы продолжались вплоть до 1723 года. Именно 1717 г. датируется гравюра Алексея Ивановича Ростовцева (~1690—1746) «Питеръ Гофъ», на которой изображен петровский дворец с Большим каскадом перед главным (северным) фасадом. Центральный корпус дворца, или правильнее сказать — средний ризалит — имел два этажа с большими арочными окнами (по три на этаж) и третьим подчердачным этажом с тремя квадратными окнами. Боковые ризалиты, также имевшие вид выступающих корпусов, соединялись с центральной частью здания двухэтажными проходными галереями. В реальности же, это были не проходные галереи, а сам дворец, имевший, как уже отмечалось, три ризалита, — средний и боковые. Здание венчалось шатровой крышей, также имевшей три оголовья с чердачными окнами по верхнему ярусу свода. За дворцом изображены цветники с рабатками и прогулочными дорожками Верхнего сада, перед дворцом, как уже указывалось, — Большой каскад фонтанов с гротами и центральным бассейном, переходившим в Морской канал.

Начальный этап строительства Нагорного дворца обычно связывают с именем прусского архитектора Иоганна Фридриха Браунштейна (годы жизни неизвестны). Как считается, именно он разработал проект в стилистике так называемого «петровского барокко», а также составил в 1716 г. генеральный план Петергофа (в 1725 г. И.-Ф. Браунштейн из Петергофа был удален и более в него не возвращался, покинув Россию в 1728 г.)¹. Ряд исследователей отмечает, что в разработке исходного проекта Верхних палат, а также других объектов Петергофа, ключевое участие принял и известный французский архитектор Жан-Батист Александр Леблон (1679—1719). Период работ Ж.-Б.А. Леблона в Петергофе Абрам

Каргапольцев Сергей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: clio@spbgasu.ru; *Латина Ирина Юрьевна* — доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: poli-kam@yandex.ru.

Kargapol'tsev Sergey Yu. — PhD (History), associate professor at the Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. E-mail: clio@spbgasu.ru; *Lapina Irina Yu.* — doctor of historical sciences, associate professor, holder of the chair at the Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. E-mail: poli-kam@yandex.ru.

Григорьевич Раскин и Илья Михайлович Гуревич (1929—2002) датируют 1716—1719 гг., то есть последними годами его жизни от момента прибытия в Петергоф ². По мнению одного из первых историографов Петергофа генерал-майора Александра Фёдоровича Гейрота (1817—1882), служившего с 1848 по 1858 г. в должности старшего советника Петергофского дворцового правления, Леблон вообще является автором проекта дворца, начало строительства которого относится к 1715 г.: «Постройка каменного нагорного дворца начата въ 1715 г. при Петре I-мъ, по плану архитектора Леблона» ³.

Не остался в стороне от оформления дворца и итальянский зодчий Николо Микетти (1675—1759), построивший на крутом склоне перед северным фасадом Верхних палат Большой каскад фонтанов. С его именем историки Петергофа связывают и перестройку интерьеров дворца после случившегося в 1721 г. пожара (работы велись в 1721—1722 гг.), а также пристройку к центральному зданию (в период между 1719 и 1723 гг.) продольных симметричных галерей (восточной и западной), ведущих в боковые двухэтажные флигели (аналогичный замысел был реализован при строительстве Нижних палат, более известных как дворец Монплезир). 1723—1724 гг. датируются отделочные работы в галереях и флигелях, а также устройство над всем дворцом железной кровли ⁴. Однако эти работы завершались уже без именитого мастера, который в 1723 г., по поручению Петра I, уехал в Италию и обратно в Россию уже не вернулся (судя по опыту Леблona и Микетти, работать под началом вспыльчивого и неуравновешенного русского самодержца было не только сложно, но и опасно).

Официальный сайт государственного музея-заповедника (ГМЗ) «Петергоф» выделяет среди проектировщиков Большого дворца еще одного выразителя стилистики раннего барокко — архитектора Михаила Григорьевича Земцова (1688—1743) — ученика Доминико Трезини (ок. 1670—1734), Леблona и Микетти. Именно Земцову, применительно к 1732 г., то есть времени правления императрицы Анны Иоанновны (1730—1740), приписывается авторство боковых галерей дворца. Так, на расширение Нагорного дворца именно М.Г. Земцовым указывает в одной из своих работ ныне действующий генеральный директор ГМЗ «Петергоф» Елена Яковлевна Кальницкая ⁵. В этой же статье она дважды отмечает, что «водяная декорация Петергофа» (т.е. Большой каскад и фонтаны) была начата Леблонoм и закончена Франческо Бартоломео Растрелли (1700—1771). Особенно примечателен тот факт, что Н. Микетти при этом вообще не упоминается, причем даже в контексте ⁶. Отмечает как весьма значительный, вклад Земцова в формирование неповторимого облика Петергофа и Раскин, с той лишь разницей, что Абраму Григорьевичу видится этот вклад не столько в расширении Нагорного дворца, сколько в создании и развитии фонтанной декорации и дорожно-аллейной сети Нижнего и Верхнего садов ⁷. Что же касается расширения дворцового комплекса, то Раскин, опираясь на данные директора Петергофских дворцов-музеев (занимал эту должность в 1924—1937 гг.) и подлинного знатока истории Петергофа Николая Ильича Архипова (1887—1967) ⁸, приводит следующую информацию: «По проекту Земцова в 1732 г. от флигелей дворца параллельно склону поставили одноэтажные деревянные жилые корпуса.

Этим еще более удлинители фасад и на время решили вопрос с нехваткой помещений»⁹. В данном случае совершенно очевидно, что смысловые расхождения о расширении дворца имеют сугубо терминологический характер, чего нельзя сказать о датировках и персоналиях архитекторов.

Считаем необходимым отметить, что информация по начальному периоду строительства Верхних палат (Большого дворца), а также других объектов раннего Петергофа, не только дискретна, но и противоречива: многочисленные альбомы, путеводители и атласы для туристов и экскурсантов зачастую указывают разных зодчих и различные даты этапов работ для одних и тех же объектов и сооружений. Помпезно же выполненные парадные издания, как правило, всякого рода историографические проблемы и пробелы вообще обходят своим вниманием. Взамен этого читателю преподносится «ценностный взгляд» на эпоху и собственно объект описания, его функциональную и эстетическую направленность, культурологическую значимость и искусствоведческую стилистику в формате так называемого аксиологического подхода и ретроспективной презентации¹⁰.

Заметим, что проблеме дефицита достоверной источниковедческой информации, а также утраты части архивных данных по ранней истории Петергофа уделял внимание известный краевед, почетный житель Петергофа Виталий Андреевич Гуцин (1939—2002)¹¹. На этом фоне по-прежнему авторитетными среди специалистов, несмотря на ярко выраженную идеологическую «вуаль» пролеткульта, считаются довоенные исследования уже упомянутого Архипова, а также его сотрудников — Анатолия Владимировича Шеманского (1904—1942) и Семёна Степановича Гейченко (1903—1993)¹².

Второй этап строительства Большого дворца берет отсчет с июля 1746 г., когда императрица Елизавета Петровна (1741—1761) распорядилась о его полной перестройке (исключая снос центрального корпуса петровского времени) и значительном расширении. Проект нового дворца в стиле так называемого елизаветинского барокко был разработан Растрелли, с 1730 г. имевшего статус придворного архитектора. Работы были проведены в 1747—1754 гг., в результате чего дворец (по высочайшему повелению основа центральной части первоначального здания Верхних палат была сохранена, но увеличена до трех полноценных этажей) раскинулся по ширине до 134 саженей (около 268 м), окончательно разделив собой Верхний и Нижний сады-парки (как и прежде, парадный фасад здания был обращен в сторону Финского залива).

Обновленный дворец проекта Растрелли имел П-образную форму, образованную главным зданием и выступающими в сторону Верхнего сада западным (трехэтажным) и восточным (двухэтажным) флигелями. По центральной же (фасадной) оси дворцовый комплекс замыкался двумя боковыми корпусами — восточным Церковным и западным Гербовым. Боковые корпуса с дворцом соединяли одноэтажные проходные галереи, плоские крыши которых были доступны для прогулок посредством двухпролетных лестниц, примыкавших к галереям со стороны Верхнего сада (выходы на смотровые площадки имелись и через стилизованные под окна двери, расположенные на втором этаже главного корпуса дворца). Во всем своем великолепии «Петергофской Ея Императорско-

го Величества дворецъ на берегу финляндского Залива» был представлен на раскрашенной гравюре Никиты Фёдоровича Челнакова (1733 или 1736—1790) и Прокопия Артемьевича Артемьева (1736—1805), выполненной в 1761 г. по оригинальному рисунку Михаила Ивановича Махаева (1718—1770) 1756 года. Избегая излишних подробностей, отметим, что работы по совершенствованию интерьеров, внешнего декора и планировки Большого Петергофского дворца продолжались и в дальнейшем. Так, по высочайшему заказу императрицы Екатерины II (1762—1796), стилистикой целого ряда кабинетов и залов в 1766—1778 гг. занимались известные архитекторы Жан-Батист-Мишель Валлен-Деламот (1729—1800) и Юрий Матвеевич Фельтен (1730—1801).

С целью расширения пространства для вспомогательных служб дворца, архитекторами Ю.М. Фельтеном и Иваном Егоровичем Яковлевым (1728—1783) в 1779—1783 гг. с запада был пристроен так называемый «Корпус за гербом», позднее (в 1838—1840 гг.) перестроенный архитектором Иосифом Ивановичем Шарлеманем (1782—1861). В 30-е гг. XIX в. восточное (алтарное) крыльцо Церковного корпуса обрело двускатную крышу, отображенную на всех акварелях и фотографиях дореволюционного времени. Еще один масштабный объем работ был осуществлен в 1846 г., когда, по распоряжению императора Николая I (1825—1855), архитектором Андреем Ивановичем Штакеншнейдером (1802—1865) был надстроен третий этаж в восточном флигеле дворца, где к предстоящей свадьбе с наследным принцем Карлом Вюртембергским (1823—1891) были устроены личные покои средней дочери императора — великой княжны Ольги Николаевны (1822—1892), после чего корпус получил наименование «Ольгиной половины»¹³.

Возвращаясь к теме Церковного корпуса Большого Петергофского дворца необходимо отметить, что именно с него Растрелли начал осуществлять масштабное перевоплощение дворца: закладка фундамента в присутствии императрицы Елизаветы Петровны состоялась 30 мая 1747 года. К 1749 г. (270 лет назад) здание Церковного корпуса было построено, после чего начались внутренние отделочные работы. 9 сентября 1751 г. состоялось торжественное освящение храма во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла (на церемонии также присутствовала Елизавета Петровна, которую сопровождали наследник российского престола великий князь Пётр Фёдорович с супругой Екатериной Алексеевной)¹⁴. По требованию императрицы, «согласно нашей вере», дворцовую церковь венчали пять куполов, символизировавших Сына Божия Иисуса Христа и его четырех апостолов-евангелистов (согласно первоначальному замыслу, отраженному в проектных чертежах, Растрелли видел храм однокупольным, как и его западный симметричный «противовес» — «Корпус под гербом»). Для справки отметим, что закон «об освященном пятиглавии», обязывавший в рамках допетровской (московской) традиции и Никоновской идеологии «русско-византийского духа» возводить в Санкт-Петербурге исключительно пятиглавые храмы, был обдуман Елизаветой Петровной еще в 1745 г., обретя юридическую силу в 1747 году¹⁵.

Интерьер придворной Петропавловской церкви поражал своей роскошью и великолепием — двухсветное пространство центрального зала

органично соединялось трехчастной аркадой с более низкой трапезной (притвором). Ровный паркетный пол из ценных пород древесины подчеркивал единение храма с остальными залами дворца (особенностью придворной церкви было отсутствие традиционных солей и амвона). Входящих через проходную галерею в притвор храма посетителей встречали образы апостолов Петра (справа) и Павла (слева). Они изображены сидящими за столом с частично раскрытыми свитками в руках. Обилие внутреннего света усиливалось четырьмя люкарнами объемного купола, как бы парящим хрустальным паникадиллом, а также безупречным сочетанием золотого и белого цветов. Живопись многочисленных икон, написанных масляными красками на холсте в мастерской придворного художника Ивана Яковлевича Вишнякова (1699—1761), была гармонично включена в пышный декор обрамления стен и оконных проемов: каннелированных полуколонн с золочеными капителями коринфского ордера, повсеместной объемной золоченой резьбой растительных побегов и раковин, крылатых фигурок младенцев-путти, щитов с вензелями Елизаветы, и иных элементов барочного стиля.

Доминантным элементом храма, в соответствии с канонами русского православия, является иконостас. По замыслу Растрелли, он был выполнен в шестиярусной резной барочной форме с витыми золочеными колоннами и царскими вратами, ведущими в алтарь. Композиционно иконостас переходит в подкупольное пространство храма, связующим элементом чего является скульптурное Распятие и императорская корона, венчающая розетку с именным вензелем императрицы Елизаветы I. Сакральность атрибутики подчеркивают два ангела, указующие на эти символы царской власти, а также парящий голубь (Святой Дух), вписанный в крестовидную розетку подкупольного свода. Канонические иконы, органично соотносенные с картинами религиозного содержания, настраивают всякого входящего на духовные размышления и ощущения бренности земного бытия.

Внешний декор церкви не уступал внутреннему: позолоченные и увитые гирляндами главы луковичной формы, венчающие изящные барабаны, выполненные в форме фонарей (окна «световых» барабанов были ложными, что в реальности диагностирует их как глухие), обильная лепнина, окна с наличниками и сандриками, лопатки и прочие «обвесы» восточного корпуса Большого дворца. Вопреки традициям храмового зодчества русского православия, алтарь Петропавловской придворной (домовой) церкви не имел апсиды, а был размещен в двухэтажном прямоугольном корпусе, симметричном также двухэтажному корпусу трапезной. Таким образом, ступени алтарного крыльца, выполнявшего функцию «служебного», являлись крайней восточной точкой Большого Петергофского дворца. Главными же входами с папертями в центральное пространство Петропавловской церкви были северный (с проездной дороги, проходившей по гребню верхней террасы перед главным фасадом) и южный (со стороны Верхнего сада).

Отличавшаяся религиозностью и набожностью императрица Елизавета Петровна любила свою дворцовую церковь и часто посещала проходившие в ней богослужения. Не возбранялся доступ в храм и рядовым прихожанам, как местных окрестностей, так и Петербурга (лишь в 1844 г.

император Николай I запретил вход в Петропавловскую церковь посторонним, сделав ее исключительно придворной). Именно Елизавета Петровна заложила традицию отмечать в дворцовой Петропавловской церкви праздничными благодарственными молебнами победы российского воинства, полковые праздники императорской гвардии, тезоименитства великих князей Петра Фёдоровича и Павла Петровича, служить панихиды по усопшим императорам Петру I и Петру II (впоследствии, также торжественно, но без широкой огласки, в дворцовой церкви поминали и убиенных императоров Петра III и Павла I), а также проводить таинства крещения и венчания членов императорской фамилии. Последними в придворном храме Большого дворца крестили детей императора Николая II (1894—1917), родившихся в Петергофе: великих княжон Татьяну Николаевну (родилась 29 мая 1897 г. в Фермерском дворце, крещение состоялось 8 июня), Марию Николаевну (родилась 14 июня 1899 г. на Нижней даче, крестилась 27 июня), Анастасию Николаевну (родилась 5 июня 1901 г. на Нижней даче, крестилась 17 июня) и наследника-цесаревича великого князя Алексея Николаевича (родился 30 июля 1904 г., крещен 11 августа). Опуская излишние подробности, отметим, что дворцовая Петропавловская церковь на протяжении более чем полутора столетий играла важную роль в петергофской жизни русского императорского двора и его венценосных монархов ¹⁶.

После 1917 г. все ценные предметы (серебряные чаши, подсвечники и лампы, иконы, ключи от покоренных в 1865—1866 гг. крепостей Ташкента Кокандского ханства и Ходжента Бухарского эмирата, знамена и хоругви) из дворцовой церкви были вывезены в неизвестном направлении и бесследно исчезли. Ту же участь, хотя и в меньшей степени, разделила и «светская» часть Петергофа: к моменту учреждения в нем музея царского быта — 19 мая 1918 г. — большинство дворцов, павильонов и великокняжеских особняков (включая Большой дворец) в существенной мере утратили свои аутентичные интерьеры. Причинами этого стали бессмысленные и беспорядочные перемещения, складирование и эвакуация предметов без инвентаризации, а также банальные кражи, пропажи и реквизиции большевистских властей. Приведение же всего в порядок, а также каталогизация экспонатов и составление инвентарных описей заняло целые годы ¹⁷. Однако в сравнении с масштабом утрат периода Великой Отечественной войны, все прежние проблемы музееведения Петергофских дворцов и парков оказались сущей мелочью. Несмотря на эвакуацию и укрытие в тайниках наиболее ценных экспонатов (напряженные и самоотверженные работы в этом направлении проводились с 23 июня по 22 сентября 1941 г., в результате чего было вывезено 12 932 предмета, т.е. около 22% от общего объема списочного состава музейных фондов), основная часть интерьеров и единиц хранения — 46 914 предметов, среди которых 34 214 экспонатов (картины, мебель, посуда), 11 700 книг, 1000 фотографий и негативов, а также живописные плафоны, наборный паркет, ковры, стенная обивка, материалы фондов, архивные документы и проч. — остались на своих местах (из 101 парковой скульптуры 83 были спрятаны в земле и различных тайниках, а 18 оставлены на постаментах: 7 мраморных и 11 бронзовых), что в условиях боевых действий и вражеской оккупации означало их гибель ¹⁸.

Уместно отметить, что в конце 1930-х — начале 1940-х гг. в штате Петергофских дворцов-музеев и парков состояло около 700 сотрудников и рабочих. Трудовой энтузиазм музейного коллектива подкреплялся суровым законодательством тех лет. Так, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»¹⁹, вступившему в силу с 27 июня и утвержденному законодательно 7 августа 1940 г. (Указ формально сохранял юридическую силу вплоть до 1956 г.), за опоздание на работу без уважительной причины более чем на 20 минут или прогул, как и за самовольное увольнение с предприятия, предусматривалась судебная ответственность со всеми вытекающими последствиями: тюремный срок от двух до шести месяцев или исправительно-трудовые работы до шести месяцев на том же предприятии с удержанием части заработка (только в 1940 г. в СССР по данному Указу было осуждено около 2 млн. человек).

Тем временем фронт неумолимо приближался к Петергофу, фатально прерывая процесс спасения его ценностей: пробив оборону Пулковского рубежа через Дудергоф и Красное Село²⁰, 15—16 сентября 1941 г. соединения 38-го армейского корпуса 18-й немецкой армии прорвались к Финскому заливу в районе Урицка, разорвав, тем самым, единый фронт 8-й и 42-й армий РККА. К Петергофу враг подступил 17 сентября со стороны деревни Горбунки. Территорию южнее железной дороги, включая Луговой парк, обороняли бойцы четырехротного 264-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона (ОПАБа), сформированного в первые дни войны из рабочих Адмиралтейского завода и студентов Ленинградского кораблестроительного института. Огневой контакт бойцов 264-го ОПАБа с подступившими частями 291-й пехотной дивизии немцев начался 18 сентября. Севернее железной дороги позиции занимала 10-я стрелковая дивизия, отрезанная 15 сентября в районе Урицка от частей 42-й армии и переданная в состав 19-го стрелкового корпуса 8-й армии (обескровленная в боях дивизия к этому времени не насчитывала и пятисот бойцов). Усиленная моряками, 10-я дивизия держала оборону на рубеже Разбегай — Горбунки — Стрельна. После ожесточенных боев, поздним вечером 20 сентября немецкие части 1-й пехотной дивизии вышли на подступы Петергофа со стороны Марьино и Знаменки. Естественной преградой для врага стал Александровский канал, на западном берегу которого держали оборону бойцы 10-й стрелковой дивизии. В ходе тяжелых боев 20—22 сентября немцы силами 504-го, 505-го и 506-го полков 291-й дивизии при поддержке танков атаковали позиции 264-го ОПАБа со стороны деревень Владимирово, Марьино, Луизино, прорвались к Бабигонским (Сашинским) высотам, потеснив сильно поредевший 264-й ОПАБ, и подошли к линии Левдузи — Троицкое — Старый Петергоф, где были остановлены 24 сентября 1941 года. Из 1100 бойцов в строю осталось не более 150 (южнее позиций 264-го ОПАБа оборону держала 11-я стрелковая дивизия 19-го стрелкового корпуса 8-й армии).

10-я стрелковая дивизия обороняла 21—22 сентября рубеж от Нижней дачи Николая II и Петергофского шоссе до железнодорожной линии, отойдя западнее лишь после прорыва противника в Новый Петергоф со

стороны железной дороги. Для воспрепятствования продвижению вражеской техники красноармейцами был взорван Большой каменный (Руинный) мост над Щёголевым ручьем в Александрии, являвшимся частью шоссированной дороги от Коттеджа к Фермерскому дворцу ²¹. Ожесточенный бой с утра 22 сентября проходил и на улицах Петергофа, куда немцы прорвались со стороны железнодорожной платформы Фонтаны, находившейся между Новым и Старым Петергофом напротив Ольгиного пруда (в послевоенное время этой станции уже не существовало). В составе защитников Петергофа действовал и 79-й истребительный батальон, укомплектованный в основном местными комсомольцами и старшекласниками. Несмотря на приближение врага, музейные работники продолжали спасать последнее из того, что можно было еще спасти.

Для справки отметим, что «с начала войны» до 19 час. 22 сентября в служебном флигеле Большого дворца (Корпуса за гербом) — «бывшей дачи туристов» — по мобилизационному предписанию размещались штабы воинских частей РККА. Об этом, как и о хронологии боевых действий на восточных окраинах Петергофа, сообщают в своих отчетах главный хранитель музея Филарет Александрович Лосев (годы жизни нам обнаружить не удалось) и директор Петергофских дворцов-музеев с 29 июня по 22 сентября/5 декабря 1941 г. Мартин Михайлович Ребанэ (1889—1973), не уточняя, конечно же, каких именно частей ²². Прежний директор Юзеф Владимирович Финкельштейн (1909—1942) занимал эту должность с июня 1940 по 29 июня 1941 г.: сразу после объявления о начале войны с Германией он ушел добровольцем на фронт и погиб в 1942 году. Ушел на фронт и его заместитель по научной части Анатолий Владимирович Шеманский (1904—1941) ²³.

Таким образом, после упорных боев 20—23 сентября Новый Петергоф был оставлен его защитниками и занят частями 1-й пехотной дивизии вермахта, левый фланг которой поддерживали 291-я и 254-я пехотные дивизии 18-й армии ²⁴. Вечером 23 — утром 24 сентября 1941 г. Новый Петергоф был целиком захвачен немецкими войсками (южнее, как уже указывалось, в районе Бабигонских высот и деревни Троицкое оборонялись 264-й ОПАБ и 11-я стрелковая дивизия, входившая с 1 сентября 1941 г. в структуру 19-го стрелкового корпуса 8-й армии и отступившая 17 сентября 1941 г. от Урицка и поселка Володарского к Старому Петергофу) ²⁵. В ходе боев за Бабигонские высоты 20—22 сентября в руины были превращены не только деревни, носившие имена детей императорской фамилии, но и великолепный Розовый павильон (павильон Озерки) работы Андрея Ивановича Штакеншнейдера (1802—1865) 1845—1848 годов. Сильно пострадал, но все же уцелел и другой его шедевр — павильон Бельведер постройки 1853—1856 годов.

23 сентября случилась главная трагедия Петергофа — полностью выгорел Большой императорский дворец: от бушевавшего огня рухнули все перекрытия с купольными конструкциями. От бывшего великолепия остались лишь внешние стены без интерьеров, дверей и оконных рам. Во время пожара дворец пустовал, так что предпринятые ранее меры противопожарной безопасности (расставленные повсеместно бочки, баки и ванны с водой, песок и инвентарь для борьбы с огнем, пропитка суперфосфатом деревянных конструкций чердаков, насыпка песка на паркет,

и проч.) оказались напрасными²⁶. В общественном сознании утвердилась мысль, что дворец подожгли ворвавшиеся в город и парки немцы. Однако оккупанты, охотившиеся за произведениями искусства, никогда бы не стали поджигать еще не разграбленный дворец, особенно в городе с германоязычным топонимом. Более того, секретные инструкции вменяли в обязанность спецподразделениям оперативного штаба рейхслайтера Альфреда Розенберга (1893—1946) — начальника внешнеполитического управления национал-социалистической рабочей партии Германии и рейхсминистра восточных оккупированных территорий — и зондеркоманде барона Эберхарда фон Кюнсберга (1909—1945) — штурмбанфюрера СС, напрямую подчинявшегося министру иностранных дел Германии Иоахиму фон Риббентропу (1893—1946) — препятствовать такого рода акциям и пресекать грабежи и мародерство на оккупированных немецкими войсками территориях с целью изъятия материальных и художественных ценностей, архивов, библиотек, важных исторических документов, карт и прочих раритетов в пользу Третьего рейха²⁷.

Остаются две версии пожара в Большом Петергофском дворце: случайное возгорание при обстреле или преднамеренный поджог покидавшими Петергоф частями РККА. Первую версию в своем отчете за ноябрь 1941 г. зафиксировал работавший в составе выездной группы оперативного штаба рейхслайтера Розенберга боннский искусствовед Карл-Хайнц Эссер (1912—1999): «Главный дворец и все его внутреннее убранство в результате обстрелов полностью выгорели. Остались лишь стены без крыши» (кроме того, педантичный Эссер признал и факт разграбления всего уцелевшего от огня и разрушений имущества солдатами и офицерами оккупационных частей вермахта)²⁸. Вторую версию озвучил архитектор-реставратор Василий Митрофанович Савков (1907—1978), занимавшийся восстановлением дворца из руин в 1949—1958 гг.: «Дворец сожгли наши, отступая, а разбила его корабельная артиллерия адмирала Трибуца из Кронштадта» (со слов его старшего сына Юрия Васильевича Савкова)²⁹. Эту же точку зрения неоднократно высказывал нам и Вадим Валентинович Знаменов — генеральный директор ГМЗ «Петергоф» с 1977 по 2008 год³⁰.

Возвращаясь к теме боевых действий, отметим, что 23 сентября 1941 г. отступившая из Петергофа 10-я стрелковая дивизия закрепилась на рубеже вдоль Английских прудов, оврага и Троицкого ручья от железнодорожной линии Ленинград — Ораниенбаум до Финского залива, опираясь на Петергофскую (с 1934 по 1993 г. — улица Луначарского) улицу, соединяющую Новый и Старый Петергоф. Соответственно, передовые позиции немцев находились чуть западнее дворца Марли в Нижнем парке и Гранильной фабрики («Алмазной мельницы»), основанной еще при Петре I. Данная конфигурация позиций на линии Нового и Старого Петергофа, хорошо укрепленная обеими противостоящими сторонами, образовала западный рубеж Ораниенбаумского плацдарма (в народной лексике — «пяточка»), так и не преодоленный вражескими войсками. Остановивший немцев и державший оборону южнее позиций 10-й дивизии 264-й ОПАБ 25 сентября был расформирован, а его оставшиеся бойцы пополнили ряды 10-й и 11-й стрелковых дивизий. После этого 11-я дивизия заняла позиции ополченцев и сомкнула свой левый фланг с правым

флангом 10-й дивизии. Разделительным пунктом для них стал Английский дворец работы Джакомо Кваренги (1744—1817) 1781—1789 годов.

1—2 октября 1941 г. части 8-й армии безуспешно пытались отбить Петергоф, потеряв при этом последние танки и едва собранные резервы. Вслепую велись и артобстрелы занятой противником территории, в ходе которых было выпущено 1625 снарядов по Нижнему парку, Александрии и Знаменке (к сожалению, от этого огня больше пострадали музейные сооружения, чем войска противника). В результате боев полностью уничтоженным оказался Английский парк с одноименным дворцом, лежавший как раз на линии фронта. Сильно пострадали или превратились в груды развалин также Чайный навильон, Капелла, Берёзовый домик Екатерины II, дворец герцогов Лейхтенбергских, Собственная дача Елизаветы Петровны/Александра II, все старопетергофские церкви и жилые дома, Гранильная фабрика, дворец Марли и проч. Провалом закончился и плохо организованный морской десант из Кронштадта, высаженный в Петергофе в ночь с 4 на 5 октября 1941 г.: основная часть моряков погибла, остальные попали в плен (столь же губительными стали морские десанты в Стрельну и в район завода Пишмаш 3—8 октября 1941 г., а также попытка прорыва на соединение с ними 124-й танковой бригады вдоль Петергофского шоссе со стороны Урицка) ³¹.

Немецкое командование было обеспокоено тактической уязвимостью своей группировки войск между Урицком и Петергофом, в связи с чем командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб (1876—1956) еще в октябре 1941 г. настоятельно предлагал разбить остатки 8-й армии в районе Ораниенбаума. Однако рейхсканцлер и фюрер Германии Адольф Гитлер (1889—1945) это предложение не поддержал, решив взять Ленинград блокадным измором, а освободившиеся от боевых действий войска перебросить на более важные направления ³². Немцы хорошо укрепили Новый Петергоф, создав разветвленную сеть окопов, блиндажей и огневых точек — пулеметных гнезд и ДЗОТов, а также зенитных и гаубичных артиллерийских батарей, одна из которых находилась непосредственно у Большого дворца. Для предупреждения высадки десантов со стороны Финского залива в Нижнем парке, Александрии и Знаменке были установлены мощные прожектора ³³. Для справки отметим, что 1-я пехотная дивизия вермахта находилась в Петергофе до 31 октября 1941 г., а с 1 декабря уже вела бои в районе Невской Дубровки. После ее ухода в Петергофе остался батальон 505-го пехотного полка 291-й пехотной дивизии, а также велобатальон с велоэскадром ³⁴. Однако в декабре 1941 г. и 291-ю дивизию, которой командовал генерал-лейтенант артиллерии Курт Херцог (1889—1948), передислоцировали на Волховское направление, или как называли это место немцы из-за невыносимых для них условий существования (болота, мошкара, холод и беспрецедентно жестокие бои) — «Задницу Мира» (нем. — *Arsch der Welt*) ³⁵. Там 291-й пехотной дивизии вновь противостояла 10-я стрелковая дивизия, переброшенная в Невскую Дубровку через Ленинград в ноябре 1941 г. (к весне 1942 г. дивизия почти полностью потеряла свой личный состав в кровопролитных боях на Невском пятачке). Также в ноябре 1941 г. из Старого Петергофа в Ленинград была выведена и 11-я стрелковая дивизия, в начале января 1942 г. прибывшая на Волховский фронт

(как и 10-я дивизия, 11-я потеряла практически весь списочный состав в упорных боях за железнодорожную станцию Погостье)³⁶.

291-ю пехотную дивизию в Новом Петергофе сменила 212-я дивизия, находившаяся здесь до августа 1942 года³⁷. Ей на смену заступили части 58-й дивизии, однако и они в ноябре 1942 г. были переброшены на волховское направление. Замыкает список основных оккупационных частей Нового Петергофа 17-й авиаполевой полк 9-й авиаполевой дивизии, находившийся на боевых позициях с ноября 1942 по январь 1944 года. Примечательно, что из-за крайнего напряжения на других участках фронта немецкое командование с 1942 г. пополняло части петергофского направления преимущественно необученными тыловиками, лицами с физическими недостатками и после ранений³⁸. Как бы там ни было, но после ураганного огня, непрерывных атак и угрозы окружения, немецкий оккупационный гарнизон оставил Петергоф и спешно отступил в юго-западном направлении³⁹.

После безрезультатных попыток ликвидировать петергофско-стрельнинскую группировку противника, с 19 ноября 1941 г. началось планомерное уничтожение Петергофа, Стрельны, Знаменки, поселков Ленина и Володарского, Сосновой Поляны и Урицка силами авиации, береговой и корабельной артиллерии Балтфлота (линкоры «Октябрьская революция» и «Марат», крейсер «Максим Горький», канонерская лодка «Красное знамя», эсминец «Строгий») и диверсионными группами в соответствии с секретным Приказом Ставки ВГК № 0428 от 17 ноября 1941 г. «О создании специальных команд по разрушению и сжиганию населенных пунктов в тылу немецко-фашистских войск», подписанным Председателем Государственного Комитета Обороны И.В. Сталиным (1878—1953) и начальником Генерального штаба РККА Маршалом Советского Союза Борисом Михайловичем Шапошниковым (1882—1945)⁴⁰. Однако проведение в жизнь этого приказа лишило укрытия в условиях наступившей зимы не столько немцев (основная часть соединений петергофского гарнизона, как уже указывалось, была передислоцирована на волховское направление блокадного кольца), сколько не успевших эвакуироваться граждан СССР. Не миновала эта участь и жителей Петергофа (в списке целей для артиллерии и авиации РККА и КБФ Новый Петергоф значился под № 6). Впрочем, в первый же год оккупации все они, как и жители Знаменки и Стрельны, были перемещены немцами для принудительных работ в специально организованный лагерь, размещенный в Красном Селе⁴¹.

Бомбардировки и артобстрелы Нового Петергофа железнодорожными и береговыми батареями Ижорского и Кронштадтского укрепрайонов, а также корабельной артиллерией Балтфлота, продолжались в течение всего периода оккупации, превратив в руины 78% его построек и городской коммуникационной инфраструктуры⁴².

В ходе Красносельско-Ропшинской наступательной операции 14—30 января 1944 г. под кодовым наименованием «Январский гром» войска противника под угрозой окружения покинули Петергоф, и 19 января он был занят частями Красной Армии. Активную роль в артподготовке наступления 14 января 1944 г. приняли орудия береговых и железнодорожных батарей Ораниенбаумского плацдарма⁴³. В результате разгро-

ма петергофско-стрельнинской группировки Ленинград был полностью освобожден от вражеской блокады. Масштаб разрушений и утрат в Петергофе поражал воображение. Вот что отметила по поводу Большого дворца в докладной записке хранитель эвакуированного имущества Петергофских дворцов-музеев, размещенного в Исаакиевском соборе, Марина Александровна Тихомирова (1911—1992), бегло осмотревшая состояние музейных объектов Петергофа 31 января 1944 г.: «Большой дворец. Представляет собою руины. Средняя часть дворца, корпус под гербом, церковь существуют. Сохранились частично стены боковых частей дворца и части фасада, выходящего на Нижний сад. Внутренне убранство. Сохранились фрагменты лепки стен Тронного зала /Фельтен/ и фрагменты стенной росписи парадной лестницы»⁴⁴. По подсчетам специалистов, общий объем утраченных культурных ценностей Петергофа оценивается в 16 700 предметов, 4967 из которых перечислены в Сводном каталоге Министерства культуры РФ (из них на долю Большого Петергофского дворца приходится 2219 предметов и единиц хранения)⁴⁵. Материальный ущерб от разрушения только Большого дворца был определен экспертами Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, созданной еще 6 мая 1943 г., в 800 131 000 руб. с учетом поправочного коэффициента историко-художественной значимости (К-10) и 62% разрушений первоначального объема здания⁴⁶. Активную роль в разграблении уцелевших ценностей Петергофа сыграл экономический отряд вермахта по выявлению и сбору материальных ресурсов для нужд военной промышленности Третьего рейха. Так, только в 1942 г. немцами было вывезено из Петергофа 8000 кг свинца, 1500 кг меди, 650 кг латуни и 15 250 кг бронзы. Понятно, что основной вес этого цветного металла (особенно бронзы) составила снятая со своих постаментов фонтанная и парковая скульптура⁴⁷.

В тот период мало кто верил в возможность восстановления Петергофа в прежнем его величии и уж тем более Большого дворца. Так, вышеупомянутый М.М. Ребанэ, находясь в эвакуации в Татарской АССР, отметил в августе 1943 г., что после войны парк необходимо оставить «как парк выходного дня», Большой дворец восстановить лишь внешне, «чтобы сочетать его с фонтанами и парком», отдав западную часть его помещений под музей и дом отдыха «в Западном флигеле, включая “под гербом”», а восточную «пустить в эксплуатацию», устроив там гостиницу, ресторан и кинотеатр⁴⁸. Поэтесса и прозаик Вера Михайловна Инбер (1890—1972), побывшая в конце января 1944 г. в Петергофе, отметила в своем дневнике: «Петергоф разрушен так, что никакими человеческими силами уже не воскресить его»⁴⁹. Однако в 1944—1945 гг., сразу после разминирования территории, были проведены работы с привлечением гражданского населения и военных по расчистке садов и парков Петергофа от строительного мусора, завалов и упавших деревьев, засыпке воронок от бомб и снарядов, окопов, блиндажей и противотанкового рва, протянувшегося от Ольгиного пруда до Большого дворца через весь Верхний парк (в Нижнем парке его роль выполнял Морской канал, соединяющий бассейн Большого каскада с Финским заливом).

На свои места возвращалась извлеченная из тайников парковая и фонтанная скульптура, ремонтировались водоподводящая система фонтанов

и разветвленные трубопроводы. Параллельно производилась консервация сохранившихся элементов зданий дворцов и павильонов, а также складирование кирпичей и фрагментов оставшейся лепнины для последующих реставрационных работ. Надежды и ожидания ленинградцев были подкреплены и законодательными актами: вскоре после окончания Великой Отечественной войны — 14 февраля 1946 г. — последовало решение Ленгорисполкома «О восстановлении фонтанов и парковых сооружений в городе Петродворце» (напомним, что в 1944 г. на волне антигерманских настроений Петергоф был переименован в Петродворец), а в 1948 г. вышло Постановление Совета Министров СССР «О восстановлении здания Большого дворца в г. Петродворце». Большую роль в этом сыграл начальник Государственной инспекции по охране памятников архитектуры Ленинграда Николай Николаевич Белехов (1904—1956), активно отстаивавший на всех уровнях идею полного восстановления разрушенных в годы войны музеев, размещенных в пригородных дворцах⁵⁰. Хотя и он сомневался в возможности быстрого восстановления в прежнем виде разрушенных дворцов и парков Петровского детища, считая в феврале 1944 г., что на это потребуется «не менее 75, а то и 100 лет»⁵¹.

Для посетителей парки Петродворца были открыты уже 17 июня 1945 г., а 25 августа 1946 г. состоялся пуск первой очереди восстановленных фонтанов (38 фонтанов на 112 струй). Вторая очередь, включая воссозданный скульптором Василием Львовичем Симоновым (1879—1960) «Самсон» и основную часть фонтанов Большого каскада, была введена в строй 14 сентября 1947 года. К концу 1950-х гг. были восстановлены уже 126 фонтанов Нижнего парка со скульптурой (кроме Львиного каскада, отреставрированного только в 2000 г.). В 1956 г. был запущен возвращенный из Германии «Нептун», установленный на своем месте еще в 1947 г. (в настоящее время суммарно в Нижнем парке и Верхнем саду действуют 172 фонтана и 4 каскада, для аутентичного восприятия которых было воссоздано 15 монументальных скульптур и свыше 330 декоративных элементов из свинца и бронзы — дельфинов, маскаронов, гирлянд, кронштейнов, и проч.). Отметим также, что основные проектные работы по восстановлению петергофских парков и фонтанов осуществляла созданная в 1945 г. Ленинградская архитектурно-реставрационная мастерская, которой руководил выпускник Института гражданских инженеров императора Николая I 1910 г., доктор архитектуры, профессор Андрей Андреевич Оль (1883—1958). 1 июля 1950 г. мастерская была преобразована в Специальные научно-реставрационные производственные мастерские Главного архитектурно-планировочного управления Ленгорисполкома. В 1974 г. на базе этих мастерских было создано Специальное научно-производственное объединение «Реставратор», преобразованное в 1988 г. в проектный институт «Ленпроектреставрация», а в 2007 г. — в ОАО «Санкт-Петербургский проектный институт реставрации памятников истории и культуры “Ленпроектреставрация”»⁵².

Трудовой героизм, масштаб и технические сложности восстановления разрушенного Петергофа в послевоенное время подробно представлены в специальном исследовании архитектора Александра Гавриловича Леонтьева⁵³. Избегая ненужных смысловых повторов и цитирования, приведем лишь основные этапы беспрецедентной реконструкции Боль-

шого дворца, являющегося архитектурной доминантой всего петергофского ансамбля. Как выше уже указывалось, с 1944 по 1949 г. проводилась подготовительная работа по разминированию, расчистке завалов, консервации и укреплению сохранившихся частей здания, а также решению всевозможных организационно-бюрократических вопросов — ведомственных согласований, составлению проектно-сметной документации, заказу стройматериалов и прочего⁵⁴.

Весной-летом 1952 г. началось восстановление фасадов и кровли Большого дворца, в ходе которого пришлось преодолеть немало сложностей и сопутствующих проблем (архитекторы А. А. Оль, В. М. Савков, Е. В. Казанская, А. Э. Гессен, Е. Н. Петрова, В. Б. Можанская, П. П. Ковалевский, А. А. Лазарева, А. М. Ефимов). Так, из-за сильных протечек фонтанных труб, проходящих из Верхнего сада прямо под зданием дворца и вызывавших постоянную сырость и даже заболачивание прилегающего почвогрунта, пришлось по ходу работ шахтным способом проходить сквозь фундаментные конструкции и прокладывать гидроизоляцию, попутно ремонтируя аварийные участки трубопровода. Летом 1957 г. установкой позолоченных деталей купола была завершена реконструкция Церковного корпуса. Весь же объем внешних восстановительных работ Большого дворца был завершен в 1958 г., после чего началась реставрация его интерьеров. Основная нагрузка в реализации данного проекта легла на плечи архитектора-реставратора Василия Митрофановича Савкова — выпускника Ленинградского института инженеров коммунального хозяйства — и его ученицы — Евгении Владимировны Казанской (1915—1996), за что оба были награждены орденами Трудового Красного Знамени.

Главным отличием внешней формы воссозданной дворцовой церкви Святых апостолов Петра и Павла от ее оригинала стал одноглавый верх, реконструированный по первоначальному проекту Ф.-Б. Растрелли. Из-за экономии средств и антиклерикальных соображений условностями аутентичности решили пренебречь, тем более, что использовать храм по назначению и воспроизводить его внутренне убранство никто в те годы даже не помышлял. Схожий результат имел место и в отношении восточного флигеля Большого дворца. Принятое решение не воссоздавать интерьеры «Ольгиной половины» изменило назначение данного комплекса: в 1960 г. здесь был открыт Большой концертный зал, выполнявший параллельно функции актового зала музея и местного кинотеатра «Большой дворец» (в 1970-е гг. в фойе кинотеатра установили игровые автоматы первого поколения).

В мае 1964 г. были открыты первые залы возрожденных интерьеров дворца и начата экскурсионная деятельность. Большую роль в этих событиях сыграл Илья Михайлович Гуревич, с 1961 по 1995 г. занимавший должность заместителя директора по научной работе ГМЗ «Петергоф» (статус музея-заповедника Петродворцовые дворцы-музеи и парки обрели в 1983 г.) и стоявший у истоков петергофской школы экскурсоводов⁵⁵. Нельзя не отметить и значительный организационный вклад в становление музейной деятельности 1960—1970-х гг. Дирекции дворцов-музеев и парков г. Петродворца — Евгении Ионовны Корчагиной (1918—?) и Василия Ивановича Конюхова (1930—2013), занимавших директор-

ский пост, соответственно, в 1964—1968 и 1968—1977 годах. В восточной проходной галерее в 1960-х — 1970-х гг. размещался пункт проката лыж и финских саней для желающих покататься по зимним паркам Петергофа (в 1980-е гг. зимний инвентарь для отдыхающих выдавался уже в Большой оранжерее Нижнего парка). В Церковном корпусе Большого дворца до конца 1970-х гг. размещалось экскурсбюро. После его перемещения в восточный флигель началась долгая и кропотливая работа по реконструкции убранства и интерьеров придворной церкви. В ходе работ, наконец, дошел черед и до возвращения исторического облика купольной конструкции храма, вновь обретшей в 2002—2003 гг. свое изначальное пятиглавие. Этот сложный объем работ удалось осуществить благодаря кипучей деятельности генерального директора ГМЗ «Петергоф» В.В. Знаменова, занимавшего этот пост в 1977—2008 гг. (с 1965 по 1977 г. Вадим Валентинович находился на должности главного хранителя дворцов-музеев и парков Петродворца). Разработкой этого проекта занимался главный архитектор института «Ленпроектреставрация» Александр Гаврилович Леонтьев — выпускник архитектурного факультета ЛИСИ (с 1993 г. — СПбГАСУ) 1986 г., работавший с 1988 по 2009 г. главным архитектором ГУП «Ленпроектреставрация», а в 2009—2012 гг. — главным архитектором ГМЗ «Петергоф» (с 2012 г. А.Г. Леонтьев — первый заместитель председателя КГИОП Санкт-Петербурга), а осуществлением — «Первые Петергофские Реставрационные мастерские» под руководством Галины Александровны Агалиной. Воспроизводством росписи купола, стен и плафонов дворцового храма занимались художники-реставраторы Фонда Академии художеств под руководством профессора Никиты Петровича Фомина. Воссоздание церковного иконостаса в 2009—2011 гг. бригадой живописцев ЗАО «Фирма “Пик”» под руководством художника-реставратора Ярослава Александровича Штеренберга, выполненное по акварели Эдуарда Петровича Гау (1807—1887) «Церковь св. ап. Петра и Павла Большого петергофского дворца» (1842 г.), хранящейся в ГМЗ «Петергоф», и нескольким черно-белым фотографиям, завершило многолетний период комплексной реставрации (в данном случае более применим термин реконструкции) Большого Петергофского дворца⁵⁶. Итогом этой работы стало торжественное открытие 12 июля 2011 г. музея «Церковный корпус Большого дворца». Параллельно, с ноября 2010 по август 2011 г., по инициативе генерального директора ГМЗ «Петергоф» Е.Я. Кальницкой, у Большого дворца было заменено кровельное покрытие, выполненное из медного листа, с последующей его покраской. Завершая исторический обзор, отметим, что именно с Церковного корпуса в 1747 г. было начато строительство Большого Петергофского дворца, и именно на нем в 2011 г. был завершен многолетний процесс воссоздания утраченного в годы войны комплекса.

Переходя к изложению основных результатов архитектурно-археологических исследований и общему мониторингу ремонтных работ Церковного корпуса Большого Петергофского дворца, проведенных авторами данной публикации в июне-октябре 2002 г. по заказу дирекции ГМЗ «Петергоф» (координировала работы начальник Отдела реставрации и реконструкции Ирина Николаевна Бирюкова), отметим, что возвращению дворцовой церкви святых апостолов Петра и Павла утраченного в годы

Великой Отечественной войны пятиглавия, как и проведению сопроводительного объема работ (благоустройство прилегающей территории, ремонт фасадов Церковного корпуса, изыскательские работы и проч.), помогли грядущие на то время юбилейные даты — 300-летие Санкт-Петербурга (2003) и Петергофа (2005).

Раскопки партерных цветников у южного фасада Церковного корпуса проводились методом послонного раскрытия грунта с промежуточными зачистками слоя и фиксацией всех промеров от нулевого уровня выбранного репера современной дневной поверхности, т.е. относительного соотнесения высотных отметок исследуемых комплексов. Выборка грунта в шурфах производилась до УДП (уровня дневной поверхности) XVIII века. Условием технического задания на данный объем работ было полное сохранение всех архитектурных деталей или их конструктивных элементов *in situ*, что исключало достижение подстилающего культурного слоя «стерильного» грунта или так называемого «материка». Тогда же — в сезон 2002 г. — нами были исследованы и другие архитектурно-ландшафтные комплексы Верхнего сада, однако этот материал выходит за рамки обозначенной тематики данной работы. Отметим лишь, что суммарно за период 2001—2012 гг. в Петергофе нами было раскрыто более 70-ти архитектурно-ландшафтных, дворцовых, садово-парковых и гидротехнических комплексов XVIII — начала XX в. общей площадью 1850,5 м² (468 шурфов). Техническое задание Отдела реставрации и реконструкции ГМЗ «Петергоф» предусматривало также проведение мониторинга общего состояния цокольной части здания и прилегающей к нему отмостки, обследование внешних стен южного фасада, а также несущих и крепежных конструкций, включая купольные и подкупольные элементы. Также целью работ было обследование столбов ограды Верхнего сада в районе северо-восточного пилона, непосредственно примыкавших к Церковному корпусу большого дворца. Сделанные в форме видеокomentarия наблюдения были приложены к отчету о выполненных работах по архитектурно-археологическому обследованию партерных цветников и столбов ограды Верхнего сада. Никаких нарушений в ходе реставрационных работ фасадов и купольных конструкций Церковного корпуса нами обнаружено не было⁵⁷.

Партерные цветники у южного фасада Церковного корпуса Большого дворца, сооруженные в период перестройки Большого дворца и самого Верхнего сада Растрелли в 1747—1755 гг., являются неотъемлемым элементом регулярного стиля в оформлении парка, органично связывающими архитектурно-ландшафтную композицию дворца с прилегающей к нему территорией сада. Единственное их детальное изображение со стороны Нижнего парка и Верхнего сада приведено на известных аксонометрических планах французского архитектора и картографа Пьера Антуана де Сент-Илера (?—1780), выполненных в 1772—1774 гг. под названием «Аксонометрический план Петергофского дворца Ее величества императрицы Всероссийской, расположенный в 30 верстах от Санкт-Петербурга»⁵⁸.

В соответствии с замыслом Растрелли, северные цветники Верхнего сада представляли собой две симметрично расположенные композиции у западного и восточного корпусов дворца и примыкавших к ним проход-

ных галерей Это были слегка возвышенные разрезные газоны с узором из природных и искусственных материалов — толченого мрамора, раковин, и кирпича. Каждая из композиций включала в себя крупный партер перед ступенями южных крылец галерей и парные малые партеры перед концевыми дворцовыми корпусами. В летний период цветники дополнялись кадочными растениями, которые выставлялись по углам каждого партера в предусмотренных для этого вырезах, а также в центральном круге — по 5 кадок на каждый партер. Постриженные кроны растений имели куполообразную луковичную форму. Известно и документальное подтверждение расположения и убранства партерных цветников, датированное 1762 г.: «В Верхнем против дворца и в Нижнем садах цветники или партеры украшаются песком, кирпичом и шкаликами стеклянными и муравлеными...»⁵⁹ Однако в связи с быстро меняющейся модой на стилистику садов и их элементов, уже к концу XVIII в. регулярные барочные цветники были заменены на прямоугольные газоны пейзажного стиля, дополненные лишь кадочными растениями, число которых возросло до 8 штук на каждом партере. Это изменение фиксируют планы Василия Ивановича Баженова (1738—1799)⁶⁰ и Петра Васильевича Неелова (1749—1846)⁶¹. Необходимо отметить, что «Его Императорского величества Дворцу планъ нижняго этажа съ верхним садомъ въ Петергофе», сделанный П.Е. Нееловым в 1797 г., вообще не изображает цветников⁶², вследствие чего большой источниковедческий интерес представляет именно «План Петерговскаго дворца и верхняго Сада» В.И. Баженова 1796 года. Также без всякого рисунка отмечены партерные цветники и на «Генеральном плане Верхнего сада» В. Гауглера, сделанном в конце XIX века⁶³.

Едва ли что менялось в декоре цветников и в последующее время: имеющиеся фотографии Церковного корпуса конца XIX — начала XX в. сделаны под значительным углом и позволяют увидеть лишь объемные элементы партерных цветников (кадочные растения), но не передают их планировки. Кадочные культуры на фото представлены высокими (до 4 м) штамбовыми растениями с шаровидной кроной. Деревянные кадки усилены железными обручами и выкрашены в белый цвет⁶⁴. Излишне говорить о том, что в период Великой Отечественной войны и вражеской оккупации Петергофа цветники были полностью утрачены. Их реконструкция по первоначальному проекту Растрелли была осуществлена в середине 1960-х годов. В архиве садово-паркового отдела ГМЗ «Петергоф» хранится разработка архитектора П.П. Ковалевского и инженера-паркостроителя К.Д. Агаповой «Проект восстановления Верхнего парка в г. Петродворце. Цветники у южного фасада Большого дворца», составленная между 1962 и 1964 годами⁶⁵. В архиве ГМЗ «Петергоф» доступен для обозрения и цветной вариант проекта 1964 г., основанного на плане де Сент-Илера⁶⁶. Восстановление цветников было частью обширных реставрационных работ 1955—1968 гг., когда Верхний сад восстанавливался как регулярный парк середины XVIII века. В рамках этих работ были вырублены и все уцелевшие деревья, обильно произраставшие в Верхнем саду еще с XIX века.

Согласно плановому заданию обследования партерных цветников у южного фасада Церковного корпуса (северо-восточный сектор Верхнего сада), выданному 11 июля 2002 г. отделом реставрации и реконструк-

ции ГМЗ «Петергоф», нами было заложено три шурфа (по одному на каждый цветник) для выяснения глубины залегания первоначального УДП и стратиграфии, а также локализации возможных элементов аутентичной планировки комплексов. На тот момент предполагалась новая реставрация цветников с детальной прорисовкой партеров и включением в цветник керамических деталей окаймления, а также использованием цветного стекла или фарфоровой гальки в качестве инертного материала для заполнения фигурного узора. С высоты времени уместно отметить, что, несмотря на проведенные нами исследования и полученные материалы, замыслы по воссозданию растреллиевских цветников, детально зафиксированных на планах де Сент-Илера, реализованы так и не были. К сожалению, в 2002—2003 гг. дело, как часто бывает, ограничилось лишь косметическим ремонтом псевдоисторической реплики середины 1960-х гг. (проект П.П. Ковалевского предусматривал использование бетонных конструкций, был схематичен и не соответствовал технологическим стилистическим нормам середины XVIII в.).

Как уже указывалось, восточный сектор цветников представляет собой композицию из большого партера перед галереей и двух малых партеров перед Церковным корпусом Большого дворца (симметричный ему комплекс расположен в западном секторе у Корпуса под гербом). Общая площадь трех диагностических шурфов составила 12 м².

Шурф 1 (площадь 4 м²) сложной конфигурации, подчиненной планировке данного сектора партера, был заложен в юго-восточной части восточного цветника. Расстояние от восточной стенки шурфа до ограды Верхнего сада составило всего 1,5 м, а от северной стенки до южного фасада Церковного корпуса — 14,17 м. За нулевой уровень была принята современная поверхность газона, максимальная глубина выборки слоя в шурфе составила 0,38 м. Именно на этой отметке (глубине залегания) была вскрыта плотная вымостка из мелких фракций пудостского известняка, битого кирпича и гравия (мелкая галька и измельченный гранит). Данные стратиграфии и горизонт сопутствующих находок (подробнее речь об этом чуть ниже) позволили диагностировать эту вымостку как подоснову всей северной части Верхнего сада, т.е. УДП середины XVIII века. Фактура исполнения вымостки аналогична синхронным ей комплексам, исследованным нами ранее у Монплезира, Кривых галерей на Морском канале и других объектов XVIII века. Под набивкой и отсыпом современной площадки, прилегающей к цветникам, отмечен щебеночный слой, зафиксированный в юго-восточном секторе шурфа и профиле его стенки. Поддерновый слой представляет собой гумуссированный суглинок толщиной около 0,35 м. Высотные отметки, сделанные по периметру всего цветника, зафиксировали незначительное колебание современного УДП в пределах 50—170 мм (уклон УДП к северу). Следует отметить удовлетворительное состояние бетонной основы фигурного декора цветника, сделанной в середине 1960-х годов. Никаких конструктивных элементов цветника периода XVIII в. при выборке слоя и в профилях стенок шурфа обнаружено не было. Из сопутствующих находок нижнего горизонта, помимо кованых гвоздей, следует отметить осколки цветного стекла зеленого и желтого цветов. Предположительно их можно атрибутировать как «шкалики», использовавшиеся для украшения цвет-

ников в XVIII веке. В восточном секторе шурфа (у ограды), на уровне вымостки XVIII в., были обнаружены фрагменты формованного медного листа с сильным налетом патины. С большой долей допущения можно предположить, что это обломки декоративных раковин цветника, окаймлявших края фигурных рисунков. Другим вариантом их первоначального предназначения следует признать кровельное покрытие столбов ограды.

Шурф II, квадратной формы 2×2 м, был заложен и выбран в северо-западном секторе среднего (малого) цветника. Глубина выборки, как и в I шурфе, составила 0,38 м. Толщина бетонного бордюра (раковины) с цементированным в него гранитным щебнем составила 0,03 м, бетонной декоративной валюты — 0,06 м. Под валютой зафиксирована прослойка песка толщиной 0,1—0,12 м. Данные стратиграфии позволили определить, что бетонные конструкции были выполнены на месте (*in situ*). Подтверждает это наблюдение и неровная поверхность нижней части бордюра (вследствие заливки бетона непосредственно на уплотненный грунт). Еще раз отметим, что сохранность и техническое состояние бетонного декора не вызывают никаких нареканий. Колебания УДП в пределах шурфа незначительны, от 0,03 до 0,05 м.

На уровне зачищенной вымостки были обнаружены осколки цветного стекла (белый, зеленый), мелкие фрагменты расписного фарфора (синий кобальт), кованые гвозди и деревянные плашки толщиной около 1 см. Главный интерес вызвала медная монета Елизаветы Петровны чеканки 1753 г., которая была обнаружена в северо-восточной части шурфа, как бы впечатанной в плотный слой вымостки. Данная находка у южной церковной паперти имеет, вне сомнений, датирующее значение нижней даты комплекса (*terminus post quem*), что доказательно подтверждает наши предположения об отнесении данного слоя (подосновы исторического горизонта) к середине XVIII века ⁶⁷.

Г-образный в плане *Шурф III* (площадь 4 м²) был заложен в северо-восточном секторе западного (большого) цветника, находящегося напротив ступеней крыльца восточной проходной галереи Большого дворца. Шурф III дистанцирован на 12,8 м от шурфа II и на 8,22 м от галереи Большого дворца. Показатель максимальной глубины выборки слоя от нулевого уровня составил 0,54 м. Набивка площадки в этой части парка имеет характер мощения, то есть является крайне плотной и равномерной. Перепад современного УДП отсыпа составляет 0,25—0,3 м. В шурфе III была определена мощность (толщина) вымостки середины XVIII в., являвшейся подосновой данного сектора Верхнего сада. Этот показатель составил 0,25 м. Аутентичную вымостку подстилает глиняная подушка с включениями мелкого гравия и крупнозернистого песка. По просьбе сотрудников Отдела реставрации и реконструкции ГМЗ «Петергоф» прорезка глиняной подушки не производилась. В южном, западном и центральном секторах шурфа вымостку XVIII в. покрывает прослойка плотной бурой глины толщиной 0,12—0,22 м. Мощность поддернового гумусированного суглинка имеет показатель 0,2—0,3 м. Элементы бетонного декора цветника подстилает прослойка песка толщиной от 0,1 до 0,22 м. Сохранность бетонных конструкций также превосходная (толщина бетонного бордюра 0,03 м, бетонных валют — 0,1 м). Тем не менее, следует отметить выявленные параметрические погрешности между

проектными и реальными планами цветников. Как и в других шурфах, никаких признаков конструкций XVIII в. в цветнике не зафиксировано. Уровень вымостки (подосновы) XVIII в. прослежен как планиграфически, так и стратиграфически. Как уже указывалось, ее толщина составила 0,25 м. Слой вымостки оказался «стерильным», то есть нетронутым прежними перекопами. Данное обстоятельство позволяет с уверенностью заключить, что и на большом партере котлован под цветники не закладывался, а работы середины 1960-х гг. носили исключительно поверхностный характер. Из сопутствующих находок отметим мелкие железные предметы, фрагменты садовой керамики и осколок цветного (сиреневого) стекла. Кроме того, в слое были обнаружены две стреляные гильзы калибром 7,9 мм от немецкой магазинной винтовки Mauser 98k.

В качестве знаменателя по данному объему работ отметим следующее: перепад высотных отметок современного и исторического (середины XVIII в.) УДП составляет 0,38 м. Конструктивных элементов аутентичных цветников не выявлено. Несмотря на имеющийся иконографический материал (аксонометрические планы де Сент-Илера) и принятое решение о детальной реставрации партерных цветников Верхнего сада в соответствии с технологиями и эстетикой середины XVIII в., данный проект реализован не был. Композиции цветников у Церковного и Гербового корпусов Большого дворца до сих пор представляют собой импровизационные технологические приемы реконструкции, главным компонентом которых являются новодельные бетонные конструкции середины 1960-х годов.

Вторым этапом работ у Церковного корпуса Большого дворца стало обследование столбов ограды Верхнего сада. Первоначальная его планировка, как известно, восходит еще к Петровскому времени (1714—1724 гг.). Основным его предназначением в тот период были хозяйственные функции — огород, теплицы, а также посадки ягодных кустов и фруктовых деревьев. Центральный и квадратные пруды служили водохранилищами как для фонтанов Большого каскада (резервный объем), так и для разведения рыбы. Лишь при Анне Иоанновне, в 1733—1739 гг., в Верхнем саду появилось пять фонтанов, а в центральном пруду была размещена золоченая свинцовая группа «Телега Нептунова». В 1798—1799 гг. «телегу» заменили многофигурной скульптурной композицией «Нептун», созданной в 1650—1658 гг. нюрнбергскими скульпторами Х. Риттером, Г. Швейгером и И. Эйслером. Как известно, это произведение приобрел император Павел I (1796—1801) для Гатчины, но не найдя там необходимых источников для воды и достойного места, распорядился установить его в Петергофе (повеление осуществили мастера Н. Семёнов и Ф. Стрельников)⁶⁸. Кроме того, в 30-е гг. XVIII в. были обновлены обветшавшие берсо с беседками, устроены партеры с золочеными статуями и кадочными растениями, а вся территория обнесена окружной трельяжной оградой. Таким образом, именно при императрице Анне Иоанновне Верхний сад Петергофа приобрел парадный характер регулярного парка.

При Елизавете Петровне Растрелли существенно увеличил территорию сада, доведя ее до 15 га. Его границы были выведены за пределы прорытых еще в 1714 г. декоративно-дренажных водоотводных рвов и обнесены оградой с каменными столбами и въездными пилонами в стиле барокко, обильно декорированными лепниной, маскаронами и алеба-

стровыми вазами. Как и в случае с другими объектами Нижнего парка и Большого дворца, датировка растреллиевской ограды Верхнего сада имеет большой хронологический разброс. Так, А. Ф. Гейрот, ссылаясь на архивные данные, указывает на 1754 г.⁶⁹, а А. Г. Раскин — на более поздний период (1756—1760 гг.)⁷⁰. Несохранившиеся золоченые скульптуры перед столбами у Церковного корпуса, как и вазы на крышах столбов, зафиксированы как на вышеупомянутых аксонометрических планах де Сент-Илера, так и на картине Иоахима Конрада Кестнера «Отъезд из Петергофа великой княгини Екатерины Алексеевны в день провозглашения ее императрицей», (т.е. в день переворота 28 июня 1762 г.), написанной в 1762—1763 годах⁷¹. Отметим, что И.-К. Кестнер — художник-прикладник из Саксонии — работал во второй половине XVIII в. на фарфоровой мануфактуре шотландского купца Франца Якоба (Яковлевича) Гарднера (1714—1796), находившейся в селе Вербильцы Дмитровского уезда Московской губернии.

Для выяснения способа крепления декоративных ваз на трех столбах восточного сектора ограды (двух фронтальных, один из которых непосредственно примыкает к Церковному корпусу Большого дворца, и одном угловом, установленном на внутреннем углу северо-восточного сектора сада), было временно демонтировано кровельное покрытие их полуциркулярных капителей, изготовленное из оцинкованного железа.

Непосредственно под кровлями — в кирпичных кладках сводов подкровельных площадок — были обнаружены разной степени сохранности четырехугольные поверхностные углубления незначительных размеров. В плане эти показатели составили 0,2—0,25×0,25—0,3 м и имели глубину 0,2 м. Зафиксированные углубления несколько асимметричны относительно осевого центра столба (находясь на центральной оси, они слегка сдвинуты к внутренней стороне столбов). Четко различимые на подкровельных площадках, углубления были засыпаны строительным мусором, замурованы раствором или заложены кирпичом. Извлечь эти заполнения и расчистить квадратные в плане углубления не составило большого труда. Важно отметить, что именно такая асимметрия гнезд посадки крепежа ваз относительно поперечного центра верхних площадок столбов ограды — незначительное смещение в сторону внутренней части сада, хорошо заметное при увеличении масштаба сканкопий чертежей, — показана на аксонометрических планах де Сент-Илера. Определить, исходя из имеющегося материала, что это — следы демонтированных штырей или ниши для клиновидных оснований стоявших когда-то ваз — пока затруднительно. Для получения более точной информации необходимы большая выборка столбов, а также инструментальное изучение их конструкции и несущих способностей кладки. Однако даже имеющихся в нашем распоряжении данных достаточно, чтобы констатировать присутствие каких-то следов крепления декоративных ваз на столбах ограды. Этот факт создает определенные перспективы для воссоздания ее изначального облика.

В завершении данного сюжета, отметим, что после обследования все потревоженные столбы ограды Верхнего сада были вновь приведены в прежний вид. Остается лишь сожалеть, что замысел бывшего директора ГМЗ «Петергоф» Вадима Валентиновича Знаменова по возвращению

первоначального облика ограды Верхнего сада, как и многих других утраченных объектов Петергофа (Кривых галерей на Морском канале, фонтана на западном булинтрине Померанцевой оранжереи, театра в Верхнем саду, Нижней дачи в парке Александрия и проч.) так и не был реализован на практике. Впрочем, в этом и состоит так называемая «связь времен», а также один из непреложных законов «живой истории»...

Примечания

1. Архипов Н.И., Раскин А.Г. Петродворец. М.-Л. 1961, с. 14.
2. Раскин А.Г. Петродворец. Дворцово-парковый ансамбль XVIII века. Л. 1975, с. 11, 32; Гуревич И.М. Петродворец. Фотоальбом. Л. 1982; ЕГО ЖЕ. Петродворец: Большой дворец. Л. 1988.
3. Гейрот А.Ф. Описание Петергофа. Репринтное воспроизведение издания 1868 года. Л. 1991, с. 86.
4. См., например: Раскин А.Г. Ук. соч., с. 11, 32; Гуревич И.М. Петродворец: Большой дворец...
5. Кальницкая Е.Я. Императрица Елизавета Петровна и Петергоф. К 300-летию со дня рождения императрицы Елизаветы Петровны. — История Петербурга. 2010, № 1(53), с. 31.
6. Там же, с. 32, 35.
7. Раскин А.Г. Ук. соч., с. 12—13, 32, 60.
8. О Н.И. Архипове см.: Раскин А.Г., Уварова Т.В. Возвращение имени: Николай Ильич Архипов. — Псков, 2010, № 33, с. 129—143; Кальницкая Е.Я. «Музею я оставляю по себе хорошую память...» Николай Ильич Архипов: человек и директор. В кн.: Дворцы и война. К 100-летию начала Первой мировой войны. Сб. статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». В кн.: Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. V. СПб. 2015, с. 147—161.
9. Раскин А.Г. Ук. соч., с. 32.
10. См., например: Vernova N. Peterhof. The Great Palace. St. Pet. 2001; Вернова Н.В. Императорский Петергоф. XVIII век. СПб. 2002.
11. Из устных сообщений В.А. Гущина. О его биографии см., например: Жёлтикова М.А. Виталий Гущин: служение Петергофу. — История Петербурга. 2010, № 1 (53), с. 42—44.
12. Архипов Н.И. Петергоф. Сады и фонтаны XVIII века. М.-Л. 1931; Его же. Сады и фонтаны XVIII века в Петергофе: Путеводитель. Изд. 4-е. М.-Л. 1933; Шеманский А.В., Гейченко С.С. Историко-бытовой музей XVIII века в Петергофе. Большой дворец. 2-е изд. М.-Л. 1931; Гейченко С.С. Большой дворец в Петергофе. Л. 1936.
13. Гейрот А.Ф. Ук. соч., с. 93; Раскин А.Г. Ук. соч., с. 38—44.
14. Гейрот А.Ф. Ук. соч., с. 87.
15. Постернак К.В. Императрица Елизавета Петровна и церковное искусство ее времени. — Диалог со временем. 2013, вып. 44, с. 299—300.
16. Буланая Н.Б. Церковь Большого петергофского дворца: страницы истории. — История Петербурга. 2010, № 1(53), с. 115—120; Ее же. Церковь Святых Апостолов Петра и Павла Большого Петергофского дворца. СПб. 2011, с. 24—43; Бондарев С.В. Придворная церковь Большого петергофского дворца — памятник русской воинской славы. В кн.: Дворцы и война. К 100-летию начала Первой мировой войны. Сб. статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». В кн.: Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. V. СПб. 2015, с. 270—279.
17. Измайлов М.М. Петергоф за первые десять лет революции. Заметки сотрудника музея. В кн.: Дворцы и война. В кн.: Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век, с. 316—326.
18. Архив ГМЗ «Петергоф», д. 485, л. 5—8; Отчет о состоянии Петергофских дворцов-музеев и парков к 20 часам 22 сентября 1941 года. В кн.: Дворцы и война. В кн.: Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век, с. 331—341; Ребанэ М.М. Некоторые воспоминания о том, как спасали ценности Петергофа в 1941 году. Там же, с. 344—347.

19. Правда. Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б). № 176 (8222) от 26 июня 1940 г., среда, с. 1.
20. Соколов В. А. Пулковский рубеж. СПб. 2002.
21. Из устных сообщений В. А. Гущина.
22. Отчет о состоянии..., с. 331—332; Ребанэ М. М. Ук. соч., с. 347.
23. Ребанэ М. М. Ук. соч., с. 346.
24. Ломагин Н. А. Петергоф в документах вермахта в военные месяцы 1941 года. В кн.: Дворцы и война. В кн.: Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век, с. 179.
25. Там же, с. 171—179.
26. Отчет о состоянии..., с. 332; Ребанэ М. М. Ук. соч., с. 347.
27. Кур-Королёв К., Шмигельт-Ритиг У. Утрата и уничтожение художественных ценностей Петергофа в годы Великой Отечественной войны. Обзор на основе немецких источников. В кн.: Дворцы и война. В кн.: Проблемы сохранения культурного наследия, с. 180—188; Кантор Ю. З. Судьба российских художественных ценностей в годы Второй мировой войны: белые пятна. Там же, с. 162—167.
28. Там же, с. 183—184.
29. Хмелик Т. Реставратор — это реаниматор. — Аргументы и Факты. 15.12.2004, № 50, с. 20.
30. Из устных сообщений В. В. Знаменова.
31. Кольцов Ю. В. Петергофский десант: научно-популярная публикация отчета штаба Краснознаменного Балтийского флота о десанте в Новый Петергоф 5 октября 1941 г. СПб. 2010.
32. Лебедев Ю. М. Ленинградский «Блицкриг» 1941—1942. На основе военных дневников высших офицеров вермахта генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба и генерал-полковника Франца Гальдера. 1941—1942. М.-СПб. 2011, с. 327.
33. Филиал ЦАМО — Центрального архива Министерства обороны (Военно-морской архив), ф. 161, оп. 34, д. 15, л. 131.
34. Филиал ЦАМО (Военно-морской архив), ф. 1507, оп. 28, д. 2, л. 273.
35. Там же, ф. 161, оп. 34, д. 11, л. 240.
36. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 31811, оп. 2, д. 150.
37. Кур-Королев К., Шмигельт-Ритиг У. Ук. соч., с. 183.
38. Филиал ЦАМО (Военно-морской архив), ф. 161, оп. 34, д. 18, л. 321.
39. Там же, ф. 1507, оп. 28, д. 41, д. 10—11.
40. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО), ф. 229, оп. 161, д. 4. Директивы Главного штаба Красной Армии и Наркомата обороны СССР. 1941 год.
41. Филиал ЦАМО (Военно-морской архив), ф. 161, оп. 34, д. 11, л. 107, 108, 113.
42. Смирнов Н. К. Матросы защищают Родину. 2-е изд., испр. и доп. М. 1968; Лукницкий П. Н. Сквозь всю блокаду. Дневник военного корреспондента. М. 1975, с. 460; Алепко И. Г. Краснознаменный Балтийский флот. Таллинский переход. Либава. Хроника 1942 г. СПб. 2011, с. 82—264.
43. Смирнов Н. К. Ук. соч., с. 172—177.
44. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), ф. 510, оп. 1, д. 88, л. 1.
45. Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 6: Государственный музей-заповедник «Петергоф». Кн. 1: Большой дворец. Министерство культуры Российской Федерации. М. 1999—2010. URL: <http://www.lostart.ru/catalog/tu/tom6/>; Кур-Королев К., Шмигельт-Ритиг У. Ук. соч., с. 180—188; Павлов А. Ю., Потёмкина Е. В. Определение ущерба, нанесенного дворцам и паркам Петергофа в период оккупации, и начало восстановительных работ. В кн.: Дворцы и война. В кн.: Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век, с. 189—194.
46. Павлов А. Ю., Потёмкина Е. В. Ук. соч., с. 193.
47. Кур-Королев К., Шмигельт-Ритиг У. Ук. соч., с. 187—188.
48. ЦГАЛИ СПб, ф. 329, оп. 1, д. 5, л. 95.
49. Ибнер В. М. За много лет. М. 1964, с. 423.
50. Павлов А. Ю., Потёмкина Е. В. Ук. соч., с. 193—194.
51. ЦГАЛИ СПб, ф. 468, оп. 1, д. 117, л. 3—4.

52. Кормильцева О.М., Леонтьев А.Г., Петрова М.А. «Успеть поработать для вечности...». Н.Н. Белехов, А.Н. Петров, Е.Н. Петрова: жизнь и творчество. СПб. 2009, с. 23.
53. Леонтьев А.Г. Страницы послевоенного восстановления Петергофа. — История Петербурга. 2010, № 1 (53), с. 10—17.
54. Павлов А.Ю., Потемкина Е.В. Ук. соч., с. 192—194.
55. Раскин А.Г. Ук. соч., с. 44; Мельникова Н.В. «О прошлом Петергофа с улыбкой говорить». Из истории становления экскурсионного дела в Петергофе. — История Петербурга. 2010, № 1 (53), с. 62.
56. Буланая Н.Б. Церковь Святых Апостолов Петра и Павла..., с. 45—47.
57. Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ 8516-ар.; 8517-ар.; 8890/1, 2-ар.; 8900-ар.
58. Там же. ПДМП 4618/2, 3-ар.
59. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 466, оп. 1, д. 108. 1762 г.; Архив ГМЗ «Петергоф», Р-212.
60. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6715-ар.; 4620/2-ар.
61. Там же, ПДМП 6716-ар.
62. Там же, ПДМП 4619/2-ар.
63. Там же, ПДМП 14/4652-ар.; 14/4653-ар., папка 68.
64. Библиотечный фонд ГМЗ «Петергоф», Б-357. Вишняков. Альбом фотографий Петергофа. 1894 г.; Архив ГМЗ «Петергоф». Фототека. ПДМП 908-фд.; 912-фд.; 1055-фд.
65. Архив садово-паркового отдела ГМЗ «Петергоф». Проект восстановления Верхнего парка в г. Петродворце. Проектно-сметная контора Управления культуры Ленгорисполкома, 1962 г. Шифр 164. 1964 г.
66. Архив ГМЗ «Петергоф», ПДМП 1031-ар.; 1032-ар., папка 51.
67. Все находки были переданы по описи в фондовое хранилище ГМЗ «Петергоф».
68. Гейрот А.Ф. Ук. соч., с. 94; Раскин А.Г. Ук. соч., с. 26.
69. Гейрот А.Ф. Ук. соч., с. 93.
70. Раскин А.Г. Ук. соч., с. 22.
71. Вернова Н.В. Ук. соч., с. 42.

Запад в воображении русских либералов 60-х гг. XIX в. (на материалах «Отечественных записок»)

Д.В. Боднарчук

Аннотация. В данной публикации автор впервые в историографии рассматривает понятие «Запада» как «другого» на страницах общественно-политического журнала «Отечественные записки» в 1857—1870 годах. В работе предпринимается новаторская попытка исследовать это понятие в контексте споров о России, которые вела интеллектуальная элита в эпоху Великих реформ.

Ключевые слова: «Запад», «Россия», понятие «другой», ментальные карты, историческая память.

Abstract. In this publication for the first time in historiography considers the concept of “the West” as “the other” in the pages of the socio-political magazine “Otechestvennye Zapiski” in 1857—1870. This work presents an innovative attempt to examine the concept of the West in the context of disputes about Russia, which were conducted by the intellectual elite in the epoch of Great reforms.

Key words: “West”, “Russia”, the concept of “other”, mental maps, historical memory.

В данной публикации рассматривается образ «Запада», каким он представлялся на страницах русского общественно-политического и научного журнала «Отечественные записки» с 1857 по 1870 год. Это период от окончания Крымской войны, когда Россия столкнулась с противостоявшим ей союзом главных западных держав, до начала франко-прусской войны, в результате которой на Западе появился новый центр силы в виде Германской империи. Выбор таких хронологических рамок ориентирован не на вехи в истории журнала, а на внешнеполитические события, имевшие значение во взаимоотношениях России и Запада.

Журналу «Отечественные записки» посвящена значительная историография¹. В его истории можно выделить два периода: 1818—1831 и 1838—1884 годы. Журнал преимущественно был проводником западных взглядов на культуру и историю России. Однако это не означает, что славянофильских материалов там не было. Наиболее изученный пе-

Боднарчук Дмитрий Владимирович — кандидат исторических наук, постдок. Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: d.bodnartchuk@spbu.ru.

Bodnarchuk Dmitrii V. — PhD (History), postdoctoral fellow. St. Petersburg State University. E-mail: d.bodnartchuk@spbu.ru.

риод в истории журнала — это так называемый «демократический этап» (1868—1884 гг.), когда им руководили Н.А. Некрасов и М.Е. Салтыков-Щедрин. В 1884 г., в эпоху нового курса Александра III «Отечественные записки» были закрыты по решению начальника главного управления по делам печати Министерства внутренних дел Е.М. Феоктистова.

В период 1857—1870 гг. в журнале печатались Н.С. Костомаров, К.Н. Бестужев-Рюмин, А.Д. Галахов, Ф.И. Буслаев, Ф.М. Решетников, Н.В. Успенский, А.М. Скабичевский, А.Н. Афанасьев, А.Н. Островский, Н.С. Лесков, Н.А. Некрасов, В.И. Кельсиев. Читателем журнала была столичная и провинциальная интеллигенция.

Оговоримся, что данное исследование посвящено изучению понятия «Запад», а не идеи «Запада». В нем выделены основные черты «Запада», которыми авторы «Отечественных записок» наделяли его в этот период истории журнала. Также рассматривается вопрос, существовали ли точки соприкосновения России и Запада или же они воспринимались строго как «полярные противоположности». Кроме того, в работе будут затронуты проблемы: какова роль «Запада» по отношению к «русскому пути», считали ли авторы журнала Запад «будущим» России.

Изучать образ Запада в восприятии русского общества необходимо посредством рассмотрения употребления термина «Запад». Такой подход встречается в литературе по названной выше проблематике, но далеко не всегда². Несмотря на кажущуюся простоту, вопрос о терминах простым не является. На страницах «Отечественных записок» для обозначения Запада равно употреблялись термины «Запад», «Западная Европа», «Европа». В одном случае эти определения употреблялись в одном предложении, друг за другом: «Во всей Европе филэллизм сделался нравственною силою, грозившею отнять у греческого дела восточный характер и сделать этот вопрос вполне европейским, западным»³. Но иногда понятие «Европа», «европейский» можно было толковать как регион противостояния России и Запада. Например: «Покамест важен тот несомненный факт, кажется, достаточно нами выясненный, что Россия снова заняла в Европе принадлежащее ей место, и заняла при таких обстоятельствах, которые делают почти невозможным прежнее враждебное отношение Запада к нашему европейскому влиянию»⁴. Прочтение терминов «Европа» или «Западная Европа» в качестве синонимов «Запада» возможно, но в исключительных случаях, когда их тождественность не вызывает сомнений. Кроме того, обращаясь к понятиям «Европа», «Западная Европа», «Запад» нельзя упускать из виду, что при кажущейся их близости все они имеют разные коннотативные связи⁵. Это также нужно учитывать, занимаясь историей идей. Конечно, возникновение идеи не одновременно с появлением термина, употребляемого для ее наименования. Сама идея возникает раньше и получает имя, только когда уже занимает определенное место в смысловом поле культуры. Но для данного хронологического периода (1857—1870 гг.) изучение образа Запада посредством анализа смыслового значения понятия «Запад» применимо ввиду того, что к этому времени идея «Запада» заняла прочное место в смысловом поле русской культуры.

Запад, как правило, воспринимался как учитель или образец для подражания. При этом «ученическая» роль России понималась как само со-

бой разумеющееся, некое онтологическое свойство русской культуры, но важная черта этих рассуждений упускалась из виду. Об «ученичестве» России рассуждали, сравнивая Россию и Запад, их политику, культуру, историю, устройство общества. Идея Запада использовалась как идея «другого», существующего, чтобы лучше понять само русское общество конца 50-х — 60-х гг. XIX в. и Россию вообще. Идея России для Запада как «другого» не раз рассматривалась в литературе ⁶. А идея Запада для России в качестве «другого» пользуется гораздо меньшим вниманием у исследователей ⁷.

Относительно идеи ученичества России добавим, что в «Отечественных записках» она переносится и на прошлое. Если со времен Петра Великого Россия учится у Запада, то в средние века, в XI, XII вв., она училась у греков ⁸. Будто бы славянофилы предпочли ученичество на Западе ученичеству на Востоке: «Правда, и сами славянофилы не обошлись вовсе без прикрас и французские румяны заменили византийскими; увлеченные светлым образом русского духа, они преклонились даже и пред русскими одеждами и стали обкуривать их ладаном и смирной, боясь, чтоб ненавистное амбре, которым хотели раздушить его французоманы, не заразило их тлетворным гниением Запада» ⁹. Более того, именно Византия виновата в том, что христианство на Руси не имело того благотворного влияния, которое оно оказало на Западе: «Уже византийский принцип и стиль византийской литературы и искусства, стремившиеся к условной, идеальной чистоте, ставили непреодолимую преграду между христианским просвещением и грубою народностью, между тем, как на Западе литература и искусство употребили всевозможные средства, чтоб христианским идеям дать национальную обстановку» ¹⁰. Византия понимается как «Восток» и поэтому, наравне с Россией, является противоположностью Запада ¹¹.

При упоминании Руси, Византии, Запада противопоставление православие — католицизм встречается достаточно редко. Более того, в журнале печатались статьи, где католицизм порицался как не расположенный к отвлеченному богословию и философии ¹². Католическая мысль практична, находится в области нравственности и эта «однобокость» католичества создает «уродливую систему христианства». Антипатии «славянского мира» к Западу объясняются длительным периодом столкновений с остатками крестоносных дружин, то есть с тевтонами и ливонцами. Сюда же относятся и «олатинившиеся поляки» ¹³.

Можно выделить два метода объяснений различия Запада и России в «Отечественных записках» в 1857—1870 годах. Первый — исторический, согласно которому, различия между двумя культурами объясняются разными условиями исторического развития. Второй можно назвать «ментальным», в этом случае отличие России от Запада объясняется разницей в мыслительных процессах «русских» и «европейцев». Но оба метода подразумевают необходимость для России перенимать те или иные черты западного мира. Какие именно черты и сколько, зависит от конкретного автора. В то же время, история Запада может восприниматься и нейтрально. Не как сугубо положительный или отрицательный пример для подражания, а как содержащий хорошее и плохое, с необходимостью выбирать и уметь отличать одно от другого ¹⁴.

Важный сюжет, касающийся христианства на Востоке и Западе, — их возможное объединение. Этот сюжет интересен и тем, что в нем две ветви христианства не позиционируются как противоположные. «Раскол» понимается как событие, вызванное историческими обстоятельствами, которые нужно преодолеть. В этой связи стоит привести следующий отрывок текста, где четко прописывается различие между католичеством и православием и пути его преодоления: «С другой стороны еще мало заметно стремления к сближению с Западом в православном Востоке. Восток пока еще не выпутался из внутренних политических затруднений. Нужно, чтобы он пожил на свободе; нужно, чтобы он вкусил от всех плодов современной цивилизации, столько облегчающей внешние нужды; чтобы освободившись от внешних гнетущих его нужд, имел полный простор, досуг предаться духовным интересам; с другой стороны, чтобы он считал себя во всех отношениях ровней Западу, не угнетенным и забытым, а потому чуждающимся своего гордого, благоденствующего собрата, как смотрит он на Запад теперь; чтобы, напротив, успокоенный и оживленный во внешнем и внутреннем отношении, с радостью ухватился он за идею поделиться древним богатством, верно им сохраненным, с своим собратом, отлучившимся на сторону далече и растратившим данное ему наследство. Словом, для Запада нужно, главным образом, духовное самоотречение, самоосуждение, а для Востока — политическо-материальное возрождение, которое поведет за собою внутреннее оживление и уничтожит ту недоверчивость и желчь, какие появляются у него в сношениях с Западом. Во всяком же случае нужен для их сближения огромный период времени. А пока между ними еще огромная бездна различных взглядов, огорчений, недоразумений и т.п. Цивилизация должна придвинуть Восток к Западу, а внутренняя работа—Запад к Востоку»¹⁵.

В других статьях констатируется непонимание многими «по-западному воспитанными» дворянами различий между католичеством и православием, при нескрываемой симпатии к католичеству и протестантизму («католичество или протестантство кажется ему высшею формою религии») ¹⁶.

Второй важной темой, связанной с западным христианством, является изучение происхождения папской власти. Этот вопрос связывают с политической историей Запада ¹⁷. Папство воспринимается как причина раскола христианства на два течения ¹⁸. При том, что католичество и протестантизм упоминаются в контексте Запада на страницах «Отечественных записок», говорить, что эти западные религии были одними из главных характеристик Запада, оснований нет. По крайней мере, материалы журнала за 1857—1870 гг. поводов для этого не дают. Это логично. Антиномия Россия — Запад воспринималась не как разница религий, а как разница культур. Поэтому противопоставление православия католицизму, протестантизму — вторично. Хотя тоже имеет место быть.

«Исторический» метод подразумевает большую восприимчивость России к Западной цивилизации. Так, например, в одной из статей, касаясь дуэли, автор (в тексте имя автора не обозначено) пишет: «Дуэль не имеет у нас той исторической почвы, на которой она выросла на Западе. У нас не было рыцарства с его поэтической обстановкой, с его поклонением женщине, с его своеобразными понятиями о чести и храбрости. Наши

древние поединки не имеют ничего общего с дуэлью, как она развилась на Западе и как она существует теперь во всей Европе. Тем не менее дуэль привилась у нас вполне и представляет одно из немногих преступлений, к мотивам которого, если не законодательство (а отчасти и оно), то судебная власть относится с особенным уважением»¹⁹.

Заемствования с Запада могли происходить по-разному. Это не обязательно должно было быть копирование западных институтов и идей. Например, по поводу возникновения русского масонства А.М. Скабичевский, автор статьи, пишет: «Мистический идеализм во время Екатерины был господствующим мирозерцанием образованного общества. Он увлек в свои недра лучших людей своего времени. Идеализм этот выразился в заимствованной с Запада форме масонства, но тем не менее он совершенно соответствовал степени образования и развития нашего общества, так что можно сказать, что заимствована была с Запада только форма; за содержанием же не нужно было ходить на Запад»²⁰. То есть Запад в данном случае воспринимается не как образец для механического копирования, но как «мир», определенные формы общественной жизни которого (в данном случае — масонство), уже существуют. В России те же самые формы общественной жизни только зарождаются. То есть Россия несколько «опаздывает» в своем развитии по отношению к Западу. Хотя и двигаются они, Россия и Запад, по одному пути. Отсюда видно, что «образцовость» Запада может восприниматься двояко: 1) в качестве культуры, которая прошла свой особый путь развития, рассматриваемый как «правильный», и для повторения которого другие культуры, в частности русская, должны прилагать усилия, осознанно меняя свой вектор развития и 2) в качестве культуры, которая дальше прошла по единому для всех культур пути развития. Поэтому копирование ее современных институтов позволяет «сэкономить» века поступательного исторического развития²¹.

Согласно анонимному автору «Отечественных записок», стремление к контактам с Западом наблюдается в России с XVI в., со времен Ивана Грозного и неудачной Ливонской войны. Тогда «мысль о необходимости сближения с западом, о необходимости добыть моря и учиться у поморских (так в тексте. — Д.Б.) народов, становится господствующей мыслью правительства и лучших русских людей»²². В качестве причин неудач Ивана Грозного на Западе называется «знание», бывшее у народов западных и отсутствовавшее у русского народа.

Явления западной жизни по определению связаны с просвещением. При сравнении русских молокан и западных протестантов автор пишет: «Были случаи, когда видимое сходство побуждало молокан отправиться к пасторам, живущим в поволжских колониях, но пасторы, испытавши их, сознавались, что между их сектою и западным протестантизмом мало общего: западное протестантство — плод просвещения, а молоканство — плод невежественного умничанья. Так говорили немецкие пастыри»²³.

Отличием России от Запада является особое положение городов на Западе в древности и средневековье. Горожане осознали себя отдельной силой в борьбе с баронами и «спрятались от них за городские стены как за крепость»²⁴. Такое обособление городов важно, потому что они стали центрами промышленности. В истории России ничего подобного не

было. Промышленность в России начала складываться только под влиянием преобразований Петра Первого и Екатерины Великой. «Городская» тема на страницах «Отечественных записок» не поднимается, но из рассмотренного отрывка видно, что Запад воспринимается как городская цивилизация, а Россия — как аграрная, сельская страна.

Отдельно необходимо привести отрывок, в котором сравнивается историческое развитие России и Запада. При этом идея Запада оказывается как бы «заключенной» во Францию. Франция определяется как наиболее «западная» из всех западных держав. Предлагаемый отрывок текста достаточно объемный, но в контексте данной публикации кажется уместным привести его полностью: «Известно, что Россия, во всём противоположная Западу, особенно крайнему фокусу его — Франции, всегда двигалась в обратную сторону, сравнительно с Европой. Когда Запад шел вперед — мы шли назад; поворачивал назад Запад — мы тотчас начинали двигаться вперед. Когда во Франции, в лице Абельяра, зарождалось первое зерно свободной мысли — к нашему отечеству, в лице Чингисхана, приближалась первая туча, заволочившая русскую свободу. Когда в Европе развивался дух изобретений, путешествий — Россия все более и более погружалась в мрак татарщины, рабства, невежества, внутренних раздоров. Когда могущество Германской Империи склонялось к упадку — стало возникать, могущество Московского Царства. Когда Карл V удалялся в монастырь св. Юста — Иван Васильевич IV Грозный только что входил в свою роль. Когда Франция отдыхала под правлением Генриха IV — Россия изнывала в смутах самозванцев. Когда старые порядки в лице Людовика XIV достигали на Западе крайней точки своего развития и несостоятельности — Россия, в лице Петра I-го, стала обновляться этими самыми порядками, этою самою цивилизациею. Когда, в 1767-м году, Франция стонала под игом самого нестерпимого произвола и французская литература, по уверению Бокля, была преследуема в России, в то же время, созывались выборные, издавался наказ Екатерины, и литература русская процветала под покровом неслыханного в ней дотоле либерализма. Потом, когда французское дворянство переживало последние минуты своего существования — русское дворянство получило знаменитую жалованную грамоту. 1815-й год — год унижения и расслабления Франции, был годом самого высокого могущества для России. В 1848-м году, когда социализм и коммунизм вскружили голову Европы, русское общество спокойно подсмеивалось над этими увлечениями; потом, когда стала смеяться над ними вся Европа, учение социализма начало делать у нас значительные успехи и признаваться явлением серьезным. Очевидно, что Россия и Франция занимают на пути европейского развития две противоположные полярные точки, что русские и французы относятся друг к другу как антиподы, которых ноги направлены в одну и ту же сторону, а головы — в стороны совершенно противоположные. Ясно, поэтому, что когда во Франции холодно, у нас бывает тепло, когда там душно — у нас непременно должно быть прохладно»²⁵. Данный отрывок — пример абсолютизации различий между Западом, представленным французами, и Россией. Различия касаются не только исторического развития, они переносятся и на погоду. Но нужно обратить внимание на последнюю часть приведенного выше отрывка: «Очевидно, что Россия и Франция занима-

ют на пути европейского развития две противоположные полярные точки...» То есть при всем различии, Россия и Франция находятся на одном, европейском, пути развития, хотя и в противоположных его частях. Учитывая, что ранее Франция названа «крайним фокусом Запада», можно предположить, что Россия здесь трактуется как «другая» Европа. Данный отрывок позволяет сделать вывод, что Запад ассоциируется у автора со свободой, в то время как Восток — с ее подавлением.

При всем внимании к идее «Запада» на страницах «Отечественных записок», нельзя сказать, что «Запад» присутствует там постоянно. За период 1857—1870 гг. на 40 тыс. страниц 52 томов (это половина всех вышедших за тот период томов журнала), слово «Запад» в значении отдельной цивилизации или культуры встречается приблизительно 650 раз в специальных тематических статьях, касающихся культуры, истории, политики западных государств или проблем взаимоотношений России и Запада. Нет оснований говорить, что Запад является одной из постоянных тем «Отечественных записок». Есть тома, где он упоминается один-два раза в контексте основной темы статьи, не посвященной Западу, вскользь²⁶.

После 1868 г. журнал становится более радикальным. Это четко прослеживается по характеру статей, которые в нем публикуются. Примером такого радикализма является статья «Естественно-психологические условия умственного развития русского народа»²⁷ А. П. Щапова, бывшая частью его обширного труда «Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа»²⁸, вышедшего в том же году, что и статья в «Отечественных записках». Уже в начале повествования автор указывает, что на социальное и умственное развитие русского народа оказали влияние два фактора: 1) «общая посредственность, умеренность или медленность возбуждения его нервной восприимчивости» и 2) лучшее восприятие наиболее сильных, новых впечатлений²⁹. Все это Щапов называет «некоторыми особенностями его (русского народа. — Д.Б.) нервной организации и физиолого-этнологического и психологического характера». Сформированы они были под воздействием сурового, холодного климата и исторического процесса в России. В данной статье также встречаются противопоставления русской истории и западной. Так, если «умственное движение» XVI в. — это для Щапова, «восстание разума», согласно Гизо, то русский раскол — «одно мертвообрядовое закоснение и притупление умов в спорах... о сугубой аллилуиа...»³⁰ Но именно западные идеи начали трудный процесс исцеления русского разума, «медленно и туго расшевеливали и возбуждали притупленную нервно-мозговую восприимчивость русских...» Западный и русский ум различны в своих реакциях на одни и те же раздражители: «Тот же самый предмет размышления, представившийся умам западным и умам русским, в первых возбуждал самую напряженную и энергическую умственную деятельность, а в русских умах не только не возбуждал никакой умственной деятельности, но не мог возбудить и самой восприимчивости к идее, какая с ним соединялась»³¹.

Далее Щапов приводит пример наблюдения за ночным небом, из которого на Западе появилась астрономия, а на Руси кометы и метеориты только описывали, фиксировали, но никак не изучали. Более того, сама

природа или народное хозяйство России более изучались западными путешественниками, чем самими русскими, населяющими Россию. Автор подчеркивает, со ссылкой на В.П. Безобразова, что на Западе ³² экономические теории возникали органически, развиваясь едва ли не на протяжении всей истории западных стран (Англии, Франции, Германии, Италии). В то же время книги по экономике России — это часть западной науки. Экономической науки в России не было до XIX века.

Открытие новых земель западными и русскими первопроходцами тоже имеет коренные отличия. По Шапову, на Западе открытию новых земель предшествовали «математические умственные соображения» ³³, а русские первопроходцы во всем полагались на «пассивную ассоциацию», «копии топографических впечатлений» и «мышечные ощущения в монотонном, однообразном и медленном порядке их последовательности» ³⁴.

В завершающей части очерка Шапов делает еще одно важное замечание: медлительность мыслительных процессов, заторможенная нервная возбудимость русских привели к тому, что у них сформировалась «послушная восприимчивость» к диктатуре правительства. Далее в тексте автор противопоставляет «Декартов, Бекон, Коперников, Кеплеров, Галилеев, Ньютонов, ... Лютеров, Кальвинов» на Западе и «деспотичный» гений Петра Великого в России, которые в разных условиях привели к одному итогу — тому, что называется научное восприятие мира и считается, в рамках западной цивилизационной парадигмы, наиболее адекватным способом изучения мира. История общественной мысли в России после Петра Великого для Шапова — это борьба движения «регрессивно-ускорительного...», славянофильско-староверского, порождаемого общей медленностью интеллектуальных функций нашей нервной организации с движением прогрессивно-ускорительным, европейско-рационалистическим...» ³⁵ Здесь легко узнать традиционную «схему» течений русской общественной мысли в XIX в. и проекцию этой схемы на прошлое.

Взаимоотношения России с Западом достаточно специфичны. Сама Россия «Западом» не является. Это видно из приведенного отрывка, в котором Россия и Запад противопоставляются в качестве двух сил, взаимодействующих в Европе ³⁶. Но это же свидетельствует о восприятии России как части «Европы», а самой «Европы» — как некоего общего пространства России и Запада. Об этом же свидетельствует отрывок, где при жестком противопоставлении России и Запада, оба региона равно названы «точками», хотя и «противоположными», но на одном «пути европейского развития» ³⁷. Здесь нужно оговориться, что для авторов «Отечественных записок» существует «русский» Запад. Часть Западного мира, территориально входящая в состав Российской империи, это Польша ³⁸ и Остзейский край ³⁹.

Важно отметить, что несмотря на значительные общественные трансформации, происходившие в русском обществе во время реформ Александра II, восприятие «Запада» оставалось неизменным. На него также не влияли важные события политической и социальной жизни 60-х гг. XIX в., такие как отмена крепостного права и январский мятеж в губерниях Царства Польского. В контексте этих событий Запад упоминался, но никаких «особенностей» в этих упоминаниях не было.

В заключительной части исследования необходимо сделать замечание об очерке Шапова, в котором он описывает различия не между «дремотным» русским умом и «живым» западным, а между двумя типами культуры — «письменным» Западом и «бесписьменной» Россией. В данном случае необходимо обратиться к классической работе М. Маклюэна «Галактика Гутенберга» о различии письменной и бесписьменной культур⁴⁰.

Образ Запада на страницах журнала «Отечественные записки» 1857—1870 гг. содержит следующие основные черты. Интерес к теме «Запад» в этот период следует назвать умеренным. «Запад» присутствует не во всех выпусках журнала, но и полностью не исчезает из списка тем, затрагиваемых в журнале. Отношение к Западу в русском обществе было сложнее, чем простое противопоставление «традиционной» России и модернистского «Запада». Сама идея «Запада» появилась в странах Западной Европы, Россия была использована в качестве «другого» для конструирования «Запада». То есть Россия в рамках данной концепции заведомо не может быть частью «Запада», в этом смысле она уступила место Турции, выполнявшей роль «другого» до Наполеоновских войн. Справедливо рассматривать противопоставление Россия — Запад как вторичное по отношению к противопоставлению Россия как «самостоятельная культура» России как культуре «ученичества». Споры о Западе в «Отечественных Записках» в 1857—1870 гг., по своей сути, явились новым этапом споров о России. Запад выступает не столько в роли образца, которым Россия могла бы быть и которым ей следует или не следует становиться, сколько в качестве социального сырья для строительства будущей либеральной (и только в этом смысле) западной России.

Примечания

1. История русской журналистики XVIII—IX веков. М. 1966, с. 252—267, 437—446; ЗАПАДОВА А.В. История русской журналистики XVIII—IX веков. М. 1973, с. 242—257, 417—425; ЗАСЛАВСКИЙ Д.И. Демократический журнал «Отечественные записки»: Лекции. М. 1956; ЕГО ЖЕ. Демократический журнал «Отечественные записки»: М.Е. Салтыков-Щедрин — редактор и публицист: Лекции. М. 1953; ДАЦЮК Б.Д. Журналы «Отечественные записки» и «Современник»: журналистско-публицистическая деятельность В.Г. Белинского: Лекции. М. 1957; БОГРАД В.Э. Журнал «Отечественные записки». 1868—1884: Указатель содержания. М. 1971; БОРЩЕВСКИЙ С.С. «Отечественные записки». 1868—1884: Хронологический указатель анонимных и псевдонимных текстов. М. 1966; ТЕПЛИНСКИЙ М.В. «Отечественные записки». 1868—1884: История журнала. Литературная критика. Южно-Сахалинск. 1966. Здесь же см.: Библиография, с. 371—398; СМИРНОВ В.Б. «Отечественные записки» и русская литература 70—80-х годов XIX века. Волгоград. 1998; ЕМЕЛЬЯНОВ Н.П. «Отечественные записки» Н.А. Некрасова (1868—1877). Л. 1977; ЕГО ЖЕ. «Отечественные записки» Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина (1868—1884). Л. 1986; КУЛЕШОВ В.И. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М. 1958.
2. ШНЕЙДЕР К.И. Образы Запада и России в представлениях ранних русских либералов. — Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2009. Вып. 27, с. 245—262. Так, Шнейдер указывает, что для либералов 60-х гг. XIX в. на Западе выделялись две страны: Франция и Англия, которые «получили у них кредит доверия и самые горячие симпатии» (с. 247). В более широком смысле, согласно Шнейдеру, для ранних русских либералов географический Запад ограничивался континентальной Европой и Англией.

- Более подробный анализ географических границ Запада не проводился. Например, в статье М. А. Широкова «Образ России и образ Запада в философии ранних славянофилов» (Дневник Алтайской школы политических исследований. 2007, № 23, с. 57—61) данный вопрос вовсе не ставится. Такая ситуация позволяет допустить мысль, будто идея Запада, бытовавшая в части русского общества в середине XIX в., была тождественна современной идее Запада. А это, по меньшей мере, сомнительно.
3. Новые книги. — Отечественные записки. 1868, т. CLXXVIII, с. 201. Кроме употребления определений «европейский, западный» этот отрывок интересен демонстрацией относительности понятий «восточный/западный». Восточный или западный характер греческого вопроса зависит от степени вовлеченности в него западных государств. Чем более западные кабинеты интересуются греческой проблемой, тем более она становится «западной», хотя ни в культурном, ни, тем более, в географическом плане с Грецией ничего не происходит.
 4. Политическая хроника. — Отечественные записки. 1867, т. CLXXII, с. 105.
 5. ТЕЛИЯ В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. 1986.
 6. НОЙМАН И. Использование Другого. М. 2004; NEUMANN I. B. Russia as Europe's Other. Florence. 1995; ВУЛЬФ Л. Изобретая Восточную Европу. СПб. 2005.
 7. В данном случае гораздо большей популярностью пользуются исследования, посвященные «образу» Запада в русском обществе и проблеме концепта «“Запад” как враг». См.: «Запад» и реальность. Война без объявления войны. Материалы дискуссий АИРО-XXI на конференции «“Запад” как враг»: реанимация исторического мифа или новая историческая реальность?» Гефтер. URL: <http://gefeter.ru/archive/14345>.
 8. ЩАПОВ А. П. Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа. — Отечественные записки. 1870, т. CLXXXIX, с. 376.
 9. Современная радость России. — Отечественные записки. 1861, т. CXXXV, с. 26.
 10. БУСЛАЕВ Ф. И. Критика. — Отечественные записки. 1861, т. CXXXVIII, с. 13.
 11. ЕГО ЖЕ. Критика. — Отечественные записки. 1861, т. CXXXV, с. 71.
 12. Обзорение специальных журналов. — Отечественные записки. 1865, т. CLIX, с. 177.
 13. Там же, с. 179.
 14. «Если мы и уступаем многим европейским народам в сумме знаний и быть может даже в сумме гражданских добродетелей, разлитых в наших общественных и служебных кругах, зато пользуемся пред ними тем преимуществом, что всегда можем иметь пред глазами примеры и уроки, добытые ими долгим и трудным опытом политической жизни. Нельзя отрицать, что я совершенными уже у нас реформами мы много обязаны примеру и влиянию западной цивилизации. Поэтому есть основание надеяться, что и на будущее время, уроки, ею добытые, не останутся для нас бесплодными. Читая историю западных государств, можно видеть, что те люди, которые, прикрываясь фальшивою вывескою консерватизма и преданности правительству, предлагали меры, служившие к еще большему увеличению народных тягостей и к стеснению свободного развития народного труда, были в действительности людьми, работавшими, хотя большею частью и бессознательно, в пользу разложения и революций». (СКАЛДИН. В захолустье и в столице. — Отечественные записки. 1868, т. CLXXXI, с. 604).
 15. Обзорение специальных журналов, с. 184.
 16. ИВАНОВ-ЖЕЛУДКОВ В. П. Униатский агитатор. — Отечественные записки. 1867, т. CLXX, с. 521. Под псевдонимом «Иванов-Желудков» скрывался В. И. Кельсиев — революционер, переводчик, сподвижник А. И. Герцена. (МАСАНОВ И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4-х томах. Т. 1. М. 1956, с. 427).
 17. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН. К. Н. Критика. — Отечественные записки. 1861, т. CXXXVII, с. 100, 103.
 18. Обзорение специальных журналов, с. 176.
 19. По поводу «Русских уголовных процессов» (Т. I— . СПб. 1866—1868). Статья вторая. — Отечественные записки. 1869, т. CLXXXIV, с. 14.
 20. СКАБИЧЕВСКИЙ А. М. Русское недомыслие. — Отечественные записки. 1868, т. CLXXX, с. 7.
 21. Так, в статье «Новое время и старые боги» (СКАБИЧЕВСКИЙ А. М. Новое время и старые боги. — Отечественные записки. 1868, т. CLXXVI, с. 15) автор пишет о допетров-

ском времени: «Неужели же во все это время не было людей, для которых осуществление прогрессивных идей, выработанных западной цивилизацией, было бы не только неубыточно, а напротив того полезно, не только полезно, а необходимо?... Такие люди были, и много было таких людей. Но, к сожалению, идеи, которые были полезны для этих людей, были чужды им. Откуда было этим людям взять эти идеи? Додуматься до них самим? Но для этого потребны целые века».

22. Новые книги. — Отечественные записки. 1868, т. CLXXVII, с. 59.
23. КОСТОМАРОВ Н.И. Воспоминания о молоканах. — Отечественные записки. 1869, т. CLXXXIII, с. 73.
24. Русская литература. — Отечественные записки. 1861, т. CXXXVI, с. 118.
25. ГРОМЕКА С.С. Современная хроника России. — Отечественные записки. 1864, т. CLII, с. 203.
26. Например, в т. CXXV за 1859 г. он упоминается два раза: на с. 27 и 33—34. Всего в томе 561 с.; в т. CXXVIII за 1860 г. — один раз на 505 с. текста (с. 34); в т. CXXXII за 1860 г. — 5 раз на 578 страницах текста (с. 1, 34, 35, 326, 328); в т. CL за 1863 г. — 4 раза на 483 с. текста (с. 25, 90, 167, 240). Подобного рода примеров можно было бы привести и больше, но и этих достаточно.
27. ЩАПОВ А.П. Естественно-психологические условия умственного развития русского народа. — Отечественные записки. 1870, т. CLXXXIX, с. 149—202.
28. ЩАПОВ А.П. Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа.
29. ЩАПОВ А.П. Естественно-психологические условия умственного развития русского народа, с. 149.
30. Там же, с. 174.
31. Там же, с. 175.
32. В оригинале текста присутствует наименование «Западная Европа», но из контекста ясно, что здесь понятия «Запад» и «Западная Европа» синонимичны.
33. ЩАПОВ А.П. Естественно-психологические условия умственного развития русского народа, с. 183.
34. Там же.
35. Там же, с. 198.
36. Политическая хроника, с. 105.
37. ГРОМЕКА С.С. Ук. соч., с. 203.
38. Мест в тексте номеров журнала, где Польша и польская культура упоминаются как часть Западного мира, не очень много, но достаточно, чтобы сделать вывод о причислении Польши к Западу. См.: Отечественные записки. 1857, т. CXIII, с. 125; т. CXV, с. 9; 1858, т. CXVII, с. 70.
39. Отечественные записки. 1863, т. CXLVIII, с. 36; 1867, т. CLXXI, с. 423. Даже можно встретить утверждение: «немецкая остзейская буржуазия, очевидным образом признающая свое призвание цивилизовать Россию...» 1867, т. CLXXI, с. 434—435, то есть остзейские немцы признаются «цивилизаторами» России.
40. МАКЛЮЭН М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев. 2004.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201910Statyi07 ББК 63.3(0)5

Столыпинский проект губернского управления в контексте реформ начала XX в.

И. Г. Чапайкина

Аннотация. В публикации затрагиваются вопросы реформирования системы местного самоуправления в России в начале XX века. Особое внимание уделяется программе столыпинских реформ и ее влиянию на развитие отдельных государственных институтов и общества в целом. Делается вывод, что предлагаемые проекты реформирования не являлись разрозненными включениями в систему управления, а представляли обновленную модель самоуправления и новое направление государственного развития.

Ключевые слова: государственная власть, местное самоуправление, реформа, гражданское общество, Столыпин, полномочия, губернатор, конфликт, равенство.

Abstract. This publication touches some questions of a local government system reforming in Russia at the beginning of the XX century. Special attention is paid to Stolypin reforming program. The work depicts the connection of this program and the development of some social and state institutes. The author comes to the conclusion that the projects of reforms were not separate pieces of the reforming process but were offered to renovate the model of local government and self-government and had the purpose to establish a new way of the state development.

Key words: state power, local government, municipal government, self-government, reform, civil society, Stolypin, authorities, governor, conflict, equality, parity.

В начале XX в. в Российской империи остро ощущалась необходимость модернизации государственной системы и многих других, связанных с ней, общественных отношений. При общей размытости и неопределенности настроений широких народных масс, можно выделить три основных концептуальных подхода к решению назревших проблем, характерных для политически активного меньшинства российского населения.

Первый подход демонстрируют различные революционные партии, отличавшиеся друг от друга по названиям, программным установкам, тактике, но объединенные одним общим желанием конструировать новое «революционное» государство, исходя из собственных доктринальных, зачастую абстрактных, представлений. По большому счету и социал-де-

Чапайкина Ирина Геннадьевна — старший преподаватель Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Кировский филиал. E-mail: irisha-pravo@yandex.ru.

Chapaykina Irina G. — senior lecturer at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Kirov brunch. E-mail: irisha-pravo@yandex.ru.

мократам, и социалистам-революционерам были одинаково не нужны старые и новые институты пореформенного государственного управления. В деле построения нового государства они все равно были бесполезны.

Второй подход отражал позицию российских либералов, которых один из известных публицистов той эпохи, В. В. Леонтович, называл «радикалами». Их концепция базировалась на признании первостепенной важности и самодостаточности Государственной думы для проведения всех остальных реформ. Результативность такого подхода хорошо проявилась в 1917 г., когда квинтэссенция Дума — Временное правительство — полностью развалило управление государством. Рассчитывать на то, что в стране с огромным влиянием традиционализма только активное интеллектуальное меньшинство, собранное под сенью Государственной думы, сможет решить все существующие и назревающие проблемы, было утопично. Вряд ли вообще возможно сразу создать государственные или общественные институты, целесообразность и полезность которых немедленно будут признаны всеми. Очень часто формы общежития возникают естественным путем и совсем не так, как может об этом мечтать реформатор. Поэтому Государственная дума, выражая, по сути, взгляды этих политически активных меньшинств, не могла столь же адекватно отражать чаяния и многочисленные интересы различных слоев русского населения. Вовлечение народа в процесс государственного управления только через его участие в выборах Государственной думы было совершенно недостаточным для коренной и долгосрочной модернизации страны. Можно говорить о том, что Дума готова была принять законы, которые дали бы россиянам всеобщее избирательное право, демократичное местное самоуправление, гражданские права и свободы и т. д. Но готово ли к этому было само общество? Последующие события российской истории убеждают, что нет.

Столыпинское правительство, представляя часть правительственной бюрократии, исходило из совершенно иных подходов к проблеме. Суть задуманной реконструкции заключалась в перенесении центра реформы на местный уровень. Только через вовлечение многочисленных средних слоев населения в местное самоуправление государство могло расширить свою социальную базу и правильно наметить направления всех последующих реформ. Иными словами, население страны должно было естественным, а не искусственным путем «дорости» до общероссийского представительства. Местные реформы в совокупности с аграрной реформой и должны были создать государству устойчивую основу для будущего развития. Именно такая либеральная модернизация «снизу» при сохранении и даже усилении государственной власти являлась основной целью П. А. Столыпина. Реформы, предлагаемые правительством, в значительной степени соответствовали социально-политическим традициям и экономическим реалиям, являясь попыткой внедрения обновленной модели местного самоуправления, основанной на анализе как позитивного, так и негативного опыта реализации реформ местного самоуправления.

С первых своих шагов на посту Председателя Совета Министров Столыпин приступил к реализации задуманной им программы модернизации системы государственного управления — необходимой основы для

проведения других реформ. Трудно однозначно сказать, что являлось для него первостепенным: решение аграрного вопроса или реорганизация системы управления. Без сомнения можно констатировать только одно: их осуществление независимо друг от друга было невозможно. Даже при условии успеха аграрных преобразований, без привлечения средних слоев к управлению на местах проблема модернизации государства оставалась бы нерешенной. Кроме того, очень многое зависело от эффективности деятельности правительственной администрации на местах. В связи с этим реформы местного самоуправления и административного управления должны были осуществляться одновременно. В обновленной модели местного управления большое значение приобретал вопрос о единстве правительственных и общественных учреждений. Двойственная роль последних не вызывала сомнений и в XIX веке. Большую известность приобрело высказывание академика В.П. Безобразова об «инородном теле» в государственном организме. По-своему понимал эту проблему С.Ю. Витте, призывавший Николая II не увеличивать объем компетенции земского самоуправления ради сохранения стабильности в государстве. Столыпин, осознавая формальную правоту Витте, между тем, рассматривал возможность решения вопроса по-иному. Взаимодействие государственных и общественных учреждений должно было отныне осуществляться не по прихоти, субъективному настроению представителей бюрократии и земских деятелей, а в соответствии с нормативными предписаниями. Таким образом, хотя степень интеграции земств и правительственных учреждений на местном уровне была еще не ясна, важен был сам принцип.

Действительно, круг ведения земских учреждений с самого начала очень трудно считать «местным» или «общественным». На данное обстоятельство обращают внимание и современные исследователи: «В литературе, как дореволюционной, так и современной, широкое распространение получило мнение, что земские органы являлись органами не государственными, а общественными. С этим согласиться нельзя — хотя бы уже потому, что земства имели полномочия издавать обязательные распоряжения (по некоторым предметам) и собирать с населения налог (земский сбор), а это функции чисто государственные»¹. К этому необходимо добавить, что объективно многие предметы ведения земств очень трудно считать не интересующими государство. В частности, такие, как народное просвещение и здравоохранение. Важно не упускать из внимания и следующий момент. Де-юре земские учреждения не являлись публичными органами государственного управления. Но так ли важно обеспечить земствам другой юридический статус? Похоже, что Столыпин рассуждал именно таким образом. Гораздо важнее было придать земским и государственным учреждениям «органическое единство», о чем так много писали на протяжении предшествующих десятилетий. В этом и заключалась основная идея предлагаемой модели.

Проект местной реформы готовился в Земском отделе Министерства внутренних дел с 1906 года. В январе 1907 г. в Совет Министров поступило также для обсуждения представление его Председателя о проекте преобразования учреждений губернского управления. Предложения, сформулированные Столыпиным, касаясь в первую очередь системы го-

сударственного управления, содержали элементы других, будущих проектов местных реформ и уточняли их. Он напоминал, что разработка проекта губернской реформы имеет давнюю историю. Еще в 1859 г. с этой целью была создана специальная комиссия. С того времени недостатки местного управления не только не были преодолены, но и усугубились. Первым существенным недостатком было «отсутствие точных и определенных воззрений на существо губернской должности». Речь идет о соотношении функций надзора и активного управления в деятельности губернатора, о пределах его компетенции в отношении ведомственных учреждений и общественных установлений. Отсюда собственно происходил второй недостаток — отсутствие единства управления, особенно на уровне уезда.

Столыпин отмечал, что в губернии существуют два вида управления: государственное и общественное. Он называл их «административным» и «административно-хозяйственным, осуществляемым выборными органами»². Взаимовлияние указанных факторов имело последствием чрезвычайную дробность распределения дел по предметам управления. Действительно, узость компетенции отдельных государственных органов приводила к затягиванию решений очень простых вопросов. В то же время комплексный характер многих дел делал невозможным их бесконфликтное разрешение уполномоченным на это «соответствующим органом».

Развитие коллегиального начала в системе местного управления, казалось, надо было приветствовать, но это приводило к снижению значимости должности губернатора. «Из такого представителя власти, который, главным образом распоряжается и в каждую подробность местной жизни вносит всю полноту личной инициативы, губернатор превратился почти исключительно в председателя многочисленных коллегий, круг деятельности и пределы власти которых точно очерчены законами»³. В результате очень часто в трудных ситуациях губернаторы либо бездействовали, фактически прикрываясь «коллегиальностью», либо превышали собственные полномочия. Главное предназначение губернатора Столыпин видел в том, чтобы он был эффективным органом надзора и «действительной связью с центральным управлением»⁴.

Административный надзор, как важнейшая функция губернаторской должности, включал контроль за всеми правительственными и общественными учреждениями и их должностными лицами. В их отношении губернатор должен был получить право ревизии, право участия в назначении на должность, а также право получения всех интересующих его сведений. Однако представляется, что надзорные полномочия губернатора Председатель Совета Министров видел пока в самом общем плане. В реальной действительности очень много зависело от конструкции местного управления и от решения вопроса о месте и роли самоуправления. По этому поводу автор послания замечает: «Существенно серьезной стороной всего вопроса о преобразовании губернских учреждений является вопрос о необходимости на иных, сравнительно с существующими, основаниях установить взаимоотношения между губернской властью и органами местного самоуправления»⁵. Главная проблема заключалась не в том, что местное самоуправление не имело достаточного объема пра-

вомочий, хотя это и не отрицалось в принципе. Важно, что, не взирая на свои формальные права, губернатор не мог оказать непосредственного влияния на деятельность органов земского и городского самоуправления. Законодательство второй половины XIX в. «тщательно» и «последовательно» обособляло органы местного самоуправления от губернской администрации. Таким образом, из этого источника питался и земский политический либерализм.

Для того, чтобы преодолеть этот искусственный антагонизм необходимо было расширить право губернатора на участие в обсуждении вопросов деятельности местного самоуправления. Губернаторы должны были получить право присутствовать на сессиях земских собраний и городских дум, принимать участие в обсуждении и, наконец, «быть выслушанными». Кроме этого губернатор в особом порядке мог бы делать исполнительные распоряжения в том случае, если земские учреждения не выполняли возложенные на них законом обязанности⁶. Наконец, губернатор выступал посредником между правительством и земствами по вопросу дополнительных ассигнований, который являлся в начале XX в. очень важным. Собственных средств на покрытие растущих социальных потребностей у земств уже не хватало. Изменение системы земского налогообложения требовало пересмотра всего налогового законодательства. Как известно, правительство пошло по пути выделения земствам субвенций и дотаций, но не редкими были случаи отказа земств от такой финансовой помощи по политическим соображениям. Правительственная сторона видела в таком положении вещей важный инструмент воздействия на местное самоуправление, часто фрондирующее по отношению к власти. Столыпин продолжал эту линию, акцентируя внимание на том, что у правительства и у самоуправления на местном уровне одни и те же задачи.

Усиление роли губернатора должно было происходить и в результате изменения характера санкций за неисполнение так называемых «обязательных постановлений». По мнению Столыпина, был необходим не судебный, а административный порядок наложения взысканий за неисполнение таких постановлений⁷. Это позволило бы более оперативно принимать решения по делам, которые связаны с текущим управлением и рассмотрение которых в суде общей юрисдикции было бы нецелесообразно. В то же время налагаемые взыскания не должны быть тяжелыми. Главный смысл заключался в неотвратимости и быстроте, а не в карательной функции.

Важнейшим элементом проекта являлся Губернский совет. По замыслу составителей предварительного проекта, в его состав от губернской администрации должны были входить: губернатор, два его заместителя, председатель губернской Казенной палаты, другие должностные лица ведомственного подчинения, начальники и инспектора губернской канцелярии. Общественные учреждения представляли губернский предводитель дворянства, председатель губернской земской управы, городской голова губернского города и еще два представителя от земского и городского самоуправлений. В качестве независимого члена Совета можно было рассматривать окружного прокурора. Предусматривалась и возможность приглашения на заседания Совета других должностных лиц⁸. В принципе состав нового органа в значительной степени повторял состав многих

губернских присутствий, но был многочисленнее, что сразу могло создать проблему его реальной работоспособности. Поэтому Совет должен был состоять из нескольких присутствий. Но для их эффективной работы необходимо было четкое определение компетенции как Совета, так и губернатора, что позволило бы одни вопросы решать в совещательном режиме, а другие — в коллегиальном по существу.

Первым из таких присутствий становилось распорядительное, ведавшее всеми текущими делами управления, которые не были отнесены к компетенции специальных присутствий. Предполагалось создание девяти специальных присутствий: по земским и городским делам, по делам об обществах, сельское, кредитное, воинское, лесоохранительное, промышленное, училищное, медицинское⁹.

В дополнение к специальным создавалось дисциплинарное присутствие для государственных и земских должностных лиц и служащих, в том числе работающих на условиях вольного найма. Оно состояло из губернатора, председателя и прокурора окружного суда, председателя губернской земской управы, городского головы губернского города и начальника (главы) соответствующего ведомства. Не трудно заметить, что в отличие от других присутствий, дисциплинарное усиливалось председателем окружного суда, который, как и прокурор, был профессиональным юристом. Большинство предметов ведения присутствий относилось к так называемому административно-судному порядку управления¹⁰. Министерство внутренних дел настаивало на том, что полное отделение административного надзора от «активной администрации» и создание особой системы административных судов пока невозможно. Во-первых, трудно было укомплектовать подобные суды квалифицированными кадрами. Во-вторых, в такие суды неизбежно были бы перенесены процедурные нормы и приемы доказательства, характерные для судов общей юрисдикции. Между тем, административные дела очень специфичны, и нарушения прав субъектов с точки зрения закона может и не быть. На самом же деле такое нарушение существовало и в дореволюционной практике: оно понимается как «административная неправда». Поэтому во избежание проблем, к решению которых правительство еще не было готово, и предлагалось сохранить по сути прежний административно-судный порядок.

Органом, объединяющим и упорядочивающим работу присутствий, становилась новая губернская канцелярия. В ее составе создавались отделы соответственно присутствиям, а также инспекции¹¹. О роли последних, в отличие от присутствия по земским и городским делам, в проекте детально не говорилось. Это присутствие, прежде всего, устанавливало факт правильности и законности земских распоряжений. В то же время из его ведения изымались все дела о дисциплинарных нарушениях. Но компетенция присутствия расширялась за счет разработки общих оснований для оценки недвижимых имуществ в уезде. До начала XX в. работа правительственных оценочных комиссий и соответствующая деятельность органов местного самоуправления часто шли вразнобой. Разногласия, возникавшие по поводу оценки недвижимых имуществ для налогообложения, часто приводили к затяжным конфликтам, которые разрешались только в Правительствующем Сенате¹².

Совет Министров, рассмотрев предложенный проект, в целом его одобрил, хотя отдельные положения и вызвали критику. Совет предложил не плодить органы административной юстиции, а в соответствии с решениями Комитета Министров о Сенате и местных административных судах от 25 января 1905 г., создать административно-судебное присутствие Губернского совета. Решение дел в нем предусматривало гласность и состязательность. На заседания должны были допускаться представители общественности¹³. Это позволило бы не выходить за рамки намеченных преобразований судебной системы, сделать процедуры и основания для рассмотрения дел единообразными, а также разгрузить все присутствия, оставив за ними функцию активного управления.

Совет Министров к середине февраля 1907 г. закончил рассмотрение проекта «Об установлении главных начал устройства местного управления». Затем проект поступил в Совет по делам местного хозяйства МВД, в котором был приведен в соответствие с проектами реформы земского и городского самоуправления. Был сделан очень важный шаг по пути административной реформы, по модернизации всей системы управления Российской империи. Но важно, что Столыпин и его правительство видели коренную реформу государственного строя в приспособлении «всех существующих распорядков в местном управлении, которое отвечало бы основному началу великого преобразования — принципу гражданского равенства». И с этим трудно не согласиться.

Примечания

1. Цит. по: Административно-территориальное устройство России: История и современность. М. 2003, с. 143.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1276, оп. 3, д. 18, л. 6.
3. Там же, л. 6—6об.
4. Там же, л. 7об. —8.
5. Там же, л. 10об.
6. Там же, л. 12.
7. Там же, л. 14об. —15.
8. Там же, л. 19об.
9. Там же, л. 21—21об.
10. Там же, л. 22.
11. Там же, л. 23об.
12. См.: КУЛИКОВ В.В. Деятельность губернской администрации и сенатская практика по земским делам: историко-правовой очерк. Киров. 2001.
13. РГИА, ф. 1276, оп. 3, д. 18, л. 99об. —100.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201910Statyi08 ББК 63.3(0)5

Роль Д. В. Стасова в развитии российской юриспруденции

Н. В. Антонова, В. С. Калиновская, Д. А. Пашенцев,
В. А. Шестак

Аннотация. Российская юриспруденция имеет длительную историю развития, в которой немаловажную роль сыграли юристы, правозащитники, адвокаты. Одним из них был Дмитрий Васильевич Стасов (1828—1918). В публикации рассматривается личность и профессиональная деятельность Стасова. Основное внимание уделяется его роли в проведении судебной реформы 1864 г. и становлении присяжной адвокатуры, а также его участию в общественной жизни страны.

Ключевые слова: адвокатура, судебная реформа в России, присяжный поверенный, Д. В. Стасов.

Abstract. Russian jurisprudence has a long history of development in which individuals play an important role: lawyers, human rights activists, cauncels. One of these lawyers is Dmitry Vasilyevich Stasov (1828—1918). The publication discusses the personality and professional activity of Stasov. The main focus of the authors is on his role in the judicial reform of 1864 and the formation of the jury bar, as well as its participation in the public life of the country.

Key words: the Bar, judicial reform in Russia, attorney, D. V. Stasov.

For a long time, pre-revolutionary Bar in Russia has been the subject of many studies, being under the close attention of scientific researchers. Today, we can say, that a significant part of the “white spots” in the history of the domestic bar has already been eliminated, and such luminaries as K. K. Arseniev, P. A. Alexandrov, S. A. Andreevsky, G. V. Bardovsky, N. P. Karabchevsky, F. N. Plevako, D. V. Stasov, V. D. Spasovich, A. M. Unkovsky were included in the “golden fund of the Russian bar”¹.

The end of the 19th century was a period of reformation of various areas of social, political and economic life of society. One of the most important was the Judicial Reform of 1864. It should be noted, that reforms which have a significant impact on society and require the publication of new legislation affect the development of legal science as a whole. Therefore, this period is also characterized by the development of legal science and the high level of professional activity of individual jurists.

In the Manifesto of 1856 of Alexander II, which spoke about the end of the Crimean War, there was already a hint that the justice system in Russia was waiting for an emergency reform. However, the committee for the preparation

of its project was formed only by 1861. In 1862, April, the committee submitted a memorandum entitled “Basic Principles for the Transformation of Courts”, which called for the creation of an independent judiciary, open public trials with juries and the reorganization of courts. This plan was adopted by Alexander II, with the exception of the radical proposal to establish a jury on political matters. In 1862, October, the provisions of the memorandum were promulgated and comments were requested from external legal experts. These comments were examined by a group of thirty-one experts (eight of whom worked in the original committee), who drafted a law on judicial reform of November 20, 1864, which forever revised the procedure and structure of the Russian judicial system ².

Not only the reforms themselves were unprecedentedly modern and liberal, the process by which they were developed was also modern. Instead of a downward dictate from the tsar and other officials, judicial reforms were carefully considered by a group of experts, promulgated in the middle of the process and completed by Russia’s best legal minds. One of the key figures in the organization of judicial reform was Dmitry Vasilievich Stasov.

Dmitry Vasilievich was born in St. Petersburg and after graduating from the School of Law, he entered the civil service. Being already the chief secretary of the Senate, he took part in the preparation of judicial reform. After the formation of the Bar, Stasov became the leader of the sworn attorneys. He supported revolutionary views and did not try to belittle the fighters with autocracy in the eyes of the jury, however, he reacted negatively to terrorism. One of the first serious cases of Dmitry Vasilyevich was the defence of student Karakozov, who, together with other members of the revolutionary organization, was accused of terrorism, directed against Alexander II. The defence was built successfully, and Dmitry Vasilievich managed to commute the sentence: the death penalty was replaced by a transportation to Siberia.

In his work, Stasov was not limited to the exercise of official powers assigned to him. On his initiative, a legal circle was organized to study

Антонова Наталья Владиславовна — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. E-mail: natalli_an@mail.ru; *Калиновская Виктория Сергеевна* — ассистент кафедры АННИО «МИИГУ имени П.А. Столыпина», младший научный сотрудник НОЦ «Правовые исследования» ФГАОУ ВО «Российского университета дружбы народов». E-mail: vi.arhipova@yandex.ru; *Пашенцев Дмитрий Алексеевич* — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. E-mail: Dp-70@mail.ru; *Шестак Виктор Анатольевич* — доктор юридических наук, доцент, профессор МГИМО(У) МИД России. E-mail: shestak.v.a@mgimo.ru.

Antonova Natalia V. — PhD (Law), senior researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. E-mail: natalli_an@mail.ru; *Kalinovskaya Victoria S.* — assistant professor of the Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, junior researcher of the Legal Studies Center of the RUDN University. E-mail: vi.arhipova@yandex.ru; *Pashentsev Dmitry A.* — doctor of Laws, PhD (History), professor, leading researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Russian Federation Government. E-mail: Dp-70@mail.ru; *Shestak Victor A.* — doctor of Laws, associate professor, professor of the MGIMO University. E-mail: shestak.v.a@mgimo.ru.

various legal issues in theoretical and practical aspects³. The members of the circle analysed the drafts and evaluated the possibility of their practical implementation, in addition, a lot of attention was paid to foreign judicial practice. Over the entire period of activity, the circle has accepted more than 45 people into its ranks⁴. Anatoly Fedorovich Koni very high praised the circle's work, he noted, that long before the introduction of the first judicial statutes, there were developed conditions for the administration of justice in the future, the procedure for conducting court sessions, and tasks of the trial and conditions of administration of justice⁵.

It was Dmitry Vasilievich, who edited the rough version of the initial draft of judicial statutes, sent by Sergey Ivanovich Zarudny. At the same time, Stasov's contribution to the reform remained unappreciated for a long time. Not only Anatoly Fedorovich Koni spoke positively about the work of the circle, but also Konstantin Konstantinovich Arsenyev, who noted that the members of the circle "... have fulfilled their task and can rightfully occupy a small place in the annals of the judicial reform"⁶. It was thanks to the ideas of Dmitry Vasilyevich, that a special court of cassation was created and proposal to create a connected department was rejected. His merits were noted by the son of S.I. Zarudny, by Alexander Sergeevich Zarudny. Dmitry Vasilievich took an active part in the development of the civil procedure code, where the principle of dispositivity was first enshrined. Thus, we can say, that Stasov was at the very origins of the judicial reform and had a great influence on it, even though he was not directly among the developers.

Another significant area in the professional career of Dmitry Vasilievich was the protection of copyright. For example, he defended the rights of A.S. Dargomyzhsky for the opera "Mermaid". In total, Dmitry Vasilievich conducted four similar cases, and all of them served as the basis for revising the Law on the copyright of musicians and composers⁷.

At the beginning of the 20th century, during an acute political election campaign for seats in the State Duma, the capital's Bar risked becoming one of the political schisms. At that time, Dmitry Vasilievich was among the leaders of the Democratic Reforms Party and had the skill to communicate with representatives of other parties among lawyers. In 1906, on his initiative, an attempt was made to organize free legal advice on participation in elections on the basis of the St. Petersburg Council. However, in 1907, this activity was banned by the mayor, although in essence, at that time, there was already nothing to forbid: after the defeat of the revolution, potential voters lost all interest in the elections.

In conclusion, it should be noted, that a legitimate issue may arise: why did Dmitry Vasilievich not talk about his contribution to the judicial reform? The reason for this could be the fact, that for organizing an illegal legal circle he was arrested several times and transported to Tula, after that he was considered as "unreliable" for a long time. This was also facilitated by his advocacy and sympathy for the revolutionaries. Therefore, we can agree with the opinion of I.A. Anansky, S.P. Salnikov and S.V. Tukov, who believe, that Dmitry Vasilievich hid his contribution to the judicial reform, not wanting to discredit it in the eyes of the authorities and society because of his "unreliability". Only after his death the public was able to appreciate his achievements and the real contribution to the development of domestic legal science.

References

1. LEGKHIY D.M. Dmitry Vasilievich Stasov — lawyer and public figure (1828—1918). Abstract of dissertation of PhD (History). Saratov. 1991.
2. KOROTKIKH M.G. Judicial reform in Russia: the essence and socio-legal mechanism of formation. Voronezh. 1994.
3. CONSON G.R. The analytical method of Stasov. Burganov House. — The space of culture. 2009, No. 4, p. 199—212.
4. MALYEV E.V. D.V. Stasov is the first chairman of the St. Petersburg jury board. — News of higher educational institutions. Jurisprudence. 1995, No. 1, p. 95—101.
5. ANANSKIKH I.A., SALNIKOV S.P., TUKOV S.V. D.V. Stasov and judicial reform. — Legal science: history and modernity. 2017, No. 5, p. 155—162.
6. ARSENIYEV K.K. From the memories. — The voice of the past. 1915, No. 1, p. 117—120.
7. SEMITKO A.P. The development of legal culture as legal progress. (Problems of theory and methodology): dissertation of doctor of Law. Yekaterinburg. 1996.

Личность и профессиональная деятельность Ф.Н. Плевако

А.Р. Батяева, В.С. Калиновская, Б.В. Сангаджиев,
С.Н. Смирнов

Аннотация. Фёдор Никифорович Плевако является одним из выдающихся адвокатов в истории российской юриспруденции. Авторами изучается его личность и профессиональная деятельность. Особенное внимание уделяется роли Фёдора Никифоровича Плевако в развитии искусства ораторского мастерства юриста.

Ключевые слова: отечественные юристы, отечественные правоведы, Ф.Н. Плевако, история российской юриспруденции

Abstract. Fedor Nikiforovich Plevako is one of the prominent lawyers in the history of Russian jurisprudence. The authors study his personality and professional activities. Particular attention is paid to the role of Fedor Nikiforovich Plevako in the development of the art of oratory of a lawyer.

Key words: domestic lawyers, domestic lawyers, F.N. Plevako, the history of Russian jurisprudence.

Fedor Nikiforovich Plevako (1842—1908) — one of the most prominent representatives of domestic jurisprudence, a competent lawyer and statesman. The speeches of Fyodor Nikiforovich to this day are an example of judicial eloquence, the knight of justice, that is how they called him.

Fyodor Nikiforovich studied at the Law Faculty of Moscow University and graduated from it in the year of Alexander II's judicial reform, in 1864. As part of the judicial reform, the principles of the independence and irremovability of

Батяева Альбина Рамазановна — кандидат юридических наук, доцент ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: bibigonya@mail.ru; *Калиновская Виктория Сергеевна* — ассистент АННИО «МИИГУ имени П.А. Столыпина», научный сотрудник НОЦ «Правовые исследования» ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: vi.arhipova@yandex.ru; *Сангаджиев Бадма Владимирович* — доктор юридических наук, профессор ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: Lotos-75@mail.ru; *Смирнов Сергей Николаевич* — кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». E-mail: Smirnov.SN@tversu.ru.

Batyayeva Albina R. — PhD (Law), associate professor of the RUDN University. E-mail: bibigonya@mail.ru; *Kalinovskaya Victoria S.* — assistant professor of the Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, researcher of the Legal Studies Center of the RUDN University. E-mail: vi.arhipova@yandex.ru; *Sangadzhiev Badma V.* — doctor of Laws, professor of the RUDN University. E-mail: Lotos-75@mail.ru; *Smirnov Sergey N.* — PhD (Law), associate professor of the Tver State University. E-mail: Smirnov.SN@tversu.ru.

judges were enshrined, the jurisdiction of the entire population was established, a jury and a branch of the state advocate were established, the parties to the prosecution and the defence were completely equal in rights, and the trial itself became adversarial. In his activities, Plevako actively defended and supported the ideas of judicial reform; he believed, that the judicial statutes and their observance could create fair justice and public justice. In the jury, he saw the bearers of folk wisdom and therefore did not try to teach them or to lead them. In his opinion, the judicial charters were necessary precisely for “establishing the truth in Russia”¹, and not the way for the judges and prosecutors to build their careers and for the lawyers to practice their skills. Fedor Nikiforovich, believed that the duty of prosecutors, judges and lawyers lies in the unity of purpose: “In the unity of purpose! To search for the truth, and not the victory and hegemony of one part over another”².

Even during his lifetime, the name of Fedor Nikiforovich became a household name and a synonym for judicial eloquence. Some authors³ note, that Plevako for law was like Pushkin for Russian poetry. Plevako’s speech was smooth, exciting, fascinating, witty, resourceful, rebellious, with unexpected comparisons and effective phrases. Plevako was a deep psychologist and this was what made his speeches so penetrating, they sounded devotion to the ideas of freedom and civil rights, and that love and compassion towards people was important⁴. Fyodor Nikiforovich’s colleagues noted that the lawyer’s speech did not give a complete picture of his speeches, since they did not convey the emotions and freedom of thought that were inherent in them⁵. Plevako’s oratory is based not only on talent, but also on hard work, deep knowledge and daily improvement of his skills. An excellent knowledge of legal norms, a subtle mind and the ability to capture the essence even in complex cases, allowed Plevako to win complex, confusing and seemingly hopeless lawsuits. Of course, the defence was not based solely on oratory. Fyodor Nikiforovich carefully studied the materials of the preliminary investigation, participated in the judicial investigation, talented in cross-examinations, and filed motions to supplement the investigation⁶. However, in the construction of his speech, preliminary preparation was not felt, as Koni noted, “the living material of the case, which was unfolding before him in the court session, influenced his impressionability and forced him to sculpt the speech with the trembling hands of a sculptor who wants to immediately convey his thought, neglecting to finish the parts, and several times to return to what seems to him the most important in his work”⁷. Fedor Nikiforovich analyzed all his speeches in detail after the trial, highlighting the strengths and weaknesses of his speech, it was the kind of work that allowed him to improve his skills in the future⁸. In the course of his work, Fyodor Nikiforovich developed a number of rules for the successful outcome of the trial: attention should be paid to the judges during the speech, speech should not be read from the sheet, attention should be paid to changes in the mood of the jury. It is worth noting, that Plevako paid a lot of attention to the jury, always looked closely at them trying to catch their moods, listened to questions and comments. Fyodor Nikiforovich took the arguments for his speeches in the theories of recognized authorities, morality, worldly wisdom or in religious books. Contemporaries highly appreciated the skill of Fyodor Nikiforovich and considered him a model of clever lawyer tricks that saved his defenders in a seemingly hopeless situation.

In addition, Fyodor Nikiforovich was scrupulous in choosing the methods on which the judicial defence will be based, he was always tactful in describing the victims even if they were not always conscientious, the argument was with the evidence and not with the identity of the victim or the prosecutor ⁹.

The following cases brought fame and popularity to Fyodor Nikiforovich: case of peasants from the village of Lutorichi (1880), Sevsk peasants (1905), case of the strike of workers at the factory of the Partnership S. Morozov (1886), case of the riots at the Konshinsky manufactory in the city of Serpukhov (1897) ¹⁰. Plevako showed sympathy for ordinary workers, who were exhausted by hard physical labour and condemned the savings on their needs. The most important of the achievements of Fyodor Nikiforovich's work, in our opinion, is the legal analysis of the legislation on strikes and the substantiation of a number of concepts and provisions: not every strike should be punished, but only violating an employment contract, protest by mass cessation of work against the arbitrariness of the administration is an inalienable right of workers ¹¹. In his usual manner, during the trial of the strike of workers at the Morozov factory, Plevako easily conveyed the meaning of the strike legislation to the jury: "If these people renounced the right and sought the wrong by the strike, they violated the law; if they refused the wrong and achieved the right — their strike is beyond the scope of punishment" ¹².

The world fame to Plevako brought the case of Savva Mamontov, a major Russian industrialist, who was accused of embezzlement of money from the board of the railway ¹³. Many government officials hoped, that this process would help them acquire large industrial capital. The attitude of society towards this was twofold. Fyodor Nikiforovich took over the defence of Mamontov, since he considered him a good industrialist. The process was long and controversial, but Plevako managed to free Savva Mamontov. In this lawsuit, Fyodor Nikiforovich expressed his internal responsibility to those whom he defends, addressing the prosecutor with a remark, he announced that there are living people behind the defender, the lawyer, who rely on the work of their defenders: "They rely on their defenders, climb onto their shoulders, and ... scared to slip with such a burden! If I said an extra word, I myself must keep the answer: indignation against me, but not a single arrow — there!" ¹⁴.

Plevako was a liberal lawyer, and his work was evidence that everyone should have the right to a defence, fair and adversarial trial ¹⁵. Fedor Nikiforovich was not afraid to criticize the existing order, which complicated life for ordinary people and prevented him from working, he never refused to protect ordinary people, equally protecting both the poor and the rich. Even when Fyodor Nikiforovich was awarded the noble title for his highly professional work and received the class rank of a real state councillor, he remained open and accessible to all who needed his help and protection. Plevako saw ordinary people in his clients, whom he sympathized with and forgave, so he often used his skills to protect those who broke the law by mistake or from hopelessness. Most of his career, Fedor Nikiforovich remained out of politics and only at the end of his career he became a deputy of the Third State Duma (1907) from the Octobrist party.

Fyodor Nikiforovich Plevako died on December 23, 1908, at the 65th year of his life. The news was mournful for the whole country ¹⁶. In an endless funeral procession were people of all classes and ranks. Plevako was buried

in the cemetery of the Skorbyashenskiy monastery; in the 1930s, his ashes were reburied at the Vagankovsky cemetery in Moscow. Fyodor Nikiforovich left a wonderful, bright and vivid memory about himself, not only within the framework of Russian jurisprudence, but also of Russian society.

References

This paper financially supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on the program to improve the competitiveness of Peoples Friendship University of Russia (RUDN University) among the worlds leading research and education centers in the 2016—2020.

1. PLEVAKO F.N. Selected Speeches. M. 1993, p. 539.
2. Ibid., p. 540.
3. Selected Speeches. N.F. Plevako. M. 2011, p. 9; KOVALEVA D.N. Russian sworn advocacy: an inside look (N.P. Karabchevsky about F.N. Plevako). — Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2009, No. 2 (26), p. 147—149.
4. BAISHEVA Z.V. Rhetorical arguments in defensive speeches F.N. Plevako. — Legal state: theory and practice. 2011, No. 4 (26), p. 28—34.
5. LEBEDAVAL T.P. F.N. Plevako — seeker and defender of the truth. — Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences. 2007, No. 6, p.78—85.
6. Ibid., p. 78—85.
7. KONI A.F. Favorites. M. 1989, p. 64.
8. BULGAKOVA E.S. The rhetorical means of expressing contrast in the speeches of F.N. Plevako. — Bulletin of OrelGIET. 2008, No. 3 (5), p. 115—124.
9. MOISEEV A.P. Individual-author comparisons in speeches by F.N. Plevako. — Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. 2009, No. 6 (74), p. 285—288.
10. LEBEDAVAL T.P. Op. cit., p. 78—85.
11. BAISHEVA Z.V. Techniques for attracting the attention of a judicial audience (based on the material of defensive speeches by F.N. Plevako). — The rule of law: theory and practice. 2012, No. 2 (28), p. 31—35.
12. PLEVAKO F.N. Op. cit., p. 526.
13. MAZURENKO M.A. F.N. Plevako as an outstanding Russian lawyer, and his role in Russian legal thought. — Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011, No. 3 (13), p. 18—21.
14. PLEVAKO F.N. Op. cit., p. 278.
15. CHERENDANOVA Yu.V. Irrational arguments in the speeches of F.N. Plevako. — New Science: Current Status and Development Paths. 2016, No. 11—2, p. 119—121.
16. GALOGANOV A.P. F.N. Plevako and modern advocacy. In the collection: Tambov legal readings named after F.N. Plevako. Materials of the International Scientific Conference. 2017, p. 310—312.

История создания и деятельности Организации американских государств

А. А. Галушкин, М. Е. Жукова, Е. Ю. Комлев,
Д. А. Пашенцев

Аннотация. Созданная в конце XIX в. Организация американских государств является одной из старейших международных организаций с богатой историей деятельности. В публикации рассматриваются предпосылки и история создания организации, анализируются ключевые институциональные и функциональные преобразования в Организации американских государств. Исследуются противоречия, с которыми столкнулись государства-члены в процессе многостороннего взаимодействия. Отдельное внимание авторами уделяется позиции Организации американских государств в отношении Кубы.

Ключевые слова: международная организация, Организация американских государств, международная политика, Латинская Америка, США.

Abstract. Created at the end of the 19th century, the Organization of American States is one of the oldest international organizations with a rich history of activity. The article discusses the background and history of the organization, analyzes the key institutional and functional transformations in the Organization of American States. The publication examines contradictions faced by Member States in the process of multilateral interaction. Special attention is paid to the position of the Organization of American States in relation to Cuba.

Key words: international organization, Organization of American States, international politics, Latin America, USA.

It should be noted, that the Organization of American States as an international organization was founded on April 30, 1948 at the IX Inter-American Conference in Bogota (Colombia) on the basis of the Pan American Union, which has existed since 1889. Initially, the United States considered the Latin American region from the standpoint of the Monroe Doctrine, and the Organization of American States as a vehicle for its policy in Latin America. The organization's residence was located in Washington. Most of the financial costs were also borne by the United States. In addition, most members of the Organization of American States were long-term debtors, as they were not able to contribute their quota. The International Conference of American States, held in Washington, DC, from October 1889 to April 1890, was the first in a series of periodic meetings between the peoples of America at which were developed norms and institutions to manage hemispheric relations and promote cooperation. The participating countries agreed to create the International Union of American Republics, which was renamed the Pan American Union in 1910¹. In 1933, after President Franklin Roosevelt

began the Neighbourhood policy, the United States and other countries in the hemisphere signed the Convention on the Rights and Obligations of States, which officially recognized the equality of states and the principle of non-interference in each other's internal affairs. Close cooperation during the Second World War significantly strengthened the ties between the hemispheres, which were strengthened in the post-war period with the adoption of the Inter-American Treaty of Mutual Assistance (Rio Treaty) in 1947². Although the Organization of American States initially sought to resolve border disputes and collective security issues, over time it expanded its activities in other areas. In 1959, the Inter-American Commission on Human Rights was created to implement the provisions of the American Declaration of Human Rights and Duties. During the 1960s, the Organization of American States significantly expanded its economic, social, cultural, scientific, and technological programs, focusing on the development after President Kennedy launched "the Alliance for Progress" in 1961³. Abuses by authoritarian governments prompted the creation of the American Human Rights Court in 1979, and growing concern about drug trafficking led to the creation of the 1986 Inter-American Drug Abuse Control Commission⁴. The Organization of American States recognized the challenges of regional and international terrorism by creating the Inter-American Committee against Terrorism in 1999 and recognizing the near-universal commitment to democracy in the region through the adoption of the 2001 Inter-American Democratic Charter⁵.

After the Cuban Revolution in 1959, there was an aggravation in the Latin American policy of the United States, which sought to maintain control of the region and prevent new revolutionary waves. As part of the solution to this problem, the Organization of American States and the consolidation of the union as a whole in order to counter "communist intervention" played a special role. The United States did not plan to oppose Cuba on its own, but as part of the Organization of American States, for which police forces were founded within the organization, for which the United States allocated about \$30 million⁶.

Галушкин Александр Александрович — кандидат юридических наук, профессор РАО, первый проректор, проректор по научной работе АННИО «МИИГУ им. П.А. Столыпина», директор НОЦ «Правовые исследования» ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: alexander.galushkin@yandex.ru; *Жукова Мария Евгеньевна* — ассистент ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: mzh.law@gmail.com; *Комлев Евгений Юрьевич* — кандидат юридических наук, ассистент ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: Komleve@mail.ru; *Пашенцев Дмитрий Алексеевич* — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. E-mail: Dp-70@mail.ru.

Galushkin Alexander A. — PhD (Law), professor, first vice-rector, vice-rector for Research of the Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, director of the Legal Studies Center of the RUDN University. E-mail: alexander.galushkin@yandex.ru; *Zhukova Maria E.* — assistant of the RUDN University. E-mail: mzh.law@gmail.com; *Komlev Evgeny Y.* — PhD (Law), assistant of the RUDN University. E-mail: Komleve@mail.ru; *Pashentsev Dmitry A.* — doctor of Laws, PhD (History), professor, leading researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Russian Federation Government. E-mail: Dp-70@mail.ru.

The US did not want to oppose Cuba on its own, as the mixed reaction of the world community to such open actions was obvious. In essence, this would mean that a superpower opposed a small island nation. In addition, US military methods would violate the foundations of the Westphalian world order system, which would entail UN intervention⁷.

In the anti-Cuban policy of the United States, carried out in the 1960—1970s, four main stages can be distinguished:

1. V and VII consultative meetings of foreign ministers of OAS member countries in 1959 and 1960 and the beginning of the US anti-Cuban campaign.

2. VIII Consultative Meeting of the OAS in 1962 and the development of a legal platform for the isolation of Cuba.

3. The Caribbean crisis of 1962 and the increase in anti-Cuban actions that led to political, economic, diplomatic and military blockades, formalized by the decisions of the IX and XII meetings of the OAS member countries in 1964 and 1967.

4. The central issue of the OAS meetings of the 1970s is the requirement of Latin American states to end the blockade of Cuba⁸.

The United States attempted to intervene in Cuban politics for the first time in 1959 at the V Consultative Meeting of Foreign Ministers of the member countries, held from August 12 to 18, 1959 in Santiago, Chile. At this meeting, US Secretary of State Christian Herter tried to raise the idea of creating a special commission to study the situation in the Caribbean region, and also actively use the Inter-American Peace Commission to resolve the Cuban problem. That is, already at the first stage, the United States sought to betray its interests of a collective nature, however, at that time most states refused to support such policy, explaining that it was impossible to interfere with the sovereignty of states. To the next stage, the United States led a more thoughtful policy to prepare Latin American states for anti-Cuban politics⁹. In particular, from August 16 to 29 1960, the VI and VII Consultative Meetings of the Ministers of Foreign Affairs of the OAS Member Countries were held in San Jose, the occasion of which was the “Cuban Issue”. Under pressure from Washington, the meetings adopted resolutions, that were essentially anti-Cuban in nature. They condemned interference or the threat of interference outside the continental power in the affairs of the Western Hemisphere, and the consent of one of the American states to such intervention “jeopardizes the solidarity and security of the countries of America”¹⁰. However, in general, US policy in this direction remained unsuccessful, so the United States considered the only way to solve the problem — armed intervention. At the same time, the Cuban government considered the US embassy as a haven for counterrevolutionaries and demanded maximum staff reductions, which became a pretext for the United States to break off diplomatic relations.

The second stage of anti-Cuban politics is associated with the VIII Consultative Meeting of Foreign Ministers of the OAS member countries, which was held from January 22 to January 31, 1962 and continued the theme of opposition to communist sentiments of F. Castro. Each of the nine resolutions was, to one degree or another, devoted to the struggle against the communist threat and the Marxist-Leninist government of Cuba. As a result, Cuba was expelled from the Organization of American States and a special advisory

committee was created on the basis of the organization, whose activities were directed against the international communist movement¹¹.

The third stage was associated with the Caribbean crisis of 1962 and the deployment of Soviet missiles in Cuba. The United States stated that in such circumstances it is more difficult for them to maintain peace in the region, as well as an adequate level of socio-economic development in the region, so financing of the internal programs of the Latin states becomes difficult. Such a statement once again demonstrated the relationship between decisions taken by the Organization of American States and US policy. Throughout the 60s, calls continued to tighten Cuban isolation and to refrain from contacts with states supporting Fidel Castro's policies.

Since the beginning of the 1970s, amid a general easing of international tension in Latin America, the desire to pursue an independent foreign policy course has intensified. At sessions of the General Assembly of the Organization of American States, US policy in Latin America began to be sharply criticized, which marked the fourth, final, stage of anti-Cuban politics in the Organization of American States¹².

In particular, the key theme of the XV Consultative Meeting of Foreign Ministers of the Organization of American States held in November 1974 was the requirement to review the outcome of the IX Consultative Meeting of 1964. In addition, congressional delegates emphasized the importance of the "principle of non-interference" and called on the United States Government to refrain from any action that violates this principle¹³. We can conclude, that the activities of the Organization of American States in relation to Cuba completely depended on US policy and position on this issue, which means that we can talk about the crisis of the inter-American system of interaction. The role of the Organization of American States in US anti-Cuban politics has largely come down to supporting Washington's foreign policy.

In 1971, it was decided to introduce the institution of observers of the Organization of American States¹⁴. In 2015 70 states already have this status, including the Russian Federation. Currently, the authority and position of the Organization of American States has been significantly weakened by purely Latin American associations without the participation of the United States — UNASUR (Union of South American Nations), CELAC (Community of Latin American and Caribbean States)¹⁵. Today, the strengthening of the Organization of American States is possible only as a body in which Latin American countries and the United States consult on vital issues, guided by the principles of sovereign equality, non-interference, and peaceful settlement of disputes.

References

1. LEWIS D. On Proliferation Watch: Some Reflections on the Past Quarter Century — The Non Proliferation Review 1998, № 5(3), p. 59—77.
2. The Charter of the Organization of American States: [adopted in Bogota 04/03/1948]. In: Current international law. Vol. 1—3. M. 1996—1997. Vol. 2. 1997, p. 305—335.
3. COOPER A., LEGLER Th. The OAS Democratic Solidarity Paradigm: Questions of Collective and National Leadership. — Latin American Politics and Society 2001, No 43(1), Spring, p. 103—126.

4. ABI—MERSHED E., MONTECINO M. Thirty-Five years defending human rights. — Americas. 1994, No 46 (6), p. 5.
5. MEYER P. Organization of American States: Background and Issues for Congress & Congressional Research Service. 2018. URL: <https://fas.org/spp/crs/row/R42639.pdf>.
6. POLYAKOVA L. A. Cuba and the evolution of the Organization of American States. M. 1999; KASATKINA E. A. The role of the Organization of American States in US anti-Cuban politics in the 1960—1970s. — Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov. 2012, No. 9 (23), part II, p. 71—74.
7. EREMIN A. A. The role of the Organization of American States in ensuring regional security in the Western Hemisphere (2003—2017): author. dis. cand. East. Sciences: 07.00.15. M. 2018.
8. KASATKINA E. A. The role of the Organization of American States in US anti-Cuban politics in the 1960—1970s. — Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov. 2012, No. 9 (23), part II, p. 71—74.
9. KOVALEV A. A. Inter-American Legislative and Judicial System for the Protection of Human Rights. In: International Protection of Human Rights. M. 2013, p. 289—314.
10. POLYAKOVA L. A. Cuba and the evolution of the Organization of American States. M. 1999.
11. MIRONOV N. N. The Inter-American System for the Protection of Human Rights: Genesis and Basic Institutions. — Intern. public and frequent right. 2009, No. 5, p. 29—41.
12. SAVELIEV V. G. Protection of property rights in the framework of international regional organizations (for example, the Council of Europe and the Organization of American States). — Rus. legal journal. 2012, No. 4, p. 86—94.
13. XV Meeting. Quito, Ecuador, November 8 to 12, 1974 [E-resource]. URL: <http://www.oas.org/council/MEETINGS%20OF%20CONSULTATION/Actas/Acta%2015.pdf>.
14. SMITH R. K. M. Organization of American States: [mechanisms for monitoring and implementing human rights]. In: International Protection of Human Rights. Minsk. 2013, ch. 8, p. 119—136.
15. RAMIREZ N. E. USA and Latin America. 1930—1965. M. 1965, p. 42.

История политических и гражданских прав женщин в Федеративной Республике Германии

А. А. Дарков, М. В. Игнатьева, Е. В. Майстрович,
А. А. Соловьёв

Аннотация. Становление и развитие прав женщин в Европе имеет длительную историю, различную внутри каждого из государств. В 2019 г. отмечается столетие с момента получения женщинами избирательных прав в Германии. Публикация посвящена изучению политических и гражданских прав женщин в Германии с конца XIX в. и до сегодняшних дней. Авторы рассматривают развитие прав женщин на фоне политических событий, разворачивавшихся в XX в. в Германии и во всем мире. Анализируется история феминистского движения, зародившегося в начале XX в. в Германии, и его роль в установлении политических и гражданских прав женщин.

Ключевые слова: права женщин, политические права женщин, суфражизм, права женщин в Германии, история прав женщин, ФРГ.

Abstract. The formation and development of women's rights in Europe has a long history, it is different within each of the states. In 2019 is celebrated the centenary of receiving voting rights for women in Germany. The publication is devoted to the study of the political and civil rights of women in Germany from the end of the 19th century to the present day. The authors consider the development of women's rights against the backdrop of political events unfolding in 20th century in Germany and around the world. The author analyses the history of the feminist movement that originated in Germany at the beginning of the 20th century and its role in establishing the political and civil rights of women.

Key words: women's rights, women's political rights, suffrage, women's rights in Germany, the history of women's rights, Germany.

The most important feature of a progressive society is the ability to renew and modernize — the transition from the traditional to the modern, which is manifested in the emergence of various forms of female political activity. Germany is the most populous country in the European Union with a population of about 82 million people, of which more than half are women. The German federal management system provides opportunities at different levels of government for the formation and implementation of an equality policy ¹. The fact that for the most part of the history women did not have access to the realization of their political interests is the reason for their political, civilian and legal discrimination. The involvement of women in politics began only at the end of the 19th century.

For the first time, women of Germany began to show their active citizenship in the middle of the 19th century, during the period of the bourgeois-democratic revolution of 1848—1849. In particular, the first women's newspaper "Citizens, Seek Rights and Freedoms", founded by Louise Otto, first time appeared. In the same period, parties and unions with the participation of women began to form, however, it should be noted, that the political problems of women were not central. The main requirements were legislative changes regarding the status of women in education, labour productivity, marriage and family relations². Unfortunately, with the onset of counter-revolutionary movements, women's political activity is sharply reduced and does not leave behind any clearly developed concepts.

Despite the fact that closer to the end of the 19th century, the economic situation of women improves significantly, their secondary role in society compared to the male one is still entrenched in the people's minds. All this formed the prerequisites for a new wave of the women's movement, aimed not only at legislative changes in the status of women in society, but also at changing this status in German public consciousness³. A feature of the German women's movement at the end of the 19th century was its division into two areas: bourgeois and proletarian. This was explained by the fact, that women from various social groups have their own specific problems. Such disunity led to the fact, that the women's movement of this period could not be strong enough to defend their interests⁴. It is also worth noting the fact, that at the head of both united Germany and many other German states, never were women, by contrast with Russia, England, Spain or Austria⁵. After the November Revolution of 1918—1919 women gained suffrage and began to show political activity. Women were able to choose and stand for election. On January 19, 1919 17 million women and 15 million men were among the voters. 82.3% of women and 82.4% of men took part in the elections, 310 women were nominated as candidates for deputies to the National Assembly, which amounted to 9.6% of the total number of women deputies. The Weimar Constitution provided women with formal political equality and socio-economic rights⁶. In the early 20th century, women also finally managed to

Дарков Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству», вице-президент Российского юридического клуба. E-mail: darckov@yandex.ru; *Игнатьева Марина Валерьевна* — кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена». E-mail: mail@miigu.ru; *Майстрович Елена Витальевна* — доцент кафедры АННИО «МИИГУ им. П.А. Столыпина», научный сотрудник ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: elena.maystrovich@yandex.ru; *Соловьёв Андрей Александрович* — доктор юридических наук, профессор ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». E-mail: sportlaw2014@rambler.ru.

Darkov Aleksandr A. — PhD (Law), associate professor of the State University of Land Use Planning, vice-president of the Russian Law Club. E-mail: darckov@yandex.ru; *Ignatieva Marina V.* — PhD (Philology), associate professor of the Herzen State Pedagogical University of Russia. E-mail: mail@miigu.ru; *Maystrovich Elena V.* — associate professor of the Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, researcher of the RUDN University. E-mail: elena.maystrovich@yandex.ru; *Soloviev Andrey A.* — doctor of Laws, professor of the Moscow State Pedagogical University. E-mail: sportlaw2014@rambler.ru.

achieve the right to education, the right to work, and equal pay with men. This stage is called feminism of the “first wave”, when formal political equality was achieved, poorly implemented in practice, but society still perceived women as only “homemakers”⁷.

The right to vote for women was enshrined in article 22 of the Weimar Constitution, where all persons over the age of 20 were vested with the right to vote⁸. The election regulations of the Weimar Republic of November 30, 1918 as the second paragraph allowed (without mandatory implementation) separate voting in the country at polling stations on the basis of sex. This principle was implemented in two ways: separate ballot boxes for men and women or multi-coloured ballot papers⁹.

During the fascist dictatorship, women lost a majority of their hard-won rights, in particular suffrage. In addition, women were not allowed to teach, to the profession of judge and lawyer. Women were ousted from public life, it was argued that: “German women want to be only wives and mothers...”¹⁰ Thus, during the acting of Hitler, women lost even formal equality¹¹.

In the late 1960s, emerging feminist and civil rights movements called for sociocultural changes in the direction of women’s self-determination, which led to significant reforms to achieve greater gender equality between women and men¹². They challenged the traditional gender roles of male breadwinners and female educators, which were characteristic of the post-war period. Married men had the right to make final decisions on all family matters until 1957, when the Equal Rights Act entered into force. Only in 1977, women in western Germany received the right to paid work without the permission of their husbands. The feminist movement became one of the most politically significant social phenomena in Germany in the 70—80s, it managed to attract young educated women into its ranks. Its representatives oppose all forms of patriarchal suppression of women, against an unequal economic and political situation, inequality in marriage and family¹³. It is worth saying, that the feminist movement in Germany turned out to be very pragmatic, for example, in the Federal Republic of Germany by the beginning of the 80s educational and health centres were opened, as well as crisis centres for women and children, who experienced violence. According to the logic of German feminism of that time, the patriarchy organizes a war against nature and women. The technology drove the woman out of the decision-making process, since it was assumed, that the man had the superiority of experience in the framework of outhouse activities. Today the form and structure of families has changed dramatically, and a wider range of forms of cohabitation has appeared. The reunification of Germany in 1990 was a new challenge for achieving equality in both parts of the country. In the GDR, people lived in more egalitarian partnerships. The state took care of the children, and most of the women worked full time. In contrast, most women in West Germany preferred a modified model of male breadwinner. In addition, childcare was mainly seen as a family issue. Since 1995, measures have been taken to create institutional mechanisms to improve the status of women; three strategic goals have been identified: the creation and strengthening of national mechanisms and other state bodies; gender mainstreaming in legislation, public policies, programs and projects; preparation and dissemination of sex-disaggregated data and information. Differences continue to exist, but women’s choice partially converges. The

main driving force behind progress in achieving gender equality in Germany is the binding EU legislation on equality, especially in the area of women's employment ¹⁴.

The modern German legal framework for gender equality is based on the fundamental rights listed in the Basic Law. Equality between men and women is proclaimed in article 3.3. In 1994, a new article was added to the German Basic Law, which provided for the obligation of the authorities to combat inequality between men and women, as the state promotes the actual implementation of gender equality between men and women and seeks to eliminate existing shortcomings. Laws guaranteeing equal rights and preventing discrimination in Germany were developed on the basis of these rights to equality ¹⁵.

The General Equal Treatment Act, which entered into force in 2006, implements four European directives: the Directive on Racial Equality, the Directive on Equality in Employment, the Directive on Gender Equality for Goods and Services, and the Directive on Gender Equality. This law protects citizens from all forms of discrimination. It covers discrimination in employment and social law, private law and public service law. The focus is on workplace discrimination based on gender, race or ethnic origin, religion or belief, age, disability and sexual orientation.

The Federal Equality Act, which entered into force in 2001, aims to ensure gender equality in federal public administration, federal courts and federal government institutions in accordance with private law. In accordance with the Amsterdam Treaty of the EU, 1999, it introduced the principles of gender mainstreaming in the administration. In addition, this law requires the development of equality plans and the election and appointment of equality commissioners in all administrations.

Compared to other EU member states, Germany's success in achieving gender equality is mediocre. The European Gender Equality Index (GEI) ranks Germany lower than the EU average ¹⁶. Only in the areas of work, money and time Germany achieve better results than the EU average ¹⁷. In recent years, efforts have been made, especially in the field of employment; however, barriers persist, for example, in the classification of payroll taxes and dependent social security for spouses. The topic of women's rights remains relevant in Germany due this day. Equality of rights has not yet been achieved; issues about the difference in pay and prevalence of women in leadership positions are especially important. Of particular concern is the fact, that in 2017 the share of women in the Bundestag fell by 30.9% to the same level as in 1998 ¹⁸. The modern representatives of the feminist movement in Germany emphasize, that there is still a lot of work to be done before there will be real equality, necessary for the further adequate and effective development of society.

References

1. CZARNECKI D., ENGELS H., KAVEMANN B., STEFFAN E., SCHENK S., TÜRNUAU D., TANIS N. Prostitution in Deutschland — Fachliche Betrachtung komplexer Herausforderungen. 2014, S. 53.
2. HARTWIG. Wie die Frauen im Deutschen Reich von ihrem politischen Wahlrecht Gebrauchmachen. — Allgemeines Statistisches Archiv. 17, 1928, S. 497—512.

3. KIRILLINA V.N. Gender Conflict as a Factor of Political Change. — Bulletin of Moscow University. Series Political Science. 2004, No. 4.
4. FALTER J.W., LINDENBERGERT, SCHUMANN S. Wahlen und Abstimmungen in der Weimarer Republik: Materialien zum Wahlverhalten, 1919—1933. München. 1986.
5. ARTEMYEVA L. Women and Politics. — Personality Development. 2004, No. 1.
6. GAVRILOVA E.P., KOROLEVA T.V., SHNYROVA O.V. Development of female education in France and Germany in the late 19th — early 20th centuries. — Woman in Russian Society. 1997, No. 1, p. 30—35; CHIRUKHINAYU.V. The role of feminism in the development of the political participation of women in Germany. — The value system of modern society. 2008, No. 2, p. 85—93
7. BREMME G. Die politische Rolle der Frau in Deutschland. Göttingen. 1956.
8. PATRUSHEV A.I. Germany in the 20th century. M. 2004.
9. SCHULZ E.E. The problem of gender voting in the Weimar Republic. — RUDN. Journal of World History. 2018, vol. 10, No. 1, p. 17—23.
10. CHIRUKHINA Yu. V. The role of feminism in the development of the political participation of women in Germany. — The value system of modern society. 2008, No. 2, p. 85—93.
11. BOAK H. National Socialism and Working-Class Women. In: The Rise of National Socialism and the Working Classes in Weimar Germany. Berghahn Books. 1996, p. 163—188.
12. KUHN A. Die Chronik der Frauen. Dortmund. 1992.
13. CHIRUKHINA Yu. V. Op. cit., p. 85—93.
14. MAIER. Europäische Politiken zur Gleichstellung — nur noch schöne Worte? — WSI—Mitteilungen 1. 2015, 5—12.
15. BOTSCH E. The Policy on Gender Equality in Germany. European Parliament. 2015.
16. Ibidem.
17. Ibidem.
18. 100 years of female suffrage in Germany: the unknown story. URL: <https://www.thelocal.de/20181107/100-years-of-female-suffrage-in-germany-the-unknown-story>.

У истоков сибирского города

О. В. Бураева, Б. А. Базаров, Н. В. Именохоев,
Д. А. Миягашев

Аннотация. История г. Улан-Удэ во многом схожа с историей любого сибирского города. Будучи зимовьем в 1665 г., острогом, оборонительным сооружением, со временем он становится торговым, культурным, промышленным, научным и политическим центром, превратившись в XX в. в столицу Республики Бурятия. Основываясь на письменных и вещественных источниках, мы постарались восстановить историю строительства и развития Удинского острога, который положил начало современному российскому городу.

Ключевые слова: Удинское зимовье, Удинский острог, Удинск, Верхнеудинск, Улан-Удэ, история, археология.

Abstract. The history of Ulan-Ude is in many ways similar to the history of any Siberian city. Starting from wintering place («zimovye») in 1665, fort («ostrog»), a fortification, over a time it became a commercial, cultural, industrial scientific and political center, turning into the capital of the Republic of Buryatia in the XX century. Based on written and archaeological data, we tried to restore the history of the construction and development of the Udinsky Ostrog, which marked the beginning of the modern Russian city.

Key words: Udinsk Zimovye, Udinskij Fort, Udinsk, Verkhneudinsk, Ulan-Ude, history, archaeology.

Многие сибирские города выросли из зимовий, построенных казаками в XVII в. по мере их продвижения на восток. Одни из них сошли с исторической сцены, выполнив свою миссию, другие получили возможность для дальнейшего развития. Город Удинск/Верхнеудинск такую возможность получил. За весьма короткое по историческим меркам вре-

Бураева Ольга Владимировна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: olgaburaeva@mail.ru; *Базаров Биликто Александрович* — научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: biliktobazarov@yandex.ru; *Именохоев Николай Владимирович* — научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: yni@mail.ru; *Миягашев Денис Алексеевич* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: silker10@yandex.ru.

Buraeva Olga V. — doctor of historical sciences, leading researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS. E-mail: olgaburaeva@mail.ru; *Bazarov Bilikto A* — researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS. E-mail: biliktobazarov@yandex.ru; *Imenokhiov Nikolay V.* — researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS. E-mail: yni@mail.ru; *Miyagashev Denis A.* — candidate of historical sciences, researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS. E-mail: silker10@yandex.ru.

мя из зимовья он превратился к началу XX в. в город со стремительно растущим населением, в котором велась оживленная торговля, возникло промышленное производство, функционировали электростанция, телеграф, учебные заведения, библиотеки и, конечно же, кинематограф. Значительную роль в этом сыграло выгодное географическое положение города. Революционные события XX в. превратили г. Верхнеудинск в один из крупных центров национального движения. В 1923 г. он становится столицей Бурят-Монгольской АССР, что коренным образом меняет его судьбу. Наделение столичными функциями предопределяет существенные изменения в этническом и социальном составе города, а также в его инфраструктуре. В 1934 г. Верхнеудинск был переименован в Улан-Удэ, окончательно становясь при этом средоточием модернизационных процессов. Сегодня г. Улан-Удэ — это крупный культурный, научный, экономический, транспортно-логистический центр с многонациональным и поликонфессиональным составом населения ¹.

Долгое время датой основания Удинского зимовья считался 1666 год. Однако в настоящее время доказано, что зимовье поставлено казаками из отряда казачьего десятника Осипа Васильева в октябре 1665 года.

В 1675 г. через Забайкалье в Китай проезжал посол Николай Спафарий. В своем дневнике от 13 ноября он сообщил: «А в тех местах от реки Уды степь в ширину версты по три, а за степями горы, а на горах лес всякий, и места самыя добрыя и конские кормы хорошие и солонцы многие, что лучше тех кормов, что по Уде скоту не надобно; и подле реки Уды мочно и острог ставить и суды делать и места хлебороднаго сыскать мочно» ². Во время его путешествия с 1675 по 1677 г. (в 1677 г. Спафарий возвратился через Забайкалье в Тобольск) на Уде существовало зимовье. 16 ноября 1675 г. он написал: «... а река Уда течет из хребта, и по ней казаки промышляют соболи, и ныне на усть реки Уды есть зимовье казачье» ³.

Отдельно стоит остановиться на вопросе о строительстве Удинского острога. По мнению архитектора Л. К. Минерта, он был сооружен между 1677 (во время путешествия Спафария в 1677 г. существовало только зимовье) и 1680 гг. ⁴, а не в 1689 г., как указывалось в «Истории Бурят-Монгольской АССР» ⁵ (здесь речь шла, скорее всего, о строительстве крепости-города).

Минерт считает первым документом, в котором говорится об Удинском остроге, «Роспись торгового человека Исаея Остафьева Посаленово» от июля 1680 г.: «... иду я из Иркутцкого острогу мимо Удинского острогу в Дауры...» ⁶. Обнаруженный в Санкт-Петербургском филиале архива РАН документ ⁷ от 1679 г. (7187 г.) позволяет установить точную дату постройки Удинского острога на месте Удинского зимовья — 1679 год. Сын боярский Иван Поршенников сообщает, что велено ему в Удинском построить два амбара, а кругом поставить острог: «... те анбары построены и кругом анбаров острог поставлен, а мерою кругом острог восьмидесять сажен, а на двух углах на прибойных местех поставлены башни две, а под башнями построены избы, а на двух других углах выведены быки, ворота проезжие, а острог поставлен в крепком месте» ⁸.

К 1680 г. Удинский острог уже стал важным звеном военно-оборонительной системы Забайкалья: в нем находилась артиллерия, во главе

гарнизона стоял пятидесятник. Острог также играл роль центра, куда поступал хлеб для выплаты жалования служилым людям Нерчинского и Албазинского воеводств, за которым каждый год из Нерчинска отправлялся специальный караван. Через него шли первые партии ссыльных. Роль Удинского острога как важного перевалочного пункта на пути из Восточной Сибири к Байкалу и Приамурью настолько возросла, что даже рассматривался вопрос о переводе основной массы служилых и приказчика из Селенгинского острога в Удинский⁹. Однако боязнь ослабить приграничный Селенгинск не позволила реализовать этот план.

Особое значение острог приобрел в ходе событий, предшествовавших заключению в Нерчинске русско-китайского договора в августе 1689 года. Глава русского посольства Фёдор Алексеевич Головин прибыл с полками московских стрельцов в Удинский острог 10 сентября 1687 года. Два полка во главе с полковником Павлом Грабовым и Антоном фон Шмаленбергом получили приказ строить избы и готовиться к зимовке, а полк Фёдора Скрипицына отправился в Ильинскую слободу. После получения сообщения о том, что к Селенгинску с большим войском направляются китайские послы, было решено укрепить Удинский острог¹⁰. В 1688 г. Ф.А. Головин «силами своих стрельцов и казаков построил в Удинске вместо прежнего острога по образцу Селенгинска малую деревянную крепость, и теперь стоит, занимая пространство 40 сажень в квадрате», с тех пор Удинск назывался пригородом¹¹.

Крепость представляла собой квадрат размером 49х49 м. Городни (или срубы), из которых состояли стены, имели высоту 6,4 м и ширину на уровне облама (верхняя выступающая часть стены) — 2,5 м. Кроме того, был сооружен шестиугольный раскат для стрельбы из пушек в любом направлении шириной 12,8 м и высотой 8,5 м. Внутри острога был построен пороховой погреб, а над ним — амбар. Вокруг острога и слободы был возведен тройной ряд надолб (острог в виде тына из невысоких бревен) периметром 660 м¹². Именно этот внешний облик запечатлел в своей «Чертежной книге Сибири...» С.У. Ремезов. Необходимо отметить, что на карте Ремезова макет острога расположен неправильно по отношению к р. Уде. Проезжая башня находилась на западной стороне острога, а не на южной, выходящей к реке Уде, как указал Ремезов.

Острог имел пять башен — четыре угловых и «проезжую» посередине западной стены. Три угловые башни были квадратными (3х3 сажени), а четвертая — северо-восточная — шестиугольной. Шатровые крыши башен завершались дозорными вышками. Проезжая башня была больше других, квадратной и имела прямой проезд. Для обороны ворот был устроен балкон на консолях со сквозным полом и крышей. На втором этаже надвратной башни располагалась часовня. На случай осады крепости и для снабжения города водой была предпринята попытка провести по тайной ход к р. Уде (следы которого были обнаружены в 1896 г.), но из-за твердости материковой скалы холма она не удалась¹³.

В самом начале, когда Удинское зимовье находилось в подчинении Селенгинска, здесь несли службу 20 служилых людей, ежегодно присылаемых из Селенгинского острога¹⁴. После постройки острога в 1679 г. в нем мог расположиться гарнизон из 50 человек. В августе 1689 г. Ф.А. Головин получил Указ об увеличении гарнизона Удинска до 1000

человек. Но из-за малочисленности гарнизонов в байкальских и даурских острогах он не мог его выполнить. В феврале 1690 г., покидая Забайкалье, Головин оставил в Удинске 835 стрельцов и казаков из полка Павла Грובה и других полков ¹⁵.

19 марта 1693 г. в Удинск прибыло русское посольство, направлявшееся в Китай, во главе с Избрантом Идесом. Впоследствии в своих путевых заметках он написал: «Город Удинск считается воротами в Даурию, летом сюда часто являются монголы и уводят с пастбищ возле города лошадей. Для земледелия эта область малопригодна, так как она очень гориста. Но здесь много огородов, где выращивают капусту, репу, морковь...» ¹⁶ Он также отметил, что острог стоит на высокой горе, в нем находится гарнизон казаков, но большая часть населения живет под горою, у реки Уда. В 1696 г. в Удинск казачьим головой был назначен полковник Афанасий Бейтон.

В 1713 г. в составе цинского посольства, направлявшегося к калмыцкому хану Аюке, через Удинск проезжал Тулишэнь. В своих записках он писал, что Удинский острог — Уди-байшин — находится от Селенгинска в 200 ли. «По сторонам города везде находятся горы, однакож кругом города никакого стенного укрепления не имеется, и здесь также, как и в Селенгинске, живут русские люди и мунгалы более 200 семей смешенно. Войска находятся до двух же 100 человек. Для содержания команды над городом определен один начальный человек» ¹⁷.

12 августа 1716 г. в Удинске побывал Л. Ланге, направлявшийся в Пекин для установления русско-китайской торговли. В своих записках он отметил, что «крепость расположена на высокой горе и построена из дерева в виде треугольника» ¹⁸.

К XVIII в. острог представлял собой вид крепости с начавшим формироваться посадом. Крепость, очень удачно расположенная и хорошо укрепленная, служила надежным убежищем для населения во время нападения со стороны монголов: она была защищена четырьмя башнями, там же хранились все стратегические запасы — порох, оружие и продовольствие. Посадское население вполне могло укрыться в небольшой крепости ввиду его немногочисленности: в 90-е гг. XVII в. в посаде проживало всего шесть семей ¹⁹. Удинский острог просуществовал до XIX века. Указом императора России от 6 мая 1812 г. городским властям Верхнеудинска было разрешено снести сохранившиеся остатки деревянной крепости.

Основные сведения по архитектуре и планиграфии исследователи получали из архивных материалов — отписок казаков, исторических планов, описаний в дневниках путешественников и посольств. Вещественные источники были получены в результате археологических исследований, которые носили эпизодический характер. Первые раскопанные работы на Удинском остроге были произведены еще до революции краеведом П. Т. Труневым и учителем И. Ноздровским ²⁰. В небольшом пробном раскопе ими были расчищены нижние венцы одной из караульных башен. Затем, в 1982 г., шурфовочные работы ²¹ на площади памятника были проведены А. В. Тиваненко, обнаружившим остатки кострищ и обгоревших кусков древесины, расположенных в одну линию (возможно, остатки тыновой острожной стены) ²².

Следующие, более масштабные по объему, археологические работы проводились под руководством Л.В. Лбовой в 1988 году²³. Ею был выявлен культурный слой XVII— VIII вв., а также зафиксированы остатки частокола в некоторых шурфах, интерпретированных либо как «острожины», окружавшие казачье зимовье (1666 г.), либо как конструктивный элемент оборонительной стены (1690-е гг.). Оборонительные стены были определены Лбовой как «тарасные конструкции», о которых упоминает в своей книге Л.К. Минерт²⁴.

В 2016 г. археологические раскопки проводились в рамках празднования 350-летнего юбилея столицы Республики Бурятия. Археологическое исследование показало, что в рыхлых эоловых отложениях сохранились деревянные конструкции оборонительной стены острога, представляющей собой тарасную конструкцию²⁵. На исследованном участке стены было выявлено семь камер. В ее северной части сохранилась южная стена и остатки западной и восточной стен северо-западной угловой башни. Стены северо-западной угловой башни, впрочем, как и всего оборонительного сооружения, были рублены в «обло». Во внутренней части башни, у юго-западного угла, сохранился фрагмент деревянного настила из плах. Вход в башню зафиксирован в южной стене башни на уровне второго венца.

Стены тарасной конструкции находились на расстоянии 3 м друг от друга, перерубы были поставлены через 2,6 м. Камеры тарасов не были заполнены грунтом (хрящем) для защиты от артиллерийского огня, поскольку в этом, очевидно, не было никакой необходимости. Внутреннее пространство тарасов (камеры) использовалось в ремесленных и иных целях. Во внутренней стене тарасов на уровне второго венца имелись следы дверных проемов, через которые можно было попасть в камеры. При этом камеры между собой не сообщались. Пол камер настилался без лагов прямо на землю и представлял собой настил из нескольких слоев коры хвойных деревьев, бересты и стружки. В некоторых камерах фиксируются многочисленные остатки кожаных обрезков, фрагментов подошв кожаной обуви и скорлупа кедрового ореха.

Под стенами Удинского острога впервые был открыт православный некрополь, имеющий, по нашему предположению, непосредственное отношение к острогу. Ввиду небольшой площади раскопок остатки некрополя представлены всего лишь тремя могилами: коллективным захоронением, парным и остатком одиночного погребения. В первой могиле было устроено четыре погребения, три из которых располагались горизонтально в один ряд в направлении с севера на юг, а четвертое было размещено выше (так называемое ярусное погребение). Все погребения были совершены в деревянных колодах, головой ориентированы на запад с небольшим отклонением на юг.

Первое погребение в коллективном захоронении было совершено в колоде. Оно относится к категории ярусных захоронений, поскольку находилось выше по уровню, чем остальные. В колоду было помещено тело молодой женщины, лежавшей на спине с вытянутыми ногами, головой на запад. Руки были согнуты в локтях: левая под прямым углом, кисть в районе живота; кисть правой руки на левой плечевой кости. В области шейных и грудных позвонков найдены шнурок и застежка, в области та-

зовых костей — пояс из конского волоса, ноги завернуты в подобие чулка, выполненного из грубой шерстяной ткани. Под этим захоронением было выявлено погребение, находившееся на том же уровне, что и остальные погребения.

Второе погребение было совершено в колоде. Это были костные останки мужчины 40—50 лет. Он лежал на спине, с вытянутыми ногами, головой на запад. Руки были согнуты в локтях, практически, под прямым углом: кисть левой руки в районе живота; кисть правой руки на предплечье левой руки. На стопах ног сохранились фрагменты кожаной обуви. Без сопроводительного инвентаря.

Третье погребение было совершено в колоде. Здесь был погребен ребенок 12—14 лет женского пола. Положение костяка аналогичное. Стопы ног также завернуты в подобие чулка из грубой шерстяной ткани. Без сопроводительного инвентаря.

Четвертое погребение совершено в колоде. Здесь были погребены останки женщины, приблизительно 40 лет. Тело было повернуто несколько влево. Руки согнуты в локтях, правая кисть положена на предплечье левой, кисть левой руки находилась в районе живота. Фаланги стоп обнаружены внутри сохранившихся фрагментов кожаной обуви. Без сопроводительного инвентаря. Предполагается, что умершие являлись членами одной семьи.

Парное захоронение располагалась южнее коллективного захоронения. Могильное пятно длиной осью ориентировано по линии северо-восток — юго-запад. В могильной яме были обнаружены костные останки двух человек — мужчины и женщины. Мужское погребение было совершено в колоде, а женское — в дощатом гробу. Доски гроба были скреплены металлическими коваными гвоздями. Оба погребения ориентированы на запад. Примечательно, что мужчина имеет выраженные европеоидные черты, а женщина — монголоидные. В колоду был помещен пожилой, широкоплечий мужчина 60—65 лет. Он лежал на спине с вытянутыми ногами. Человек втиснут в узкую колоду: плечи подтянуты вверх, на что указывают положения ключиц. Руки согнуты в локтевых суставах, предплечья положены друг на друга крест-накрест. Кисть правой руки находится на плечевой кости левой руки. Фаланги стоп находятся во фрагментах кожаной обуви. На теменной части черепа частично сохранился волосяной покров с сединой. На нижней челюсти — остатки длинной бороды такого же цвета. Предметов материальной культуры не обнаружено, за исключением плетеного шнура, найденного в области шейных позвонков. Возможно, шнурок предназначался для ношения нательного креста, однако сам крестик не был найден (в случае исполнения нательного крестика из дерева он мог не сохраниться). Обувь на ногах «остроносая» с одним верхним швом длиной 25 см из кожи коричневого цвета.

В дощатом гробу — захоронение «спутницы» (супруги) мужчины. Женщина погребена в дощатом гробу трапециевидной формы. Погребенная лежала на спине с вытянутыми ногами и согнутыми в локтях руками. Судя по положению ключиц, плечи приподняты, женщина также как и ее «спутник» как бы втиснута в узкий дощатый гроб. На теменной части сохранился волосяной покров в виде туго сплетенной косы. Коса сверху была покрыта темно-коричневым тонким слоем органического материа-

ла, вероятно, остатками головного убора. Руки сложены в районе живота. Следов кожаной обуви или ткани не отмечено. Без сопроводительного инвентаря.

Отдельное разрушенное захоронение в дощатом гробу было раскопано в полуметре к западу от могилы, содержащей парное захоронение. От могилы сохранилась лишь восточная часть дощатого гроба с тонкими стенками, скрепленными плоскими коваными гвоздями. По положению остатков гроба захоронение было ориентировано по линии восток — запад. От погребенного сохранились лишь кости голеней обеих ног.

Из-за близости расположения некрополя к острогу возникает естественный соблазн соотнести эти захоронения с кладбищем первых жителей Удинска, относящееся, возможно, ко второму или третьему поколению.

Все погребения совершены по православному погребальному обряду, сформировавшемуся в течение длительного времени после принятия на Руси христианства, с частичным сохранением языческих элементов. К XVII — первой четверти XVIII в. погребальный ритуал уже имел такие канонические признаки как ориентировка по странам света, внутримогильные конструкции в виде гроба, колоды и др. Этот ритуал проник на территорию Сибири с первыми землепроходцами и достаточно точно датируется. Захоронения, обнаруженные на территории Удинского острога, по погребальному ритуалу, обуви и отсутствию предметов материальной культуры в могилах (прежде всего крестов-тельников) с большой долей вероятности можно отнести к концу XVII — первой половине XVIII века. С другой стороны, обычай хоронить с крестиками, связанный с вновь возникшей потребностью продемонстрировать принадлежность к определенному течению православия, появился в XVII в. после реформы патриарха Никона²⁶.

В 1775 г., после учреждения Иркутской губернии, Удинск стал центром Удинской провинции, в которую вошли Удинский, Селенгинский, Баргузинский и Нерчинский уезды, и получил право именоваться городом. В XVIII в. начала формироваться и слободская часть города, городские строения перешли на левый берег Уды. Селились там преимущественно казаки, и место получило название Заудинской станицы. Население ее занималось земледелием, огородничеством, несло пограничную службу.

Административное и торговое значение придавало городу и соответствующий облик. 25 июля 1763 г. вышел указ Екатерины II «О сделании всем городам, их строениям и улицам специальных планов по каждой губернии». В это же время города России получили новые планы и на них распространились принципы типового и повторного строительства по «образцовым фасадам». Была изготовлена серия типовых проектов «Фасады примерные против прочих вновь строящихся городов каменным и деревянным домам»²⁷.

В 1783 г., после учреждения Иркутского наместничества, Удинск стал центром Верхне-Удинского уезда²⁸. В это время в нем проживало 205 разночинцев и дворовых, шесть цеховых ремесленников и 60 посадских людей — всего 271 человек²⁹. А в 1784 г. в геральдическую контору был отправлен на утверждение герб Верхне-Удинска. 26 октября 1790 г. он был утвержден.

Из описания 1782 г. следует, что «местное положение под всем городом луговое и ровное. В длину простирается на 480, в ширину на 400 сажень, фигурую на подобие треугольника... На две части разделяется сей город. Первая называется городовая, другая слободская; первую часть составляют крепость деревянная с башнями, пороховой погреб, артиллерийский цейхгауз и гауптвахта. Вторую часть составляют провиантские магазины, канцелярия, казармы, винный подвал, питейные дома, торговые лавки, заводские магазейны, партикулярные дома, которых числом 110, и в середине сих последних три церкви»³⁰. В 1790 г. в Верхнеудинске открылся военный лазарет (гошпиталь).

В 1810 г. население Верхнеудинска насчитывало 4706 чел., среди которых было 68 купцов (в том числе три — 1-й гильдии), 19 офицеров, 12 священнослужителей, 191 мещанин. В уездном двухклассном и приходском одноклассном училищах обучались 119 учащихся. В городе насчитывалось 402 обывательских дома на 19 улицах.

Согласно сведениям губернского землемера Лосева, в 1810 г. в городе имелось 12 улиц, шесть — за Удой и одна — за Селенгой. В марте 1810 г. верхнеудинский городничий получил два тома «Высочайше утверждённых фасадов частных домов по городам Российской империи», созданных по указу императора и разосланных министром внутренних дел 31 декабря 1809 года. С того времени горожане были обязаны строить свои дома не только по плану города, но и по «Высочайше утвержденным фасадам», выбирая из него образец по своему усмотрению³¹. К 1822 г. Верхнеудинск относится к средним городам, по численности населения занимающий четвертое место среди сибирских городов после Тобольска, Иркутска и Троицкосавска.

После реформы 1822 г. Западное Забайкалье было преобразовано в один Верхнеудинский округ. До 1851 г. Верхнеудинск был окружным городом Иркутской губернии, вторым после Иркутска городом Восточной Сибири.

На начало 1822 г. в городе было шесть казенных зданий: присутственные места, почтовая экспедиция, гражданская больница, гражданское училище, дом нерчинских казенных заводов, тюремный острог. Из шести общественных зданий в четырех находились казармы Селенгинского гарнизонного полка, один дом занимал городской магистрат с сиротским и словесным судами, еще один — Общественное собрание. За обывателями числился 381 двор. На въезде в город были установлены шлагбаумы и солдатские будки: на Иркутском и Нерчинском трактах³².

А.И. Мартос, посетивший Верхнеудинск в 1823 г., писал: «Верхнеудинск построен правильно, заключает в себе красивые широкие улицы; от него прямо едут на китайскую границу, влево дорога на Нерчинск... Весьма жаль, что в городе не dokonчен каменный гостиный двор, поставленный на обширной площади и уже выведенный под карниз. Дом купца Курбатова, чистой архитектуры с правильным портиком. Есть одно из самых лучших зданий в городе. Здешнее купечество ведет значительные торги; есть из них много богатых домов»³³.

В результате кропотливой архивной работы обнаружен документ, который позволил установить точную дату постройки Удинского острога — 1679 год. Записки послов, казаков, путешественников, ученых по-

могли восстановить общую картину строительства, функционирования и превращения острога в сибирский торговый, а затем и промышленный, культурный, научный и политический центр на востоке страны. Археологические раскопки, проведенные спустя 200 лет после сноса полуразрушенного острога, в год празднования 350-летнего юбилея города, дали возможность восстановить на карте города точное место острога. В целом, исследование археологическими методами объектов, связанных с освоением Сибири русскими, является новым направлением по сравнению с археологией каменного века, эпохи палеометалла и Средневековья. Новое направление находит свое отражение в различных вариантах своего названия: археология русского периода, археология позднего периода истории, археология Нового времени, историческая археология, постсредневековая археология, археология Московского государства и Российской империи ³⁴.

Более ста лет назад один из основателей российской археологии граф А. И. Уваров писал относительно верхней границы археологической хронологии, что «отодвинув начало русской археологии, необходимо также определить и конец ее, или крайний ее предел к новейшим временам. Этот крайний предел был обсуждаем в Петербургском археологическом Обществе, и все члены пришли к заключению — считать конец XVII века или 1700 год за конец древней русской археологии; так что конец древней эпохи совпадает с началом петровских преобразований» ³⁵. Однако выход за границы археологии случался с завидным упорством и постоянством. Еще в дореволюционной России заметную часть археологической науки составляла «церковная археология», которая не придерживалась вышеуказанной границы и изучала паникадила, купели, алтари и оклады икон послепетровского времени. Раскопками 1952 г. в Санкт-Петербурге было положено начало изучению построек Академии наук ломоносовской поры ³⁶. В Сибири особое внимание исследователей было сосредоточено на местонахождениях, имеющих отношение к русским первопроходцам ³⁷.

Таким образом, стараниями археологов была выявлена часть оборонительных стен острога, возведенная в конце 1680-х гг. по приказу Ф. А. Головина. Обнаружение коллективных погребений позволяет предположить наличие православного некрополя XVII—VIII вв., о котором пока нет никаких свидетельств в архивах. Факт выявления православного некрополя открывает исследовательские перспективы в рамках нового направления изучения истории города — исторической некрополистики.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

1. В г. Улан-Удэ проживают представители более ста национальностей, относящихся к разным конфессиям, — буддизму, православию, старообрядчеству, шаманизму, католицизму, исламу и др. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия, общее количество населения Городского округа «Город Улан-Удэ» в 2017 г. составляло 431 900 человек. <http://burstat.gks.ru/wps/>

- wcm/connect/rosstat_ts/burstat/ru/statistics/population. — БУРАЕВА О. В. Новое в истории Удинского зимовья/острога // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2013. Т. 12, вып. 1. История. С. 27—30; БУРАЕВА О. В. Из истории Удинского острога // Сибирь в империи — империя в Сибири: имперские процессы на окраинах России в XVII — начале XX вв.: сб. науч. ст. (Сер. Азиатская Россия). Иркутск: Отгиск, 2013. С. 57—65.
2. СПАФАРИЙ Н. Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Зап. РГО по отд. этнографии. Т. X. СПб. 1882, вып. 1, с. 136.
 3. Там же.
 4. МИНЕРТ Л. К. Памятники начального этапа градостроительства в Бурятии. В кн.: Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск. 1989, с. 91.
 5. История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ. 1954, с. 98.
 6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1121, оп. 2, д. 91, л. 1.
 7. Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПФАРАН), ф. 21, оп. 4, д. 24, л. 63, № 28.
 8. Там же.
 9. Там же, л. 281—281об., 283об. — 288.
 10. Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 2. 1686—1691. М. 1972, с. 348.
 11. МИНЕРТ Л. К. Ук. соч., с. 93.
 12. АРТЕМЬЕВ А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—VIII вв. Владивосток. 1999, с. 73.
 13. МИНЕРТ Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск. с. 15.
 14. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией (ДАИ). Т. 8. СПб. 1862, с. 333.
 15. Русско-китайские отношения в XVII веке..., с. 619.
 16. ИДЕС И., БРАНД А. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). М. 1967, с. 145.
 17. Записки Тулишэня о его поездке в составе Цинского посольства к калмыцкому хану Аюке в 1712—1715 гг. В кн.: Русско-китайские отношения в XVIII веке: Док-ты и материалы. Т. 1. М. 1978, с. 447.
 18. Записки Л. Ланге о поездке в Пекин в 1715—1717 гг. В кн.: Русско-китайские отношения в XVIII веке, т. 1, с. 492.
 19. МИНЕРТ Л. К. Архитектура Улан-Удэ. Улан-Удэ. 1983, с. 32.
 20. ТИВАНЕНКО А. В. Удинский острог (Первое столетие Улан-Удэ). К 330-летию образования г. Улан-Удэ. Улан-Удэ. 1995, с. 14.
 21. Точные сведения о местах постановки шурфов А. В. Тиваненко на территории Удинского острога отсутствуют.
 22. ТИВАНЕНКО А. В. Ук. соч., с. 19.
 23. ЛБОВА Л. В. Отчет о предварительных археологических работах на территории Удинского острога. Улан-Удэ, 1988. — Архив Комитета государственной охраны объектов культурного наследия Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия, № 5.
 24. МИНЕРТ Л. К. Архитектура Улан-Удэ, с. 25.
 25. Тарасы — это две параллельные стены из горизонтально уложенных бревен, скрепленных между собой поперечными стенами — перерубами, образующими отдельные камеры.
 26. МАКАРОВ Л. Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края. В кн.: Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 6. Новосибирск. 2003, с. 211; БЕРДНИКОВ И. М. Археологические исследования православных некрополей XVIII — начала XIX вв. в Иркутске. В кн.: Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб. М.-Великий Новгород. Т. 2. 2011, с. 213—214.
 27. ГУРЬЯНОВ В. К., ГУРЬЯНОВ М. В. Верхнеудинск XVII — начала XX века. Улицы, городские усадьбы и их обитатели. Улан-Удэ. 2012, с. 24.
 28. Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского Собрания при Императорском Московском Университете. Изд. 2-е, вновь испр., умноженное и в порядок хронологической по возможности приведенное. Ч. XVIII. М. 1791, с. 256.

29. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание Первое. СПб. Т. XX. 1830, № 14242.
30. Древняя Вивлиофика..., с. 328.
31. ГУРЬЯНОВ В.К., ГУРЬЯНОВ М.В. Ук. соч., с. 40.
32. Там же, с. 50.
33. МАРТОС А. Письма о Восточной Сибири. М. 1827, с. 117.
34. БЕРДНИКОВ И.М. Сибирский православный некрополь XVIII— IX веков как археологический источник: по материалам исследований в Иркутске: дисс. канд. ист. наук. Новосибирск.
35. УВАРОВ А.И. Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии, и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа? В кн.: Труды III Археологического Съезда. Т. 1. Киев, 1878, с. 33—34.
36. КЛЕЙН Л.С. Археологические источники: Учебное пособие. Л. 1978, с. 5, 49.
37. ДОЛГИХ Б.О. Новые данные о плавании русских Северным морским путем в XVII веке. — Проблемы Арктики. 1943, № 2, с. 195—226; ОКЛАДНИКОВ А.П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.-Л. 1948; Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива. М.-Л. 1951; СЕДЯКИНА Е.Ф. Раскопки Илимского острога. В кн.: Археологические открытия 1971 г. М. 1972, с. 305—306; ВАСИЛЬЕВСКИЙ Р.С., МОЛОДИН В.И., СЕДЯКИНА Е.Ф. Исследования Илимского острога. В кн.: Древние культуры Приангарья. Новосибирск. 1978, с. 215—232; АРТЕМЬЕВ А.Р. Открытие и начало присоединения Забайкалья и Приамурья к Российскому государству в середине XVII в. В кн.: Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII— IX вв. (историко-археологические исследования). Т. 3. Владивосток. 1998, с. 6—44; СКОБЕЛЕВ С.Г., ХУДЯКОВ Ю.С. Завершение раскопок площади двора Саянского острога. В кн.: Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. VI. 2000, с. 394—404; Исторические памятники Второй Камчатской экспедиции. М. 2002.

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201910Statyi13 ББК 63.3(2)513 / УДК 94(47).066

Русские дипломаты в государствах Германии в XVIII в.: Франкфурт-на-Майне, германские княжества и города (Окончание. Начало см.: Вопросы истории. 2019, № 8)

И. Н. Колесников, М. В. Дарендорф

Аннотация. В публикации на основе архивных материалов и опубликованных источников рассматриваются дипломатические методы, использовавшиеся Российской империей в отношениях с германскими государствами во второй половине XVIII века. Представлены русские послы в Германии и их деятельность от вручения верительных грамот до активной международной дипломатии. Акцент в данной части исследования делается на особо важных для российской внешней политики германских землях — Франкфурте-на-Майне, германских княжествах и городах бывшего Ганзейского союза.

Ключевые слова: Российская империя, дипломатия, союзы, внешняя политика, национальные интересы, Франкфурт-на-Майне, германские княжества, города Ганзейского союза.

Abstract. The publication on the basis of archival materials and published sources discusses the diplomatic methods of the Russian Empire in the German states in the second half of the XVIII century. Russian ambassadors in Germany and their activities from the presentation of credentials to active international diplomacy are represented. The focus of this part of the study is on German states of particular importance to Russian foreign policy — Frankfurt am Main, German principalities and cities of the former Hanseatic League.

Key words: Russian Empire, diplomacy, unions, foreign policy, national interests, Frankfurt am Main, German principalities, cities of the Hanseatic League.

Война за баварское наследство (1778—1779 гг.) завершилась подписанием Тешенского договора. Россия принимала активное участие в восстановлении равновесия в Германии, став ее равноправным союз-

Колесников Илья Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Пятигорского государственного университета. E-mail: in_kolesnikov@mail.ru; *Дарендорф Марианна Викторовна* — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки. E-mail: marianna.dahrendorf@mail.ru.

Kolesnikov Ilya N. — PhD (History), associate professor of the Pyatigorsk State University. E-mail: in_kolesnikov@mail.ru; *Dahrendorf Marianna V.* — PhD (History), head of the Department of the Branch of the Stavropol State Pedagogical Institute in Yessentuki. E-mail: marianna.dahrendorf@mail.ru.

ником и по своему усмотрению принимая участие в ее делах. Постепенно влияние России в Европе возрастало. Немецкие князья через своего дипломатического представителя в России Ахаца Фердинанда Ассебурга (1721—1797) обращались к императрице с просьбами о содействии в разрешении возникавших между ними разногласий, споров, недоразумений, благодарили «за дарованный Германии мир»¹. Коллегия иностранных дел обстоятельно обсуждала вопрос о российском «деятельном влиянии» в Германии. Н.И. Панин говорил о необходимости «прочно установить последовательный план сношений с немецкой империей»².

Одно из самых крупных в ту эпоху германских государств — Пруссия — рассчитывала на использование международного авторитета Российской империи в своих личных целях. Фридрих II предлагал Екатерине II направить дипломатических представителей во все германские страны. Прусский король говорил о том, что принятие данного решения стало бы свидетельством проявления добра по отношению к Германии. В качестве примеров государств, которые применяли подобные шаги, он называл Англию, Голландию, Францию, Данию, Австрию и саму Пруссию. Для достижения собственных целей король был намерен задействовать свое доверенное лицо, полномочного министра Российской империи в Регенсбурге А.Ф. Ассебурга, который пользовался поддержкой Панина и даже императрицы. Он рассчитывал на назначение в качестве дипломатического представителя в германских государствах именно Ассебурга, который помог бы ему создать «оборонительный союз между ним и главными государствами Германии под покровительством русского двора»³.

Несмотря на планы Фридриха II, в составленном в 1789 г. историческом повествовании о русской миссии в германских государствах, говорилось, что Екатерина II стремится к сохранению мирных отношений, но уклоняется от участия во внутренних делах Германии⁴. Прусский двор недооценил аналитические навыки императрицы, которая приняла предложение Фридриха, при этом назначив своим посланником в германских государствах не симпатизировавшего пруссам дипломата, а человека, верного интересам державы. Согласно именному приказу Коллегии иностранных дел от 14 сентября 1781 г., было признано «полезным для службы нашей содержать во Франкфурте-на-Майне министра нашего, аккредитованного при трех духовных курфюрстах и при других окрестных владетелях». По рекомендации секретаря Екатерины II А.А. Безбородко на место чрезвычайного посланника и полномочного министра был назначен сын фельдмаршала П.А. Румянцева — Николай Петрович Румянцев (1754—1826)⁵. Он впервые занял дипломатическую должность: в то время ему было 28 лет. Несмотря на это, будущий российский министр иностранных дел был хорошо образован, знал в совершенстве несколько иностранных языков и обладал всеми необходимыми дипломату качествами⁶.

В инструкции Коллегии иностранных дел ему рекомендовалось сразу после прибытия во Франкфурт-на-Майне встретиться с иностранными дипломатическими посланниками с целью выяснить регламент их аккредитации при округах империи, чтобы на приеме вести себя одинаково с ними, так как Россия до настоящего времени не имела ни при одном

имперском округе своего аккредитованного министра, и поэтому церемониальные обряды были неизвестны.

Румянцеву было необходимо следовать примерам министров Великобритании, Франции, Голландии и передать две кредитивные грамоты курфюрсту Трирскому и «городу Франкфурту» и шесть частных — «окрестным владениям».

В инструкции подчеркивалось, что основная цель назначения дипломатического представителя в Германии заключалась в том, чтобы приобретенное е.и.в. большое влияние в делах государства использовать для распространения и укрепления безопасности в Европе. Отмечалось, что Российская империя принимает на себя обязательства выступить гарантом германской конституции, должна контролировать и помогать всем областям империи, а также признаваться и почитаться залогом внутренней и внешней безопасности, так как благодаря влиянию России соперничество между австрийским и бранденбургским правящими домами становится все менее опасным для Германии.

Румянцеву предписывалось своим скромным и учтивым поведением завоевать уважение и доверие при дворах. При этом постоянно соблюдать интересы России, стараться не допускать негативных проявлений в адрес государства, выявлять действия ведущих германских дворов и иностранных министров, которые могут привести к антироссийским союзам. Важно незамедлительно передавать ценные сведения в петербургский кабинет или прямо в Коллегию иностранных дел ⁷.

Дипломатический представитель выехал из Петербурга к месту назначения в феврале 1782 г., его путь пролегал через Берлин, Дрезден, Вену и Мюнхен. 14 июня Румянцев прибыл в город Аугсбург, в котором вручил Трирскому курфюрсту кредитивную грамоту. Дипломат сообщил в Коллегию иностранных дел о своих впечатлениях от проведенной встречи, о том, что трирский курфюрст имеет слабое влияние в делах и остро нуждается в покровительстве Российской империи из-за осложнения дипломатических отношений с Австрией, Пруссией и Францией ⁸.

В июне 1782 г., после прибытия во Франкфурт-на-Майне, который был его резиденцией, Румянцев не передал кредитивную грамоту городским властям. Свои действия посланник объяснил тем, что «оному городу грамоту короля прусскаго и дацкаго более известительные грамоты суть, нежели кредитивные» ⁹. После этого Румянцев приступил к работе по аккредитации при духовных и светских князьях, чьи владения должны были войти в состав округа дипломата. 1 июля 1782 г. он передал влиятельному курфюрсту Майнцкому в городе Ашафенбурге кредитивную грамоту. В то время курфюрст управлял двумя Рейнскими округами ¹⁰.

Недостаток сведений о дипломатической практике государств Германии вызывал у дипломата затруднения ¹¹. В его реляции от 30 июля 1782 г. сообщалось, что им не была вручена частная грамоты графу Ганавскому, так как тот, как наследный принц Гессен-Кассельский и граф Ганавский, «иметь ее не должен», поскольку «хотя владеет сим малым графством, но в собрании округа голосу не имеет» ¹².

В начале августа 1782 г. российским представителем была пройдена аккредитация при мелких владетельных князьях путем предоставления частных грамот герцогу Цвейбрюкенскому ¹³, маркграфу Ба-

денскому ¹⁴, ландграфу Гессен-Дармштадтскому, магистру Тевтонского ордена ¹⁵.

Примечательно, что прецеденты вручения частных грамот имели место лишь в Германии. 7 сентября 1782 г. в Штутгарте послом была вручена кредитивная грамота герцогу Вюртембергскому ¹⁶, а 9 октября Румянцев был аккредитован ландграфом Гессен-Кассельским, которому также была передана частная грамота ¹⁷. В октябре 1782 г. дипломатом была получена аккредитация в городе Ансбахе при Франконском округе ¹⁸.

28 октября 1782 г. Румянцев передал кредитивную грамоту курфюрсту Кёльнскому в городе Бонне, а через несколько дней дипломату была вручена рекредитивная (ответная, отзывная — *И.К., М.Д.*) грамота. В своем сообщении в Петербург об этой акции дипломат писал, что обычно курфюрсты стараются дать ответ на кредитивные грамоты тем, кто их подал. Однако, кёльнский курфюрст выразил благодарность за оказанную ему честь не только дипломату, но и руководству Коллегии иностранных дел ¹⁹.

С аккредитацией в других округах империи дела обстояли сложнее. Посланник в реляции от 12 ноября сообщал, что кредитивные грамоты, которыми он был снабжен, вручены по назначению. Однако имперские чиновники других округов грамоты не приняли, за исключением Франконского. По существовавшим правилам правители других империй должны были составлять грамоты каждому округу отдельно, и эти грамоты хранились в окружных архивах. Изучив положение дел, Румянцев указал в своем послании, что монархи других стран выдают своим полномочным представителям по две грамоты: одну — к владетельному князю лично, другую — к округу, в котором тот является правителем.

Исходя из указаний действовать по своему усмотрению, в зависимости от сложившихся обстоятельств, дипломат счел необходимым грамоты, которые были адресованы лично трем принцам, не допустить на рассмотрение окружных собраний, так как их сочли бы недостаточными и формально ему бы отказали в принятии в качестве полномочного представителя императорского величества.

Румянцев дал пояснения, в какой форме составлять кредитивные грамоты: грамоты к Верхнему Рейнскому округу должны быть адресованы как Майнскому курфюрсту, так и Пфальскому, потому что первый является епископом Вормского княжества, а второй — правителем Симернского княжества. В Нижнем Рейнском округе правил Майнский курфюрст. Грамота к Вестфальскому округу должна адресоваться курфюрстам Кёльнскому, Пфальскому и королю Прусскому. Грамота к Швабскому округу «адресуется к герцогу Вюртембергскому и епископу Констанскому», которые являются правителями данного округа ²⁰.

С учетом пояснений Румянцева, в 1783 г. ему были отправлены новые кредитивные грамоты, адресованные магистрату Франкфурта-на-Майне, князьям и чинам Верхнего и Нижнего Рейнского, Швабского и Вестфальского округов и известительная грамота магистрату г. Франкфурта-на-Майне ²¹.

Казуистические составляющие дипломатии германских княжеств осложняли положение Румянцева. В 1785 г. представитель Российской

империи, получив новую кредитивную грамоту для Верхнего Рейнского округа, указал на ее неполное содержание. Документ был составлен на имя курфюрста Майнцкого, при этом в нем не было указано имя епископа Вормского, а директорство Верхнего Рейнского было связано непосредственно с епископским званием, а не со званием курфюрста. Румянцев писал вице-канцлеру И. А. Остерману 19 июня 1785 г. о том, что чиновники Германской империи очень трепетно относятся к традициям и стремятся соблюдать их неукоснительно ²².

Дипломатическая работа в германских землях заставляла Румянцева совершать постоянные разъезды и встречаться с курфюрстами, фюрстами и иными влиятельными лицами. Российский посланник глубоко изучил положение, обычаи и нравы лиц, которые имели политическую власть. Эта информация помогла посланнику ориентироваться в мотивации различных фюрстов в длительных внутренних распрях. Дипломат в своих многочисленных донесениях и реляциях в Петербург отмечал, что германцы чрезмерно придирчивы к мелочам и педантичны. Нередко эти качества сводили политику к сплетням и пересудам. Посол рекомендовал Российской империи играть роль стороннего наблюдателя и не вмешиваться в малые разногласия представителей власти. Собрав достаточно интересных информационных материалов, он хотел описать принцев, их министров и людей, которые имели хоть малейшее влияние на внутреннюю и внешнюю политику в империи ²³. Ему приходилось проводить и не связанную с дипломатией работу: нанимать иностранных специалистов в Россию, собирать информацию о делах училища в Штутгарте, в котором обучались дети из дворянских семей и т.д. После назначения Румянцева на дипломатический пост, Петербург стал получать полную информацию о политической расстановке сил в Германии.

Основное внимание русского дипломата было сконцентрировано на защите интересов Российской империи. Это вызывало негативную реакцию сторонников Пруссии, а Фридрих II, который изначально предложил Екатерине идею наладить дипломатические отношения с германскими землями в его пользу, вообще не желал слушать что-либо о Румянцеве. Несмотря на противодействия пруссов российский посол, исходя из распоряжений Петербурга, играл активную роль в поддержании баланса в Германии. Он не допустил обмена Нидерландов, которые принадлежали Австрии, на Баварию ²⁴, приложил немалые усилия для предотвращения создания Союза князей, который пыталась организовать Пруссия для противодействия России и Австрии. Дипломату приходилось совершать постоянные переезды и осуществлять «всякого рода сношения». Усилиями Румянцева курфюрсты Трирский, Кёльнский и Баварский, герцоги Ольденбургский и Вюртембергский и некоторые епископы не приняли предложения об ассоциации князей. В 1785 г. Союз князей все таки был создан, однако просуществовал недолго по причине противоречий и разногласий среди его участников ²⁵.

После кончины Иосифа II Румянцев принял участие в избрании императором Леопольда, а позже и Франца II. Дипломат вел переговоры о перспективах бракосочетания дочери наследного принца Карла-Людовика маркграфа Баденского Луизы и внука российской императрицы Александра Павловича и осуществлял поиск невесты для другого внука

Екатерины II — Константина Павловича. Румянцев служил в Германии до 1795 года. Петербург высоко оценил его работу. За свои заслуги перед Отечеством дипломат был награжден орденом Александра Невского ²⁶.

Петербург видел необходимость в укреплении сети министерских постов в германских землях. Коллегия иностранных дел решила поднять статус дипломатического представительства в ганзейских городах. Указ от 5 мая 1779 г. присвоил звание чрезвычайного посланника Фёдору Ивановичу Гроссу (1729—1793), который с 1767 г. пребывал в Гамбурге в качестве российского резидента. Таким же званием он был аккредитован в Любеке и Бремене ²⁷. С 1781 г. полномочия чрезвычайного посланника распространялись уже на территории всего Нижнесаксонского округа ²⁸, а 30 ноября им было получено предписание об аккредитации в Мекленбург-Шверине, Мекленбург-Стрелице ²⁹, а также в Ганновере ³⁰.

Петербург видел необходимость в учреждении министерского поста в Баварии, которая в 1776—1777 гг. была готова к установлению дипломатических отношений с Российской империей. В то время баварская инициатива о дипломатических отношениях не была принята из-за войны за баварское наследство. В 1777—1778 гг. произошло объединение Баварского и Пфальцского курфюрств в курфюрство Бавария-Пфальц. Российская империя решила вернуться к этому вопросу в 1785 году. Указ от 27 февраля 1785 г. гласил, что из-за произошедшего объединения, в курфюрство был назначен посланником и полномочным министром брат Н.П. Румянцева — Сергей Петрович Румянцев (1755—1838) ³¹. Несмотря на указ направление посланника России в Мюнхен откладывалось по причине задержки прибытия представителя Баварии. Не смог выехать в Мюнхен и назначенный вновь посланник Российской империи Алексей Иванович Криденер (1746—1802) ³². Отъезд в Баварию российского дипломатического представителя стал возможен лишь после официального объявления курфюрстом Палатинским о направлении в Россию своего министра. Указом от 1 января 1787 г. в Баварию направился чрезвычайный посланник и полномочный министр России Христофор Иванович Петерсон (1735—1789), находившийся на дипломатической службе с 1744 года ³³.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что Российская империя в XVIII в. располагала разветвленной дипломатической сетью на территории Германии. Русские дипломаты вели активную деятельность, отстаивая интересы России. Это позволяло Петербургу оказывать серьезное влияние на политику, проводимую германскими государствами, и защищать свои национальные интересы на европейском континенте.

Примечания

1. ТРАЧЕВСКИЙ А. С. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II (1780—1790). СПб. 1877, с. 59.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Секретные мнения КИД, оп. 5, 1782—1790 гг., д. 585, л. 21—28об.
3. ТРАЧЕВСКИЙ А. С. Ук. соч., с. 64—66.
4. АВП РИ, ф. Сношения России с Франкфуртом-на-Майне, оп. 92/2, 1781 г., д. 66, л. 32.
5. Там же, д. 1, л. 1.

6. Русский биографический словарь (РБС). Т. XVII. СПб. 1918, с. 493—495.
7. АВП РИ, ф. Сношения России с Франкфуртом-на-Майне, оп. 92/2, 1781 г., д. 1, л. 23—40.
8. Там же, 1782 г., д. 4, л. 64—69.
9. Там же, оп. 92/3, д. 1, л. 2.
10. Там же, оп. 92/2, д. 4, л. 1—2об.; д. 5, л. 20.
11. Там же, 1782 г., д. 66, л. 32об.
12. Там же, д. 3, л. 113—114.
13. Там же, д. 66, л. 8—10об.
14. Там же, л. 48—52.
15. Там же, л. 54—58.
16. Там же, л. 71—72.
17. Там же, л. 85—87; д. 5, л. 47.
18. Там же, л. 93—95.
19. Там же, д. 4, л. 89—91об.
20. Там же, л. 99—100об.
21. Там же, ф. Высочайше апробованные доклады по сношениям России с иностранными государствами, оп. 8, 1783 г., д. 9, л. 64—65; ф. Внутренние коллежские дела (ВКД), оп. 2/6, 1783 г., д. 832, л. 28.
22. ТРАЧЕВСКИЙ А. С. Ук. соч., с. 69.
23. Там же, с. 71; АВП РИ, ф. Сношения России с Франкфуртом-на-Майне, оп. 92/2, д. 66, л. 31—45.
24. Там же, 1785 г., д. 33, л. 55—57об.
25. Там же, д. 31, л. 51—53; д. 33, л. 45—48; д. 34, л. 22—23, 32.
26. РБС. Т. XVII. СПб. 1918, с. 496—500.
27. АВП РИ, ф. Сношения России с Гамбургом, оп. 44/4, 1779 г., д. 175, л. 3, 7.
28. Там же, д. 191, л. 29—29об.
29. Там же, ф. Сношения России с Мекленбургом, оп. 67/4, 1781 г., д. 70, л. 3—4; ф. Сношения России с Гамбургом, оп. 44/4, д. 191, л. 37—37об., 45.
30. Там же, л. 35—36; д. 221, л. 7—7об.
31. Там же, ф. ВКД, оп. 2/6, д. 7193, л. 81.
32. Там же, д. 538, л. 261.
33. Там же, ф. Сношения России с Баварией, оп. 37/5, 1787 г., д. 46, л. 21; РБС. Т. XIII. СПб. 1902, с. 624—625.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201910Statyi14 УДК 94(470.57)(092)

Михаил Фомич Чурко — краевед-исследователь быта и культуры населения горно- лесной зоны Башкирии

В.Н. Макарова, З.Ф. Хасанова

Аннотация. В публикации впервые рассматривается биография и деятельность краеведа, художника, учителя рисования М.Ф. Чурко (1883—1941). Для написания данной работы были изучены фонды архива Управления ФСБ РФ по РБ, а также архивов и музеев г. Уфы, Челябинска и Белорецка. Обнаружены полевые записи, которые считались утерянными для исследователей региона, две неизданные монографии, хранящиеся в фондах Научного архива УФИЦ РАН и Национального архива РБ, а также карандашные и акварельные зарисовки, отражающие быт и культуру башкирского и русского населения Тамьян-Катайского кантона в начале XX века.

Ключевые слова: краеведение, источниковедение, архив, Общество по изучению Башкирии, М.Ф. Чурко, этнография, визуальная антропология.

Abstract. The publication for the first time addresses the biography and the career of a local historian, artist, drawing teacher M.F. Churko (1883—1941). The archive funds of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Republic of Bashkortostan, as well as Ufa, Chelyabinsk and Beloretsk archives and museums, were studied while drafting this article. The study revealed his field notes, that were considered lost, as well as two unpublished monographs that were kept in the collections of the UFRC RAS Scientific Archive and the National Archive of the Republic of Bashkortostan. Pencil and watercolor sketches reflecting the life and culture of the Bashkir and Russian people of Tamyan-Katai canton at the beginning of XX century were also found.

Key words: local history, source study, archive, Society for the Study of Bashkiria, M.F. Churko, ethnography, visual anthropology.

Работа краеведа держится на энтузиазме, желании изучить, сохранить историю, этнографию своего края и требует от исследователя терпения. Многие краеведы-любители оставили интересные и ценные материалы,

Макарова Вера Николаевна — кандидат исторических наук, заведующая отделом Национального музея Республики Башкортостан. E-mail: vnmac@mail.ru; *Хасанова Зифа Фаритовна* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимский федеральный исследовательский центр РАН. E-mail: Zifa.83@mail.ru.

Makarova Vera N. — PhD (History), head of the Department of the National Museum of the Republic of Bashkortostan. E-mail: vnmac@mail.ru; *Khasanova Zifa F.* — PhD (History), scientific researcher at the Institute for Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev. Subdivision of the Ufa Federal Research Centre. RAS. E-mail: Zifa.83@mail.ru.

которые составляют источниковую базу и для современных исследований России. С них в начале XX в. начиналось становление исторической науки в регионах. Однако роль большинства исследователей того времени недооценена, так как многие из них были репрессированы, а их работы утрачены, либо находились под запретом. Цель данной публикации — показать становление М. Ф. Чурко как краеведа-исследователя и выявить его вклад в изучение быта и культуры населения горно-лесной зоны Башкирии.

Карьера Михаила Фомича была напрямую связана с Обществом по изучению Башкирии. Создано оно было в г. Стерлитамаке постановлением ЦИК БАССР от 16 февраля 1922 г. как Общество по изучению быта, культуры и истории Башкирии при Наркомате просвещения. В сентябре 1922 г. его объединили с Обществом по изучению Южного Урала, перевели в Уфу и переименовали в Общество по изучению Башкирии. С каждым годом число его членов увеличивалось. Так, в 1924 г. их было 45 чел., в 1925—51, в 1926—69, в 1927 г. — 102 члена¹. Общество занималось изучением природных ресурсов, истории и этнографии башкир и других народов края; созданием библиотек и музеев; руководило деятельностью кантонных и волостных обществ и кружков; участвовало в экспедициях и т. д.

Общество по изучению Башкирии состояло из пяти отделов: исторического, научно-филологического, этнографо-географического, издательского и антирелигиозного. Совет Общества утверждал план работ и контролировал их выполнение. Для обсуждения крупных научных и организационных вопросов созывался съезд. В Обществе работали: Г. В. Вахрушев, Г. Ф. Вильданов, Х. Г. Габитов, Г. И. Комиссаров, С. Г. Мрясов, П. А. Петров-Туринге, Р. Ф. Фахретдинов, почетными членами являлись: В. В. Бартольд, М. Гафури, А. А. Диваев, С. И. Руденко и др. Председателями правления были Н. Т. Тагиров, Ш. Х. Сюнчелей и др. Общество издавало «Башкирский краеведческий сборник» и журнал «Башкортаймагы» на башкирском языке. В них публиковались материалы по археологии, археологии, истории, источниковедению, минералогии, топонимике, фольклору, этнографии и башкирскому языкознанию.

Широкой известностью в республике пользовалось Тамьян-Катайское отделение Общества по изучению Башкирии. Оно было создано в начале 1925 г. по инициативе художника, краеведа, учителя школы второй степени г. Белорецка М. Ф. Чурко. Отделение Общества организовало в Белоречье краеведческий музей, кружок краеведения и библиотеку. Периодически издавался журнал «Всходы краеведения», на страницах которого увидел свет ряд статей Чурко по истории края. Однако в сентябре 1939 г. Михаил Фомич был арестован и обвинен в контрреволюционной деятельности.

Долгие годы о его жизненном пути мало что было известно. Лишь несколько лет назад уфимский историк В. Н. Макарова смогла найти следственные документы в фондах архива Управления ФСБ РФ по Республике Башкортостан (г. Уфа). Среди них оказались протоколы допросов Чурко органами НКВД в 1939 г., свидетельские показания, текст биографии, фотографии.

При подготовке данного исследования были изучены фонды архива Управления ФСБ РФ по РБ, а также архивов и музеев Уфы, Челябинска и Белорецка.

В результате проделанной работы удалось восстановить жизненный путь Михаила Фомича Чурко. Он родился в 1883 г. в д. Роскоши Виленской губернии, позднее отошедшей к бывшей Минской губернии. Жил в местечке Сумешники, затем учился в г. Троки. Рано лишившегося родителей мальчика приютил дядя — Кондрат Чурко — учитель железнодорожной школы в п. Лунинец Минской губернии. Михаил помогал по хозяйству, работал на покосе и, обладая большими способностями к рисованию, мечтал о Строгановской художественной школе. Однако из-за отсутствия средств осуществить свою мечту ему не удалось. Будучи подростком, Чурко устроился на работу писарем к лесному ревизору в г. Вильно и одновременно обучался в художественной школе. Как пишет в автобиографии Михаил Фомич, «жизнь была трудна материально, так как на 16 рублей в месяц приходилось оплачивать и угол, и питание, и одежду. Обычно вечерний паек сопровождался размышлением: съесть весь или оставить половину (на 2 1/2 коп) на утро. Морально было трудно, патрон (хозяин. — *М.В., З.Х.*) считал большой милостью, что дает возможность учиться»².

В 1904 г. молодой человек был призван на военную службу. Однако вскоре демобилизовался из-за «ограниченности слуха». Переболев в детстве скарлатиной, он практически оглох. Этот недостаток очень мешал Михаилу Фомичу, препятствуя устройству на службу. Обычная карьера — железная дорога, почта-телеграф — для него была закрыта навсегда.

В 1908 г. после завершения курса учебы, Михаил попробовал поступить в Академию художеств. Однако не имея материальной поддержки, устроиться в Санкт-Петербурге ему не удалось. Он смог только получить в Академии звание учителя рисования и черчения, которое давало ему возможность занять штатную должность, хотя для выходцев из крестьянского сословия карьерный рост был ограничен. В 1911 г., по предложению Оренбургского учебного округа, он был назначен на работу в г. Далматов в Зауралье. Михаил Фомич всегда мечтал о горном Урале. Здесь он женился и вскоре с семьей (женой и сыном) переехал в г. Нязепетровск. Помимо рисования давал уроки гимнастики, которую освоил в гимнастических обществах и на военной службе.

В 1917 г., в период революции, Чурко, хотя и не имел монархических убеждений, как и большинство интеллигенции того времени выступал за войну до победного конца и был сторонником Учредительного собрания. Выходец из крестьян, он считал необходимым передачу земли крестьянам, разделял взгляды кадетов, хотя формально ни в какой партии не состоял. Народное собрание выбрало его начальником народной милиции. На этом посту ему пришлось бороться с самовольной рубкой леса, требованиями беспричинных арестов. Кроме того, по просьбе населения города, он обучал горожан военному делу, после чего они вступали в ряды Красной Армии и уходили на фронт. С приходом белых Чурко трижды арестовывался: первый раз кратковременно, второй раз на сутки, в третий раз был увезен белочехами в Красноуфимскую тюрьму, как «бывший разводной или ротный командир у красных». Там он находился около двух месяцев, был допрошен следственной комиссией и отпущен под надзор милиции. Сумев добиться служебной командировки, выехал в Екатеринбург, где получил согласие о переводе на Алтай, затем — в г. Томск. С приходом красных, он

был зачислен делопроизводителем (старшим) в Томский отдел народного образования, одновременно являясь художником при отделе печати Ревкома. Кроме того, он занимал должности лектора в Народном университете и преподавателя Высшего начального училища ³.

По возвращении на Урал, Михаил Фомич местом постоянного проживания выбрал г. Белорецк, расположенный в самой горной части, среди башкирского населения, бытом которого очень заинтересовался. С 1920 г. он состоял в Отделе народного образования сначала в качестве заведующего Внешкольным отделом, впоследствии — инструктора I башкирско-го территориального пехотного полка и начальника Отдела допризывной подготовки и начальника Всеобуча при Тамьян-Катайском кантвоенкомате. Позже работал учителем рисования и черчения.

Во время проживания в Белорецке у Чурко возникла идея создания краеведческого музея. Уже в 1923 г. им были предприняты первые шаги по ее реализации и созданию фондохранилища. В 1924 г. он организовал первый экспедиционный выезд на Верхний Авзяно-Петровский завод. В Государственном историческом музее Южного Урала г. Челябинска сохранились его акварельные рисунки: «Девушка из Верхнего Авзяно-Петровска в праздничном наряде», «Молодая замужняя женщина в праздничном наряде» ⁴.

В 1925 г. Чурко, включившись в начавшееся движение по изучению местной истории, создал краеведческое общество, которым бесценно руководил до его упразднения. Он поддерживал отношения со своими предшественниками — Михаилом Фомичом и Верой Михайловной Валавиными. В том же году он вошел в состав республиканского Общества по изучению Башкирии.

В июле 1925 г. Михаил Фомич отправился в этнографическую и геологическую экспедицию по Тамьян-Катайскому кантону. Его полевые записи были обнаружены автором настоящей публикации в Белорецком историко-краеведческом музее. Экспедиционные материалы Чурко содержат карандашные зарисовки, машинописный текст путевых записок (скорее всего их набирал известный Белорецкий краевед Р.А. Алфёров). Маршрут Чурко начинался из с. Инзер и заканчивался в Белорецке. Им были охвачены 11 башкирских и русских населенных пунктов. В работе исследователь описывал жилища, хозяйство, быт, местные традиции и сопровождал свои наблюдения зарисовками. Среди них — обряд чтения намаза, изображения надгробных камней и надмогильных срубов, портреты информаторов, жатва, убранство дома, деревенские улицы.

Часть акварельных рисунков, сделанных в ходе этой экспедиции, хранится в Государственном историческом музее Южного Урала. Это портрет секретаря сельсовета д. Зуяк Усмангалийской волости Фариды Дашкиной в башкирском национальном костюме, женская и мужская обувь (ката) разукрашенная кускарным узором, а также интерьер жилища Максура Абдрахманова в д. Габдюково.

В 1926 г. краевед совершил выезды в Тамьян-Тангаурскую волость. Им были обследованы д. Ташбулатово (Абзелиловский р-н РБ, по переписи 2010 г. население составляет 1277 чел.) и д. Кудашманово (Белорецкий р-н РБ, по переписи 2010 г. население — 16 чел.). Судя по датам зарисовок, в д. Кудашманово он приезжал и в 1925 году. От этой экспедиции сохранились

акварельные рисунки: два кисета, украшенные геометрической и кускарной вышивкой, а также задник (хвост) башкирского женского головного убора — кашмау. Представляют интерес карандашные наброски — портрет башкира, башкирский чувал, а также уникальная сумка для паков каптырга, оправленная серебряной гравировкой. Данные изобразительные источники хранятся также в Государственном историческом музее Южного Урала ⁵.

Метод исследования Чурко сегодня называется визуальной антропологией. Свои записи он сопровождал графической фиксацией предметов материальной культуры. Для этого периода времени данный метод не был широко распространенным, поэтому его рисунки уникальны и существенно обогащают источниковую базу этнографической науки.

В 1927 г. на основе собранных архивных и полевых материалов им была написана первая научная работа — «Исторический очерк Тамьян-Катайского кантона» ⁶. Она была издана под редакцией руководителя Общества по изучению Башкирии Ш.Х. Сюнчелея. В данной книге автор использовал архивные документы Авзяно-Петровского, Белорецкого, Тирлянского, Инзерского и других заводов, а также устные воспоминания М.Е. Валавина, Е.П. Кудрина, И.И. Домнина, У.В. Мулюкова. Исследование в целом охватывает историю данного региона с начала колонизации края до первых десятилетий XX века.

Несмотря на тяготы жизни — голод, квартирный вопрос, смерть детей ⁷, жизнь Михаила Фомича была целиком поглощена литературно-краеведческой и художественной работой. Общество Тамьян-Катайского кантона расширялось и уже в 1927 г. в нем состояло 35 человек. В основном это были инженерно-технические работники и служащие Белорецкого металлургического комбината. Издавался журнал «Всходы краеведения», на страницах которого увидел свет ряд статей по местной истории. Велась работа по систематизации архивов Уральских горных заводов, фенологические и метеорологические наблюдения. Краеведы заботились об охране памятников старины, собирали материал по народному искусству и этнографии.

Чурко вел активную научную жизнь — выезжал на разные конференции, съезды, которые проводились в республике и в городах России как, например, III и IV Всероссийские конференции по краеведению в Москве в 1927 и 1930 годах. Он был делегатом I конференции РСФСР по школьному краеведению в Москве 25—26 марта 1930 года. Наряду с этим получил профессиональное образование в области литературы и истории, закончив заочные отделения в двух высших учебных заведениях. Он все время занимался самообразованием, из Москвы выписывал книги по истории, географии, ботанике и другим наукам ⁸.

17 октября 1927 г. Михаил Фомич получил благодарственное письмо от Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) за сообщение о четырех курганах и надмогильных камнях, обнаруженных им в Тамьян-Катайском кантоне ⁹, которые позже были исследованы известным уральским археологом А.В. Шмидтом. Чурко впервые описал и дал зарисовки камней: Яуызлы-таш (эпиграфические памятники) около д. Махмутово (ныне Белорецкий р-н) и Яй-таш (летний камень) возле с. Зуяково ¹⁰. Эти материалы до сих пор изучаются археологами и этнографами.

В 1932 г. Общество по изучению Башкирии было ликвидировано, однако Михаил Фомич продолжал заниматься исследованиями местного

края. В это время он подготовил к печати свою книгу «История Белорецкого района»¹¹, в которой дал географическое и историческое описание данной территории. К сожалению, она не была издана и хранится в Научном архиве УФИЦ РАН. Автор отправил рукопись в Академию наук, однако в итоге это сочинение оказалось в Уфе без титульного листа. В 1948 г. известный уфимский краевед П. Ф. Ищериков атрибутировал его как сочинение Чурко. В нем имеются разделы, касающиеся истории башкирского восстания 1773—1775 гг., похода Пугачёва на Южный Урал, строительства уральских заводов купцами И. С. Мясниковым и И. Б. Твердышевым. Заканчивается книга событиями гражданской войны в кантоне. Подобная этой рукопись хранится в Национальном архиве РБ, но имеет другое название — «Исторический очерк горнозаводского уголка Башкирии»¹² и датируется 1937 годом. В последние годы своей жизни Чурко печатался на страницах московского журнала «Наша страна» и в местной газете «Белорецкий рабочий».

Михаил Фомич как художник участвовал в республиканских художественных выставках. Основными темами его творчества были: гражданская война на Южном Урале, этнография и быт башкир. Одной из его картин — «Пастух кобылиц Там-Катау» — была посвящена статья в газете «Красная Башкирия». Он работал над полотном «Поход белорецкого полка», задумал написание картины «Приезд на кочевку». Работы Чурко «Мальчик подпасок-башкир» (холст, масло, 80х118) и «Партизан в башкирской деревне» (эскиз, акварель, 39х31) вошли в каталог выставки «Художники Башкирии за 20 лет»¹³, которая состоялась в 1939 году.

Еще в 1910 г. Чурко заинтересовался утверждавшейся в то время системой детского внешкольного воспитания — скаутизмом — и вместе с московским скульптором Иннокентием Жуковым стал одним из пионеров скаутского движения в стране. Именно по его инициативе в Белорецке был организован отряд скаутов. За свою общественно полезную деятельность отряд получил благодарности кантисполкома, отдела народного образования и школьного совета. В фондах Национального музея Республики Башкортостан хранится фотография, на которой Чурко изображен со скаутской группой на вершине горы Иремель¹⁴.

В городе Белорецке по его инициативе была создана метеорологическая станция. Располагалась она в огороде его дома. Он и его супруга Валентина Григорьевна, окончившая Московские гидрометеорологические курсы, были бессменными смотрителями погоды.

После ряда лет упорной борьбы за создание музея и работы по формированию коллекций, его удалось открыть для посетителей. Однако вскоре Михаил Фомич был признан несоответствующим этой должности и отстранен от работы. 15 сентября 1939 г. он был арестован, обвинен по 58-й ст. Уголовного кодекса РСФСР с формулировкой «агитация против Советской власти», осужден на 8 лет заключения и этапирован в Томсиблаг, где и погиб. Созданный им музей пришел в упадок и закрылся, а экспонаты были расхищены.

До конца жизни Михаил Фомич Чурко верил, что сможет выйти на свободу и в надежде на это писал письма своей жене. Приведем два отрывка из его писем, отправленных из мест заключения.

«... Ты спрашиваешь, как писать Михаил Ивановичу? Пока никак, нужно сначала написать Верховному Прокурору СССР (Москва) с просьбой сообщить, какой результат по протесту на постановление Особого Совещания по делу М.Ф. Чурко. Опишите свое положение и просите или о пересмотре дела ввиду моей невиновности, или о смягчении кары, если нельзя почему-либо думать о полном оправдании. И уже от решения прокуратуры будем решать, что еще предпринять, но вообще нужно до последней возможности стараться использовать все, что представлено законом для таких несчастных людей, как я...»

«... Тяжело сознавать, что я не смог ответить на обвинения и защититься, так как суда надо мной не было и я подвергнут административной каре Особым Совещанием, которое постановления свои выносит заочно, не вызывая и не допрашивая ни обвинителей, ни свидетелей...»¹⁵

Таким образом, благодаря проведенной работе удалось собрать воедино письменные свидетельства и изобразительные источники, которые позволяют создать социокультурный портрет исследователя края первых лет советской власти М.Ф. Чурко, который не только выполнял свои служебные функции, но и занимался краеведением.

Подлинным памятником Михаилу Фомичу является основанный им Белорецкий историко-краеведческий музей, в фондах которого на сегодняшний день хранится свыше 13 тыс. экспонатов, значительная часть из которых была собрана им самим. Эти материалы уникальны. Особенно это касается его рисунков акварелью костюмных портретов на этнографическую тематику, впервые введенных в научный оборот.

Примечания

1. КАРИМОВ К.К. Наука Башкирии в строительстве социализма. Уфа. 1986, с. 56.
2. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Башкортостан (УФСБ РФ по РБ), ф. 13379. Протокол допроса от 3 октября 1939 года.
3. Там же.
4. Государственный исторический музей Южного Урала (ГИМ ЮУ), основной фонд (оф) 6822/2, 6822/8.
5. Там же, 6822/1—11.
6. ЧУРКО М.Ф. Исторический очерк Тамьян-Катайского кантона АБССР. Уфа. 1927.
7. Белорецкий историко-краеведческий музей (БИКМ), научно-вспомогательный фонд (нвф) 3985. Дневник М.Ф. Чурко за 1921 г., с. 8.
8. Архив УФСБ РФ по РБ, ф. 13379.
9. БИКМ, нвф. 5638, 4872, 3854.
10. ЧУРКО М.Ф. Памятники материальной культуры в Тамьян-Катайском кантоне (Башкирия). В кн.: Башкирский краеведческий сборник. Уфа. 1930, № 3—4, с. 85—87.
11. Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН (УФИЦ РАН), ф. 3, оп. 5, д. 120, л. 1—113. ЧУРКО М.Ф. Очерки по истории Белорецкого района. Имеется акт приема рукописи и рецензия П.Ф. Ищерикова (1938 г.).
12. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ), ф. и-1763, оп. 2, д. 310.
13. Художники Башкирии за 20 лет. Каталог. Уфа. 1939. с. 32.
14. НМ РБ, документальный фонд, оф. 19896.
15. Личный архив дочери Т.М. Миловидовой (Чурко).

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201910Statyi15 ББК 63.3—8 / УДК 93/94

Видному российскому историку, общественному и государственному деятелю Явусу Ахмадову — 70 лет

Ш. А. Гапуров, И. Г. Косиков, А. Д. Осмаев

Аннотация. В октябре 2019 г. отмечает свое 70-летие доктор исторических наук, профессор Явус Зайндиевич Ахмадов — академик Академии наук Чеченской Республики, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова РАН (КНИИ РАН), Заслуженный деятель науки Чеченской Республики, российский общественный и государственный деятель.

Ключевые слова: Ахмадов Я.З., историк, юбилей, исследования, Россия, Кавказ, Чечня, взаимоотношения.

Abstract. In October 2019, doctor of historical sciences, professor Yavus Zayndievich Akhmadov, academician of the Academy of Sciences of the Chechen Republic and chief researcher of the Kh. Ibragimov Complex Institute of the RAS (CI RAS), Honored scientist of the Chechen Republic, Russian public and state leader celebrates his anniversary.

Key words: Akhmadov Y.Z., historian, anniversary, research, Russia, Caucasus, Chechnya, interrelations.

Явус Зайндиевич Ахмадов родился 3 октября 1949 г. в ссыльной чеченской семье священнослужителя Зайнди Ахмадова — уроженца старинного чеченского села Старые Атаги, в Семипалатинской области Казахстана. После смерти И.В. Сталина семья Ахмадовых переехала в южную часть Казахстана, в г. Джамбул (Тараз). Обучение в школе началось в 1956 г. и продолжилось после возвращения на историческую родину в средней школе сел. Гойты Урус-Мартановского района ЧИАССР.

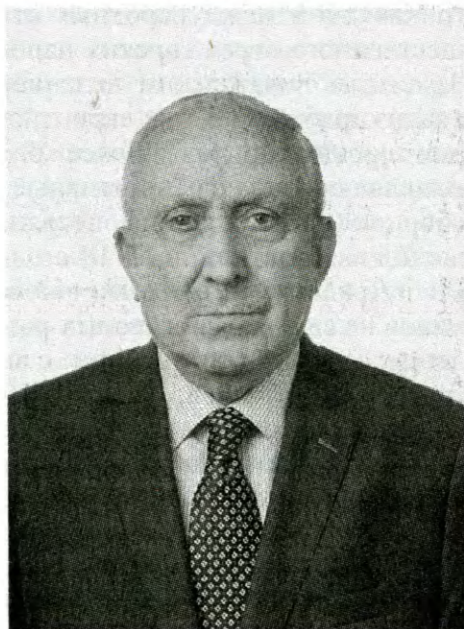
В 1966 г. молодой человек поступил на исторический факультет Чечено-Ингушского государственного пединститута, где под влиянием замечательных профессоров Н.П. Гриценко, В.П. Крикунова, Л.Н. Ко-

Гапуров Шахрудин Айдиевич — Президент Академии наук Чеченской Республики, E-mail: gapurov2011@mail.ru; *Косиков Игорь Георгиевич* — доктор исторических наук, профессор. E-mail: ikosikov@mail.ru, *Осмаев Аббаз Догиевич* — профессор Чеченского государственного университета, зам. директора по науке КНИИ РАН. E-mail: osmaev@mail.ru.

Gapurov Shakhruudin A. — President of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. E-mail: gapurov2011@mail.ru; *Kosikov Igor G.* — doctor of historical sciences, professor. E-mail: ikosikov@mail.ru; *Osmaev Abbaz D.* — professor of the Chechen State University, deputy director for science, CI RAS. E-mail: osmaev@mail.ru.

лосова, А.И. Хасбулатова, З.Г. Гойговой у него возник интерес к научно-исследовательской работе.

После получения диплома по специальности «история и обществоведение» он был направлен в августе 1970 г. на работу учителем сельской средней школы. Однако уже через год — в 1971 г. — Ахмадов был приглашен на работу в качестве научного сотрудника в Чечено-Ингушский государственный музей, откуда в следующем году, по направлению Совета Министров ЧИАССР, поступил в очную аспирантуру Института истории, археологии и языка Дагестанского филиала АН СССР. Здесь он занимался под научным руководством выдающегося кавказоведа — профессора Владилена Гадисовича Гаджиева (воспитанника великой исторической школы МГУ 40—50-х гг. XX в.).

Результатом напряженного труда молодого ученого стала кандидатская диссертация — законченная монография «Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке». Ее источниковой базой послужили документальные материалы центральных архивохранилищ: АВПРИ, РГВИА, РГАДА (г. Москва), а также Дагестана, Ставрополя и Грузии, извлеченные в ходе командировок. Надо сказать, что Я.З. Ахмадов первым на Северном Кавказе профессионально освоил русскую скоропись XVIII в., а позже и XVII столетия, что не раз пригодилось ему в ходе дальнейших исследований. Однако с защитой пришлось повременить из-за значительного перерыва в работе диссертационного совета.

Начиная с февраля 1976 г., Ахмадов работал заместителем директора средней школы в г. Гудермес Чечено-Ингушской АССР, а в апреле 1977 г. был избран по конкурсу научным сотрудником Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, этнографии, социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР. В начале 1978 г. Явус Зайндиевич успешно защитил в диссертационном совете Дагестанского государственного университета кандидатскую диссертацию. В 1991 г. данная работа выйдет в качестве монографии в Чечено-Ингушском книжном издательстве большим для того времени тиражом, а в 2000 г. будет переиздана в Турции¹.

В указанном научно-исследовательском учреждении, старейшем в республике, Явус Зайндиевич вел крупные и масштабные плановые научные исследования, охватывающие как чечено-ингушскую, так и северокавказскую и российскую историческую тематику XVI—VIII вв. и начала XIX века. За 12 лет работы в стенах научно-исследовательского института им было выпущено 40 научных работ (статьи, монографии,

доклады, тезисы) широкого исторического спектра — здесь русско-чеченские политические и торговые отношения, место народов Северного Кавказа в международных отношениях, вопросы социального и общественного строя горских народов и историографии истории региона. Заметным новаторским явлением стали статьи, содержащие научный анализ арабоязычных и европейских источников средневековья по истории горских народов ². Более того, начиная с 1980-х гг. Явус Зайндиевич выявлял оригинальные архивные документы и готовил к печати большой сборник (до 300 единиц), посвященный развитию чечено-русских отношений на протяжении XVIII столетия.

Отрадно отметить, что в ходе своей научной деятельности Я.З. Ахмадов не замыкался в тесных рамках научно-исследовательского учреждения, а активно сотрудничал с выдающимися учеными Москвы, Ленинграда, Баку, Тбилиси, Дагестана, и с такими научными учреждениями как Институт истории АН СССР, Институт востоковедения АН СССР, Институт этнологии и антропологии АН СССР, Ленинградское отделение Института истории АН СССР; Институт рукописей им. К.С. Кекелидзе и Институт истории и этнографии им. И. Джавахишвили АН Грузинской ССР; Институт истории им. А. Бакиханова АН Азербайджанской ССР, Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, Северо-Кавказский научный центр высшей школы (Ростов-на-Дону), и т.д. Такова была традиция того времени — историки активно общались в ходе переписки и на конференциях.

С 1980-х гг. исследование истории политики великих держав в регионе Северного Кавказа стало основным научным направлением в деятельности Я.З. Ахмадова. В 1989 г. он закончил подготовку докторской диссертации по проблеме положения Северного Кавказа во внешней политике России, Ирана и Османской империи в XVI — первой четверти XVIII в. с изданием соответствующей монографии ³. Это был объемный монографический труд, не только закрывший большую историческую лаку, но и, по существу, определивший народы Северного Кавказа как субъект международных отношений.

Второй важный момент заключался в том, что Ахмадов обосновал исторический выбор народов региона Северного Кавказа, из числа трех прилегавших системообразующих центров того времени (турецкого, иранского и российского), в пользу московского/русского, как результат его большей исторической перспективности (вследствие связи России с европейскими цивилизационными центрами). Нельзя не отметить, что данная монография Явуса Зайндиевича оказала большое влияние на историографию народов Юга России, «открыв шлюзы» для десятков кандидатских и докторских диссертаций, посвященных истории тех или иных народов в международных отношениях Нового времени.

В начале 1990 г. Я.З. Ахмадов успешно защитил докторскую диссертацию в г. Ростове-на-Дону в диссертационном совете Ростовского государственного университета под председательством выдающегося российского историка А.П. Пронштейна и в том же 1990 г. был приглашен в качестве профессора кафедры истории народов Чечни в Чечено-Ингушский (впоследствии Чеченский) государственный университет (где проработал с известными перерывами, вызванными «чеченскими войнами», до 2003 г.). В начале

1992 г. Госкомитет СССР по народному образованию присвоил ему ученое звание профессора.

Трагические события, связанные с захватом власти в Чечне осенью 1991 г. кликой генерала Д. Дудаева, и последующий военно-политический кризис в российско-чеченских отношениях четко выявили бескомпромиссную гражданскую позицию крупного ученого. Он сформировался как общественный деятель, выступающий за законность и правопорядок, утверждение конституционных норм и сохранение территориальной целостности России. С весны 1993 г. Ахмадов находится в составе руководства объединенной демократической оппозиции Чечни режиму Дудаева, а позже перешел в лагерь вооруженной оппозиции на северо-западе Чечни, где возглавил информационную деятельность Временного Совета и Правительства Чеченской Республики.

С конца 1994 по начало 1996 г. Я.З. Ахмадов — министр информации и печати Правительства народного доверия Чечни (под председательством крупного ученого С.Н. Хаджиева). Явус Зайндиевич прошел всю «чеченскую войну» — от ее начала 11 декабря 1994 г. и до Хасав-Юртовских соглашений 31 августа 1996 года.

После перехода власти в Чечне в руки боевиков, Ахмадов, преследуемый ичкерийскими спецслужбами, уехал с семьей за пределы республики, а затем — в Москву. Конечно, было не до научных изысканий, но именно в это время, он сумел закончить работу над большой монографией «История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века», которую удалось издать в 2001 году ⁴.

В апреле 2000 г. Я.З. Ахмадов в ранге начальника Территориального управления Минпечати РФ возвратился в Чечню, в еще горящий г. Грозный с целью восстановления информационной сферы республики и введения ее в правовое и информационное поле Российской Федерации. Задача, поставленная перед ним Президентом РФ и Правительством России, несмотря на всю сложность и опасность, была выполнена в течение года, и летом 2001 г. Явус Зайндиевич вернулся на работу в подразделение Минпечати России. Осенью 2002 г. Я.З. Ахмадов был назначен на государственную должность руководителя аппарата Комиссии Государственной Думы по Чеченской Республике. В мае 2004 г. он получил назначение на пост заместителя начальника департамента Администрации Президента Российской Федерации. В 2010 г. Я.З. Ахмадов ушел в отставку по достижении 60 лет, имея письменную благодарность Президента РФ и классный чин государственного советника Российской Федерации I класса.

Еще в самом начале восстановительного периода в Чечне — с 2000 г. — Я.З. Ахмадов содействовал становлению науки и научных учреждений республики и их финансированию. В апреле 2001 г. он был избран действительным членом Академии наук Чеченской Республики, а в 2003 г. удостоен звания Заслуженный деятель науки ЧР.

Последние годы Явус Зайндиевич активно работает в штате таких научных учреждений как Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН и Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, плодотворным можно назвать его научное сотрудничество и с несколькими институтами РАН Москвы.

В целом, за все годы научной деятельности, с 1972 по 2019 г., Я.З. Ахмадов опубликовал около 160 оригинальных научных работ, в том числе 20 монографий и учебных пособий, а также публикаций источников. Их общий объем составил почти 700 п.л. Показательно, что одна монография Явуса Зайндиевича была опубликована в Турции, 7 статей — в США, одна статья — в Швеции и несколько статей — в Молдавии и Казахстане (на русском, английском и турецком языках)⁵. Он принимал самое активное участие в десятках всесоюзных, всероссийских и международных конференций (включая Оксфорд в 1990 г.).

Главная заслуга Я.З. Ахмадова заключается, на наш взгляд, в развитии кавказского направления российской историографии за значительный временной период и использовании достигнутых научных результатов, в т.ч. в практической работе — написании обобщающих академических «Историй...» и учебных пособий для широкого круга читателей, школ и вузов. Так, последние тридцать лет важнейшие разделы истории Чечни дореволюционного периода изучаются школьниками Чеченской Республики по учебникам Я.З. Ахмадова. Он же автор и соавтор целого ряда энциклопедических справок в общероссийских изданиях о Чечне и чеченцах.

Его труды закрыли значительные лакуны в истории российского Северного Кавказа и чеченского народа — практически за весь XVI, XVII, XVIII и начало XIX в., а последние статьи и монографии охватывают уже позднеантичный и средневековый периоды в истории горских народов Кавказа и Чечни. Отдельного слова заслуживает глубокое изучение историком русско-чеченских связей XVI—IX вв., которые он считает приоритетными для истории Чечни и ее народа. В текущем 2019 г. готовится издание сборника материалов и документов «Чечено-русские отношения в XVIII веке», который является итогом исследовательской работы автора за последние 30 лет.

Сегодня ученый активно участвует в подготовке коллективных исторических трудов, публикуемых Институтом этнологии РАН, КНИИ РАН и Академией наук ЧР, он соавтор как 2-х томной «Истории Чечни» 2006—2008 гг., так и 4-х томной «Истории...» (с 2013 г.), где является автором и ответственным редактором 2-го и 3-го томов.

Следует отметить, что Я.З. Ахмадов оказывает содействие во всех научных начинаниях своим коллегам, привлекает их к соавторству и совместной работе. Он является членом Объединенного диссертационного совета на базе Чеченского государственного университета, Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибраимова РАН, где проводит большую экспертную работу.

В текущем году в соавторстве Я.З. Ахмадова и под его научной редакцией вышла в свет монография «История находов Передней Азии, Кавказа и Чечни» (М. 2019), которая не только творчески закрепляет мировые научные достижения последних лет в области изучения древнейшей, древней и средневековой истории народов Кавказа, но и, по мнению специалистов, новаторски ставит целый ряд проблем, разрешение которых имеет значение для мировой исторической науки.

Явус Зайндиевич с возрастом наращивает результативность своих научных трудов и расширяет тематику исследований. Поздравляем его от всего сердца с юбилеем и желаем — так держать и в будущем!

Примечания

1. АХМАДОВ Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный. 1991; AKHMADOV Y. Çeçen — İngusya Halkıyla Rusya Arasındaki İlişkiler. Istanbul. 2000.
2. АЙТБЕРОВ Т.М., АХМАДОВ Я.З. Известия арабоязычных документов XV— VII вв. об общественных отношениях у вайнахов. В кн.: Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (13 — нач. 20 в.). Грозный. 1982, с. 61—67; АХМАДОВ Я.З. Европейские авторы XV— VI вв. о горских народах Северного Кавказа (Вопросы исторической географии и политической истории). В кн.: Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный. 1984, с. 40—56; и др.
3. АХМАДОВ Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI— VII вв. Грозный. 1988.
4. АХМАДОВ Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М. 2001.
5. См. напр.: AKHMADOV Y. (в соавторстве). Illegal Military Formations in the North Caucasus. In: Conference on Conflicts in the North Caucasus: Social and Political Balance in the Region. Chisinau, october 7—8, 2000, p. 9—18; AKHMADOV Y. (в соавторстве). Islam in the North Caucasus: A People divided (2009). Liberty University. Faculty Publications and Presentations. 20. Liberty University, Helms School of Government, January 2009.

История формирования железнодорожного комплекса России и его влияние на социально-экономическое развитие государства

В. И. Долинко, Ю. В. Рыжова

Аннотация. В публикации рассматриваются вопросы зарождения и формирования железнодорожного комплекса Российской империи. Развитие железных дорог на огромной территории дало мощный толчок эффективному и качественному развитию нашего государства в экономическом, военном, политическом и социальном плане. Стремительно росло производство, развивалась промышленность и сырьевой сектор страны. Россия становилась мощной мировой и суверенной державой.

Ключевые слова: железнодорожный комплекс, экономика, формирование, государство, развитие, Российская империя.

Abstract. The publication deals with the formation and origin of the railway complex of the Russian Empire. The development of Railways in the vast territory gave a powerful impetus to the effective and qualitative development of our state in economic, military, political and social terms. Production grew rapidly, the industry and raw materials sector of the country developed. Russia became a powerful world and sovereign power.

Key words: railway complex, economy, formation, state, development, Russian Empire.

XIX в. в истории Российской империи — это время кризиса самодержавно-крепостнической системы, выразившегося в расширении национально-освободительного движения, обострении классово-политической борьбы, выступлениях различных слоев населения против существующего строя. В этот период времени происходит значительное увеличение численности чиновничьего аппарата, заставлявшее самодержавие всевозможными способами заботиться о сохранении и укреплении государственного строя. При этом непосредственно правоохранительные органы Россий-

Долинко Василий Иванович — начальник редакционно-издательского отдела Академии управления МВД России. E-mail: Dol271@yandex.ru; *Рыжова Юлия Валерьевна* — кандидат юридических наук, доцент Академии управления МВД России. E-mail: julia1806@yandex.ru.

Dolinko Vasily I. — head of the Publishing Editorial Department (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). E-mail: Dol271@yandex.ru; *Ryгова Yulia V.* — candidate of law, associate professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: julia1806@yandex.ru.

ской империи — полиция (общая и политическая), прокуратура, суд — несли всю полноту ответственности за выполнение этой задачи.

Известно, что пути сообщения, транспорт являются многоотраслевым организмом. Как справедливо отмечает В.Д. Путятин, «именно транспорт обеспечивает не только нормальную жизнедеятельность государства, но и его национальную безопасность»¹.

Важность изучения истории «становления и развития транспортных систем различных государств показывает, что для начальной стадии капиталистического развития была характерна концепция “невмешательства” государства в деятельность транспортных компаний. Так, в Европе осознание того, что политика “невмешательства” в частное предпринимательство в меньшей степени применима к транспорту, чем к другим сферам деятельности, пришло в конце XIX в.». Нельзя не согласиться и еще с одним утверждением: «Сеть железных дорог, начавшись с Царскосельской, покрыла всю Российскую империю с ее великими расстояниями и площадью. Дороги — это перевозочная промышленность. Как артерии в живом организме, они способствовали ускорению производства, соединяя добывающую и перерабатывающую промышленность, ускоряя перемещение людей и грузов. Строительство дорог дало толчок развитию промышленности. Возникли промышленные гиганты: Путиловский, Обуховский, Русско-Балтийский и иные крупнейшие заводы, сформировались новые текстильные центры. За 50 лет до революции объем промышленного производства вырос в 10—12 раз, а по некоторым показателям прирост получился вообще баснословным. Химическое производство выросло в 48 раз, добыча угля — в 700 раз, нефти — в 1500 раз». С момента своего становления, железнодорожный, а также водный транспорт в Российской империи представлял собой сложный механизм, оказывавший неоспоримое влияние на социально-экономическое, политическое и культурное развитие государства².

Так, например, в России не существовало какого-либо специализированного центрального органа управления путями сообщений, но уже со времен Петра I все более стала ощущаться необходимость регулярного движения по рекам и судоходным трактам, чтобы обеспечить постоянную связь между различными частями государства³. С 1786 г. появилась Комиссия о дорогах в государстве, задача которой состояла в выработке нормативных документов, связанных с дорожным строительством, а также составлением карт и чертежей. В 1796 г. она прекратила свое существование, и уже император Павел I возложил надзор за дорогами на губернаторов.

На основании императорского указа, все водяные коммуникации со строениями и работами, на них производимыми, поручались в ведение и управление действительному тайному советнику Я.Е. Сиверсу. Именно Сиверс разработал проект устройства Департамента водяных коммуникаций, утвержденный императором 28 февраля 1798 года.

Следует отметить, что еще основание Петром I города Санкт-Петербурга вызвало необходимость в строительстве новых путей сообщений — сухопутных, водных, а позднее, начиная с 40-х гг. XIX в., и железнодорожных. Вместе с тем, основные сельскохозяйственные и промышленные районы Российской империи были соединены с Москвой и Санкт-Петербургом.

бургом гужевым транспортом. Роль водного транспорта (по сравнению с гужевыми перевозками) в стране непрерывно увеличивалась, что объяснялось его ролью в осуществлении основных экономических планов и военно-стратегических замыслов правительства.

XIX в., особенно его вторую половину, можно охарактеризовать также как время масштабных реформ внутривосточной жизни, достаточно высокого уровня развития техники и технологии для того, чтобы заменить ручной труд машинным, а кустарное производство — фабричным. В этот период времени, очень важный для России, менялся и тип духовной жизни людей, стиль мышления человека в целом. Так, от созерцательности общественная мысль устремлялась к конкретике и рационализму, а в обществе стало высоко цениться образование, точные науки, инженерная мысль, технические новации и т.д. Вместе с тем, XIX столетие традиционно в литературе характеризуют как время дальнейшего углубления кризиса самодержавно-крепостнической системы, обострения классовой борьбы и роста национально-освободительного движения. Увеличение численности чиновничье-бюрократического аппарата, небывалое количество злоупотреблений служебным положением государственных служащих, многочисленные выступления представителей различных классов и слоев населения против существующего строя — все это заставляло самодержавие любыми возможными способами заботиться о сохранении и укреплении государственности в Российской империи.

Отмена крепостного права в феврале 1861 г. во многом изменила социально-экономическую ситуацию в России. Более 20 млн. чел. получили свободу, гражданские права, что повлекло, в свою очередь, необходимость проведения реформы местного самоуправления, судебной реформы, а также реформирования полиции. Открытие движения по Царскосельской линии наглядно показало, что железная дорога может быть доходной. «Число перевезенных пассажиров за два первых года эксплуатации увеличилось почти в 2,5 раза (с 300 тыс. до 726 тыс. человек в год)»⁴.

Важным моментом в обустройстве Царскосельской дороги явилось создание инфраструктуры обслуживания пассажиров. Например, уже тогда появились три вагона и билеты на проезд (так называемые проездные документы). Примечательно, что именно на Царскосельской железной дороге возникло понятие «расписание поездов». Тогда же были внедрены стрелочные паровозы для перехода с одного пути на другой и сигнализация оптическими сигналами, а в «1845 г. через несколько лет после открытия дороги, вдоль нее (при участии английской фирмы “Морзе”) были проведены линии телеграфа». Нельзя не отметить и первые крушения, которые для того времени явились резонансными событиями. Так, в частности, первое в истории крушение поезда произошло на Царскосельской дороге 21 мая 1839 года. В результате поломки буфера или, по другой версии, вагонной оси порожний вагон (экипаж) выдавило с пути набежавшими вагонами и сбросило с рельсов. В результате катастрофы погибли управляющий дорогой Фасман и обер-кондуктор Буш — первые жертвы крушения на железнодорожном транспорте в Российской империи.

Позднее, в ночь с 11 на 12 августа 1841 г., на той же дороге произошло еще более страшное происшествие: столкнулись поезда, ведомые

паровозами «Богатырь» и «Лев». Погибли 6 чел., 21 получил ранения. Выяснилось, что машинист, англичанин Роберт Максвелл, был пьян и потому, как он объяснял впоследствии, «забыл» о распоряжении управляющего дать совершить остановку поезда на станции Московское шоссе своему помощнику. Достаточно жесткой была реакция императора Николая I, запретившего отправление поездов из Павловска и Петербурга до прибытия встречного поезда.

С конца 1864 г. ведомство Путей сообщения перестало отвечать за два значительных направления своей деятельности. Так, 29 октября гражданская строительно-дорожная часть — устройство городов, селений и грунтовых сообщений — была возвращена в Министерство внутренних дел, 21 декабря Телеграфное управление перешло в ведение главного управляющего Почтовым департаментом, а уже в 1856 г. оно получило название Министерства путей сообщения. Представляется важным уделить внимание его структуре, так как в дальнейшем его взаимодействие с Министерством внутренних дел будет рассматриваться в качестве одного из приоритетных. Согласно Положению, в состав Министерства путей сообщения входили: Совет министерства, Ученый комитет, канцелярия министра, Штаб Корпуса путей сообщения с состоящими при нем учреждениями, Управление казенными домами министерства и три специальных департамента — сухопутных сообщений, водяных сообщений и железных дорог. Особая роль отводилась Департаменту железных дорог, который становится центром новообразованного министерства. Совет министерства и Ученый комитет являлись совещательными коллегиями при министре. Ученый комитет издавал ведомственный «Журнал путей сообщения». Ему же подчинялось и Депо карт.

В 1860-е гг. Министерство путей сообщения утрачивало прежний военный характер, постепенно превращаясь в общегражданское ведомство. Например, Институт инженеров путей сообщения 28 июля 1864 г. также получил «гражданское устройство». Он стал учебным заведением, открытым для всех сословий. Окончивший полный курс, получал звание гражданского инженера с правом на чин XII и X классов. В 1867 г. в гражданское учреждение был преобразован сам Корпус инженеров путей сообщения, а через три года был упразднен и его штаб.

Программа строительства железных дорог повсеместно по стране стала проводиться с 1857 г. и достаточно успешно реализовывалась⁵. Примечательно, что средства, вложенные населением страны в железнодорожное строительство, превзошли размер отчислений во всю остальную промышленность Российской империи, а иметь акции железнодорожных компаний было не только выгодно, но и чрезвычайно престижно. В связи со строительством железных дорог зазвучали новые имена меценатов, людей, владеющих техническими и экономическими знаниями, среди которых можно отметить Н.И. Путилова, С.И. Мамонтова, С.С. Полякова и др.

Со временем темпы промышленного развития Российской империи оказались сопоставимы с показателями Германии и превысили темпы роста производства в «старых» промышленных странах Европы. Например, во второй половине XIX в. в России сформировалось несколько крупных промышленных центров: на Урале, в Петербурге, Польше,

Донбассе и Баку, а также в Московском регионе. Колоссальным достижением стало участие России в международных промышленных выставках в Вене, Париже и в Филадельфии. Александр II еще в 1857 г. назвал стратегически важным строительство железной дороги в европейской части государства, полагая, что железная дорога является инструментом укрепления политической и экономической интеграции страны. Сторонники железных дорог и раньше указывали на их важную стратегическую роль для территориального единства Российской империи. В частности, известный консервативный публицист Михаил Катков, являясь почитателем транспортной политики Германии, в 1883 г. отмечал в «Московских ведомостях», что рельсы вслед за штыком должны завершить политическое сплочение.

В июне 1885 г. Александр III утвердил решение Комитета Министров о введении «Общего Устава российских железных дорог» и организации Совета по железнодорожным делам. Данный Устав стал единым законом для всех дорог страны. К Уставу были сделаны приложения: «Полицейские железнодорожные правила», регламентировавшие охрану поездов, общественную безопасность и др., «Контроль железнодорожных станций», «О полицейских и акцизных документах», «О донесениях происшествий на железных дорогах» и др.

В 1898 г. в журнале «Железнодорожное дело» отмечалось, что железные дороги служат проводниками культуры и развития тех местностей, где они проходят. И действительно, так называемый образ будущего был связан именно с железными дорогами, и принимал, порой, трогательные формы. Например, в журналах того времени можно встретить заметки энтузиастов, веривших, что там, где пройдут поезда, вымрут как класс все грабители. Кстати, именно такие идеи были озвучены осенью 1837 г., вскоре после освящения первой железнодорожной линии в Российской империи между Санкт-Петербургом и Павловском.

В железных дорогах видели новый смысл, новое бытие, мир, в котором железнодорожники в блестящей форме обращались с пассажирами обходительно и вежливо, поезда ходили точно по расписанию, здания вокзалов были украшены пальмами и мраморными статуями императора. Кстати, образ железной дороги, как идеальной организации, своего рода «проект будущего XIX века» был очень популярен и в других европейских странах. «Едва ли какую-либо другую реформу XIX столетия можно считать столь ярко выраженным практическим воплощением идеи нового социального порядка. Железная дорога делала из людей различного происхождения пассажиров, объединенных в новую общность правилами внутреннего распорядка времени и пространства. Однако существовала проблема разницы между теорией и практикой»⁶. Примечателен и тот факт, что достаточно долгое время маршрут поезда на вагонах не обозначался. Не было и номеров — пассажир просто шел в свой класс, который указывался на билете. До 1917 г. в России существовало прямое (дальнее) и местное пассажирское железнодорожное сообщение, которое было четко регламентировано. Развитие беспересадочного пассажирского сообщения обусловило появление вагонов с лежачими местами. Широкое развитие дальнего сообщения началось в 80-х гг. XIX века. Тогда, с одной стороны, шло продвижение сети же-

лезных дорог на Восток, а с другой стороны, была практически сведена на нет необходимость пересадки с поезда, принадлежавшего одной частной дороге, в поезд другой на узловых пунктах, как это было принято в «эпоху раздачи концессий и властвования королей железнодорожного бизнеса вплоть до 1870-х годов»⁷.

В контексте рассматриваемой проблемы представляет интерес и тот факт, что в мае 1883 г. вышло постановление, согласно которому балы, пикники и другие торжества в пассажирских помещениях вокзалов запрещались, так как они мешали другим пассажирам и расценивались как нарушение порядка вокзала. Еще ранее, в 1874 г., Министерство путей сообщения издало инструкцию о работе привокзальных буфетов и ресторанов, в которой вокзалы рассматривались как гостеприимное место для отдыха и торжеств. Иностранцы, посетившие Россию того времени, нередко бывали потрясены порядком и чистотой на вокзалах — как в столицах, так и в провинции. Так, американский журналист Джордж Кеннан, делаясь впечатлениями о своей знаменитой поездке в Сибирь в 1885 г., писал, что «вокзал Нижнего Тагила расположен на склоне азиатских гор... он мог бы сделать честь самой хорошей железной дороге в Соединенных Штатах. Внушительное, по меньшей мере, сто шагов в длину здание вокзала стоит посередине больших, искусно устроенных парков и садов, разрывая бархат травы цветущих лугов, воздух был наполнен ароматом диких роз и звучаний струй фонтанов. Обеденный зал на вокзале имел натертый воском дубовый паркет из симметричных элементов, широкие панели из темного дерева, тисненные обои и гипсовые барельефы на стенах. В середине зала стоял длинный стол, на котором располагался со вкусом подобранный фарфор, белоснежные салфетки, высокие стеклянные вазы и хрустальные подсвечники; кроме этого живые цветы в красивых горшках, флаконы с крашенной водой и аквариум с рыбами. В одном конце зала находились дорогие часы, а в другом — огромная покрытая бронзой печь для отопления помещения зимой. Все официанты были во фраках, с глубоко вырезанными жилетами, чистых рубашках. Я могу говорить без преувеличения, что это был один из самых чистых вокзалов, со вкусом устроенных и привлекательных обеденных залов, который я встречал в какой-либо части мира: не менее хорошее впечатление оставил у меня хорошо сервированный обед с четырьмя переменами блюд. В голове совсем не укладывалось, что я нахожусь в забытой Богом дыре, Нижнем Тагиле, населенном одними горными рабочими, там, где склон Уральских гор спускается в сторону Азии»⁸.

Вместе с тем, жизнь на вокзалах, в привокзальных помещениях зачастую выглядела несколько иначе, чем ее описал американский путешественник. На железнодорожных станциях пересекались жизни многих людей самого разного социального происхождения. Там можно было встретить мошенников, карточных шулеров, опасных преступников, бродяг. Примечательно, что особо тяжкие преступления — убийства, разбойные нападения — стали часто встречаться на русских железных дорогах к концу XIX века. Например, в 1895 г. в столичной печати вышел ряд статей, в которых говорилось о нападениях на пассажиров, грабежах в поездах, в связи с чем Министерство путей сообщения издавало циркуляры с рекомендациями, как улучшить безопасность на железных дорогах.

Восприятие в обществе железных дорог и жизни русских вокзалов во многом изменилось в начале XX столетия. Так, Ф.Б. Шенк отмечал: «Золотые времена раннего строительства железных дорог безвозвратно канули в Лету, — констатировал, к примеру, в октябре 1909 г. журналист ежедневной газеты “Новое время”. Украшения и роскошь залов ожидания и вокзальных буфетов ранее способствовали улучшению пассажиров. Однако шаг за шагом все это пришло в упадок, блеск зеркал потускнел, блеск бронзы потух на голых, грязных полах спит вповалку серый народ. Пассажирские залы свои неприглядным, тусклым видом, неряшеством, полным отсутствием красоты и комфорта наводят уныние».

Появление новых революционных настроений, кружков рабочих, создаваемых непосредственно на железнодорожных станциях, привело к тому, что железные дороги стали рассматриваться как источники потенциальной опасности. Железнодорожные станции использовались как место для агитации и распространения различного рода печатной продукции (листовок, призывов, прокламаций и т.п.), совершения диверсионных актов (от попыток убийства императоров до нападений на эшелоны с военными и лабораторными грузами). Отметим, что почтовые поезда представляли для злоумышленников, шпионов и террористов особый интерес. Да и сами железнодорожные служащие стали восприниматься властями как потенциально антиправительственные элементы, в особенности после поддержки ими январского восстания в Польше в 1863 г., после Всероссийской октябрьской политической стачки 1905 г., в подготовке и проведении которой большую историческую роль играл Всероссийский железнодорожный союз. К началу XX в. железные дороги, задуманные как инструмент распространения цивилизации на отдаленных территориях Российской империи, не только привнесли определенный порядок в провинцию, но и, отчасти, — хаос в столицы.

Прежде всего железная дорога оказалась сама по себе достаточно трудно контролируемым пространством, ставшим постепенно источником постоянной криминальной и политической опасности для властей. Вместе с тем нельзя не отметить в целом колоссальной роли строительства русских железных дорог в экономическом и научно-инженерном развитии Российской империи и увеличении ее военной мощи в стратегическом плане.

Например, к началу первой мировой войны сооружение железной дороги в сторону Кольского полуострова рассматривалось как важная не только хозяйственная, но и стратегическая задача страны. Безусловно, это было вызвано тем, что в ходе военных действий оказались заблокированными все русские западные порты и проливы Дарданеллы.

Можно привести еще один пример: строительство заполярной Мурманской железной дороги (или «Мурманки», как ее именовали в тот период времени) в тяжелейших климатических условиях, в обстановке военного времени было завершено за двадцать месяцев. При ее постройке был поставлен мировой рекорд скорости прокладки рельсового пути в условиях Крайнего Севера. «Труд каторжан при строительстве “Мурманки” не использовался. Данная дорога обеспечивала три выхода к Белому морю»⁹. Нельзя не учитывать и то, что широкомасштабное строитель-

ство железных дорог осуществлялось также и в южном направлении — на Кавказ до Баку, а затем и в Закавказье.

Таким образом, создание железных дорог в России явилось огромным техническим прорывом для всей Российской империи, необходимым для ее успешного социально-экономического и политического развития как суверенного и мощного государства мира.

Примечания

1. ПУТЯТИН В.Д. Историко-правовые и экономические аспекты становления и развития государственного управления и правового регулирования путями сообщения и транспортом дореволюционной России: препринт монографии. Нерюнгри-Новосибирск. 2009.
2. ГАПОНЕНКО В.Ф., ДОЛИНКО В.И. Эффективность системы материально-технического снабжения органов внутренних дел Российской Федерации в особых условиях как фактор экономической безопасности. — Вестник Воронежского института МВД России. 2012, № 3, с. 105—110.
3. ГАПОНЕНКО В.Ф., ДОЛИНКО В.И. Риски и угрозы, возникающие при материально-техническом снабжении ОВД в особых условиях. — Научный вестник Омской академии МВД России. 2012, № 3 (46), с. 34—38.
4. ВУЛЬФОВ А. Начало пути. — Историк. 2016, № 9 (21), сентябрь, с. 6—13.
5. НАУМОВ Ю.Г., МАРТЫНОВ Е.А., НОВИКОВ В.В., БЕЛОВА С.Н., ГАПОНЕНКО В.Ф., ДОЛИНКО В.И., СТЕЛЬМАХ А.В., СУМИН Н.А., ФАЙБУСОВИЧ К.Б., ФЕДОР А.И. Тыловое обеспечение органов внутренних дел Российской Федерации. М. 2014.
6. ШЕНК Ф.Б. Цивилизация и хаос. Миссия железных дорог в России. — Родина. 2009, № 11, с. 108.
7. ВУЛЬФОВ А. Быт пассажира. — Историк. 2016, № 9 (21), сентябрь, с. 32—37.
8. ШЕНК Ф.Б. Ук. соч., с. 109.
9. ВУЛЬФОВ А. Повседневная жизнь железных дорог. М. 2007, с. 276.

Анализ боевой эффективности и преимущества истребителей РВГК на Курской дуге

О. А. Колякина

Аннотация. Ставка Верховного Главнокомандования тщательно готовилась к предстоявшему летнему наступлению противника на Курской дуге. Основной упор в обороне был сделан на истребительно-противотанковые артиллерийские соединения Резерва Верховного Главнокомандования. Это решение было обосновано условиями военного времени. Истребители танков, находясь «на острие главного удара», отвечали всем требованиям и полноценно выполняли поставленные перед ними задачи.

Ключевые слова: Ставка Верховного Главнокомандования, истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования, оборона, высота 254,5, эффективность на линии фронта.

Abstract. The Rate of the Supreme command carefully prepared for the forthcoming summer approach of the opponent on the Kursk arch. The main emphasis in the defense of the Kursk bulge was made on the fighter-anti-tank artillery units of the Reserve of the Supreme command. This decision was justified by wartime conditions. Tank destroyers, being «on the edge of the main strike», met all the requirements, and fully performed its tasks.

Key words: the Rate of the Supreme command, fighter-anti-tank artillery Reserve of the Supreme command, defense, height 254,5, efficiency on the front line.

Одно из величайших сражений в истории второй мировой войны — битва на Курской дуге — стало не только коренным переломом в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., но и вершиной советского военного стратегического искусства. Особого внимания в этой связи заслуживает использование Ставкой Верховного Главнокомандования артиллерии в ходе оборонительной операции и на завершающем этапе Курской битвы. Всесторонняя оценка обстановки на фронте позволила Командованию Красной Армии создать и применить новый вид артиллерии — истребительно-противотанковую артиллерию Резерва Верховного Главнокомандования.

Колякина Ольга Александровна — аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета, старший научный сотрудник филиала Белгородского государственного историко-краеведческого музея Мемориал «В честь героев Курской битвы». E-mail: Olga-costickova@yandex.ru.

Kolyakina Olga A. — post-graduate student of the Belgorod State National Research University, senior researcher at the Branch of the Belgorod State Museum of local history Memorial “In honor of the heroes of the battle of Kursk”. E-mail: Olga-costickova@yandex.ru.

В историографии по данной теме можно выделить пять периодов. Первый: 1940-е — начало 1950-х годов. Присутствуют издания с описанием военно-технических характеристик истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования, материальной части, узкоспециальной тематики по истории артиллерии в целом. Они раскрывают боеспособность и способы подготовки будущих «истребителей танков»¹.

Второй период: середина 1950-х — начало 1980-х годов. В это время был сделан первый шаг к освещению истории истребительно-противотанковой артиллерии 1941—1945 гг., появились исследования военных специалистов. Эти исследования практически не были известны широкому кругу специалистов и в большей степени носили закрытый характер. Авторы провели анализ, сделали подробные выводы о применении истребительно-противотанковой артиллерии, опираясь на возможности материальной части. Отправной точкой для этого послужили секретные документы и материалы. Издания содержали информацию только о наличии противотанковых средств в крупнейших операциях Великой Отечественной войны. Речь шла об истребительно-противотанковой артиллерии, но не об истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования².

Третий период: середина 1980-х — 2000-е годы. Данный период представлен статьями Военно-исторического и Артиллерийского журналов, где имеется анализ, проведенный с военной точки зрения, действий артиллерии в Великой Отечественной войне³. В ряде статей представлена полная информация об артиллерийских орудиях и системах, состоявших в период второй мировой войны на вооружении армий СССР и Германии⁴. Кратко излагается история создания артиллерийского вооружения, раскрывается его конструкция и тактико-технические характеристики. Прилагается множество фотографий, рисунков и схем, однако эффективность и результативность боевого применения освещена весьма кратко, а значение истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования вообще выпадает из общего исследования. Период с 1990-х до начала 2000-х гг. отрицательно отразился на исследовании данной проблемы. Изменение приоритетных направлений в научном исследовании снизило интерес к истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования.

Промежуток времени с начала 2000-х гг. до сегодняшних дней можно выделить в четвертый период. Большим количеством исследований данный этап не располагает. В начале 2000-х гг. популярностью стали пользоваться энциклопедические издания, среди которых появились исследования, посвященные созданию и боевому применению противотанковой артиллерии (но без характеристики истребительно-противотанковой артиллерии, как Резерва Верховного Главнокомандования) Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. С изменением обстановки в стране, открытием архивов, рассекречиванием ранее недоступных источников были введены в оборот архивные документы, редкие (ранее закрытые для широкого ознакомления) книги, военно-исторические исследования, воспоминания, фотографии и схемы⁵. Шагом вперед в освещении истории истребительно-противотанковой артиллерии Резерва

Верховного Главнокомандования следует считать научный труд, в котором была обоснована необходимость создания в первые месяцы войны единой системы противотанковой обороны — от стрелкового батальона до армии, где оптимальной структурной единицей являлись полк и бригада ⁶. В это же время появились воспоминания тех, кто имел отношение к истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования ⁷.

Пятый период не содержит временных рамок, это обосновано нахождением в закрытом доступе ранее не опубликованных многочисленных воспоминаний, а также послевоенных писем ветеранов истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования ⁸. К этому же периоду можно отнести источники ЦА МО, ранее находившиеся под грифом секретно.

Ставка Верховного Главнокомандования и видные полководцы Красной Армии, обладая информацией о планах Германии, подготовились к летнему наступлению противника на Курской дуге. Использование истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования, как основной ударной силы для достижения огневого преимущества, стало центральным пунктом плана по отражению атак противника на этом участке фронта. Преимущества можно было достигнуть лишь использованием нового вида артиллерии, способного не только остановить противника, но и, в конечном счете, нанести ему сокрушительный удар.

Пройдя сложный процесс формирования, истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования не только выполнила поставленные перед ней задачи, но и обеспечила огромное преимущество войскам Красной Армии. На первом этапе своего строительства истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования не имела четкой структурной организации и отлаженного принципа действия на линии фронта. Однако уже существовали представления о том, в каких доработках нуждается новый вид артиллерии, чтобы стать достойным оружием и опорой в будущем.

На втором этапе создания истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования определялись пути реализации возложенных на нее задач. Еще за год до решающего сражения, в середине 1942 г., были созданы основные формы организации этого вида артиллерии, определены области его применения. Этот процесс был оформлен Приказом НКО № 0528 от 1 июля 1942 года. В конце 1942 г. основные задачи были выполнены.

К началу апреля 1943 г. информация из донесений уже не оставляла никаких сомнений в том, что противник нанесет мощный танковый удар на Курской дуге. Противостоять ему могла истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования. Она и приняла на себя основной удар, измотала противника, давая возможность другим соединениям перегруппировать силы и в первую очередь сохранить танки.

«В суровые дни марта 1943 г. противник на узком участке фронта бросил против наших наступающих частей до 25 дивизий, личный состав бригады показал подлинное героísmo и мужество, сдерживая натиск бро-

нированных полчищ. Ни массированные танковые атаки и непрерывные бомбежки с воздуха, психические атаки автоматчиков — ничто не смогло сломить стойкость мужественных истребителей. Были неоднократны случаи, когда по 30 танков шли в атаку на одну батарею, но артиллеристы не дрогнули, они смело принимали бой, дрались до последнего дыхания и отбрасывали врага назад.

Железная стойкость истребителей оказалась тверже фашистского металла. Когда выходили из строя орудия, бойцы кидались с гранатами в руки на танки, минеры под ураганным огнем производили подвижное минирование, они прятались в засадах, кидая под гусеницы танков мины», — писал командир 28-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады Резерва Верховного Главного командования майор Косачёв ⁹.

Во всех директивах командующих фронтов подчеркивалось, что основу предстоящей операции на Курской дуге должна составлять активная оборона, предусматривавшая не только нанесение контрударов, но и переход в контрнаступление. Командующий Воронежским фронтом (Боевой приказ № 0093) требовал от командующих армиями: «Иметь сильные ударные группы для производства контрударов и перехода в контрнаступление» ¹⁰.

Истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главного командования могла обеспечить усиление армий (фронтов) на наиболее опасных участках обороны. К тому же она выступала той силой, которая прикрывала в критических ситуациях отход соединений Красной Армии с наименьшими потерями, как в материальной части, так и среди личного состава.

Еще в период подготовки к предстоящим боям на Курской дуге в состав Воронежского фронта планировалось включить около 16 истребительно-противотанковых артиллерийских полков и около 10 отдельных истребительно-противотанковых артиллерийских бригад Резерва Верховного Главного командования. Все они оперативно поступали в подчинение командующих артиллерией армий, оборонявшихся на южном фланге Курского выступа ¹¹.

Оборона Воронежского фронта строилась, прежде всего, как противотанковая. Ее основу составляли противотанковые опорные пункты (ПТОП), возводимые, как правило, в батальонных (ротных) районах обороны, и противотанковые районы (ПТР), создаваемые самостоятельно или в пределах полковых участков обороны. Командовал таким пунктом обычно командир истребительно-противотанкового артиллерийского полка (бригады) Резерва Верховного Главного командования. Командир истребительно-противотанкового артиллерийского соединения Резерва Верховного Главного командования, в свою очередь, всегда знал о ситуации на участке стрелковых частей и мог принимать решение на основе визуальной оценки обстановки ¹².

Истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главного командования являлась подвижным соединением для прорыва и развития успеха при организации и ведении фронтовых операций (оборона-контрнаступление). Истребители решали поставленные задачи по подавлению противотанковой артиллерии и узлов сопротивления перед

фронтом подвижных групп, на флангах, по уничтожению бронетанковой техники, отражению контратак противника, обеспечению стыков флангов армейских соединений и прикрытию отхода действующих частей.

Эффективность и боеспособность истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования повышали несколько факторов:

1. Штаб обладал сведениями о действиях противника, особенно о группировке его моторизованных сил.

2. С началом боя своевременно определялись участки главного удара противника.

3. Организованный марш из района сосредоточения в район развертывания проводился заблаговременно, после разведки маршрутов.

4. В момент совершения марша были организованы служба регулирования, разведки и непосредственного охранения, отлаженная связь на марше, управление частями.

Успех истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования решала смелость поведения в бою всех — от бойцов до командира, а командир подразделения проявлял, в свою очередь, инициативность в пределах поставленной задачи. Все это способствовало наиболее эффективному нанесению удара по противнику, а также постоянному взаимодействию частей между собой.

Основой успеха боевых действий истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования являлись разведка, быстрая оценка обстановки командованием, смелые решения и действия подразделений, умелое сочетание маневра и огня. В боевом использовании истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования на Курской дуге действовали бригада и полк. При этом бригада не расчленялась на полки, а действовала согласно поставленной ей задаче¹³.

Количественный и качественный рост истребительно-противотанковой артиллерии полностью отвечал характеру развернувшихся боевых действий. Увеличились возможности сосредоточения артиллерии на направлениях главных ударов, маневра крупными силами и облегчалось управление артиллерийскими группировками. Разведчики изучали местность днем и ночью, выявляли новые цели, засекали их. При этом поддерживалась тесная связь с разведкой стрелковых подразделений.

Из воспоминаний М.А. Скуцкого, бывшего начальника штаба 315-го гвардейского истребительно-противотанкового артиллерийского полка Резерва Верховного Главнокомандования: «Разведчики стрелковых подразделений сообщали нам, что в тылу противника на 4—5 км от переднего края в лесу над речушкой имелся специальный офицерский лагерь. В нем хорошо были оборудованы землянки для офицеров, присутствовали женщины. В этом лагере держали коров. Лагерь усиленно охранялся. Днем офицеры в речушке купались, на пляже загорали. По воскресеньям немцы не воевали, а отдыхали. Наша разведка хорошо изучила эту цель, пристреляли из орудия, произвели расчет снарядов, взяли разрешение в штабе и в 10 часов утра произвели артобстрел. Больше на пляже офицеров не было»¹⁴.

Основным боевым ядром Резерва Верховного Главнокомандования являлись истребительно-противотанковые артиллерийские полки (для бригад) и истребительно-противотанковые батальоны (для полков). Бой такого ядра велся в тесном взаимодействии с инженерно-минометными батальонами и ротами автоматчиков.

Инженерной основой обороны на Курской дуге была широко развитая система траншей и ходов сообщения, которая обеспечивала быстрый и скрытный маневр вдоль линии фронта и в глубину, затрудняла противнику обнаружение боевого порядка и системы огня, сокращала потери.

Перед передним краем главной полосы и в глубине обороны предусматривалось создание зон сплошного огня. Так достигалась эффективность истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования, заключающаяся в ее подвижности, обеспечивающей маневр боевыми порядками для упреждения танков противника на линии фронта. Это достигалось, прежде всего, расположением в большинстве случаев противотанковых опорных пунктов в боевых порядках пехоты, что позволяло обороняющимся не только успешно отражать атаки танков противника, но и истреблять его живую силу. Живучесть противотанковой обороны поддерживалась тесным огневым взаимодействием между противотанковыми опорными пунктами, промежутки между которыми не превышали 400—800 м, то есть дальности прямого выстрела артиллерийских орудий.

Противотанковая оборона (противотанковый опорный пункт), усиленная за счет маневра истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования и системы огня ПТОП и ПТР, увязывалась с огнем армейской артиллерии, расположенной на открытых и закрытых позициях. Характерным моментом являлось то, что даже пушечная и гаубичная артиллерия подготавливались к стрельбе по танкам прямой наводкой. Противотанковый опорный пункт представлял собой хорошо замаскированные огневые позиции на 6—12 орудий с широким сектором обстрела, имелось примерно равное числу орудий количество противотанковых ружей.

Для борьбы с прорвавшимися танками внутри обороны были оборудованы открытые противотанковые позиции, которые располагались от основных на расстоянии 300—400 м с сектором обстрела не мене 120°. В непосредственной близости от орудийных окопов вырывались «колодцы» для штатных истребителей танков¹⁵.

Истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования вступала в бой вне зависимости от действий других родов войск и стремилась к тому, чтобы взаимодействие устанавливалось сразу с подходом частей. Условием для успешного проведения боя являлся правильный выбор района, который танки противника обойти не могли или на это им требовалось больше времени. Продвижение противника сопровождалось, как правило, действиями бомбардировочной и штурмовой авиации. Поэтому проводилась предварительная рекогносцировка маршрутов, соблюдалась ПВО.

При следовании истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования в район развертывания предусматри-

вალაშ возможность столкновения с выброшенными авиадесантами противника. В этом случае все решала организация круговой обороны.

При построении боевого порядка противотанковой обороны истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главного командования старались, прежде всего, организовать необходимую глубину. Только глубокое построение боевого порядка позволяло решать задачу нанесения удара по танкам противника¹⁶. Глубина боевого порядка была определена в пределах 3—4 км. Она могла увеличиваться за счет сокращения ширины фронта боевого порядка. Ширина фронта обороны истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главного командования была намного больше полосы движения танков противника. В результате неудачной атаки, танки были вынуждены перестраивать свой боевой порядок, теряя при этом время, а вместе с этим и инициативу.

Соединения должны были иметь огневую связь между собой и по фронту, и по глубине. Боевой порядок состоял из 10—12 опорных пунктов ротного типа с непосредственным подчинением командиру. На флангах находились опорные пункты из рот противотанковых ружей; в центре — опорные пункты из батарей артиллерийских полков. Кроме того, боевые порядки составляли противотанковые батальонные типы, состоявшие из опорных ротных пунктов смешанных огневых средств¹⁷. Каждое отделение представляло собой одну огневую точку с круговой обороной и ответственным сектором. Огонь открывался по головным танкам.

В ночь на 5 июля 1943 г. в районе г. Белгорода был слышен сплошной гул, а с 5 час. утра вдоль железнодорожного полотна от с. Сторожевого до Прохоровки фашистские самолеты сбрасывали бомбы¹⁸.

«В ночь с 4 на 5 июля наш 141-й отдельный ПТР батальон, ночью в спешном порядке направлен оборонять шоссе Москва — Симферополь. С рассвета перед нами с востока на запад пролетела (РАМА), и буквально через несколько минут появились с восточной стороны несколько десятков немецких самолетов. Буквально в один миг бомбовая атака смешала все наши окопы с землей. Воздушная атака продолжалась несколько минут. Когда рассеялся дым, мы увидели перед собой немецкие танки с пехотой. Пушка, которая установлена на Мемориале “Курская дуга”, встречала противника первыми выстрелами. Мы находились от нее в 20 м. Мы отбивали первую атаку противника»,¹⁹ — из воспоминаний рядового 141-го отдельного батальона противотанковых ружей И. С. Богатского.

Рассвет 5 июля 1943 г. ознаменовал собой начало Курской битвы. На южном фланге Курского выступа противник бросил все силы для нанесения удара по Обоянскому шоссе, рассчитывая захватить это направление и выполнить часть плана операции «Цитадель». «Тысячи самолетов сыпали нас маленькими бомбами, величиной ручной гранаты. Они сыпались как дождь. Наш полк стоял на прямой наводке против танков. Подпускали их на 500 м и расстреливали», — писал ветеран 142-го пушечно-артиллерийского полка Резерва Верховного Главного командования С. Н. Розман²⁰.

К 6 июля 1943 г. противник, рвавшийся к Обоянскому шоссе, прорвал передний край обороны. В сложившейся критической ситуации командующий артиллерией Воронежского фронта отдал приказ о срочном выдвижении истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного

Главнокомандования в район с. Покровки и высоты 254,5 (сегодня это территория Филиала Белгородского государственного историко-краеведческого музея Мемориала «В честь героев Курской битвы») с целью остановить противника любой ценой.

«Ночью 6 июля был отдан приказ следовать в направлении 1212 ИПТАП, который также занимал оборону в районе ст. Проховроки. К 7.00 батальон прибыл в х. Дубрава, а оттуда направился на высоту 254,5, где противотанковый полк вел бой с танками противника и самоходными орудиями. Нашу роту вел начальник штаба батальон т. Лазаренко. Мы миновали батареи полка и спустились ниже к роще, а роща уже была занята немецкими автоматчиками.

В 9.00 начали окапываться. Каждый расчет приспособивался к местности, никаких окопов не строили. Расположились ниже батарей, посередине высоты. Немецкие танки “Тигр” и самоходки были расположены на противоположной высоте в 3—4 ряда по всей высоте в длину, около 100 штук. Выглядели они как домики в общественных садах, только с той разницей, что эти “домики” стреляли по нашим позициям»,²¹ — описывал происходившее ветеран 140-го отдельного истребительно-противотанкового батальона противотанковых ружей А.Б. Мельцер.

С первых дней битвы на Курской дуге эта высота (254,5) находилась в эпицентре ожесточенных боев. Она магнитом притягивала противника, поскольку, во-первых, с нее открывалась прямая дорога на Курск, а затем и на Москву. Во-вторых «обладатель» высоты получал огромное стратегическое преимущество. Оно заключалось в возможности наблюдения за всеми передвижениями противоборствующей стороны. В-третьих, рядом с высотой имелись коммуникации, в частности, проходило главное шоссе. Так на первый взгляд неприметная высота стала главным местом столкновения.

К 15.00 5 июля 1943 г. командир 14-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады Резерва Верховного Главнокомандования полковник В.И. Заботин на основании боевого распоряжения командующего артиллерией Воронежского фронта приказал командирам 1177-го, 1207-го, 1212-го истребительно-противотанковых артиллерийских полков выступить в район сосредоточения — в лес, на 1,5 км западнее Покровки для поучения боевой задачи. Для каждого полка определялось свое время: 1212-й ИПТАП — 16.30; 1207-й ИТПАП — 18.00; 1177-й ИПТАП — 18.15 5 июля 1943 года²².

Полки продвигались, сохраняя расстояние в 150—200 м между орудиями, проселочными дорогами. Местом для получения боевой задачи был выбран Кирпичный завод западнее Покровки. Прибыть было необходимо к 20.00. Командирам полков предписывалось иметь при себе один боекомплект снарядов.

«В строгой секретности при абсолютной маскировке мы ночью заняли боевые порядки побатарейно. Для каждой батареи и для каждого орудия в отдельности определены огневые позиции с максимальным обстрелом и с расчетом взаимной помощи орудие орудию, батарея батарее. В последующем все огневых позиции батарей были хорошо оборудованы и замаскированы. Маскировку нашу командование проверяло авиаразведкой и фотографированием с воздуха», — вспоминал М.А. Скуцкий,

бывший начальник штаба 315-го гвардейского истребительно-противотанкового артиллерийского полка Резерва Верховного Главного командования ²³.

Кроме основных огневых позиций и наблюдательных пунктов батарей были оборудованы запасные и ложные огневые позиции для каждой батареи, а также наблюдательный пункт командира полка. Все землянки для личного состава имели 2—3 наката бревен, засыпанных землей. Для штаба полка землянки оборудовали в глубоком овраге за с. Черкасское, в 500 м от огневых позиций батарей, которые, в свою очередь, находились на расстоянии около 200 м от траншей пехоты. Орудия были глубоко спрятаны в траншеи.

Здесь части 14-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады Резерва Верховного Главного командования внесли особый вклад в разгром противника: они измотали его основные силы и отстояли высоту 254,5 ²⁴.

В оборонительных боях на Курской дуге истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главного командования активно применяла прямую наводку. Так, например, танки «Тигр» они подбивали на расстоянии 200—500 м в боковую броню, при этом танки легко загорались. «Тысячи самолетов сыпали нас маленькими бомбами, величиной ручной гранаты. Они сыпались как дождь. Наш полк стоял на прямой наводке против танков. Подпускали их на 500 м и расстреливали» ²⁵, — вспоминал ветеран 142-го пушечно-артиллерийского полка Резерва Верховного Главного командования С.Н. Розман. Это давало шансы сводить к минимуму преимущества танков противника в борьбе с противотанковым орудием. За тактическую отсталость принципа «орудие против танка» истребители танков платили собственной жизнью.

Командующий артиллерией 6-й гвардейской армии генерал-майор Д.Т. Турбин писал: «За время боев с 5 июля по 6 августа 1943 г. 14-я ОИПТАБр РВГК действовала в составе 6-й гвардейской армии.

Отражая атаки танков противника, бригада продемонстрировала образцы доблести, геройства и мужества. В боях 6 и 7 июля боевые порядки бригады подвергались непрерывным атакам противника, преимущественно «Тиграми». В течение двух суток под непрерывным воздействием авиации, артиллерийского и минометного обстрела полки бригады нанесли врагу серьезное поражение в живой силе и технике, подбили и сожгли 175 танков, уничтожив большое количество солдат и офицеров.

В боях 9 июля под Кочетовкой 1207-й ИПТАП РВГК в течение восьми часов отражал 4 танковые атаки, уничтожив 24 танка противника» ²⁶.

Когда противник ринулся в прорыв, и остановить развитие событий было уже нельзя, истребители спешно перебрасывались в район атаки и вступали в бой с ходу. Батареи истребительно-противотанковой артиллерии Резерва Верховного Главного командования занимали позиции под огнем всех видов оружия, стремясь замедлить скорость продвижения противника, ослабить его удары. Удержание танкоопасного направления являлось первостепенной задачей и вершиной военного мастерства истребителей.

Командиры истребительно-противотанковых артиллерийских соединений Резерва Верховного Главного командования не поддерживали кон-

тактов непосредственно со своим прямым начальником — командующим артиллерией армии или фронта и не использовали телефон, чтобы убедить начальника в нереальности полученной задачи, как это часто бывало у командиров стрелковых полков и дивизий. Они получали боевой приказ в запечатанном конверте через делегата связи, который мог лишь выразить сочувствие по поводу того, что обстановка существенно изменилась и имеет мало или не имеет ничего общего с тем, что было три, пять часов назад, в момент подписания боевого приказа. Район, указанный для развертывания, мог быть уже захвачен противником. Поэтому истребительно-противотанковые артиллерийские соединения Резерва Верховного Главнокомандования могли самостоятельно принимать решение, как им выполнять поставленную задачу, главное, чтобы она была выполнена.

Истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования должна была концентрировать свои усилия на решении общевойсковой задачи на линии фронта. Ответственность за использование орудий ложилась всецело на артиллерийских командиров. Никакие причины не оправдывали оставление противнику материальной части. Командиры частей не имели права снимать с огневых позиций и отводить подразделения, либо задерживать их там без ведома старших артиллерийских инстанций. Так удалось ликвидировать недочеты в боевом применении истребительной артиллерии Резерва Верховного Главнокомандования.

При наступлении батареи истребительно-противотанковых артиллерийских соединений Резерва Верховного Главнокомандования двигались в первом эшелоне. Они сопровождали передовые танковые роты огнем и колесами — на тягачах, по габаритам в два раза превосходивших танки. Если противник начинал контратаку и отразить ее с ходу было невозможно — вносились коррективы. Батареи истребителей Резерва Верховного Главнокомандования занимали позиции, обеспечивая перестроение.

Таким образом, в ходе летней компании истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования измотала отборные силы противника на заранее подготовленных оборонительных рубежах. Она брала на себя основной удар противника, держала оборону важных рубежей, тем самым давая возможность перегруппировать силы другим соединениям и, в первую очередь, сохранить танки. К тому же использование данного вида артиллерии обеспечило необходимые предпосылки к завоеванию огневого превосходства. Уже в ходе оборонительного сражения этот вид артиллерии выполнил поставленную задачу. Благодаря маневренности было обеспечено усиление армий (фронтов) на наиболее опасных участках обороны. К тому же истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования выступала той силой, которая прикрывала в критических ситуациях отход соединений Красной Армии с наименьшими потерями. Истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования полноценно выполняла поставленные перед ней задачи. Даже когда исчезала последняя надежда удержать огневые позиции, истребительно-противотанковая артиллерия Резерва Верховного Главнокомандования производила выстрелы, прикрывая вывоз тягачей, снятие орудий с позиций. Она встречала противника огнем, обеспечивая выигрыш во времени и расстройство

его боевого порядка. Все это способствовало превращению оборонительной операции в успешное контрнаступление.

Примечания

1. КОЗЛОВСКИЙ Д.Е. Курс артиллерии. Кн. 4. М. 1941, с. 331; НИКИФОРОВ Н.Н. Учебник сержанта артиллерии: Книга первая. Стрелково-артиллерийская подготовка». М. 1944, с. 288; ДЬЯКОНОВ В.Г. Курс артиллерии. Кн. 10. М. 1947, с. 176; СТОЛБОВИНСКИЙ А.П. Курс артиллерии. Кн. 8. М. 1949, с. 284; АЛЕКСЕЕВ И.И. Стрельба орудиями прямой наводкой. М. 1954, с. 124.
2. КАЗАКОВ В.И. Роль артиллерии в защите социалистической Родины. М. 1959, с. 193; ПЕРЕДЕЛЬСКИЙ Г.Е. Артиллерия в бою и операции по опыту Великой Отечественной войны. М. 1980, с. 136.
3. КАЗАКОВ В.И. Огонь по Берлину. — Артиллерийский журнал. 1985, № 11, с. 11—15; МЕДВЕДЕВ Н.Е. Артиллерия РВГК в первом периоде войны. — Военно-исторический журнал. 1987, № 11, с. 53—54; СТРЕЛЬБИЦКИЙ И.С. Советские артиллеристы в борьбе с танками противника. — Артиллерийский журнал. 1988, № 2, с. 22—25.
4. ЧИСТЯКОВ М.Н. Артиллерия под Сталинградом. — Артиллерийский журнал. 1988, № 11, с. 23—28.
5. ШИРОКОРАД А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. М. 2000, с. 1156; ЕГО ЖЕ. Гений советской артиллерии. М. 2003, с. 429; ШУНКОВ В.Н. Артиллерия Красной Армии и вермахта во Второй мировой войне. М. 2005, с. 391; ИВАНОВ А.А. Артиллерия СССР во Второй мировой войне. М. 2003, с. 67.
6. МАКАРОВ М., ПРОНИН А. Противотанковая артиллерия Красной Армии. Серии Фронтальная иллюстрация № 05. М. 2003, с. 73.
7. ДРАБКИН А. Я дрался с Панцерваффе. М. 2007, с. 352.
8. Филиал Белгородского государственного историко-краеведческого музея Мемориал «В честь героев Курской битвы» (БОКМ МКД), ф. 2, оп. 2, д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.
9. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), ф. 28 отд. ОИПТАБр (9700), оп. 1, д. 3, л. 3.
10. ЗАМЯТИН Н.М., БОЛДЫРЕВ П.С., ВОРОБЬЁВ Ф.Д. Битва под Курском. Оборонительное сражение. Кн. 1. М. 1946, с. 21.
11. ЦАМО РФ, ф. 132-А, оп. 2642, д. 33. Подлинник.
12. ШИНКАРЁВ И.И. Битва под Курском. М. 1953, с. 25.
13. ЦАМО РФ, ф. 7 гв. ОИПТАБр (9698), оп. 1, д. 22, л. 2—4.
14. БОКМ МКД, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 7—8.
15. ЦАМО РФ, ф. 395, оп. 9136, д. 142, л. 50—51.
16. Там же, ф. 7 гв. ОИПТАБр (9698), оп. 1, д. 22, л. 7.
17. Там же, ф. 316 гв. ПАП, оп. 484765, д. 1, л. 6.
18. БОКМ МКД, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 65—66.
19. Там же, д. 4, л. 5—6.
20. Там же, д. 2, л. 5.
21. Там же, д. 4, л. 23—24.
22. ЦАМО РФ, ф. 3, оп. 202065, д. 1, л. 19; ф. 9694, оп. 1, д. 7, л. 3.
23. БОКМ МКД, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 10—11.
24. ЦАМО РФ, ф. 1177 ИПТАП, оп. 1, д. 8, л. 136.
25. БОКМ МКД, ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 42—43.
26. ЦАМО РФ, ф. 3, оп. 202065, д. 1, л. 110.

Периодизация исторических макропроцессов в России: этапы модернизации (на примере Дагестана)

Р.И. Сефербеков, О.Б. Халидова

Аннотация. В российской исторической науке при описании крупномасштабных исторических процессов имеется несколько идеологических подходов, однолинейных и многолинейных теорий, среди которых наиболее перспективной методологией описания макропроцессов считается мир-системный подход. Используя общенаучные и специальные исторические методы и основываясь на предложенных этнологом Ю. Д. Анчабадзе этапах модернизации для Кавказа, авторы дают периодизацию исторических макропроцессов в России. Под модернизацией понимаются кардинальные изменения как на макро-, так и на микроуровне в общественной жизни, сопровождающиеся трансформацией социальных институтов, экономических и политических отношений.

Ключевые слова: периодизация исторических макропроцессов; модернизации и трансформации; дореволюционное, советское и постсоветское время; Россия и Кавказ; быт и культура народов Дагестана.

Abstract. There are several ideological approaches, single-line and multi-line theories for describing large-scale historical processes in Russian historical science. The world-system approach is the most promising for methodology for describing macro-processes. The authors give the periodization of historical macroprocesses in Russia using general scientific and special historical methods and based on stages of modernization by the ethnologist Anchabadze Yu.D. We understand that modernization is cardinal changes both at the macro and micro levels in public life, accompanied by the transformation of social institutions, economic and political relations.

Key words: periodization of historical macroprocesses; modernization and transformation; pre-revolutionary, soviet and post-soviet times; Russia and the Caucasus; life and culture of the peoples of Dagestan.

Не отвергая в целом верную для Кавказа и России периодизацию Ю. Д. Анчабадзе, авторы предлагают свою версию периодизации модернизационных процессов в Дагестане, приведших к трансформации экономики и культуры края. Происшедшие за последние 150 лет в России и на Северном Кавказе революционные и эволюционные исторические макропроцессы, представляются в виде этапов, с которыми связаны трансформации, прямо или косвенно отразившиеся на элементах хозяйства, быта и культуры россиян и дагестанцев. Особое внимание уделяется периодизации трансформационных процессов «перестроечного» и постсоветского времени. Несмотря на интенсивное внедрение инноваций, современное население Дагестана продолжает сохранять многие компонен-

ты своей традиционной бытовой культуры, и это вселяет определенную надежду на сохранение этнической идентичности дагестанцев в эпоху глобализации.

Основной целью данного исследования является составление периодизации этапов происходивших в России и на Кавказе (Дагестане) модернизационных и трансформационных исторических макропроцессов в дореволюционное, советское и постсоветское время, а также фиксация результатов этих изменений.

При исследовании данной проблемы авторы пользовались общенаучными и специальными принципами и методами: историческим (историко-генетический и «ретроспективный»), результатом применения которого является создание периодизации с ее правилами одинаковых оснований, иерархии, равнозначности; сравнительным, логическим основанием которого является аналогия со сходными предметами и явлениями; типологическим с его схематическим отображением конкретно-исторической реальности в виде логических моделей («идеальных типов»); структурным, выявляющим устойчивые связи внутри системы, обеспечивающие сохранение ее основных свойств; системным с его принципом изоморфизма; нарративным.

Указанные общенаучные и специальные исторические методы позволили экстраполировать исторические макропроцессы (модернизации и связанные с ними трансформации), происходившие за последние 150 лет в Дагестане, на Кавказе (Северный Кавказ) и в России (СССР), и предложить свою схему периодизации.

Теории модернизаций. В экономике под модернизацией обычно понимают ввод усовершенствований, отвечающих современным требованиям, например, модернизация оборудования ¹, а в исторической науке — переход от сословного и аграрного общества к гражданскому и индустриальному ². Более широкое толкование этого термина предполагает кардинальные изменения как на макро-, так и на микроуровне общественной жизни, то есть сопровождается трансформацией не только социальных институтов, экономических и политических отношений, но и поведения и мышления людей, их ценностных ориентиров.

В странах, приступивших к модернизации на более поздних этапах, она понимается обычно в свете идеи «догоняющего развития», а ориентация на нее воспринимается как приоритет целенаправленной государственной политики ³.

Сефербеков Руслан Ибрагимович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала. E-mail: 79034779866@yandex.ru; *Халидова Ольга Борисовна* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала. E-mail: o.khalidova2011@mail.ru.

Seferbekov Ruslan I. — doctor of historical sciences, leading researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of RAS. Makhachkala. E-mail: 79034779866@yandex.ru; *Khalidova Olga B.* — candidate of historical sciences, researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of RAS. Makhachkala. E-mail: o.khalidova2011@mail.ru.

Как считает С. Н. Гавров, историческое понятие модернизации рассматривается преимущественно в трех различных значениях: а) как внутреннее развитие стран Западной Европы и Северной Америки, относящееся к европейскому новому времени; б) как догоняющая модернизация, которую практикуют страны, не относящиеся к странам первой группы, но стремящиеся их догнать; в) как процессы эволюционного развития наиболее модернизированных обществ (Западная Европа и Северная Америка), то есть как перманентный процесс, осуществляющийся посредством проведения реформ и инноваций, что сегодня означает переход к постиндустриальному обществу ⁴.

В. В. Согрин, характеризуя модернизацию России в 80—90-х гг. XX в., выделяет три идеологических подхода: формационный (концепция демократического рыночного социализма), либерально-демократический (гражданское общество, частная собственность, политический плюрализм, капиталистический рынок), цивилизационный (Россия — особая цивилизация и возможно лишь выборочное заимствование ею отдельных либерально-демократических ценностей) ⁵.

Кроме различных однолинейных теорий (марксизм, неэволюционизм, теории модернизации и др.) и цивилизационного подхода, существуют многолинейные теории, согласно которым есть несколько возможных вариантов социальной эволюции, а также мир-системный подход, моделирующий циклы экономического, социального и культурного роста/упадка различных центров и периферии.

По мнению Н. Н. Крадина, в настоящее время мир-системный подход является наиболее перспективной методологией для описания крупномасштабных исторических процессов ⁶.

Этапы модернизации Северного Кавказа и Дагестана. Применительно к кавказским реалиям под модернизацией понимают «структурные трансформации, охватывающие все или большинство сфер социальной традиции, изменяющие предшествующий этнокультурный облик социума» ⁷. Следует отметить, что происходившие на Северном Кавказе модернизационные процессы затрагивались в трудах российских историков и этнологов. Например, трансформационным процессам в культуре горцев во второй половине XX — начале XXI в. посвящена монография Ю. Ю. Карпова и Е. Л. Капустиной ⁸. В ней рассматривается одно из самых значительных социальных явлений в истории новейшего времени Дагестана — переселение жителей горных районов на равнину, в том числе и в города республики. Актуальность этой проблемы обусловлена тем, что в ходе данного процесса произошло разрушение во многих отношениях уникальной культуры горцев. Со второй половины XX в. существенно изменилась и продолжает меняться этническая карта республики и сопредельных с ней субъектов РФ. Этот процесс вызывает напряжение в межэтнических и политических отношениях не только в самой Республике Дагестан, но и шире — в Северокавказском федеральном округе и в других регионах России.

Аналізу воздействия российских городов на социокультурную, политическую и духовную жизнь автохтонного населения Северного Кавказа в русле процессов модернизации и с учетом возникающих в связи с этим конфликтов в городской среде посвящена работа С. Л. Дударева и Ю. Ю. Клычникова ⁹.

Что же касается этапов модернизации, то, как считает Анчабадзе, «в истории Кавказа имели место, по крайней мере, два периода модернизационных трансформаций. Присоединение края к России дало толчок к всесторонним инфраструктурным изменениям материальной и духовной культуры его народов, их вовлечению в европейский вектор цивилизационного развития. Второй период модернизационных трансформаций связан с периодом советских реформ 1920—1930-х и последующих годов, изменивших социально-экономическую и духовно-идеологическую природу кавказских социумов. Многие считают, что сегодня Кавказ переживает третий этап модернизации, связанный с развивающимися в планетарном масштабе процессами глобализации, информационной открытости и транскультурных взаимодействий»¹⁰.

На наш взгляд, предложенная Анчабадзе периодизация применима не только к истории Кавказа (Северного Кавказа), но и к России (СССР). По его мнению, во второй половине XIX — начале XXI в. Кавказ претерпел три этапа модернизации. Первый этап связан с присоединением Кавказа к России, которое завершилось с окончанием Кавказской войны (1817—1864 гг.) и пореформенным периодом, когда край был инкорпорирован в общероссийское экономическое и правовое пространство, что дало простор развитию капиталистических отношений в промышленности и сельском хозяйстве¹¹. События Октября 1917 г. дали новый толчок второму этапу модернизационных процессов в России, которые были связаны с индустриализацией, аграрными преобразованиями и переходом к массовой коллективизации сельского хозяйства, реализованными в годы первой и второй пятилеток¹². Предпринятые преобразования в экономике привели к созданию мощного промышленного потенциала, который был подтвержден в годы Великой Отечественной войны¹³.

Со вторым этапом модернизации связаны процессы трансформации и системного обновления хозяйства, быта и культуры народов Дагестана¹⁴. Эти изменения коснулись таких сфер жизни, как хозяйственные занятия, материальная и духовная культура, семейный и общественный быт¹⁵. И, наконец, третий этап модернизации в периодизации Анчабадзе охватывает современный этап развития, который, на наш взгляд, начинается с «перестройки», распада СССР и завершается утверждением нового общественного строя в России.

Не отвергая в целом, как нам кажется, верную для России и Северного Кавказа периодизацию исторических макропроцессов, сделанную Анчабадзе, предложим свою, где основной упор приходится на трансформацию бытовой культуры народов Дагестана.

Мы считаем, что в развитии бытовой культуры дагестанцев в пореформенный период, годы советской власти и в постсоветский период прослеживаются четыре этапа модернизационных трансформаций. Первый охватывает вторую половину XIX в. — конец 1930-х гг. — время, когда весь уклад общественной жизни в основном сохранял традиционные черты. Однако именно в эти годы начались коренные преобразования в быту и культуре дагестанцев. Исторически это связано с коллективизацией крестьянских хозяйств и созданием колхозов и совхозов. Вторым этапом выпадает на предвоенные и послевоенные годы — период интенсивной ломки традиционного быта и внедрения инноваций. Особенно сильное

влияние на эти процессы оказали прибывшие в Дагестан русские специалисты, Великая Отечественная война, научно-техническая революция, процессы урбанизации. Третий этап охватывает вторую половину 1960-х — начало 1990 гг., когда складывались основные черты современной бытовой культуры народов Дагестана при значительном сохранении традиций. Именно со второй половины 1960-х гг. происходили важные события, повлиявшие на все стороны жизни дагестанцев и изменившие социальный облик села. С начала 1970-х гг. эти изменения приобрели лавинообразный характер. Постсоветский период составил четвертый этап трансформаций¹⁶.

Что касается периодизации трансформационных процессов «перестроечного» и постсоветского времени, то исходя из анализа общественно-политических процессов, материальной и духовной культуры, семейного и общественного быта народов Дагестана, можно отметить разную степень интенсивности протекания этих процессов в бытовой культуре: они были незначительны во второй половине 80-х — 90-е гг. XX в., начали набирать обороты с конца 90-х гг. XX в. и в 2000-е гг., а с 2010 г. и по настоящее время приняли необратимый характер.

Особое место в предложенной периодизации занимают 1992—1997 гг., на которые приходится пик так называемых «либеральных рыночных реформ», негативных явлений в экономике, общественной и социальной жизни Дагестана и России¹⁷, после чего наступает стабилизация, относительный рост и позитивные изменения в производстве и уровне жизни населения¹⁸.

Таким образом, периодизацию происшедших за последние 150 лет в России и на Северном Кавказе революционных и эволюционных исторических макропроцессов можно представить в виде взаимосвязанных этапов, с которыми связаны трансформации, прямо или косвенно отразившихся на элементах хозяйства, быта и культуры россиян и дагестанцев, полностью или частично видоизменивших их. Несмотря на интенсивное внедрение инноваций в пореформенное дореволюционное, советское и постсоветское время, современное городское и особенно сельское население Дагестана продолжает сохранять многие компоненты своей традиционной бытовой культуры, и это вселяет определенную надежду на сохранение этнической идентичности дагестанцев в эпоху глобализации.

Примечания

Публикация подготовлена в рамках поддержанного отделением гуманитарных и общественных наук Российского фонда фундаментальных исследований научного проекта № 18—09—00420. The publication was prepared within the framework of the scientific research project No. 18—09—00420, supported by the Department of Humanitarian and Social Sciences of the Russian Foundation for Basic Research

1. Экономический словарь. М. 2009, с. 453.
2. Большая Российская энциклопедия: Энциклопедический словарь. М. 2011, с. 803.
3. ПОДВОЙСКИЙ Д. Г. Модернизация. В кн.: Большая Российская энциклопедия: в 30-ти т. Т. 20. М. 2012, с. 585.
4. ГАВРОВ С. Н. Модернизация. В кн.: Социокультурная антропология: история, теория, методология. Энциклопедический словарь. М. 2012, с. 821—830.

5. СОГРИН В. В. Концепция современной российской модернизации: идеология и историография. В кн.: Проблемы исторического познания. М. 1999, с. 191—197.
6. КРАДИН Н. Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов. В кн.: История и Математика: Модели и теории. М. 2008, с. 166—200.
7. АНЧАБАДЗЕ Ю. Д. От составителя. В кн.: Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизация. Научный сборник, посвященный памяти Г. А. Сергеевой. М. 2016, с. 5—7.
8. КАРПОВ Ю. Ю., КАПУСТИНА Е. Л. Горцы после гор: Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб. 2011.
9. ДУДАРЕВ С. Л., КЛЫЧНИКОВ Ю. Ю. Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного процесса. Пятигорск. 2014.
10. АНЧАБАДЗЕ Ю. А. Ук. соч., с. 5—7.
11. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М. 1988, с. 131—218, 299—328; НАХШУНОВ И. Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (дооктябрьский период). Махачкала. 1956.
12. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. Т. 2. История Дагестана в XX веке. Махачкала. 2005, с. 82—211; ДАНИЯЛОВ А. Д. Строительство социализма в Дагестане. 1920—1940 гг. (Узловые проблемы). М. 1975.
13. ЖИБАРЕВ П. Б. Индустриализация СССР — великий подвиг советского народа. М. 1969.
14. КАЙМАРАЗОВ Г. Ш. Культурное строительство в Дагестанской АССР (1920—1940 гг.). Махачкала. 1960; ЕГО ЖЕ. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала. 2007.
15. ДАНИЯЛОВ Г.-А. Д. Социалистические преобразования в Дагестане. 1920—1941 гг. Махачкала. 1960; АЛИЕВ А. И. Исторический опыт строительства социализма в Дагестане. Махачкала. 1969.
16. БУЛАТОВ Б. Б., ОСМАНОВ А. И., СЕФЕРБЕКОВ Р. И. Трансформация хозяйства, быта и культуры народов Дагестана в советский и постсоветский периоды. — Кавказология. 2018, № 1, с. 131—156.
17. ОСМАНОВ А. И. Население Дагестана с древнейших времен до конца XX века: Историко-этнодемографическое исследование. Махачкала. 2011, с. 406—421; МУСЛИМОВА Н. Т. Либеральные реформы первой половины 90-х гг. XX в. и их влияние на экономику Дагестана. — Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала. 2016, № 3 (47), с. 82—89.
18. МИРЗАБЕКОВ М. Я., АНАНЬЕВА Е. С., ЮНАЕВА В. Д. Культура дагестанского города XX в. Махачкала. 2007, с. 353—359.

Военнопленные казахи в лагерях Норвегии и Финляндии в годы второй мировой войны

Г.М. Мендикулова, Е.А. Надежук, А.Ж. Габдуллина,
А.А. Акатаева, Т.С. Тумабаев

Аннотация. Участие казахов в советско-финской войне, судьбы наших соотечественников, находившихся в плену в Финляндии и Норвегии, являются малоизученной темой в казахстанской исторической науке. Выявленные в архивах Скандинавских стран документы позволили восстановить списки казахстанцев, находившихся в военном плену в Норвегии и Финляндии. Эти документы представляют особую ценность, потому что далеко не все имена, имеющиеся в них, можно встретить базах данных Министерств обороны Казахстана и России. Путем сопоставления и анализа данных, имеющихся в архивных документах Норвегии, Финляндии, России и Казахстана, воссоздается общая картина пребывания казахов в военном плену в двух Скандинавских странах и судьбы отдельных людей — непосредственных участников событий.

Ключевые слова: военнопленные, казахи, Финляндия, Норвегия, репатриация, захоронения, вторая мировая война.

Abstract. The participation of the Kazakhs in the Soviet-Finnish war, the fate of our compatriots who were in captivity in Finland and Norway, is a little-studied topic in Kazakhstan's historical science. The analysis of the identified documents from the archives of the Scandinavian countries allowed restoring the lists of Kazakhstanis who were in military captivity in Norway and Finland. These documents are especially valuable because the databases of the Ministries of Defense of Kazakhstan and Russia do not represent many of these names. By comparing and analyzing the data available in the archival documents of Norway, Finland, Russia, and Kazakhstan, we can recreate the general picture of the presence of Kazakhs in military captivity in two Scandinavian countries and the fate of individuals the direct participants of the events.

Key words: prisoners of war, Kazakhs, Finland, Norway, repatriation, burial, World War II.

Казахи плечом к плечу со всем советским народом героически сражались с фашизмом в годы второй мировой войны. В Советскую армию, на фронт было призвано 1 196 164 казахстанца. 601 939 из них пали на полях сражений. Более 350 тыс. казахов не вернулось домой с фронтов Великой Отечественной войны¹. Сегодня, через 75 лет после Великой Победы, бережно сохранить память о наших отцах и дедах, тщательно изучить историю их героических деяний, передать ее детям и внукам — актуальная задача казахстанской исторической науки. Изучение и использование архивных документов, проливающих свет на участие казахов в борьбе с фашизмом, на судьбы людей, оказавшихся в фашистском плену, обнаружение захоронений погибших героев, восстановление имен людей, ко-

торых официально считали пропавшими без вести, является важной задачей для формирования и сохранения исторической памяти казахского народа. Именно эти задачи ставит перед собой исследовательская группа Международного научно-исследовательского проекта «Казахи во Второй Мировой войне: новые документы из зарубежных архивов» под руководством доктора исторических наук, профессора Г.М. Мендикуловой. К настоящему моменту найдены и проанализированы уникальные документы, находящиеся в архивах, музеях, библиотеках Казахстана, России, Великобритании, Франции, Норвегии, Финляндии и Италии. Продолжается работа над восстановлением полных списков наших соотечественников, воевавших с фашизмом в Европе, пополнением их новыми фамилиями, биографиями на основе вновь выявленных архивных документов и материалов.

Работа основана на общенаучных методах исследования, в том числе, на принципах исторического познания — историзме, объективности и др. Для достижения целей используются архивный, историко-сравнительный методы исследования, метод исторической реконструкции. Кроме того, применяется причинно-следственный и системный анализ, с помощью которого, используя информацию из различных архивных и электронных источников, можно составить единую картину происходивших событий.

Как известно, в первые месяцы Великой Отечественной войны сотни тысяч советских солдат оказались в плену. Следует отметить, что количество военнопленных долгое время оставалось предметом дискуссий в советской и немецкой историографии. Германское командование в официальных данных указывало цифру в 5 млн. 270 тыс. человек. По данным Генштаба Вооруженных Сил СССР, потери пленными составили 4 млн. 559 тыс. человек ². Среди огромного числа военнопленных были и казахи, точную численность которых установить на данный момент невозможно вследствие несохранившихся данных.

Мендикулова Гульнара Малбагаровна — доктор исторических наук, профессор Satbayev University. Республика Казахстан. Алматы. E-mail: gmendikul@hotmail.com; *Надежук Евгения Адольфовна* — магистр гуманитарных наук, докторант Казахского национального университета им. Аль-Фараби. Республика Казахстан. Алматы. E-mail: nadejuk@mail.ru; *Габдуллина Анара Женисовна* — кандидат исторических наук, ученый секретарь Института истории государства. Республика Казахстан. Нур-Султан. E-mail: agastana77@gmail.com; *Акатаева Алия Аскаровна* — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, зав. кафедрой Satbayev University. Республика Казахстан. Алматы. E-mail: akatayeva@mail.ru; *Тумабаев Турлыбек Салимович* — магистр гуманитарных наук, тьютор Satbayev University. Республика Казахстан. Алматы. E-mail: tumabaev_t@mail.ru.

Mendikulova Gulnara M. — doctor of historical sciences, professor at the Satbayev University. Republic of Kazakhstan. Almaty. E-mail: gmendikul@hotmail.com; *Nadezhuk Evgenia A.* — master of Arts, doctoral candidate of the al-Farabi Kazakh National University. Republic of Kazakhstan. Almaty. E-mail: nadejuk@mail.ru; *Gabdullina Anara Zh.* — candidate of historical sciences, scientific secretary at the Institute of the State History. Republic of Kazakhstan. Nur-Sultan. E-mail: agastana77@gmail.com; *Akataeva Aliya A.* — candidate of historical sciences, associate professor, head of the Department at the Satbayev University. Republic of Kazakhstan. Almaty. E-mail: akatayeva@mail.ru; *Tumabaev Turlybek S.* — master of Arts, tutor at the Satbayev University. Republic of Kazakhstan. Almaty. E-mail: tumabaev_t@mail.ru.

Материалы архивов Скандинавских стран позволили авторам восстановить списки казахстанцев, находившихся в военном плену в Норвегии и Финляндии, а также места их захоронений. В Национальном архиве Норвегии обнаружены списки казахстанских военнопленных, содержащихся в лагерях в этой стране, и тех, кто впоследствии был репатриирован в СССР. Эти документы представляют особую ценность, потому что далеко не все имена, имеющиеся в них, представлены в базах данных Министерств обороны Казахстана и России, доступных широкому кругу людей для поиска информации о судьбах их родственников, находившихся в плену.

Военный плен является неизбежным следствием каждой войны. Не стала исключением и советско-финская война (оба ее периода, 1939—1940 гг. и 1941—1944 гг.). Казахи, граждане СССР, героически сражались и отдавали свои жизни на фронтах, десятки тысяч прошли через трагедию плена, тысячи в плену погибли.

Исследование темы пребывания советских военнопленных в финском плену в годы Зимней войны 1939—1940 гг. и Войны-продолжения 1941—1944 гг. (данная классификация и названия приняты в Финляндии, однако широко используются в исторической науке в целом) нашло свое отражение в немногих трудах и публикациях российских и финских историков³. В англоязычной историографии вопросы финляндского плена не изучались как отдельная научная проблема, лишь затрагивались вскользь⁴.

Потери Красной Армии во время Зимней войны были огромны. Однако ситуация с пленными до сих пор недостаточно прояснена. По официальным данным, за 105 дней свыше 39 тыс. солдат и офицеров пропало без вести. Естественно, среди них были и те, кто оказался в плену. По имеющимся данным, в плен попали от 5546 до 6116 человек⁵.

Официальная статистика о военнопленных периода Войны-продолжения также противоречива. Цифры количества советских военнопленных колеблются от 64 188 до 72 000 человек. Точных данных в российской историографии нет. Более того, российские исследователи практически не разрабатывали эту тему в своих работах, а лишь использовали ссылки на финские источники.

В финском плену умерло свыше 20 тыс. бойцов Красной Армии, причем большая их часть — в первые месяцы войны. По сведениям финского историка Мирки Даниэльсбакка, уровень смертности в финских лагерях составил около 31%. Предположительно, еще около 5% советских пленных скончались в результате расстрелов и неоказания помощи раненым в момент пленения. Большинство пленных в финских лагерях, как и в немецких, умерло от голода зимой 1941—1942 годов⁶.

В Финляндии находились два организационных лагеря — в Настола под Лахти и в Наараярви под Пиэксмяки — и лагеря под номерами 1—24. Были созданы также специальные лагеря для разных категорий военнопленных. Сеть лагерей охватывала практически всю территорию Финляндии.

Условия содержания военнопленных, как правило, зависят от того, придерживается ли страна их пребывания международных норм по данному вопросу. Играют роль также внутренние законы государства. И Со-

ветский Союз, и Финляндия подписали и ратифицировали Женевскую «Конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Это одна из двух Женевских конвенций 1929 года. Однако СССР не подписал Женевскую «Конвенцию о военнопленных». Финляндия ее подписала, но не ратифицировала ⁷. При этом обе страны публично приняли на себя обязательства следовать духу Женевской конвенции о военнопленных. В СССР также существовало внутреннее законодательство, по основным своим пунктам воспроизводившее Женевскую конвенцию. В Финляндии внутренних отдельных законов по данному вопросу не принималось.

Самой главной причиной очень больших потерь среди военнопленных, безусловно, явился голод в лагерях. Рацион питания был явно недостаточным для выживания. Многие пленные погибли также от пищевых отравлений заведомо некачественными продуктами и от эпидемии тифа, которая косила ослабленных голодом людей. В списках погибших в финском военном плену указана причина смерти. Во всех случаях это или истощение, или туберкулез, или тиф, или другие заболевания. Однако голод и болезни не являлись единственной причиной гибели военнопленных. Факты, когда администрацией лагерей указывались в документах болезни как причина смерти военнопленных вместо имевших место в реальности насильственных действий, подтверждаются документами, обнаруженными в фондах Государственного архива Российской Федерации. В частности, в докладе представителя ГлавУпра Красной Армии полковника Егорова начальнику Управления кадров ГлавУпра генерал-лейтенанту Пупышеву сообщается: «... Как показали опрос и беседы с военнопленными, финское командование издевалось над пленными, занималось их истреблением, особенно командного состава. Например, по лагерю № 1, по финским данным, умерло 123 человека, из них только 8 красноармейцев, остальные офицеры. Из числа этих 123 человек, по показаниям военнопленных, большинство расстреляно или умерло от голода, хотя финны в представленных списках пишут, умер от воспаления легких, гриппа и т. д.

Финны систематически избивали военнопленных, умышленно истощали, провокациями доводили до самоубийств, практиковали под пытками получить ложные показания, врачи в госпиталях раненых военнопленных путем уколов искусственно умерщвляли. Запрягали офицеров в плуги и бороны и пахали на них, за плохую работу раздевали и избивали палками. Командование лагерей поощряло убийство наших военнопленных, так, например, в лагере № 1 комендант — капитан финской армии Мустанен поощрил капрала, который расстрелял пленного лейтенанта Лещева за попытку кражи одной брюквы, 10 днями отпуска и финская охрана говорила: «Чтобы получить отпуск, нужно убить русского пленного...» ⁸

Сведения о советских военнопленных, погибших в плену во время Зимней войны и Войны-продолжения, а также о гражданских лицах, умерших в лагерях восточной Карелии, содержатся в Национальном архиве Финляндии ⁹, в котором создана виртуальная база данных «Судьбы военнопленных и интернированных лиц в Финляндии в 1935—1955 гг.» ¹⁰. Она содержит сведения о 18 925 советских военнопленных, погибших во время войны между Финляндией и Советским Союзом в 1941—1945 гг.

на территории Финляндии. Отдельно указывается на то, что там отсутствуют сведения о нескольких тысячах лиц, данные которых не были найдены в источниках.

Поисковая работа с базой данных позволила авторам обнаружить списки 268 казахстанцев, погибших в финских лагерях для военнопленных. 109 погибших и умерших, согласно финским документам, были казахами. Выявленные списки содержат следующие сведения: фамилия (Sukunimi), имя + отчество (Etunimi); национальность (Kansallisuus); пол (Sukupuoli); место рождения (Syntymäalue); год рождения (Syntymävuosi); дата смерти (Kuolinpäivä); вид смерти (Kuolintapa); причина смерти (Kuolinsyy); лагерь (Kuolinleiri).

Обнаруженные авторами списки погибших в военном плену в Финляндии казахстанцев были впервые полностью опубликованы в Сборнике документов «Казахи во Второй Мировой войне: документы из зарубежных архивов. Том 1»¹¹, который стал результатом работы участников международного научно-исследовательского проекта «Казахи во Второй Мировой войне: новые документы из зарубежных архивов».

Анализ имеющихся в Национальном архиве Финляндии сведений показывает, что среди 109 погибших казахов была одна женщина — Фарида (Фарида) Абакарова (в разных документах есть два варианта написания имени). Фарида родилась 8 июня 1916 года. В документах, хранящихся в Центральном Архиве Министерства Обороны России, доступных в Обобщенном банке данных «Мемориал», сообщается, что она проживала в Ленинграде на проспекте Кирова 26/28 в квартире 97, ушла на фронт сестрой милосердия, в плен попала 7 сентября 1941 года¹². 20 марта 1942 г. Фарида Абакарова скончалась в лагере Miehikkalan. Согласно базе данных Национального архива Финляндии, причиной смерти явилась слабость, вызванная голодом. В ОБД «Мемориал» в разделе «Поиск захоронений» имеется Приложение к учетной карточке № 23 и информация о месте захоронения Ф. Абакаровой — губерния Кюми, Юлямаа, Хостика¹³. Фарида похоронена в братской могиле с еще 134 погибшими. Данная информация о захоронении совпадает со сведениями, имеющимися в базе данных Национального архива Финляндии.

Трудность анализа сведений заключается, в немалой степени, в том, что имена и фамилии наших соотечественников как в финском, так и русском варианте бывают искажены и могут отличаться друг от друга. Нередко этот фактор затрудняет поиск.

Из 109 чел. 11 погибли в 1941 г., 82 чел. — в 1942, 13 чел. — в 1943 и 3 чел. — в 1944 году. Наибольшее количество смертей приходится на зиму и весну 1942 года. Анализ списков показывает, что все погибшие казахи оказались в финском плену в период Войны-продолжения.

Финские военные власти тщательно вели учет личных данных военнопленных. В частности, внимание уделялось определению национальности, поскольку это могло повлиять на место размещения пленного. До некоторой степени это находит подтверждение при анализе имеющихся в финской базе данных списков. В частности, из 109 погибших казахов 25 содержались и встретили свою смерть в лагере Яриештелилейри¹⁴.

Проблема содержания и возвращения в СССР бывших советских военнопленных, в частности казахов и казахстанцев, из лагерей вермахта,

находившихся на территории оккупированной Норвегии, также до сих пор остается одной из малоизученных в казахстанской историографии.

Как известно, Норвегия была оккупирована фашистами 9 апреля 1940 г. и освобождена 8 мая 1945 года. В течение этого времени на ее территории базировалась одна из крупнейших группировок нацистских ВВС и ВМФ, контролировавших Североатлантический регион. Из Норвегии захватчики выкачивали полезные ископаемые, продовольствие для военной экономики Германии. С 1941 по 1945 гг. около 100 тыс. советских пленных были отправлены в Норвегию для работы на вермахт. Многие из них являлись солдатами Красной Армии, около 9 тыс. — гражданскими лицами, включая 1400 женщин и 400 детей¹⁵. Первые советские военнопленные стали прибывать в августе 1941 года. Многие солдаты были захвачены в плен в июне 1941 г. на территории СССР и отправлены в Польшу и Германию, а затем переправлены на грузовых судах в Норвегию. Состояние пленных по прибытии в Норвегию было ужасным, так как в пути они страдали от голода и отсутствия санитарных условий.

По всей Норвегии фашистскими оккупантами было построено множество лагерей для заключенных — более 500 точек на карте страны, в среднем по одной на каждые 80 км. Строительство лагерей ограничивалось установкой заборов и ограждением территории колючей проволокой. Военнопленные жили в норах, вырытых в земле, или, в лучшем случае, в бараках. Вермахт использовал советских военнопленных для рабского труда на строительстве военных объектов, железной дороги Nordlandsbanen, на рудниках, где работали 75 тыс. советских военнопленных. Более 15 тыс. чел. погибло в лагерях военнопленных на территории Норвегии от голода, болезней и издевательств¹⁶. Почти все документы фашистских лагерей, содержащие личные данные пленных, были уничтожены в конце войны. Более того, в 1950-е гг. во время «холодной» войны, норвежские власти ликвидировали все монументы погибшим советским военнопленным на местах, оставив только один общий монумент на севере Норвегии. Так были утрачены фамилии многих погибших в лагерях, высеченные на памятниках. В настоящее время норвежские историки проводят большую работу по восстановлению имен погибших. По сведениям норвежского историка М.Н. Солейм, на 2009 г. были идентифицированы только 2700 имен. К 2016 г. специальным идентификационным проектом было восстановлено около 4 тыс. новых имен советских жертв военного плена, похороненных в Норвегии¹⁷.

При помощи казахов, проживающих в Норвегии, в частности, Кадыра Айкана Басташа (Kadir Aykan Bastas), сына Махмута Басташа (Mahmut Bastas), долгое время возглавлявшего казахский культурный центр в Норвегии, авторам удалось подготовить список казахов-военнопленных, содержавшихся в лагерях в Норвегии, взяв материал из оцифрованных баз данных (<https://www.digitalarkivet.no>). Этот список, изначально составленный на норвежском языке и содержащий фамилии (во многих случаях искаженные), национальность и год рождения военнопленных, также впервые был опубликован в Сборнике документов «Казахи во Второй Мировой войне: документы из зарубежных архивов. Том 1»¹⁸.

При исследовании и изучении документов в Национальном архиве Норвегии были обнаружены списки бывших военнопленных, возвра-

щенных на родину из Норвегии после окончания войны. Списки были составлены в трех экземплярах, к ним прилагался акт о санитарной обработке, подписанный советской и английской сторонами. Эшелоны вмещали 800 человек. Среди вышеуказанных списков найдены имена 340 казахов-военнопленных из лагерей в Му-и Ране, Бунтамоен, Бардуфосс, Нарвик, лазарета «Бейсфьорд» и других мест. При обработке материалов выяснилось, что возраст освобожденных военнопленных варьировался от 25 до 44 лет; воинские звания — от рядового до младшего лейтенанта, большинство были рядовыми и призваны на фронт из всех областей Казахстана, многие из них были взяты фашистами в плен в первые месяцы Великой Отечественной войны, то есть в 1941 году. В найденных списках очень много неточностей, в частности ошибки в написании казахских фамилий и имен. Возможно, военнопленные, догадываясь, какая участь их ждет в СССР после плена, намеренно искажали свои фамилии или указывали не точный адрес, а просто — Казахская ССР¹⁹.

Согласно данным, полученным исследовательницей М.М. Паникар, репатриация советских военнопленных из Норвегии проходила в соответствии с «Административной инструкцией 101», разработанной и введенной в действие 10 июня 1945 г. представителями союзных войск и сухопутных сил Норвегии. В первую очередь на Родину отправлялись бывшие военнопленные. Были установлены два маршрута репатриации в СССР: 1. «Южный маршрут» (порт Нарвик (Норвегия) — порт Лулео (Швеция), порт Трондхейм (Норвегия) — порт Сундсваль (Швеция), порт Осло (Норвегия) — порт Евле (Швеция). Действовал с 13 по 26 июня 1945 г.) Каждый день по одной из трех линий отправлялся эшелон с 800 человек. 2. «Северный маршрут» репатриации бывших пленных, который проходил из портов Мосьен, Му, Буде и Тромсе в Северной Норвегии в советский порт Мурманск. В декабре 1945 г. представителями союзных властей был составлен «Конфиденциальный отчет» («Confidentialreport»). В соответствии с ним, из Норвегии было репатрировано 84 351 советский гражданин. Из них 18 852 чел. было вывезено «Северным маршрутом» и 65 499 — «Южным маршрутом». К 1 марта 1946 г. — времени окончательной репатриации из Норвегии в СССР — было репатрировано 84 775 чел., из которых 6963 — оstarбайтеры и 77 812 — бывшие военнопленные²⁰.

Транспортировка военнопленных осуществлялась как по железной дороге, так и морем. Репатриация началась 13 июня 1945 г. и была завершена 15 сентября 1945 года. В рапорте Исполнительного комитета по репатриации отмечено 84 351 чел., а по состоянию на 1 марта 1946 г. из Норвегии было репатрировано 84 775 чел., из них военнопленных — 77 812, гражданских — 6963 человека. Сводные данные по национальному составу репатрированных советских граждан по состоянию на 1 марта 1946 г. приводит В.Н. Земсков. Всего было репатрировано 4 440 901 чел., из них казахов — 26 903 чел., в том числе гражданских — 2455, военнопленных — 24 448²¹. Все репатрированные прошли фильтрацию и проверку сотрудниками органов НКВД, НКГБ и контрразведки «СМЕРШ». Дальнейшая их судьба по-прежнему остается малоизученной из-за ограниченного доступа к материалам, хранящимся в казахстанских и российских архивах.

Среди других в списке советских граждан, возвращавшихся на Родину из Норвегии (г. Мюсен), по состоянию на 18 июня 1945 г., был найден наш соотечественник Мажит Бектанов: младший лейтенант, 29.02.1914 г.р., по национальности — казах, социальное положение — женат, адрес проживания: Казахская ССР, г. Павлодар, ул. Абая, 204 ²². Данная информация была подтверждена на сайте Министерства обороны РК, где расположен банк данных по казахстанцам. По сведениям банка данных, М. Бектанов, 1914 г.р.; дата и место призыва: 1938 г., Павлодарский РВК, Казахская ССР, Павлодарская область, Павлодарский р-н; звание — младший лейтенант; причина выбытия — попал в плен (освобожден); дата выбытия — 05.07.1941 ²³.

Итак, Мажит Бектанов в числе многих прибыл в СССР вероятно по «Южному маршруту». По идее, в соответствии с Постановлением ГКО № 6884с от 4 ноября 1944 г. «О проверке НКВД всех военнопленных, освобожденных Красной и союзными армиями на предмет сотрудничества с немцами», он должен был быть направлен со всеми остальными бывшими военнопленными в специальные запасные части военных округов для проверки, а затем — в специальный лагерь НКВД ²⁴. Дальнейшие поисковые работы по установлению судьбы освобожденного из плена Бектанова привели к следующим результатам: по сведениям ДКНБ РК по Павлодарской области Мажит Бектанов (1914—1950) был арестован 24 января 1950 г. УМГБ Павлодарской области. 12 апреля 1950 г. осужден Павлодарским Областным судом по ст. 58—16 УК РСФСР. Приговорен к 25 годам ИТЛ. Получается, что человек, прошедший сквозь ужасы фашистского плена, фактически умер на Родине сразу после приговора. Это яркий пример трагедии ни в чем не повинных людей. Реабилитирован Мажит Бектанов был 22 декабря 1989 г. Верховным Судом Казахской ССР, основание — за отсутствием состава преступления ²⁵.

Таковы некоторые результаты анализа собранных документов и материалов из архивов Финляндии, Норвегии и России. Безусловно, данная работа требует продолжения. Выявление, сопоставление, тщательное исследование не изученных ранее архивных документов поможет восстановить и сделать достоянием общественности светлую память о наших соотечественниках, имена которых долго не значились в списках героев — солдат и офицеров их Родины...

Примечания

1. ТӘТІМОВ МАҚАШ. Қазақәлемі. Алматы. 1993, с. 4.
2. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. — Новая и новейшая история. 1996, № 2, с. 91—112; ПОЛЯН П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М. 1996; и др.
3. ХРИСТОФОРОВ В.С., САХАРОВ А.Н. и др. Зимняя война 1939—1940 гг. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию советско-финляндской войны. М. 2009; ГАЛИЦКИЙ В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939—1953 гг.). Кн. 1. М. 1997; ФРОЛОВ Д.Д. Советско-финский плен 1939—1944. По обе стороны колючей проволоки. Хельсинки -СПб. 2009; MIRKKA DANIELSBACKA. Sotavankikohtalot: Neuvostosotavangit Suomessa 1941—1944. Tammi. 2016; TAMPEREEN YLIOPISTO. Sotavangit työssä jatkosodan aikana Naarajärvellä vuosina 1941—1944 sijainneen sotavankien

- järjestelyleiri 2: n kirjoilla olleiden sotavankien leirin ulkopuolella tekemä työ ja työn merkitys. Tampere. 2015; ПИЭТОЛА Э. Военнопленные в Финляндии 1941—1944. — СЕБЕР. Петрозаводск. 1990, № 12; MIKKOLA PIRKKA. Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostosotavankien suuren kuolleisuuden syyt. Suomen ja Skandinavian historian pro gradu-tutkielma. Helsingin yliopiston historian laitos. 2000; ALAVA T., FROLOV D., NIKKILA R. Rukiver! Suomalaiset sotavangit Neuvostoliitossa. Edita. 2002; MIKKOLA PIRKKA. Sotavangin elämä ja kuolema. Jatkosodan neuvostosotavankien suuren kuolleisuuden syyt. Suomen ja Skandinavian historian pro gradu-tutkielma. Helsingin yliopiston historian laitos. 2000 и др.
4. Finland in World War II. History, Memory, Interpretations. Series: History of Warfare. Vol. 69. Brill. 2011; ELOISE ENGLE, LAURI PAANANEN. The Winter War: The Soviet Attack on Finland, 1939—1940. Stackpole Books. 1992; VESA NENYE, PETER MUNTER, TONI WIRTANEN, CHRIS BIRKS. Finland at War. Osprey Publishing. 2015; и др.
 5. ГАЛИЦКИЙ В. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939—1953). М. 1997, с. 191.
 6. MIRKKA DANIELSBACKA. Sotavankikohtalot: Neuvostosotavangit Suomessa 1941—1944. Tammi. 2016, p. 153.
 7. Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva. 27 July 1929. INTERNATIONAL COMMITTEE OF THE RED CROSS <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/States.xsp?xp_viewStates=XPages_NORMStatesSign&xp_treatySelected=305>.
 8. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 9526, оп. 6, д. 10, л. 70.
 9. <https://www.arkisto.fi/fi/kansallisarkisto>.
 10. <http://kronos.narc.fi/index.html>.
 11. Казахи во Второй Мировой войне: документы из зарубежных архивов: Т. 1. Сборник документов. Алматы. 2018, с. 310—323.
 12. <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=66654540>.
 13. <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=262054209>.
 14. Казахи во Второй Мировой войне: документы из зарубежных архивов, т. 1, с. 310—323.
 15. MARIANNE N. SOLEIM. Soviet prisoners of war in Norway 1941—45. Destiny, Treatment, Forgotten Memories. — Новейшая история России. 2016, № 1, с. 22.
 16. ДАНИЕЛЬСЕН Р., ДЮРВИК С., ГРЕНЛИ Т., ХЕЛЛЕ К., ХОВЛАНН Э. История Норвегии. От викингов до наших дней. М. 2003.
 17. MARIANNE N. SOLEIM. Ук. соч., с. 22.
 18. Казахи во Второй Мировой войне: документы из зарубежных архивов, т. 1, с. 326—339.
 19. Там же, с. 342—371.
 20. ПАНИКАР М. М. Советские военнопленные в Норвегии в годы Второй мировой войны. Архангельск. 2010.
 21. ЗЕМСКОВ В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944—1956 гг.). — Социологические исследования. 1995, № 3, с. 10.
 22. Riksarkivet (Национальный архив Норвегии). RA/S-1681/D/Db/L0015.
 23. <https://mod.gov.kz/memorial/pages/b/b3.html>.
 24. Постановление ГКО № 6884с от 4 ноября 1944 года «О проверке НКВД всех военнопленных, освобожденных Красной и союзными армиями на предмет сотрудничества с немцами». В кн.: Хрестоматия по Отечественной истории (1914—1945 гг.). М. 1996.
 25. http://mvd.gov.kz/portal/page/portal/mvd/mvd_page/mvd_memorial/mOb114/mOb114_%D0%91/241FBC4863454C72E054002655122E6A.

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201910Statyi20 ББК 63.3(2)613

Сколько священнослужителей РПЦ погибло в 1917—1926 гг.?

Г.Г. Хмуркин

Аннотация. В публикации предлагается оценка числа священнослужителей Русской православной церкви, погибших насильственной смертью в период с начала 1917 по конец 1926 г. Показывается, что жертвами революционного насилия в указанные годы стали не более 2% священнослужителей. Работа основана на данных официальной церковной статистики, предреволюционной епархиальной печати и Всесоюзной переписи населения СССР 1926 г.

Ключевые слова: Русская православная церковь, священнослужители, террор, революция, гражданская война.

Abstract. The publication proposes an estimate of the number of clergymen of the Russian Orthodox Church who died a violent death from the beginning of 1917 to the end of 1926. It is shown that no more than 2% of the clergy have become victims of the revolutionary violence during these years. The calculation is based on the official Church statistics, pre-revolutionary diocesan press and the All-Union Census of the USSR in 1926.

Key words: Russian Orthodox Church, priests, terror, revolution, Civil War in Russia.

Вопрос о реальных масштабах насилия по отношению к представителям Русской православной церкви, имевшего место как в течение 1917 г., так и позднее — в первые месяцы и годы после Октябрьского переворота, все еще остается открытым. Историческая наука не дает на него однозначного и фундированного ответа, а серьезных попыток разрешить его в строго академическом ключе не предпринимается. Профессиональные историки, церковные исследователи, публицисты, журналисты и политики обычно ограничиваются упоминанием нескольких «расхожих» цифр, которые при близком рассмотрении оказываются ничем не подкрепленными, их первоисточники никак не идентифицируются.

Обнародованные сегодня мемуарные и историографические работы содержат противоречивые сведения относительно числа этих жертв, причем называемые в них цифры отличаются друг от друга порою в десятки, сотни, а то и тысячи раз. Так, с одной стороны, известный историк РПЦ Д.В. Поспеловский в одной из своих работ утверждал, что с июня

Хмуркин Георгий Георгиевич — старший преподаватель Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. E-mail: hmurkin@mail.ru.

Khmourkin Georgy G. — senior lecturer at the Moscow State Technical University (BMSTU) named after N.E. Bauman. E-mail: hmurkin@mail.ru.

1918 по март 1921 г. погибло не менее 28 архиереев, 102 приходских священников и 154 диаконов¹, из чего можно сделать вывод, что, по мнению ученого, количество жертв среди священнослужителей в годы гражданской войны следует измерять сотнями². С другой стороны, в литературе циркулирует гораздо более внушительная цифра: будто бы из 360 тыс. священнослужителей, трудившихся в РПЦ перед революцией, к концу 1919 г. в живых осталось всего 40 тыс. человек³. Иными словами, утверждается, что только за первые два года гражданской войны погибло около 320 тыс. священнослужителей. Заметим попутно, что эта цифра абсолютно недостоверна: официальная церковная статистика (ежегодные «Всепопданнейшие отчеты обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания...», издававшиеся на протяжении многих лет перед революцией) свидетельствует, что количество священнослужителей РПЦ никогда не превышало 70 тыс. человек.

Нет смысла перечислять все существующие сегодня «промежуточные» версии числа жертв среди духовенства после 1917 г. Авторы, затрагивающие этот вопрос, как правило, высказывают необоснованные суждения: либо вводят в оборот собственную статистику, не называя источников и не раскрывая методику своих подсчетов; либо дают ложные ссылки на труднодоступные или несуществующие источники; либо опираются на предшествующие исследования, которые страдают одним из названных недостатков. Что касается наличия ложных ссылок, то таким примером может послужить одна из ранних работ известного историка М. Ю. Крапивина, в которой воспроизводится упоминавшийся выше тезис о якобы 320 тыс. погибших священнослужителях⁴. В качестве «доказательства» автор дает ссылку на Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР: «Ф[онд] 470. Оп[ись] 2. Д[ела] 25—26, 170 и др.»⁵ Однако обращение к указанным делам⁶ показывает, что никаких подобных цифр в них нет, а ссылка поставлена произвольно.

В результате в информационном пространстве накапливаются и благополучно уживаются самые разные, как неправдоподобно маленькие, так и неправдоподобно большие цифры, которые открывают простор для всевозможных околонучных спекуляций.

Прежде, чем сформулировать задачу настоящей публикации, необходимо напомнить, что духовенство РПЦ делилось на три большие группы: священнослужители (диаконы, протодиаконы, священники, протоиереи, протопресвитеры, епископы, архиепископы, митрополиты, патриарх), собственно монашеские (черное духовенство, за вычетом епископов, архиепископов, митрополитов и патриарха), а также церковнослужители (псаломщики, пономари, дьячки, иподиаконы и т. д.). Объектом данного исследования будут только священнослужители. Именно эта группа, в силу своего общественного положения и культурно-образовательного уровня, понесла, надо полагать, наибольшие потери в годы гражданской войны. Вопрос о жертвах среди собственно монашеских и церковнослужителей в работе затрагиваться не будет.

Также необходимо определиться с географическими рамками исследования. Напомним, что с 1917 г. на протяжении целого ряда лет на территории бывшей Российской империи возникали и исчезали различ-

ные административно-территориальные образования, почти непрерывно появлялись, перемещались и растворялись границы. К началу 1920-х гг. указанный процесс затих. Оформившийся к этому времени (1922 г.) Союз Советских Социалистических Республик был несколько меньше Российской империи: некоторые ее части к этому времени стали независимыми государствами или вошли в состав сопредельных стран. До 1917 г. влияние РПЦ распространялось не только на традиционные русские области и «отколовшиеся» после революции территории империи (Финляндию, Польшу, Прибалтику и др.), но и отчасти на другие государства (Северную Америку, Японию, Корею и др.). Таким образом, по ходу изложения придется говорить, с одной стороны, о весьма широкой «зоне влияния» Церкви непосредственно перед 1917 г., а с другой стороны — о территории СССР образца декабря 1926 г. Географическое пространство, которое занимал Советский Союз в декабре 1926 г., в дальнейшем для краткости будет именоваться Территорией.

Наконец, последний терминологический нюанс. Под насильственной смертью в работе понимаются расстрелы по суду, расстрелы заложников, бессудные казни, стихийные расправы, убийства во время вооруженных столкновений. Этой категории противопоставляются те, кто умер «своей смертью» — от возраста, болезней, эпидемий, голода или бытовых несчастных случаев.

Итак, цель настоящей публикации — установить, сколько священнослужителей РПЦ погибло насильственной смертью на Территории с начала 1917 по конец 1926 г.

Общая идея подсчета такова. Выделяется особая группа — все жители Территории, которые с начала 1917 по конец 1926 г. хотя бы какое-то время находились в статусе священнослужителя РПЦ. В начале 1917 г. эта группа делилась на 2 подгруппы: А) тех, кто уже являлся священнослужителем Территории, и В) тех, кто станет священнослужителем Территории в период с начала 1917 по конец 1926 г. К концу 1926 г. та же группа людей делилась на 5 подгрупп: С) тех, кто является священнослужителем Территории, D) тех, кто оказался за пределами Территории в результате эмиграции, E) тех, кто, живя на Территории, снял с себя священный сан, F) тех, кто ушел из жизни естественным путем в пределах Территории, и X) тех, кто пал жертвой революционного насилия на Территории. Последняя величина представляет основной интерес. Поскольку речь идет об одной и той же группе людей в разные моменты времени — в начале 1917 и в конце 1926 г. — то $A + B = C + D + E + F + X$. В работе будут найдены примерные значения А, С, D и E, а также предложены верхняя оценка для В и нижняя оценка для F. Отсюда будет получена верхняя оценка для искомой величины X.

Хотелось бы предостеречь читателя от слишком буквального восприятия фигурирующих в дальнейшем цифр. Разумеется, каждая из них дается с определенной погрешностью. Таким образом, итоговый результат будет всего лишь первым приближением изучаемой величины. Можно ли найти второе, третье приближение, используя предложенный метод? Вероятно, да. Однако, по-видимому, это потребует огромных усилий целого коллектива исследователей.

Итак, приступим к подсчету.

А. Найдем число тех, кто уже был священнослужителем на Территории к началу 1917 г. На протяжении многих лет перед революцией РПЦ ежегодно представляла детальный отчет о своей деятельности. Обычно он носил название «Всепогоднейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за ... год». Единственное исключение составлял отчет за 1915 г., который именовался несколько иначе: «Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 год». Как правило, это были весьма увесистые, в несколько сот страниц, издания с подробным описанием всех основных событий церковной жизни за истекший год, большим количеством статистических таблиц и т.п. Увы, отчеты за 1916 и 1917 гг. не успели выйти в свет (очевидно, в связи с революционными событиями). По этой причине следует обратиться к отчетам за 1911—1915 гг.⁷ Из них можно почерпнуть сведения о численности протоиереев, священников, диаконов и протодиаконов (штатных и заштатных):

— в 1911 г. в РПЦ было 3341 протоиерей, 48 901 священник, 15 258 диаконов и протодиаконов;

— в 1912 г. — 3399 протоиереев, 49 141 священник, 15 248 диаконов и протодиаконов;

— в 1913 г. — 3412 протоиереев, 49 235 священников, 15 523 диакона и протодиакона;

— в 1914 г. — 3603 протоиерея, 49 631 священник, 15 694 диакона и протодиакона;

— в 1915 г. — 3679 протоиереев, 49 423 священника, 15 856 диаконов и протодиаконов.

Как видим, количество представителей каждой категории год от года почти не менялось, имея небольшую тенденцию к увеличению. Исходя из представленных данных, можно вычислить примерное количество священнослужителей к концу 1916 — началу 1917 г. Для этого к числу представителей каждой категории в последний (1915) год следует прибавить средний ежегодный «прирост», вычисленный по приведенным пяти годам:

$3679 + (3679 - 3341) : 4 = 3764$ протоиерея;

$49423 + (49423 - 48901) : 4 = 49554$ священника;

$15856 + (15856 - 15258) : 4 = 16006$ диаконов и протодиаконов.

Итого: $3764 + 49554 + 16006 = 69324$ человек.

Значит, к концу 1916 — началу 1917 г. в РПЦ насчитывалось 69 324 протоиерея, священника, диакона и протодиакона.

К ним необходимо прибавить представителей высшего духовенства — протопресвитеров, епископов, архиепископов и митрополитов (напомним, что патриарха в 1915 г., как и вообще на протяжении двух столетий до конца 1917 г., в РПЦ не было). Ввиду относительной малочисленности высшего духовенства, можно считать, что к концу 1916 — началу 1917 г. его общая численность была такой же, как в конце 1915 г., то есть 171 чел.: 2 протопресвитера, 137 епископов, 29 архиепископов и 3 митрополита⁸.

Таким образом, охватив все категории священнослужителей, можно сделать следующий промежуточный вывод: к концу 1916 — началу 1917 г. РПЦ насчитывала в общей сложности $69\,324 + 171 = 69\,495$ священнослужителей.

Однако как было отмечено выше, «зона влияния» РПЦ простиралась далеко за пределы Территории. Области вне ее, охваченные этим влиянием, можно поделить на российские, то есть входившие в состав Российской империи, и зарубежные. Российские области — это, прежде всего, Польша, Литва, Латвия и Финляндия. Им соответствуют 5 крупных епархий: Варшавская, Холмская, Литовская, Рижская и Финляндская. Согласно официальным церковным отчетам, незадолго до революции в этих областях трудилось: 136 протоиереев, 877 священников, 175 диаконов и протодиаконов (данные за 1915 г.)⁹, а также 6 представителей высшего духовенства — епископов, архиепископов и митрополитов (данные за 1910 г.)¹⁰. В сумме: 1194 чел. штатных и заштатных священнослужителей.

Зарубежные области — это, прежде всего, Алеутская и Северо-Американская миссия (епархия), Православная духовная миссия в Японии, Иерусалимская духовная миссия, Корейская духовная миссия и Пекинская духовная миссия (Китай). Достаточно подробные сведения о работавших там священнослужителях можно найти в церковном отчете за 1911—1912 гг., согласно которому, на этих территориях трудилось: 6 протоиереев, 159 священников, 12 диаконов и протодиаконов, а также 5 представителей высшего духовенства — епископов, архиепископов и митрополитов¹¹. В сумме 182 человека.

Информацией о количестве священнослужителей в других зарубежных областях — Урмийской духовной миссии (Персия, совр. Иран) и в православных русских церквях Западной Европы — автор не располагает. Но, очевидно, их число было незначительным. Во всяком случае, что касается европейских стран, то отчеты за 1908—1909 гг. упоминают о духовной семинарии в Черногории, а также о церквях в Чехии (Прага) и Франции (Ницца, По, Канны, Ментона)¹². Это от силы несколько десятков человек, которые не сделают существенного вклада в подсчеты.

Кроме того, за рамками исследования остается вопрос о Западной Украине и Западной Белоруссии — территориях, которые вошли в состав СССР в ноябре 1939 г. Каков был их статус в период существования Российской империи, входили ли они в ее состав, находились ли в составе каких-либо епархий РПЦ накануне и после 1917 г., как менялся политический статус этих территорий в 1917—1939 гг. и т.п. — ответы на все эти вопросы требуют весьма кропотливой исследовательской работы, которая представляется в данном случае нецелесообразной, поскольку учет православных священнослужителей этих территорий несущественно отразится на конечном результате.

Таким образом, с высокой степенью уверенности можно утверждать, что в конце 1916 — начале 1917 г. за пределами Территории трудилось около 1376 ($1194 + 182$) священнослужителей РПЦ. Следовательно, их число в пределах Территории к концу 1916 — началу 1917 г. составляло 68 119 ($69\,495 - 1376$) человек. Таким образом, $A = 68\,119$.

В. Оценим число тех, кто стал священнослужителем Территории в период с начала 1917 до конца 1926 г.

Установить более или менее точное количество людей в этой подгруппе крайне сложно, если вообще возможно. Подсчеты такого рода, особенно относящиеся к периоду гражданской войны, затруднены сбоями в работе церковных структур, нерегулярностью выхода в свет церковных периодических изданий, ненадежностью государственной системы учета населения, стихийными переездами священнослужителей из одних регионов в другие и т.п. По этой причине придется ограничиться вычислением единой нижней оценки для ежегодного числа новоприбывших в 1917—1926 гг. Как это сделать?

Учитывая те изменения, которые произошли в жизни РПЦ после Октябрьского переворота (прежде всего, прекращение государственного финансирования), можно заключить, что после 1917 г. карьера священнослужителя стала в целом менее привлекательной, а значит, приток новых священнослужителей в эти годы по сравнению с предреволюционным периодом мог только уменьшиться. Таким образом, ежегодное число посвящений (хиротоний) в священнослужители в 1917—1926 гг. было заведомо не больше, чем в относительно благополучное (во всяком случае, с финансовой точки зрения) предреволюционное время. Как это ни странно, при всем обилии статистической информации по самым разным аспектам жизнедеятельности РПЦ в дореволюционные годы, сводных данных по хиротониям в доступных источниках того времени отыскать не удалось. Следовательно, подсчет придется вести косвенным путем. Как именно?

Выше было установлено, что число священнослужителей РПЦ год от года практически не менялось. Ввиду того, что в предреволюционные годы случаев снятия священного сана и насильственной смерти священнослужителей было очень мало, можно считать, что в эти годы ежегодный приток священнослужителей примерно равнялся их ежегодной смертности. Таким образом, задача сводится к тому, чтобы оценить ежегодное число священнослужителей, умиравших своей смертью в предреволюционные годы. Увы, ни в каких изданиях РПЦ таких сводок обнаружить также не удалось. Вероятно, на уровне Святейшего Синода этой статистики и не велось. Однако на региональном уровне — по епархиям — подобные сводки один или по несколько раз в месяц составлялись и публиковались в местных печатных органах, которые обычно назывались «Епархиальные ведомости». Таким образом, исчерпывающую информацию о естественной смертности среди священнослужителей РПЦ накануне 1917 г. мог бы дать непосредственный просмотр всех «Епархиальных ведомостей» и «ручной» подсчет умерших по всем епархиям священнослужителей за все предреволюционные годы. Однако подобная работа не только чрезвычайно трудоемка, но и не вполне целесообразна, поскольку в качестве нижней оценки коэффициентов ежегодной смертности в 1917—1926 гг. можно взять коэффициент смертности в любой относительно благополучный год перед революцией. На эту роль, скорее всего, подойдет 1910 г. Такой выбор обусловлен тем, что это был один из самых благополучных для русского духовенства годов в истории предреволюционной России.

Во-первых, позади была первая русская революция (1905—1907), страсти улеглись, кровавых столкновений было мало. Даже простой просмотр епархиальных печатных изданий за 1910 г. оставляет впечатление, что в это время насильственной смертью практически никто из священнослужителей не умирал. Во-вторых, еще не началась первая мировая война (1914—1918), священнослужителей не отправляли на фронт. Указанные два обстоятельства позволяют говорить о том, что в 1910 г. смертность (от всех причин) и естественная смертность среди священнослужителей есть величины практически идентичные. В-третьих, 1909—1910 гг. были урожайными¹³, а значит, среди священнослужителей была относительно низкая смертность от голода или от ослабления здоровья в связи с недоеданием (если такие случаи вообще случались).

Итак, необходимо найти коэффициент смертности среди священнослужителей РПЦ в 1910 г., то есть отношение числа умерших в течение 1910 г. к их общему числу в том же году. Фактически осуществленный подсчет охватывает 31 из 68 епархий: Владивостокскую, Владимирскую, Вологодскую, Воронежскую, Вятскую, Донскую, Екатеринбургскую, Киевскую, Кишиневскую, Костромскую, Курскую, Минскую, Московскую, Олонецкую, Омскую, Орловскую, Пермскую, Подольскую, Полоцкую, Полтавскую, Псковскую, Рязанскую, Самарскую, Тамбовскую, Тверскую, Тульскую, Харьковскую, Херсонскую, Черниговскую, Якутскую и Ярославскую. В этих епархиях трудилось больше половины всех священнослужителей РПЦ (51% всех протоиереев, 60% всех священников и 60% всех диаконов и протодиаконов). Поэтому можно уверенно говорить о том, что вычисленный коэффициент смертности с высокой степенью точности отражает ситуацию по всем епархиям Территории в 1910 г. Результат подсчета оказался следующим: в перечисленных епархиях в течение 1910 г. умерло 80 из 1673 протоиереев, 502 из 29 383 священников, 209 из 9671 диакона и протодиакона¹⁴. Кроме того, официальный церковный отчет за 1910 г. свидетельствует о том, что в отчетном году в перечисленных епархиях умерло 4 из 66 носителей епископского сана¹⁵. Итого: 795 из 40 793 чел., то есть 1,95% от общего числа священнослужителей в указанных епархиях.

Отсюда два важных вывода. Во-первых, с 1917 по 1926 г. ежегодно естественной смертью умирало не меньше 1,95% священнослужителей. А во-вторых, поскольку к началу 1917 г. на Территории трудилось 68 119 священнослужителей (см. п. А), то в предреволюционные годы на Территории ежегодно естественной смертью умирало около 1328 (68 119 × 1,95%) священнослужителей. Как отмечалось выше, примерно столько же людей ежегодно перед революцией становились священнослужителями. А значит, в течение 10 лет — с начала 1917 по конец 1926 г. — в ряды священнослужителей РПЦ влилось не более 13 280 человек. Итого, $B \leq 13\,280$.

С. Найдем число тех, кто был священнослужителем Территории в конце 1926 г. В декабре этого года в СССР была проведена Всесоюзная перепись населения. По заключению современных экспертов, она готовилась в спокойной и деловой обстановке, к ее разработке были привлечены лучшие специалисты, и к тому же она не испытывала дав-

ления сверху ¹⁶. Никто из историков и демографов не подвергает сомнению высокую точность результатов этой переписи.

Опросные листы включали в себя пункт о главном (приносящем основной доход) и побочном (приносящем дополнительный доход) занятиях. Священнослужителей, для которых церковная деятельность была основным занятием, оказалось 51 076 чел. ¹⁷, побочным занятием — 7511 человек ¹⁸. Следовательно, в конце 1926 г. на Территории трудилось в общей сложности $51\,076 + 7511 = 58\,587$ православных священнослужителей. Таким образом, $C = 58\,587$.

D. Найдем число тех, кто к концу 1926 г. оказался за пределами Территории в результате эмиграции. В исследовательской литературе утвердилось мнение, что в Белой армии служило не менее 3,5 тыс. представителей военного духовенства (около 2 тыс. чел. — у А. В. Колчака, более 1 тыс. — у А. И. Деникина, более 500 чел. — у П. Н. Врангеля) и что «значительная часть из них впоследствии оказалась в эмиграции» ¹⁹. Сколько священнослужителей было среди эмигрировавшего духовенства — вопрос, требующий кропотливых исследований. В работах на этот счет говорится весьма обтекаемо: «множество священнослужителей», «сотни священнослужителей» и т. п. Более конкретных данных встретить не удалось, поэтому мы обратились за консультацией к известному исследователю истории РПЦ, доктору исторических наук М. В. Шкаровскому. По его оценкам, в годы гражданской войны с Территории эмигрировало примерно 2 тыс. священнослужителей ²⁰. Таким образом, $D = 2000$.

E. Определим число тех, кто в 1917—1926 гг. снял с себя священный сан. Об этом явлении современные исследователи вспоминают нечасто. Однако уже с весны 1917 г. оно стало набирать силу. После свержения самодержавия все сферы жизни российского общества были охвачены процессами демократизации. В частности, верующие, получившие возможность избирать себе священнослужителей, во многих регионах изгоняли из церквей неугодных батюшек и ставили на их место других — более уважительно относившихся к прихожанам, обладавших большим духовным авторитетом и т. п. Так, в Киевской епархии было удалено 60 священников, в Волынской — 60, в Саратовской — 65, в Пензенской епархии — 70 и т. д. ²¹ Кроме того, весной, летом и в начале осени 1917 г., еще до Октябрьского восстания, имело место большое количество случаев захвата крестьянами церковных и монастырских земель, оскорбительных выпадов, глумления и даже прямого насилия над духовенством со стороны крестьян ²². Описанные процессы приводили к тому, что уже в середине 1917 г. многие священнослужители оказались в весьма трудном положении, часть из них была вынуждена переводиться в другие храмы или даже покидать обжитые места. Положение духовенства еще больше осложнилось после Октябрьских событий. По новым законам РПЦ лишалась государственного финансирования, запрещались принудительные сборы с прихожан, а материальное обеспечение приходского духовенства ложилось на плечи верующих. Там, где духовный пастырь снискал за годы своей службы уважение паствы, вопрос решался легко. А вот священники, не обладавшие духовным авторитетом, под давлением обстоятельств переезжали в другие населенные пункты или вооб-

ще меняли род деятельности. Кроме того, в период наибольшего накала гражданской войны (середина 1918 — конец 1919 г.) частым явлением было навешивание на духовенство ярлыков «эксплуататоров», «пособников старого режима», «обманщиков» и т.п. Вне зависимости от того, в какой степени указанные определения в каждом конкретном случае отражали действительность и настроения масс, все они, несомненно, создавали негативный информационный фон вокруг православного духовенства.

Описанные процессы начала 1917 г. и последующих нескольких лет привели к серьезным кадровым изменениям в РПЦ. Сразу после Февральской революции в духовные ведомства РПЦ стали поступать многочисленные жалобы на то, что священники и дьяконы бреют бороды, срезают волосы, носят светскую одежду, наспех ведут церковную службу, покидают приходы и т.д.²³ Уже тогда, в середине 1917 г., священники по причине невыносимых материальных условий стали добровольно снимать с себя священный сан и устраиваться на светские должности²⁴. Этому способствовало и постановление Временного правительства от 25 марта 1917 г. «Об отмене ограничений в правах белого духовенства и монашествующих, добровольно, с разрешения духовной власти, слагающих с себя духовный сан, а также лишенных сана по суду духовному». Оно облегчало бывшим священникам процесс адаптации к условиям светской жизни. В последующие месяцы и годы случаи добровольного сложения с себя священного сана участились²⁵. Примечательно, что этот процесс коснулся даже носителей епископского сана²⁶.

Известны примеры, когда священнослужители добровольно вступали в «красные» партизанские отряды или увлекались идеями построения нового, социалистического, общества, результатом чего был их постепенный отход от прежней деятельности²⁷. Некоторые становились священнослужителями с началом первой мировой войны в 1914 г., чтобы избежать призыва на фронт, а по окончании войны, в 1918 г. или немного позже, снимали с себя сан и возвращались к более привычным, светским, занятиям, в частности, работали в советских учреждениях²⁸. Немаловажным фактором было и наступавшее в ряде случаев разочарование в вере и/или в церковном служении, ведь советская власть первых лет своего существования поощряла свободное обсуждение и дискуссии на религиозные и антирелигиозные темы, нередко справедливо указывая на нелицеприятные стороны церковной деятельности²⁹. В период раскола православного духовенства на «обновленцев» и «тихоновцев» (с весны 1922 г.) некоторые священнослужители сняли сан, поскольку были изгнаны прихожанами и/или представителями противоположного крыла из своих храмов и не нашли другого, приемлемого для себя, места служения³⁰. Но все же главной причиной обсуждаемого процесса, по-видимому, было трудное материальное положение и невозможность устроиться на работу в советские учреждения человеку, облаченному духовным саном³¹.

В 1919 г. советская печать, вероятно, не без преувеличения, писала о тогдашних священниках, что «половина их устремилась на советскую службу, кто в бухгалтеры, [кто] в канцеляристы, кто в охрану памятников старины; многие снимают рясы и чувствуют себя превосходно»³².

В центральной прессе периодически публиковались сообщения о снятии сана духовенством в различных уголках страны. Вот несколько примеров.

«В Горийском уезде закрылось 84 церкви различных вероисповеданий. Сняло с себя сан 60 священников»³³ (1923). «В последнее время в Подолии наблюдается эпидемия бегства попов из церквей. В исполком поступают массовые заявления священников о снятии сана и вступлении в трудовую семью»³⁴ (1923). «В Шорапанском уезде 47 священников и диакон Сачхерского района сняли сан и решили вести трудовую жизнь. Местный крестьянский комитет оказал им содействие в деле наделения их землей для занятия хлебопашеством»³⁵ (1924). «В связи с последними побоищами церковников Одессы, вызвавшими сильный подрыв авторитета попов, **наблюдается массовое их отречение от сана** (выделено в оригинале. — Г.Х.). Подали заявление об отречении 18 священников»³⁶ (1926). «В селе Бармаксиз после объявления приговора по делу цалкинских “чудотворцев” на имя председателя выездной сессии суда поступило заявление от осужденных священников Карибова, Параскевова и Симонова. Священники заявляют, что они отрекаются от сана и хотят работать на пользу рабоче-крестьянского государства»³⁷ (1926).

В чем состояла процедура перехода священнослужителя в светское состояние? Одни садились писать заявление на имя церковного начальства с просьбой снять с них сан и, получив положительный ответ, устраивались на светские должности. Другие уходили за штат, переезжали, а на новом месте просто не «прикреплялись» ни к каким местным церковным структурам. Были и те, кто снимал с себя сан демонстративно — объявляя об этом по завершении публичного диспута с атеистически настроенным оппонентом, публикуя соответствующее заявление в газетах и т. п.

Определенный процент священнослужителей, покидавших пределы Церкви, начинал заниматься антирелигиозной пропагандой, рассказывая о неблагоприятных сторонах внутренней жизни Церкви, агитируя своих бывших коллег вступать в ряды проповедников безбожия. В целях консолидации их усилий проводились съезды бывших батюшек. Известно, к примеру, что в середине августа 1928 г. в Воронеже проходил Областной съезд бывших священнослужителей Центрально-Черноземной области³⁸.

Вряд ли описанные явления шокировали тогдашнего обывателя. Следует учитывать, что многие священнослужители вступали на церковный путь не по зову души, а в силу семейной традиции. «Мой прадед был священником, дед — священником, отец — священником, пойду и я», — примерно такая логика определяла жизненный выбор большого количества юношей. Эти люди могли относиться к своей деятельности во многом как к ремеслу, способу заработка. Современный исследователь архимандрит Ианнуарий (Недачин) пишет, что послеоктябрьские события «вскрыли немало внутренних проблем и нестроений в Церкви, выявили то обстоятельство, что... немалое число клириков относилось к своему служению лишь как к добыванию “хлеба насущного”»³⁹. При возникновении первых материальных затруднений эти слои духовенства без долгих мучительных раздумий оставляли служение Церкви.

Массовость описанного процесса несомненна. «При изучении статей церковной периодики за 1917—1918 гг., — пишет архимандрит Ианнуарий (Недачин), — действительно складывается впечатление, что в те годы многие православные священники и диаконы оставляли церковную службу и переходили на службу светскую»⁴⁰. Однако оценить масштабы «миграции» священнослужителей за пределы церковной ограды непросто. Специальных работ на эту тему, с цифрами по тому или иному региону, практически нет. Единственный известный пример — статья архимандрита Ианнуария (Недачина), посвященная «бегству духовенства» в двух уездах Смоленской епархии — Юхновском и Сычевском, в которых трудились 12% епархиального клира. Подсчеты архимандрита показали, что только за два года, 1917 и 1918, число священнослужителей, оставивших здесь служение Церкви, могло достигать 13% от дореволюционного их числа (каждый седьмой)⁴¹.

Нет сомнений, что количество священнослужителей, оставивших Церковь в первые годы после Февральской революции, исчислялось тысячами. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что к началу 1925 г. советским спецслужбам было известно до тысячи представителей православного духовенства, находившихся в одном шаге от публичного отречения от священного сана⁴².

Все эти наблюдения подтверждают мнение известного церковного историка протоиерея А. В. Маковецкого, который полагает, что в первые годы после Февральской революции сан сложило около 10% от дореволюционного количества священнослужителей⁴³. Именно эта оценка принимается в данной работе, хотя, разумеется, она требует аккуратного обоснования и, вероятно, уточнения. Если говорить только о тех священнослужителях РПЦ, кто трудился на Территории (а их, напомним, было 68 119 чел.), то из них с начала 1917 по конец 1926 г. должны были сняты сан примерно 6812 ($68\,119 \times 10\%$) человек.

Порядок озвученной цифры выглядит вполне правдоподобно. С учетом того, что речь идет о периоде продолжительностью в 10 лет и об огромной стране с примерно 60—70 епархиями, насчитывавшими, как правило, по 800—1200 священнослужителей, получается, что ежегодно в каждой епархии сан снимало около 10 человек. Можно сказать и по-другому: с 1917 по 1926 г. ежегодно каждый 100-й священнослужитель оставлял церковное служение. Это вполне согласуется с впечатлениями о масштабе рассматриваемого процесса, которые можно вынести из разрозненных публикаций в прессе тех лет, мемуаров, современных исследований и т. п. Таким образом, можно считать, что $E = 6812$.

Ф. Оценим число тех, кто в 1917—1926 гг. ушел из жизни естественным путем. Как было отмечено выше, к концу 1916 г. на Территории работало около 68 119 священнослужителей, а в конце 1926 г. — 58 587. Можно предположить, что на протяжении этих 10 лет количество священнослужителей Территории с каждым годом уменьшалось, причем равномерно. Ясно, что в таком случае ежегодное сокращение численности священнослужителей будет составлять в среднем ($68\,119 - 58\,587$): $10 = 953$ человек. Теперь, зная количество священнослужителей в начале 1917 г., можно легко подсчитать их ориентировочное число в начале

каждого следующего года (каждый раз надо вычитать 953). Значит, в начале 1917 г. на Территории было 68 119 священнослужителей; в начале 1918 г. — 67 166; в начале 1919 г. — 66 213; в начале 1920 г. — 65 260; в начале 1921 г. — 64 307; в начале 1922 г. — 63 354; в начале 1923 г. — 62 401; в начале 1924 г. — 61 448; в начале 1925 г. — 60 495 и в начале 1926 г. на Территории было 59 542 священнослужителей.

В предыдущем пункте было показано, что в 1910 г. естественная смертность среди священнослужителей составляла 1,95% в год. Очевидно, что в 1917—1926 гг. эта смертность была не меньше. Таким образом, в течение 1917 г. на Территории естественной смертью умерло не меньше 1328 священнослужителей; в течение 1918 г. — не меньше 1310; в течение 1919 г. — не меньше 1291; в течение 1920 г. — не меньше 1273; в течение 1921 г. — не меньше 1254; в течение 1922 г. — не меньше 1235; в течение 1923 г. — не меньше 1217; в течение 1924 г. — не меньше 1198; в течение 1925 г. — не меньше 1180 и в течение 1926 г. на Территории естественной смертью умерло не меньше 1161 священнослужителя.

Итого, с начала 1917 по конец 1926 г. на Территории естественной смертью умерло в общей сложности не менее 12 447 священнослужителей. Таким образом, $F \geq 12\,447$.

Подведем итоги. Еще раз напомним, что $A + B = C + D + E + F + X$, из чего можно сделать вывод, что $X = (A - C - D - E) + (B - F)$. Как было установлено выше, $A = 68\,119$, $B \leq 13\,280$, $C = 58\,587$, $D = 2\,000$, $E = 6\,812$, $F \geq 12\,447$. Значит,

$$A - C - D - E = 68\,119 - 58\,587 - 2\,000 - 6\,812 = 720;$$

$$B - F \leq 13\,280 - 12\,447 = 833.$$

$$\text{Следовательно, } X \leq 720 + 833 = 1\,553.$$

Округляя полученную цифру, можно утверждать, что, согласно имеющимся на сегодняшний день данным и оценкам, в течение первого революционного десятилетия, то есть с начала 1917 по конец 1926 г., в границах СССР образца 1926 г. насильственной смертью погибло не более 1600 священнослужителей РПЦ.

Как можно оценить эту численность жертв в общем контексте первых революционных лет? В период гражданской войны по обе стороны баррикад погибло огромное количество людей: от эпидемий, ранений, репрессий, террора, холода и голода. Вот несколько случайных примеров. По сообщению демографов, в Екатеринбургской губернии колчаковцы расстреляли и замучили более 25 тыс. чел.⁴⁴; жертвами еврейских погромов, проводившихся главным образом белогвардейцами, украинскими националистами и поляками, стали около 300 тыс. чел.⁴⁵; общие потери белых и красных вооруженных сил (убитые в боях, умершие от ран и т. д.) составляют 2,5—3,3 млн. человек⁴⁶. И это всего лишь за несколько лет войны. На фоне перечисленных цифр потери среди священнослужителей за 10 лет кажутся не столь впечатляющими. Однако имеет смысл поставить вопрос иначе: какой процент священнослужителей РПЦ погиб насильственной смертью в изучаемый период? Еще раз напомним, что в 1917—1926 гг. священнослужителями на Тер-

ритории успели побывать (A + B) чел., то есть (C + D + E + F + X) чел., а значит не меньше, чем $C + D + E + F = 58\,587 + 2\,000 + 6\,812 + 12\,447 = 79\,846$ человек. Число 1600 составляет 2% от величины 79 846. Таким образом, согласно имеющимся на сегодняшний день данным и оценкам, в течение первого революционного десятилетия, с начала 1917 по конец 1926 г., в границах СССР образца 1926 г. насильственной смертью погибло не более 2% всех православных священнослужителей. Вряд ли эта цифра дает основания говорить о «геноциде духовенства» в указанный период.

Вернемся к абсолютной оценке — «не более 1600 погибших священнослужителей». Она нуждается в некоторых комментариях.

Полученный результат может встретить возражения у тех, кто занимается вопросами изъятия церковных ценностей в 1922—1923 гг.: традиционно считается, что эта кампания сопровождалась огромными человеческими жертвами и унесла жизни многих тысяч (обычно говорят о 8 тыс.) представителей православного духовенства. В действительности, как показывает обращение к архивным материалам нескольких десятков регионов, в большинстве мест изъятие происходило в целом достаточно спокойно, а реальные жертвы среди населения (в том числе священнослужителей) по всей стране составили от силы несколько десятков человек.

Полезно сопоставить полученную абсолютную оценку с некоторыми другими цифрами. Упомянуть здесь все бытующие «версии» числа жертв не имеет смысла, поскольку, как уже отмечалось, происхождение большинства подобных цифр, фигурирующих в литературе, остается неясным. К тому же зачастую исследователи приводят обобщенные данные по духовенству в целом или по духовенству вместе с церковными активистами, не выделяя в «отдельную строку» статистику по погибшим священнослужителям. Коснемся лишь тех оценок, «природа» которых (источники, методика подсчета, хронологические рамки и т.д.) представляется вполне определенной. Таковых всего две: первая — это число погибших священнослужителей, зарегистрированных в Базе данных «За Христа пострадавшие»; и вторая — это данные ВЧК о расстрелах священнослужителей и монашествующих в 1918 и 1919 гг. Рассмотрим их подробнее.

С начала 1990-х гг. Православный Свято-Тихоновский богословский институт (ныне — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ), г. Москва) занимается систематическим сбором сведений о притеснявшихся в первые десятилетия советской власти людях, так или иначе связанных с РПЦ. В результате почти 30 лет интенсивных поисков по самым разным источникам, в том числе, по огромному количеству (более 70) государственных архивов практически во всех регионах России и даже некоторых стран СНГ⁴⁷, при участии более 1000 чел. был собран богатейший материал. Все добытые сведения вносились и продолжают вноситься в специально разработанную электронную Базу данных «За Христа пострадавшие»⁴⁸, которую до своего ухода из жизни в 2010 г. курировал профессор Н.Е. Емельянов, а ныне — сотрудники Кафедры информатики ПСТГУ. На сегодняшний день этот уникальный ресурс представляет собой самую полную

базу подобного рода. В настоящий момент в Базе насчитывается 35 780 чел. (данные на 28.03.2018) ⁴⁹; из них священнослужителей, погибших в период с 1917 по 1926 г., в общей сложности 858 чел., причем в 1917 г. погибли 12 чел., в 1918—506, в 1919—166, в 1920—51, в 1921—61, в 1922—29, в 1923—11, в 1924—14, в 1925—5, в 1926 г. — 3 чел. (данные на 05.04.2018) ⁵⁰. Таким образом, полученный результат хорошо согласуется с тем конкретно-биографическим материалом (пусть пока и не полным, и не всегда точным), который к настоящему моменту накоплен церковными исследователями.

Что касается данных ВЧК, то речь пойдет о сводной таблице «лиц духовного звания», расстрелянных по постановлениям Губернских чрезвычайных комиссий (ГубЧК) в течение 1918 и 1919 гг., которая хранится в Центральном архиве ФСБ и датируется предположительно началом 1920 г. ⁵¹ Ссылаясь именно на этот документ, историк церковно-государственных отношений Н. А. Кривова не вполне точно утверждала, что, согласно сведениям ВЧК, в 1918 г. якобы было расстреляно 827 священнослужителей, а в 1919 г. — 19 ⁵². Впоследствии эти неточные данные многократно перепечатывались другими авторами ⁵³. В действительности, в документе говорится не только о священнослужителях (диаконах, священниках и епископах), но также о монашествующем духовенстве (рядовых монахах и архимандритах). Согласно документу, в течение 1918 г. были расстреляны 3 архимандрита и 91 монах, а в течение 1919 г. — 1 архимандрит; причем для первых двух цифр это всего лишь нижняя оценка, поскольку Петроградская ЧК, на которую пришла «львиная доля» казней, предоставила составителям документа только суммарное число расстрелянных в 1918 г. (550 чел.), не уточнив их распределение по духовной иерархии. Таким образом, в документе зафиксирована информация о казни не более 733 священнослужителей за 1918 и не более 18 за 1919 г. Поскольку данные о расстрелянных предоставили лишь 33 из 42 перечисленных в документе губерний, то есть 79%, можно ориентировочно считать, что число казненных в них составляет 79% от общего числа казненных по всем губерниям. Следуя этой логике, получаем, что во всех 42 губерниях было расстреляно: в 1918 г. — не более 928 чел., а в 1919 г. — не более 23. Итого: не более 951 священнослужителя было расстреляно по постановлениям ГубЧК в 1918—1919 гг. Разумеется, к этому числу следовало бы прибавить жертв стихийных расправ, имевших место в 1918—1919 гг. (здесь аккуратными количественными оценками мы пока не располагаем). Кроме того, необходимо учитывать насильственную смертность священнослужителей в не охваченных документом 1917 и 1920—1926 гг. Однако представленные выше данные Базы «За Христа пострадавшие» свидетельствуют о том, что именно на 1918—1919 гг. пришлось подавляющее большинство — около 80% (506 + 166 из 858) всех случаев гибели священнослужителей, имевших место с 1917 по 1926 г. Так что полученная на основе архивных данных цифра «не более 951 чел.» вряд ли вырастет значительно.

В связи с рассмотренной статистикой следует упомянуть еще один документ из Центрального архива ФСБ, составленный сотрудниками ВЧК и как минимум дважды публиковавшийся, — в 2000 и 2001 гг. ⁵⁴

Это карта европейской части России, на которой регионы (по-видимому, губернии в их тогдашних границах) раскрашены различными цветами — в зависимости от того, сколько «лиц духовного звания» было в них расстреляно по постановлениям ГубЧК в 1918 г. Наиболее впечатляющие цифры по четырем губерниям — Петроградской (550 чел.), Пермской (101 чел.), Калужской (78 чел.) и Казанской (20 чел.). В остальных регионах жертв значительно меньше: в 4 регионах — от 6 до 12 чел., в 9 регионах — от 2 до 5 чел. Еще около 20 регионов окрашены цветами, которые соответствуют категориям: «1 случай расстрела», «нет расстрелов», «сведения неточ...»⁵⁵, «нет сведений», «уничтожен архив». Изучение карты (прежде всего цифр в легенде) приводит к однозначному выводу: карта составлена на основе упоминавшейся выше статистики ВЧК и потому не представляет собою самостоятельного интереса.

Таким образом, оценки, основанные на известных нам архивных данных, полностью согласуются с нашими выводами.

В завершении, хотелось бы обратить внимание на два нередко упускаемые из виду обстоятельства.

Первое. Далеко не все священнослужители РПЦ, погибшие в изучаемое десятилетие насильственной смертью, стали жертвами пробольшевистских сил — красноармейцев или сотрудников ЧК-ГПУ. Не следует забывать, что в середине 1917 г., еще до Октябрьского переворота, имели место кровавые расправы над духовенством, учинявшиеся крестьянами⁵⁶. Кроме того, и в 1917 г., и позже убийства представителей духовенства могли совершать анархисты и обычные уголовники⁵⁷. Известны случаи, когда крестьяне уже в годы гражданской войны убивали священнослужителей из чувства мести (например, за содействие карателям), без всякой политической — «красной», «белой» или «зеленой» — мотивации и без какого-либо руководства со стороны большевиков⁵⁸. По-прежнему малоизвестным остается и тот факт, что в годы гражданской войны ряд православных священнослужителей принял смерть от рук представителей Белого движения. Так, имеются сведения о диаконе Анисиме Решетникове, который был «расстрелян сибирскими войсками за явное сочувствие большевикам»⁵⁹. Есть безымянное упоминание некоего священника (вероятная фамилия — Брежнев), расстрелянного белыми «за сочувствие Советской власти»⁶⁰. В воспоминаниях встречается информация об убийстве белыми казачьими отрядами священника села Курейнского отца Павла — тоже за содействие красным⁶¹. Осенью 1919 г. по приказу генерала Деникина был арестован и осужден священник А. И. Кулабухов (иногда пишут: Калабухов), который на тот момент был в оппозиции и к Деникину, и к большевикам; как результат — священник был повешен белым генералом В. Л. Покровским в Екатеринодаре⁶². В Прикамье в ходе антибольшевистского восстания в 1918 г. был расстрелян священник Дронин, «проявлявший сочувствие к большевикам»⁶³. В Монголии то ли лично генералом бароном Унгерном, то ли его подчиненными был подвергнут пыткам и обезглавлен православный священник Фёдор Александрович Парняков, активно поддерживавший большевиков. Местное русское население называло его «наш красный поп». Примечательно, что сын и дочь Ф. А. Парнякова вступили в большевистскую партию и принимали активное участие

в боях за советскую власть в Сибири⁶⁴. В забайкальском поселке Алтан белые убили священника, не сочувствовавшего семеновцам⁶⁵. В 1919 г. в Ростове-на-Дону противниками большевиков был расстрелян священник Митропольский, причиной расправы послужила «произнесенная им в церкви речь, в которой он призывал прекратить гражданскую войну и примириться с Советской властью, провозгласившей равенство и братство всех трудящихся»⁶⁶. К приведенным примерам, собранным воронежским исследователем, кандидатом исторических наук Н. А. Зайцем⁶⁷, можно добавить еще несколько. По приказу генерала барона Унгерна был застрелен священник, критически относившийся к его деятельности⁶⁸. В уральской деревне Тепляки священник, выразивший сочувствие советской власти, был арестован белыми, подвергнут пыткам и издевательствам и отправлен на станцию Шамары; по пути конвой расправился с ним, а тело оставил незахороненным⁶⁹. В селе Таловка, расположенном между Астраханью и Махачкалой, деникинцы повесили священника, у которого незадолго до этого сложились доверительные отношения с красноармейцами, стоявшими в селе перед приходом белых⁷⁰. Мемуары сообщают о расстреле войсками Деникина двух просоветски настроенных священников⁷¹. В конце 1921 — начале 1922 г. на Дальнем Востоке имела место целая серия убийств священников белыми; причины расправ, увы, неизвестны⁷². По одной из версий, дед героя Великой Отечественной войны Зои Космодемьянской был священником и погиб от рук белых за отказ дать лошадей⁷³. Весьма вероятно, целенаправленный поиск даст немало других подобных примеров.

И второе обстоятельство. Как уже говорилось, собранные РПЦ данные убедительно свидетельствуют о том, что именно на 1918—1919 гг., то есть на наиболее острую фазу гражданской войны, пришлось подавляющее большинство (около 80%) всех случаев гибели священнослужителей, имевших место в изучаемое десятилетие. Начиная с 1920 г. число таких жертв стремительно падает. Как отмечалось выше, современные церковные исследователи сумели отыскать сведения лишь о 33 случаях гибели священнослужителей за 1923—1926 гг., причем из них на 1925 г. приходится 5 чел., а на 1926 г. — 3 человека. И это на всю страну, где в это время трудилось около 60 тыс. православных священнослужителей.

О чем свидетельствуют указанные два обстоятельства? О том, что никакого «государственного курса» на якобы «физическое уничтожение духовенства», как об этом иногда пишется в околоисторической публицистике, не существовало. В действительности основной причиной гибели священнослужителей в 1917—1926 гг. были вовсе не их религиозные убеждения («за веру»), не формальная принадлежность к Церкви («за то что поп»), а та сверхнапряженная военно-политическая обстановка, в которой каждая из сил неистово боролась за свое господство и сметала на своем пути всех противников, реальных или мнимых. И как только накал гражданской войны стал спадать, количество арестов и казней духовенства стремительно пошло на спад.

Таким образом, на основе данных из официальных церковных отчетов, епархиальных печатных органов и материалов Всесоюзной переписи населения СССР 1926 г. получены следующие результаты: к началу

1917 г. на Территории трудилось около 68,1 тыс. священнослужителей; к концу 1926 г. их стало около 58,6 тыс.; с начала 1917 по конец 1926 г. на Территории:

— естественной смертью умерло не менее 12,5 тыс. священнослужителей РПЦ;

— эмигрировало 2 тыс. священнослужителей;

— сняли с себя священный сан около 6,8 тыс. священнослужителей;

— священнослужителями стало 11,7—13,3 тыс. чел.;

— священнослужителями «успело побывать» 79,8—81,4 тыс. чел.;

— насильственной смертью погибло не более 1,6 тыс. священнослужителей.

Таким образом, согласно представленным цифрам и оценкам, с 1917 по 1926 г. в границах СССР образца 1926 г. насильственной смертью погибло не более 1,6 тыс. священнослужителей, что составляет не более 2% от общего числа священнослужителей РПЦ в эти годы. Разумеется, каждая компонента предложенной модели может (и потому должна) быть уточнена дальнейшими исследованиями. Однако надо полагать, никаких радикальных изменений итоговый результат в будущем не претерпит.

Анализ данных Русской православной церкви показал, что подавляющее большинство (около 80%) священнослужителей, погибших в 1917—1926 гг., прервало свой земной путь в наиболее горячую фазу гражданской войны — в 1918 и 1919 гг. Причем убийства священнослужителей совершали не только красноармейцы и советские репрессивные органы (ВЧК-ГПУ), но и представители Белого движения, анархисты, уголовники, политически индифферентные крестьяне и др.

Полученная статистика хорошо согласуется с архивными данными ВЧК, а также с конкретно-биографическим материалом, собранным современными церковными исследователями, хотя эти данные сами нуждаются в дополнении и уточнении.

Примечания

1. ПОСПЕЛОВСКИЙ Д. Тоталитаризм и вероисповедание. М. 2003, с. 324. Откуда взята эта статистика, автор не сообщает.
2. Заметим, что в другой работе Д.В. Поспеловский приводит практически ту же статистику (19 епископов, 102 приходских священника и 154 диакона) для более короткого промежутка времени — с января 1918 по январь 1919 г. См.: ПОСПЕЛОВСКИЙ Д. Православная Российская Церковь и гражданская война. В кн.: Гражданская война в России: Перекресток мнений. М. 1994, с. 109—110. Там же он пишет, что к концу гражданской войны «за Церковь» погибло 28 епископов и «несколько тысяч человек приходского духовенства».
3. См., например: СОЛОУХИН Вл. Почему я не подписался под тем письмом. — Наш современник. 1988. № 12, с. 189; ЕГО ЖЕ. При свете дня. М. 1992, с. 59; КОРОЛЁВ С.И. Мужество познавать правду. Беседу вел И. Дьяков. — Молодая гвардия. 1989, № 6, с. 188; ШИПУНОВ Ф.Я. Истина Великой России. М. 1992, с. 22; ТЮРИН Ю.П. Копье и крест. М. 1992, с. 163; ЛАПИЦКИЙ М.И. Очерк VII. Христианство в XX веке (социальный аспект). В кн.: Век XX — анфас и в профиль: размышления о столетии, ставшем историей. М. 2001, с. 308; ГРИБАНОВ С.В. Крест Цветаевых: Марина Цветаева, ее

- близкие, друзья и враги глазами солдата. М. 2007, с. 146; «Буду верен словам до конца». Жизнеописание и наследие иеромонаха Василия (Рослякова). К двадцатилетию мученической кончины. М. 2013, с. 103; КРАПИВИН М.Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917—1941 гг.). Волгоград. 1993, с. 20; КАШЕВАРОВ А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917—1922). М. 2005, с. 346.
4. КРАПИВИН М.Ю. Ук. соч., с. 20.
 5. Там же, с. 75.
 6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-470, оп. 2, ед. хр. 25, 26, 170.
 7. Данные взяты из официальной церковной статистики, отраженной в следующих изданиях: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911—1912 годы. СПб. 1913. Приложения: Ведомости за 1911—1912 гг., с. 44—45; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1913 год. Пг. 1915. Приложения: Ведомости за 1913 г., с. 24—25; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг. 1916. Приложения: Ведомости за 1914 г., с. 24—25; Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг. 1917. Приложения: Ведомости за 1915 г., с. 24—25.
 8. Состав Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода и российской церковной иерархии на 1915 год. Пг. 1915, Указатель именной, с. III—III.
 9. Обзор деятельности ведомства православного исповедания за 1915 год. Приложения: Ведомости за 1915 г., с. 24—25.
 10. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1910 год. СПб. 1913. Приложение: Ведомости за 1910 г., с. 18—19.
 11. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911—1912 гг., с. 228—245.
 12. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1908—1909 годы. СПб. 1911, с. 114—115.
 13. ОРЛОВ А.С., ГЕОРГИЕВ В.А., ГЕОРГИЕВА Н.Г., СИВОХИНА Т.А. История России: Учебник. М. 2003, с. 288; КРУЗЕ Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л. 1981, с. 126.
 14. Подсчет осуществлен по следующим периодическим изданиям за 1910 г.: «Владивостокские епархиальные ведомости» (далее — ЕВ), «Владимирские ЕВ», «Вологодские ЕВ», «Воронежские ЕВ», «Вятские ЕВ», «Донские ЕВ», «Екатеринбургские ЕВ», «Киевские ЕВ», «Кишиневские ЕВ», «Костромские ЕВ», «Курские ЕВ», «Минские ЕВ», «Московские церковные ведомости», «Олонецкие ЕВ», «Омские ЕВ», «Орловские ЕВ», «Пермские ЕВ», «Православная Подолия», «Полоцкие ЕВ», «Полтавские ЕВ», «Псковские ЕВ», «Рязанские ЕВ», «Самарские ЕВ», «Тамбовские ЕВ», «Тверские ЕВ», «Тульские ЕВ», «Вера и разум» (печатный орган Харьковской епархии), «Херсонские ЕВ», «Черниговские епархиальные известия», «Якутские ЕВ», «Ярославские ЕВ». Данные о численности священнослужителей в указанных епархиях взяты из: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1910 год. Приложение: Ведомости за 1910 г., с. 22—23.
 15. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1910 г., с. 18—19.
 16. ЖИРОМСКАЯ В.Б., КИСЕЛЁВ И.Н., ПОЛЯКОВ Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М. 1996, с. 28—29; ЖИРОМСКАЯ В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения. — История СССР. 1990, № 3. с. 84—87.
 17. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 34. М. 1930, С. 97.
 18. Там же, с. 160—161.
 19. ЦЖАРОВСКИЙ М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. 2010, с. 91.
 20. Сведения из частной переписки с М.В. Шкаровским (письмо от 10.07.2016).
 21. См., например: ЕМЕЛЯХ Л.И. Крестьяне и Церковь накануне Октября. Л. 1976, с. 77—86; БАБКИН М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М. 2007, с. 376—378; ЕФИМОВ О.В. Противоречия в отношениях крестьянства и духовенства после Февраля 1917 года (по материалам Ни-

- жегородской губернии). В кн.: Русская Православная Церковь в мировой и отечественной истории. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 17—19 мая 2006 г. Нижний Новгород. 2006, с. 169—173.
22. См., например: ЕМЕЛЯХ Л.И. Крестьяне и Церковь накануне Октября. Л. 1976, с. 77—86; БАБКИН М.А. Ук. соч., с. 376—378; ЕФИМОВ О.В. Ук. соч., с. 169—173.
 23. ЛЕОНТЬЕВА Т.Г. Вера и бунт: духовенство в революционном обществе России начала XX века. — Вопросы истории. 2001, № 1. с. 39.
 24. БАБКИН М.А. Ук. соч., с. 376—378.
 25. См., например: ЧЕТВЕРУХИН СЕРАФИМ. Толмачи. Воспоминания об отце. М. 1992. с. 23; МИХАЙЛОВ С.В. Государство и церковь: отношения органов власти, религиозных организаций и верующих на Архангельском Севере в 1918—1929 гг. Дисс. канд. ист. наук. Архангельск. 1998, с. 144; КРЕПИЦИНА Е.В. Государственная политика в сфере религии на территории Кузбасса в 1920—1929 гг. Дисс. канд. ист. наук. Кемерово. 2006, с. 97; ТИТЛИНОВ Б.В. Церковь во время Революции. Пг. 1924, с. 180; ЛЕОНТЬЕВА Т.Г. Ук. соч., с. 41; ИАННУАРИЙ (НЕДАЧИН), архим. Духовенство Смоленской епархии в гонениях конца 1917 — начала 1919 года. [Архангельск]. 2013, с. 55—56; ЕМЕЛЯХ Л.И. Исповедь митрополита. В кн.: Правда о религии. Сборник. М. 1959, с. 360. Конкретные примеры см.: Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России. Октябрь 1917—1918 г.: Сб. документов. М. 2016, с. 590—591, 596.
 26. Так, например, в июле 1917 г. Преосвященный Никон (Безсонов), епископ Енисейский, подал рапорт о снятии с него священного и монашеского сана. Святейший Синод удовлетворил прошение, исключив его из духовного звания. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 205, д. 270; см. также: Там же, оп. 204. V отд., II ст., д. 136.
 27. См., например: СТУПАКОВ М.И. За правое дело. Новосибирск. 1977, с. 116—118.
 28. См., например: Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920—1930-е годы). Новосибирск. 2004, с. 84.
 29. См., например: Архивы Кремля. Кн. 2. Новосибирск-М. 1998, с. 367, 385.
 30. Там же, с. 366.
 31. См., например: ЕВСЕЕВ Н.Н. Тульская епархия в 1917—1927 гг. по данным архивных источников. — Известия Тульского государственного университета. Вып. 2. Тула. 2013, с. 176—178.
 32. КРАСИКОВ П. Четыре манифеста патриарха Тихона. — Революция и Церковь. 1919, № 3—5, с. 5.
 33. [Без автора]. 84 церкви. — Правда. 1923. 5 июня, № 122, с. 4.
 34. [Без автора]. Бегство попов. — Там же. 1923. 7 июня, № 124, с. 4.
 35. [Без автора]. Снятие сана 47 священниками. — Там же. 1924. 25 июля, № 167, с. 6. Почти дословно текст заметки повторила газета «Известия...» 1924. 25 июля, № 168, с. 2.
 36. Правда. 1926. 15 августа, № 186, с. 4.
 37. [Без автора]. Отречение от сана цалкинских священников-«чудотворцев». — Известия... 1926. 26 ноября, № 274 (2905), с. 4.
 38. Сохранившиеся материалы съезда собраны: Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области, ф. 2, оп. 1, д. 261.
 39. ИАННУАРИЙ (НЕДАЧИН), архим. Ук. соч., с. 54.
 40. ЕГО ЖЕ. Имело ли место в 1917—1918 гг. в Русской Церкви «бегство духовенства»? (По материалам Смоленской епархии). — Церковно-исторический вестник. 2011/2012, № 18—19, с. 83.
 41. Там же, с. 86.
 42. Архивы Кремля, кн. 2, с. 443.
 43. Интуитивная оценка, сообщенная протоиереем А.В. Маковецким в частной переписке (письмо от 08.07.2016).
 44. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1 (1900—1939). М. 2000, с. 98.
 45. Там же, с. 98.
 46. Там же, с. 97.
 47. Неполный список задействованных архивов см.: За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь 1917—1956. Биографический справочник. Кн. 1 (А). М. 2015, с. 22—23.

48. http://martyrs.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans.
49. Письмо сотрудника кафедры информатики ПСТГУ В.А. Тищенко — Г.Г. Хмуркину от 28.03.2018. (эл. архив автора).
50. Письмо В.А. Тищенко — Г.Г. Хмуркину от 05.04.2018 (эл. архив автора).
51. Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ РФ). А.У.Д. № Н-1780. Приложение к Т. 28, л. 80.
52. КРИВОВА Н.А. Власть и Церковь в 1922—1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М. 1997, с. 14; ЕЕ ЖЕ. Власть и Русская Православная Церковь в 1922—1925 гг. (Политика ЦК РКП(б) по отношению к религии и Церкви и ее осуществление органами ГПУ—ОГПУ). Дисс. докт. ист. наук. М. 1998, с. 21.
53. КРАПИВИН М.Ю. Религиозный фактор в социально-политической жизни советского общества (октябрь 1917-го — конец 1920-х годов). Дисс. докт. ист. наук. СПб. 1999, с. 129; ВОРОБЬЁВ ВЛАДИМИР (протоиерей), КРИВОВА Н.А., РОМАНОВА С.Н., ЩЕЛКАЧЁВ А.В. Предисловие. В кн.: Следственное дело патриарха Тихона. Сб. документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М. 2000, с. 15; ДАМАСКИН (ОРЛОВСКИЙ), игумен. Гонения на Русскую Православную Церковь в советский период. В кн.: Православная энциклопедия. Том «Русская Православная Церковь». М. 2000, с. 179; СКИПИНА И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: Историко-графическая проблема. Дисс. докт. ист. наук. Тюмень. 2003, с. 588; ХЕВЕШИ М.А. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода. М. 2004, с. 21; КОЗЛОВ Ф.Н. Взаимоотношения государства и Русской Православной Церкви в 1917 — начале 1940-х гг. (по материалам Чувашии). Дисс. канд. ист. наук. Саранск. 2009, с. 114; АРИСТОВА К.Г. Обновленчество в Пензенской епархии в 1917—1923 гг.: первые уроки Советской власти. Дисс. канд. ист. наук. Пенза. 2011, с. 62—63; ДИМИТРОВ Н.Н. Российское государство и религия: правовые основы взаимоотношений. М. 2011, с. 45; НОВИКОВА Т.М. Русская Православная церковь и власть в годы Гражданской войны в Восточной Сибири (декабрь 1917 г. — август 1921 г.) Дисс. канд. ист. наук. Иркутск. 2011, с. 139; ПОЛЯКОВ В.Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно». М. 2011, с. 353; РАСТИМЕШИНА Т.В. Политика российского государства в отношении культурного наследия Церкви. Дисс. докт. полит. наук. М. 2012, с. 216; ЛАФИТСКИЙ В. Христианство в правовом мироздании России. В кн.: СОЛОВЬЁВ В.С. Проповедник в пустыне: проповеди о праве (Избранные труды). М. 2014, с. 56; История и культура татар-кряшен (XVI— X вв.). Казань. 2017, с. 511—512; МИКЕРИН А.А. К вопросу о взаимоотношениях государства и Церкви в первые годы советской власти. В кн.: Октябрь 1917 года: революция или переворот? Материалы Международной научной конференции, 31 октября 2017 года. Уфа. 2017, с. 109.
54. Картограмма «О расстрелах в 1918 г. лиц Духовного Звания по постановлениям Губчека. По данным[,] собранным Секретн[ым] Отд[елом] ВЧК на запрос № 21224». — Православие и Российское государство X— X века. Историко-документальная выставка. Каталог. [М]. 2000, с. 40; Журнал Московской Патриархии РПЦ. 2001, № 6, с. 86.
55. На иллюстрации окончание слова не читается.
56. ЕМЕЛЯХ Л.И. Крестьяне и Церковь накануне Октября. Л. 1976, с. 86.
57. К примеру, на Алтае в мае-октябре 1920 г. анархисты, боровшиеся против любой власти, «легко убивали и священников, и коммунистов». См.: ПУШКАРЁВ Б.С. Две России XX века. Обзор истории 1917—1993. М. 2008, с. 113. Также см.: НИКИТИН А.Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение (1918—1920 гг.). Дисс. докт. юрид. наук. М. 2007, с. 394; ШУБИН А.В. Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания 1917—1939 гг. М. 1998, с. 55; БЕЛАШ А.В., БЕЛАШ В.Ф. Дороги Нестора Махно. Историческое повествование. Киев. 1993, с. 48—49.
58. См., например: Партизанское движение в Сибири. Т. 1. М.-Л. 1925, с. 31.
59. БАЛМАСОВ С.С. Красный террор на востоке России в 1918—1922 гг. М. 2006, с. 102.
60. КОШУРНИКОВ А.А. Первые бои полка. В кн.: В пороховом дыму. Воспоминания участников гражданской войны. Пермь. 1961, с. 43.
61. ФЁДОРОВ А.Ф. Октябрьские зори. М. 1962, с. 211, 236; ЕФИМОВ А.Г. Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками. 1918—1920. М. 2008, с. 180.

62. ПУЧЕНКОВ А. Конец Кулабухова, или Рассказ об одном повешенном. — Родина. 2008, № 3, с. 41—44; ГЕОРГИЙ ШАВЕЛЬСКИЙ, отец. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. Нью-Йорк. 1954, с. 390; ГАГКУЕВ Р.Г. Белое движение в России: социальный состав и источники комплектования белых армий (1917—1922 гг.). Дисс. докт. ист. наук. М. 2013, с. 670; СПИРИН Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917—1920 гг.) М. 1968, с. 355; ЕВЛОГИЙ (ГЕОРГИЕВСКИЙ), митроп. Путь моей жизни: Воспоминания. М. 1994, с. 323.
63. ЧУРАКОВ Д. Гуманизм и реалии гражданской войны: роль правых социалистов в становлении системы белого террора. 1918 год. — Альтернативы. 2004, № 4, с. 105.
64. КУЗЬМИН С.Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М. 2011, с. 409; ПАРНЯКОВА Н.Ф. Судьба красного священника. Интервью брала Б. Михелева. — Наука и религия. 1977, № 2, с. 52—55.
65. КУЗЬМИН С.Л. Ук. соч., с. 117.
66. [Без автора]. На Дону. Расстрел священника. — Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 15 октября 1919 г., № 234 (427), с. 1. По-видимому, об этом же случае см.: ПЛАКСИН Р.Ю. Тихоновщина и ее крах: Позиция православной церкви в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Л. 1987, с. 152.
67. К сожалению, Н.А. Заяц не опубликовал свои материалы ни в одном печатном издании.
68. БАЛАКШИН П. Финал в Китае. Недостроенная империя. — Дальний Восток. 1992, № 4, с. 74.
69. ПЛАКСИН Р.Ю. Ук. соч., с. 152.
70. ГРИЦИНСКИЙ К. По следам Ленинского полка. — Звезда. 1980, № 5 (май), с. 194.
71. НИКУЛИХИН Я. На фронте Гражданской войны (1918—1921 гг.). Очерки и воспоминания. Пг. 1923, с. 133.
72. АВДЕЕВА Н.А. Военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке в 1921 г. и ее влияние на действия Народно-революционной армии Дальневосточной республики. В кн.: Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. 5. Хабаровск. 1975, с. 198.
73. КОЖЕМЯКО В. Зоя Космодемьянская. Правда против лжи. Воронеж. 2016, с. 93—94.

Деятельность Совета по делам религиозных культов по исследованию зарубежного ислама в 1956—1965 гг.

В. А. Ахмадуллин

Аннотация. Публикация посвящена важному аспекту политики Советского государства в 1956—1965 гг. — изучению отношения зарубежных государств к мусульманам и их организациям, влияния исламского фактора на геополитическую ситуацию. На основе впервые введенного в оборот архивного материала рассмотрены подробности деятельности Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР, являвшегося наиболее публичным органом в системе институтов, участвовавших в выработке концептуальных положений религиозной политики и их реализации. На основе анализа документов делается вывод о том, что в первое послевоенное десятилетие руководство СССР, с целью укрепления влияния Советского государства на мусульманский мир, в значительной степени опиралось на деятельность Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР.

Ключевые слова: Совет по делам религиозных культов, мусульмане зарубежных государств, Аль-Азхар, Египет, Индия, Иран, Сирия.

Abstract. The publication is devoted to an important aspect of the policy of the Soviet state in 1956—1965 — the study of the attitude of foreign states towards Muslims and their organizations, the influence of the Islamic factor on the geopolitical situation. On the basis of the archival material first introduced into circulation, the details of the activities of the Council for Religious Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR, which was the most public body in the system of institutions that participated in the development of conceptual provisions of religious policy and their implementation, were reviewed. Based on the analysis of the documents, a well-founded conclusion was made that in the first post-war decade the leadership of the USSR, in order to strengthen the influence of the Soviet state on the Muslim world, was largely based on the activities of the Council on Religious Cults at the Council of Ministers of the USSR.

Key words: Council for Religious Affairs, Muslims of foreign countries, Al-Azhar, Egypt, India, Iran, Syria.

Актуальность исследования определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, бывший постоянный представитель США при ООН

Ахмадуллин Вячеслав Абдулович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник аппарата Совета муфтиев России, старший научный сотрудник Московского исламского института. E-mail: slavaah@yandex.ru.

Akhmadullin Vyacheslav A. — candidate of historical sciences, associate professor, senior researcher of the Russian Council of Muftis, senior researcher of the Moscow Islamic Institute. E-mail: slavaah@yandex.ru.

(1993—1997) и государственный секретарь США (1997—2001) Мадлен Олбрайт справедливо отмечает: «Конечно, с фанатиками можно и нужно бороться, захватывая и уничтожая их. В то же время следует постоянно убеждать молодежь в том, что насилие — тупиковый путь, ведущий в никуда. Однако вряд ли мы добьемся успеха, если собственный жизненный опыт не убедит этих людей в нашей правоте. Наилучший способ добиться успеха в этом деле — наладить сотрудничество с мусульманами, исповедующими истинный, а не искаженный ислам, с теми мусульманскими лидерами, которые стремятся довести подлинный ислам до сознания молодежи, попавшей под влияние радикалов, пытающихся завладеть их душами... В международных делах основное — глубокое знание другой страны, ее культуры. Сейчас, когда в мире все больше разгораются религиозные страсти, невозможно правильно построить переговоры, не принимая во внимание религиозные доктрины и определяемую ими мотивацию поведения»¹.

Во-вторых, американская дипломатия достаточно откровенно разгрызает религиозную карту. Это доказывают итоги поездок по странам постсоветского пространства посла США по вопросам международной религиозной свободы С. Браунбэка, главным из которых является религиозный раскол на Украине². В силу приведенных аргументов все более актуальным становится опыт Советского государства по изучению и использованию религиозного фактора в решении внешнеполитических проблем.

В первое десятилетие после Великой Отечественной войны Совет по делам религиозных культов при Совете министров СССР (СДРК), созданный в мае 1944 г. решением правительства, получил значительный опыт работы. Часть этого опыта касалась изучения политики зарубежных государств по отношению к мусульманским сообществам и влияния различных организаций мусульман на ситуацию в этих странах и в мире в целом.

Как показывает анализ архивных документов, ужесточение политики СССР по отношению к религиозным организациям советских граждан сопровождалось ростом интереса к жизни зарубежных мусульманских организаций с целью опоры на них или эффективного противодействия им в вопросах внешней политики. Доказательством этого служат документы, которые стали доступны широкой научной общественности в последнее время. Например, в отчете СДРК за 1955 г. отмечается, что одной из задач 1956 г. должно стать повседневное изучение зарубежных религиозных организаций. В решение этой проблемы СДРК рассчитывал на информационное обеспечение со стороны МИД СССР, ТАСС, Совинформбюро, антифашистских комитетов и т.п. В план мероприятий на IV квартал 1956 г. Совет внес пункты о систематизации материалов ТАСС и зарубежных СМИ о деятельности международных религиозных организаций. В плане на ноябрь 1956 — март 1957 г. содержался пункт, обязывавший заведующих отделами центрального аппарата СДРК организовать сбор материалов о состоянии и деятельности религиозных культов за рубежом. Особое внимание обращалось на взаимодействие с МИД СССР, ТАСС, Совинформбюро, Комитетом молодежных организаций СССР и т.п.³

В контексте такого взаимодействия председатель СДРК И.В. Полянский 17 января 1956 г. подписал памятку для посла СССР в Егип-

те Е. Д. Киселёва. В ней указывалось на важность установления связей советских мусульман с единоверцами из Египта. Полянский просил Киселёва прислать план мероприятий посольства, сообщить подробные сведения о тех мусульманских деятелях Египта, которые симпатизировали СССР. Председатель СДРК также попросил пересылать в Совет готовящиеся посольством обзоры местной печати и данные о мусульманских организациях Египта, с включением в них информации о структуре, политической деятельности и их руководителях ⁴.

В апреле 1956 г. Полянский и председатель Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР Г. Г. Карпов обратились в ЦК КПСС с просьбой обязать руководство ТАСС предоставлять им ежедневные материалы, которые рассылались руководителям министерств и центральных ведомств. Просьба была обоснована необходимостью глубокого изучения международной ситуации, в связи с тем, что оба Совета решали значимые политические задачи, связанные с идеологией ⁵.

В июне 1956 г. СДРК получил из МИД СССР справку по религиозной ситуации в Албании. В документе особое внимание обращалось на отрицательное влияние мулл, сказывающееся в том, что женщины-мусульманки устранились от участия в производстве, а также в том, что в дни религиозных праздников и после них многие трудящиеся не выходят на работу ⁶.

В марте 1957 г. СДРК получил справку «Религиозные организации Турции» и перевод нескольких законов, регламентировавших отношения властей этого государства с религиозными организациями. Документы давали обзор деятельности религиозных обществ и Управления по делам религий ⁷.

В мае 1957 г. МИД СССР сообщил в СДРК мнение посольства СССР в Ливане об установлении контактов между руководством советских и ливанских мусульман для использования этих связей с целью противодействия вражеской пропаганде и распространения информации о СССР в Ливане. СДРК согласился с позицией МИД, но попросил министерство подготовить исчерпывающую справку по мусульманским организациям Ливана, а также предложения, которые должны были реализовать духовные управления советских мусульман ⁸.

На заседании СДРК в начале апреля 1957 г. было отмечено, что Совет справился с задачей по изучению зарубежных исламских деятелей с целью выявления прогрессивно настроенных лиц для их приглашения в СССР и проведения мероприятий по пропаганде достижений Советского государства в решении вопроса о положении мусульман. На этом же заседании было принято решение составить аннотации к 1, 2 и 3-му номерам журнала «Ислам» за 1957 г., который издавался в Лондоне. Особое внимание было уделено продолжению изучения материалов ТАСС и зарубежных СМИ, в которых печатались сообщения о деятельности зарубежных религиозных организаций ⁹.

В октябре 1957 г. МИД СССР передал в СДРК подробную справку о III национальной конференции Ассоциации мусульман Филиппин, состоявшейся 30 мая — 2 июня 1957 года. Особое внимание в анализе отводилось антикоммунистическим выступлениям гостей и делегатов конференции ¹⁰.

В конце февраля 1958 г., готовясь к приезду в СССР Президента Объединенной Арабской Республики (ОАР) Гамаль Абдель Насера, МИД СССР попросил Председателя СДРК А. А. Пузина дать справку о том, какие отношения установлены между духовными управлениями мусульман (ДУМ) из СССР и организациями мусульман Египта и Сирии. При этом МИД отправил СДРК свой секретный документ — выписку из перспективного плана развития советско-египетских отношений на 1958 год. В этом документе предлагалось практиковать обмен делегациями между мусульманскими деятелями СССР и странами арабского Востока и Африки, а также между РПЦ и коптами Египта и Эфиопии. Менее чем через две недели СДРК подготовил и отправил в МИД СССР подробную справку об отношениях между ДУМ и организациями мусульман ОАР ¹¹.

В марте 1958 г. Председатель СДРК Пузин поставил свою подпись под письмом на имя заведующего отделом стран Среднего Востока МИД СССР А. П. Павлова, в котором просил дать информацию о «существующих в Турции мусульманских религиозных организациях» ¹². Анализ этой цитаты показывает, что лицо, готовившее документ, и сам председатель СДРК не понимали, что мусульманские организации и без того являются частью спектра религиозных организаций.

В марте 1958 г. мусульманская организация «Маджлис-аль-маслимин» (г. Бремен, ФРГ) пожелала установить отношения с Духовным управлением мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ, Ташкент). Поэтому СДРК попросил советское посольство в ФРГ выяснить политическую ориентацию этой организации ¹³.

В марте 1958 г. заведующий отделом стран Среднего Востока МИД СССР Павлов проинформировал заместителя председателя СДРК В. И. Гостева о предложениях Генерального консульства СССР в г. Стамбуле — пригласить в СССР мусульманских деятелей Турции, от имени советских мусульман официально обратиться к руководству мусульман Турции с предложением установления контактов и посланием мира и дружбы. СДРК одобрил инициативу и попросил МИД СССР представить информацию о мусульманских организациях Турции и данные о влиятельных мусульманских деятелях этого государства ¹⁴.

Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами при СМ СССР в январе 1958 г. вернул в СДРК справку (почти на 40 листах) о пребывании в СССР делегации пакистанских улемов и достиг договоренности о консультировании в СДРК советских корреспондентов, которые работали в за рубежом ¹⁵.

В конце декабря 1958 г. СДРК обратился в МИД СССР с просьбой предоставить информацию о новом ректоре Аль-Азхара, а также сообщить свое мнение о его приглашении в СССР во главе делегации мусульман ОАР. Анализ этого запроса показывает, что в СДРК работали опытные и весьма осторожные люди, понимавшие цену ошибки: в запросе содержалась просьба дать рекомендации не только по количественному составу и срокам приглашения такой делегации, но и по персоналиям. Таким образом чиновники СДРК страховали себя от возможных неприятностей. В случае негативных отзывов членов этой делегации в СМИ о положении мусульман в СССР, значительная часть вины легла бы на работников МИД СССР. Одновременно СДРК просил МИД выяснить,

какие отзывы делают о поездке в СССР члены мусульманской делегации Ирака. Совет особенно интересовали их заявления в СМИ и во время проповедей в мечетях ¹⁶.

В конце января 1959 г. председатель СДРК Пузин подписал «Основные задачи и план работы Совета по делам религиозных культов и его уполномоченных в республиках, краях и областях на 1959 год» ¹⁷. В документе была поставлена задача продолжать изучение деятельности международных религиозных центров и их руководителей, в том числе мусульманских международных организаций. При этом предлагалось сконцентрировать внимание на важности мер по оказанию противодействия тем организациям и лицам, которые наносят ущерб интересам СССР, и установлению контактов с организациями и лицами, способными помочь Советскому государству в решении важных внешнеполитических задач. Служащих Совета вновь нацеливали на подготовку справочных материалов о мусульманских общинах зарубежных государств.

Как показывает анализ архивных источников, различные ведомства СССР регулярно предоставляли СДРК информацию по различным зарубежным мусульманским организациям, важным событиям — прошедшим и предстоящим, а также по мусульманам, имевшим большой авторитет. Главным партнером СДРК в этом отношении был МИД СССР. Обычно Совет делал запрос в министерство, в котором просил сообщить, какие отзывы делают в СМИ своих стран иностранцы, побывавшие в СССР.

МИД СССР внимательно относился к этим просьбам. Тщательно анализировались в СДРК и выступления гостей на протокольных мероприятиях в СССР и интервью советским СМИ. Иногда работники МИД СССР в инициативном порядке информировали СДРК о беседах с мусульманами зарубежья и поступавших от них предложениях. Нередко МИД СССР передавал переводы заметок из иностранных СМИ, которые могли интересовать СДРК ¹⁸.

География таких справок была очень широкой, но в первую очередь СДРК интересовали ключевые страны исламского мира, к которым принадлежала и Объединенная Арабская Республика. В начале 1961 г. в Совет поступила запись беседы первого секретаря Посольства СССР в ОАР З. Гусейн-Заде с генеральным секретарем исламского конгресса Саедом Эль-Уряном. Анализ этого документа позволяет говорить, что советское руководство старалось произвести благоприятное впечатление на мусульман зарубежья, в том числе и при использовании пропагандистского инструментария — показа фильма о жизни мусульман Советского Союза. В сентябре этого года первый секретарь посольства СССР в ОАР В. Стефанкин подписал секретную справку «Реорганизация мусульманского университета Азгар и его роль в политике правительства ОАР» и приложение к ней ¹⁹.

В этих документах содержался анализ влияния Аль-Азхара не только на жизнь Египта, но и на мусульман других стран, были названы мероприятия по усилению влияния знаменитого университета на весь мусульманский мир, в том числе и за счет реформирования обучения. Одной из задач такого реформирования провозглашалось усиление борьбы с империализмом, что отвечало планам СССР. Но декларированный вице-президентом ОАР Камаледином Хусейном курс университета на

противодействие материализму, серьезно беспокоил руководство СССР. В приложении к справке содержалась информация о количестве педагогов и обучаемых, о распределении выпускников и соображения о соперничестве этого учебного заведения с исламской системой обучения в Саудовской Аравии. Менее чем через год, в августе 1962 г., посольство СССР в ОАР подготовило справку «Современный ислам в ОАР», которая была передана в СДРК. В документе был подробно показан качественный и количественный состав мусульман и исламских структур ОАР, политика государства по отношению к исламу с 1958 г., деятельность Аль-Азхара, в том числе итоги его реформирования, работа Исламского конгресса, публикации в популярных СМИ, степень влияния марксизма на граждан ОАР и их отношение к советским людям. Авторы документа делали вывод: «Данный момент удобно использовать для укрепления связей между советскими и египетскими мусульманами, с перспективой использовать эти контакты в антиимпериалистической пропаганде и контрпропаганде». Как показали дальнейшие события, СССР не смог претворить этот вывод в жизнь. С нашей точки зрения, авторы документа переоценили возможности СССР и ДУМ, а также недооценили влияние Запада на ситуацию в этом государстве.

В апреле 1960 г. в СДРК поступила программа мусульманского центра Индии «Международная культурная Исламская организация». Эта организация выразила желание иметь в своих рядах председателя Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) муфтия Ш.Ш. Хиялетдинова и муфтия З. Бабаханова. Оба муфтия отрицательно отозвались об этой организации, но СДРК решил просить МИД СССР дать характеристику «Международной культурной Исламской организации» и только после такой информации принимать решение о выдаче рекомендаций муфтиям²⁰.

В мае 1960 г. СДРК вновь решил организовать изучение деятельности зарубежных религиозных организаций. Уже в августе 1961 г. посольство СССР в Пакистане подготовило подробную справку «Взаимоотношение духовенства и правительства в Пакистане»²¹.

В документе тщательно анализировалась расстановка светских и религиозных сил в пакистанском обществе, показывалась динамика и промежуточные итоги их соперничества, обсуждался экономический потенциал мусульманской инфраструктуры, методика деятельности правительства по принуждению исламских авторитетов работать в строгом соответствии с действующими и вновь принимаемыми законами, не было обойдено вниманием и экономическое давление на мусульманское духовенство.

СДРК получал необходимую информацию не только от государственных структур, но и от курируемых духовных управлений мусульман. Например, в апреле 1962 г. зав. отделом по связям с зарубежными странами САДУМ Ю. Шакиров составил и передал в Совет справку по истории создания, структуре и системе работы Исламского университета в Ливии²².

В октябре 1962 г. советское посольство в Индии подготовило протокол беседы, состоявшейся 6 октября с имамом крупнейшей мечети Индии — Джама Масджид — Саидом Хамидом и его заместителем Саи-

дом Абдуллою Бухари. В ходе беседы индийцы пообещали подготовить справки на видных мусульман Индии. В тот же день состоялась беседа с муфтием А. Рахманом. Муфтий назвал лиц, игравших важнейшую роль в жизни местных мусульман. Он также выразил интерес к установлению контактов с советскими мусульманами ²³.

В феврале 1963 г. СДРК просил МИД СССР, чтобы посольства подготовили информацию о мусульманских организациях и перспективах установления контактов с мусульманскими организациями в СССР. В апреле 1963 г. МИД СССР отправил в СДРК справку «Иранское духовенство в 1962 — начале 1963 года» ²⁴. В апреле 1963 г. Пузин запросил у МИД СССР информацию о том, какие отзывы дают о поездке в СССР инспектор Министерства просвещения Туниса по духовному образованию Аттарзи и директор медресе «Ибн Халдун» Аннаби, посетившие СССР в марте-апреле 1963 года. Несмотря на попытки советского посольства организовать их выступления в СМИ, они не увенчались успехом из-за позиции руководства Туниса ²⁵. Тем не менее, в июне-июле 1963 г. делегация САДУМ во главе с председателем этого управления З. Бабахановым посетила Тунис. Как показывает анализ отчета муфтия Бабаханова и секретаря делегации Шакирова, в ходе поездки они попытались убедить тунисцев в торжестве свободы совести в СССР и преимуществах советского образа жизни ²⁶.

В сентябре 1963 г. СДРК вел переписку с МИД СССР по вопросу получения информации о сроках, целях и задачах мусульманского конгресса, созываемого в Каире, перспективах приглашения мусульманских лидеров из СССР и других социалистических стран ²⁷. Осенью 1963 и зимой 1964 г. СДРК, на основе докладов из советских посольств, составил справку «Мусульманские организации в зарубежных странах» ²⁸.

Как показывает анализ этого документа, в нем присутствовала информация по 18 странам: Объединенной Арабской Республике, Судану, Афганистану, Ирану, Турции, Марокко, Тунису, Мали, Танганьике, Бурунди, Ливии, Эфиопии, Конго, Того, Пакистану, Камбодже, Таиланду и Сомали. Особое внимание в документе обращалось на историю ислама в каждой стране, его влияние на жизнь общества, в том числе на образование и взаимодействие с государственными структурами.

В августе 1964 г. Посольство СССР в ОАР представило в СДРК справку о первой конференции по исследованию ислама ²⁹. В документе отмечалось, что выступление представителя советских мусульман было встречено участниками мероприятия с большим вниманием. Поэтому аналитики посольства сделали вывод о необходимости подготовить хорошо аргументированный доклад для предстоящей в марте 1965 г. новой сессии конференции.

Деятельность СДРК была прервана решением руководства Советского государства. 8 декабря 1965 г. вышло постановление СМ СССР № 1043 «О преобразовании Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в Совет по делам религий при Совете Министров СССР» (СДР) ³⁰.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что Совет по делам религиозных культов при Совете министров СССР накопил бога-

тый опыт изучения зарубежных мусульманских организаций и их руководителей. Полученная информация была востребована и способствовала решению многих внешнеполитических задач, которые стояли перед Союзом Советских Социалистических Республик.

Примечания

1. ОЛБРАЙТ М. Религия и мировая политика. М. 2007, с. 7, 15.
2. Американцы проверили на прочность религию на Украине и в Узбекистане. 19 сентября 2018. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20180919/1528849884.html>.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-6991, оп. 3, д. 127, л. 115—116, 124, 189, 190, 194.
4. Там же, д. 133, л. 3—4.
5. Там же, д. 129, л. 94.
6. Там же, д. 134, л. 19—20.
7. Там же, оп. 4, д. 79, л. 50—59.
8. Там же, оп. 3, д. 150, л. 101—102.
9. Там же, д. 145, л. 58, 62, 64.
10. Там же, д. 146, л. 193—198.
11. Там же, д. 170, л. 79—87.
12. Там же, д. 170, л. 112.
13. Там же, д. 171, л. 3.
14. Там же, д. 170, л. 111—112.
15. Там же, д. 175, л. 1—41.
16. Там же, д. 172, л. 88.
17. Там же, д. 187, л. 1—17.
18. Там же, д. 171, л. 13, 41, 42, 54, 55, 168—170, 172, 174—184, 188—190; д. 1430, л. 77—88; оп. 4, д. 104, л. 43—45, 62—64, 70, 115—117, 129—143, 145—149, 150—157, 174—175, 180; д. 109, л. 1—4.
19. Там же, оп. 3, д. 1377, л. 1—8, 9—27.
20. Там же, д. 212, л. 117—123.
21. Там же, д. 204, л. 105—107, 193, 198, 200—201; д. 1377, л. 29—40.
22. Там же, д. 1395, л. 26—27.
23. Там же, д. 1404, л. 12—28.
24. Там же, д. 1429, л. 137—138.
25. Там же, л. 148; д. 1431, л. 66—81, 90—101, 111—115, 152—153, 165—166, 181—183.
26. Там же, д. 1432, л. 37—53.
27. Там же, д. 1430, л. 35, 63.
28. Там же, д. 1455, л. 1—141.
29. Там же, л. 142—156.
30. Там же, оп. 4, д. 1, л. 1—7; д. 119, л. 16; Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 3, оп. 60, д. 2, л. 1—9.

Ислам в Актюбинском крае: история формирования и становления в XIX — начале XX в.

Р.А. Бекназаров

Аннотация. В публикации рассматривается вопрос распространения ислама на территории Казахстана, в частности в Актюбинском крае, его влияние на местную кочевую культуру, а также проблема исследования биографий людей, вложивших огромный труд в религиозную просветительскую деятельность среди населения казахской степи.

Ключевые слова: Казахстан, Актюбинская область, распространение ислама, религиозные деятели, казахи, мечети.

Abstract. The publication discusses the issue of the spread of Islam in Kazakhstan, in particular in Aktobe, the impact on the local nomadic culture, as well as the problem of studying the biography of people who have done a lot of work in the religious educational activities of the population of the Kazakh steppe.

Key words: Kazakhstan, Aktobe region, spread of Islam, religious figures, Kazakhs, mosques.

В отечественной историографии наряду с изучением распространения ислама на территории Казахстана, не меньший интерес представляют биографии людей, вложивших огромный труд в религиозную просветительскую деятельность в казахской степи, в строительство мечетей с XIX вплоть до начала XX века. В связи с этим, в рамках памятниковедения учеными-этноархеологами, этноархитекторами, этнографами планомерно проводятся полевые экспедиционные, архивно-библиографические изыскания по генезису мечетей, построенных в честь того или иного служителя ислама, на основе сохранившихся до наших дней в степи культовых сооружений — подземных мечетей, мечетей в пещерах, наземных мечетей, мечетей-мавзолеев, ханака и др.

Особого внимания заслуживают биографии общественных деятелей — мулл, ишанов, ахунов, хазретов, ходжей, которые внесли огромный вклад в распространение ислама, строительство мечетей (организацию работы по строительству молельных домов), обучение детей казахов,

Бекназаров Рахым Агибаевич — доктор исторических наук, профессор Актюбинского регионального государственного университета им. К. Жубанова. E-mail: r.beknazarov@gmail.com.

Beknazarov Rakhym A. — doctor of historical sciences, professor of K. Zhubanov Aktobe Regional State University. E-mail: r.beknazarov@gmail.com.

в дело просвещения населения. Имена проповедников ислама, выходцев из Актюбинской области, хорошо сохранились в памяти народа, они до сих пор широко фиксируются в архивных документах, материалах краеведческих трудов, народных легендах, шежире.

Изучение религиозного и просветительского пути личностей XIX — начала XX в., внесших огромный вклад в распространение ислама в регионе, строительство мечетей, медресе (Досжан ишан, Марал ишан, Нурпек хазрет, Кердери Абубакир и др.) получает новый импульс именно с периода обретения независимости Казахстаном. Они являются своего рода первыми просветителями-теологами.

Получить религиозный сан сопы, ишана, ахуна, хазрета в вышеназванный период было очень сложно, а в некоторой степени и не безопасно. Этот шаг являлся итогом проповеднической деятельности, заслугой перед народом за знание всех норм шариата. Путь, пройденный религиозными деятелями, многие годы привлекал население к обучению в Бухаре, Хиве, Уфе, Оренбурге, Казани, Стамбуле, в религиозных центрах арабских стран. Несмотря на тяготы, перенесенные на этом сложном пути, они совершенствовали свои знания, возвращались и вели просветительскую деятельность у себя на родине.

Как известно, первые факты проникновения ислама на территорию Казахстана, в частности в ее южную половину, отмечаются уже в VIII в. (после Таласского сражения 751 г.), а строительство скальных и подземных мечетей на полуострове Мангышлак (Шакпак-ата, Шопан-ата и др.) относится к XI веку ¹. Однако в силу объективных причин кочевого быта и хозяйства, ислам здесь не имел такой силы, как например, в среде представителей оседлых народов Средней Азии. И такая ситуация сохранялась вплоть до XIX века. В частности, в работе русского ученого П. И. Рычкова «Топография Оренбургской губернии», изданной в 1762 г., приводятся некоторые факты из религиозной жизни казахов, например: «вера у них (у казахов. — *Р.Б.*), как и у прочих татар, магометанская. Но понеже между ими грамотных людей и абызов весь мало, то они и содержат закон сей слабо, и никаких мечетей в орде у них нет» ². В западной историографии до сих пор бытует мнение о распространении ислама через русскую экспансию. «В течение русского завоевания, в XVIII веке, они (казахи. — *Р.Б.*) не были еще мусульманскими, и им они стали при соприкосновении с русскими служащими. Им построили мечети, им послали муллу; понемногу они к этому приучились, но их религиозное усердие еще очень умеренно» — отмечал в своих работах И. Войеков ³.

Несомненно, одной из причин утверждения такого мнения в западной историографии являлось реальное влияние русского самодержавия на восточных территориях империи, включая и Казахстан, укрепление позиций русской империи и не в последнюю очередь в области религиозной политики, что отражалось, в частности, в императорских указах. Например, 28 января 1783 г. вышел именной указ Екатерины II «О дозволении подданным магометанского закона избирать самим у себя ахунов» ⁴. С этого момента прекратилась практика утверждения мулл из среднеазиатских государств. Началось целенаправленное распространение «нужного» ислама на Восток, ускоренное строительство мечетей в казахских степях как «действенное средство вовлечения тамошних народов в рос-

сийское подданство и держания их в повиновении...», в надежде, что «таковое сооружение мест для публичной молитвы привлечет и прочих в близости кочующих или обитающих к границам нашим: сие и может послужить со временем к воздержанию их от своевольств лучше всяких строгих мер»⁵. Конечно, следует признать, что такое «потепление» самодержавия к исламу являлось вынужденной ответной мерой на резкое обострение антиколониального движения народов Поволжья и Казахстана. Не менее важное влияние на изменение отношения к религиозному вопросу оказали русско-турецкие и кавказские войны. Уроки этих событий, по мнению Е. Смирнова, должны были быть учтены в последующем при колонизации русского мусульманского Востока, так как «значительно более сильный отпор, если не активный, то пассивный, окажут сарты, таджики и вполне омусульманившиеся турки, смотрящие на себя как на свет и опору ислама, сохранившегося здесь в большей чистоте, чем где-либо»⁶. Заметим также, что аналогичная работа проводилась и с южного направления еще с XV—VI вв., а именно — «приручение» ведущих и признанных религиозных деятелей, налаживание контроля за мечетями и т.д.⁷

Большая часть кочевых казахов, наряду с кочевниками-туркменами, на фоне оседлых народов Средней Азии действительно продолжительное время выглядела как «язычники». Непрерывное кочевание объективно не располагало теми возможностями, которыми обладали оседлые народы. Поэтому ислам в кочевой среде (если так можно выразиться «степной ислам») претерпевал некоторые трансформации. В целом, по мнению А.К. Муминова, он в этом регионе условно подразделялся на «ислам в оседлых регионах — Мавераннахре и ислам в кочевых регионах — Туркестане (мусульманские регионы к востоку от Сырдарьи)»⁸. При этом последний в зависимости от среды бытования имел свои особенности (мусульманские общества казахов, каракалпаков, киргизов и т.д.). И здесь определяющую роль играли такие факторы как бытовой ислам, суфизм и культ святых⁹.

Зачастую в качестве мечетей казахи использовали собственные юрты — «өз үйім — мешітім» (мой дом — моя мечеть). Аналогичную ситуацию отмечал М.Н. Галкин у туркмен восточного побережья Каспийского моря: они «устраивают отдельные на зиму кибитки; а летом вырывают круглую большую яму, в которой сходятся молящиеся, оставляя верхнюю обувь у спуска в нее, или за насыпью, которой окружают подобные молельни»¹⁰. В качестве мулл приглашались религиозно образованные казахи, «сарты, оренбургские и сибирские татары»¹¹. Как отмечал Н. Рычков, в 1771 г. казахи «не имеют собственных своих священников; но вместо того в осеннее время посещают их Ходжи, Ахуны и Муллы, приезжающие из Ташкента, Туркестана и Хивы»¹². Некоторую часть мулл составляли пленники казахов из числа представителей среднеазиатских народов. Например, у Букей хана служили три муллы — Мурсалим Муртазаев, Абдряш Кутушев и Наис Мухамадрахимов, которые были взяты в плен, женились на казашках, «имеют детей, а сие причины и обязывают кочевать у хана Букея». Первый из них в 1801 г., «когда Букей перешел в российское подданство в то время с ним прибыл на сию сторону», то есть получил русское гражданство¹³.

Как показывают исторические источники и полевые этнографические материалы, строительство мечетей в степной части Казахстана начало набирать силу с переходом казахов к полуоседлости, с образованием здесь стационарных поселений и жилищ, то есть с конца XVIII до начала XX века. И здесь четко прослеживается борьба двух направлений распространения ислама в среде казахов: с юга — религиозных школ Туркестана, Хивы, Бухары, в большей степени суфийского направления, с севера — официальных теологических центров Казани и Уфы. Полевые изыскания последних лет этноархеологов Казахстана устанавливают в некоторой степени условную границу сфер влияния двух направлений распространения ислама — это бассейн реки Эмба, южные отроги гор Мугаджар, нижнее течение реки Ирғиз, вплоть до местности Курдым.

Основными типами мечетей в северной части условно проведенной границы являются мечети «татарского типа», в которых имеется помещение (куда помимо основного молельного зала входят тамбур, кебисхана, библиотека) прямоугольной планировки, ориентированное продольной осью с Юга, Юго-Запада на Север, Северо-Восток, с северной стороны которых возводился минарет (на крыше, над входом, в углу здания)¹⁴. Как отмечает В.В. Бартольд, минарет завершался мусульманским знаком — это был полумесяц, «как религиозный символ, имевший для мечетей то же значение, как крест для христианских храмов», однако он был характерен «не для ислама вообще, но специально для турецко-османского ислама, и, например, на туркестанских мечетях не встречался до русского завоевания»¹⁵. В юго-западной стене мечети обязательно делалась михрабная ниша. Мечети возводились из разного строительного материала: дерева (мечеть в местности Уштерек в Нарын-кумах), камня (мечеть Атыюлла-Казырета бассейна р. Илек), красного жженого кирпича (мечеть Самурата, пос. Жабасак, водораздел Ирғиз—Олькейек, «Қожа-сайдың көк мешіті» на Эмбе)¹⁶, сырцового кирпича (мечеть Жоламана, район Саздинского водохранилища, южнее г. Актобе), иногда использовали и дерн-шым (мечеть Дильмагамбета, юго-восточные отроги гор Мугаджар). О нескольких мечетях, в частности, сообщал инженер фон Шульц при изучении маршрута прокладки железной дороги Оренбург — Ташкент: «На 185-й версте от Оренбурга (в сторону Актюбинска. — Р.Б.) выстроена прекрасная мечеть из обожженного кирпича, медресе (школа) и несколько деревянных домов, принадлежащих мулле, Аульному старшине и Аульному бию (судье); множество зимовок окружают эти здания, так что образуют зимой настоящее село...»¹⁷ Далее он писал, что южнее Актюбинска — в Бестамаке — имеется «несколько деревянных домов и стены строящейся мечети не мало оживляют картину»¹⁸. Как показали этноархитектурные исследования данных памятников, обязательной архитектурной особенностью зданий являлось проектирование и возведение осветительных окон.

Одним из инициаторов строительства мечетей для казахов в Западном Казахстане был Досжан-ишан (1812—1896), сын муллы Кашака из рода Табын, племенного объединения Жетыру Младшего жуза. Он являлся одним из активных религиозных деятелей XIX в. не только Западного Казахстана, но и всей территории, заселяемой казахами, и считался од-

ним из первых казахов, совершивших хадж в Мекку. В последующем Досжан-ишан занимался организацией паломничества казахов к святым местам в арабских странах, являлся одним из организаторов строительства дома «Тэкия үйі» (гостиницы) для мусульман-паломников из Казахстана в Мекке, принимал непосредственное участие в реформе «казахского шежира», доказав принадлежность казахов к мусульманскому миру, а в 1880-х гг. был активным лидером в деле открытия отдельного муфтията для казахов ¹⁹.

Заметим, что к концу XIX в. русская администрация отводила немаловажную роль именно вопросу хаджа «русских мусульман». По данным 1898 г., приводимым Давлетшиным, «по сословным занятиям — все киргизы — местные бай-кочевники», между ними он видел только «двух мулл, приехавших за плату для совершения хаджа вместо других (бедэль)» ²⁰. Все паломники были людьми преклонного возраста — 50—60 лет. Интересно его замечание о подготовке провизии к путешествию, которая помимо русского самовара, чая и сухарей, отличалась запасами «соленой конины, жирными колбасами, сухим соленым сыром (крут)» ²¹. При этом существовало два маршрута: первый — железнодорожным транспортом через Европу в Константинополь, второй — морем на кораблях через порты в Одессе и Севастополе. В этот же период стали появляться специальные гостиницы в Мекке, закрепленные за «русскими мусульманами» ²².

Актюбинская земля имеет богатую историю, в том числе, она сохранила историю формирования уникальной мусульманской традиции. Мечети, медресе, молельные дома были построены близ рек Эмба, Темир, Уил, Иргиз, Илек, Хобда, а также в Мугоджарских горах и Донузтау. Молодое поколение казахов традиционного общества обучалось в этих религиозных учреждениях.

В начале XX в. в Актюбинском крае насчитывалось 204 мечети, 88 церквей, 109 молельных домов ²³. Согласно народным преданиям, в регионе было около 240 мечетей. Понятия «ислам», «иман», «ихсан» ассоциировались с мудростью.

Безусловно, кочевые традиции казахов были связаны с исламской культурой. Степные мыслители, поэты-жырау были одними из самых выдающихся представителей исламской цивилизации. Ходжа Ахмет Ясави, Асан Кайгы, Абай, Ибрай и Шакарим — великие просветители — были, в первую очередь, носителями исламской духовности. Представители казахской интеллигенции считали ислам неотъемлемой частью национальной культурной жизни. Религия в целом, по их мнению, приводила к морали, нравственности и культуре.

Казахские религиозные деятели в середине XIX — начале XX в. получали образование в мусульманских странах Востока, Татарстане и Башкирии и, возвратившись на родину, занимались не только пропагандой религии, но и просветительской деятельностью. Такие представители религиозной интеллигенции того периода, как Досжан-ишан, Сары-ишан, Патуалы-ишан, Шакен-ишан, Ахмет-халфе, Амангали-ахун, Бекпан-хазрет и др., строили мечети в аулах, обучали детей, призывали к культурным ценностям ислама. Они пользовались большим уважением среди населения своей религиозной грамотностью. За эти качества народ

давал им прозвища: «Кара-молда», «Сары-молда», «Ак-ишан», «Сары-ишан». Религиозного служителя народ называл муллою.

Молда (мулла) — персо-турецкий термин, искаженное от арабского слова маула — «господин», «учитель», «образованный человек»²⁴. В Средней Азии и на Кавказе этим словом называют человека, выполняющего функции имама в мечети. Мулла входит в состав мусульманского духовенства, но это низший чин, как правило не имеющий специального теологического образования. Претендент на должность муллы должен быть грамотным и знать наизусть те суры Корана, которые употребляются в ритуальной практике²⁵. В Казахстане с 1788 г. обязанности мулл стали жестко регулироваться царскими указами, их деятельность строго контролировалась имперскими чиновниками. Муллы назначались и отправлялись для служения в мечети по указанию начальников губернии²⁶. Конечно, в советский период деятельность мулл была также строго регламентирована.

Отметим, что в настоящее время муллу официально называют «имам». Во всех регионах Казахстана в мечетях служат имамы — представители, назначенные Духовным управлением мусульман Казахстана. По последним данным (2016 г.), в стране зарегистрировано 2499 мечетей, из них 65 находятся в Актюбинской области²⁷.

В мусульманском мире высшее духовное лицо называли «хазрет», «муфтий», «ахун» или «ишан». Остановимся вкратце на расшифровке религиозных статусов мусульманства в Казахстане.

Хазрет — почетный религиозный титул, присваиваемый высшим духовным лицам. Один из 4 халифов после пророка Мухаммеда — Али — среди казахов известен как «Хазрет Али». Титул «хазрет» давался руководителям мечетей.

Муфтий (арабское слово, означает — «высказывающий мнение») — высшее духовное лицо у мусульман. Он наделен правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам, давать разъяснения по применению шариата.

Ахун — духовное лицо у мусульман, шариатский судья, религиозный титул после муфтия²⁸.

Ишан (по-узбекски «эшон», на древнечагатайском языке *išan*) — синоним слова «святой». Руководитель школы суфизма. Слово «ишан» употребляется в значении шейх, муршид, учитель, пир. В Средней Азии ишанами называли потомков пророка Мухаммеда²⁹.

Аулие (эулие) — форма слова «вали» (уэли) во множественном числе, имеет значение «лучший друг». О таких людях упоминается в Коране: «Знайте, что тем, кому покровительствует Аллах, нечего страшиться и не изведуют они горя. Тем, которые уверовали и были богобоязненны, предназначена радостная весть [о доле благой] в этой жизни и будущей — слова Аллаха не подлежат отмене — это и есть великое преуспеяние» (Сура Йунус, аяты 62—64)³⁰. Вали (святой) — в исламе человек, который проводит все свои дни в постоянных молитвах и поминании Аллаха. Он ведет праведный образ жизни и избегает совершения грехов, постоянно совершенствуя свой духовный мир.

Мусульманские священнослужители, являющиеся последователями пророка Мухаммеда, внесли свой вклад в распространении ислама. Мул-

лы и другие религиозные деятели, помимо призывов к вере, вели борьбу против миссионерской политики царской России и, конечно, внесли неоценимый вклад в повышение общей грамотности населения.

Примечания

1. АСТАФЬЕВ А.Е. Новые направления изучения подземных мечетей Мангыстау. В кн.: Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. мат-лов Межд. научн. конференции. Алматы. 2010, с. 351—358; АЖИГАЛИ С. Архитектура кочевников — феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы. 2002, с. 34.
2. РЫЧКОВ П.И. Топография Оренбургская, т.е. обстоятельное описание Оренбургской губернии. Оренбург. 1762, с. 86.
3. ВОЕЙКОВ I. Le Turkestan russe. Paris. 1914, p. 334.
4. НОГМАНОВ А. Екатерина II: «... повелеваем... наблюдать, дабы к исправлению духовных должностей Магометанского закона употребляемы были люди в верности надежные и доброго поведения». — Историко-документальный журнал «Эхо веков». Казань, 1998, № 1—2, с. 103—106.
5. Там же, с. 105.
6. Сыр-Даринская область. Описание, составленное по официальным источникам Е. Смирновым. СПб. 1887, с. 272.
7. БАБАДЖАНОВ Б. Среднеазиатское духовное управление мусульман: предыстория и последствия распада. В кн.: Власть и общество в истории: матер. межд. летней школы молодых историков стран-участниц СНГ. М. 2006, с. 253—269.
8. МУМИНОВ А.К. Ислам в Центральной Азии: особенности в кочевой среде. В кн.: Матер. межд. конференции «Урбанизация и кочевничество в Центральной Азии: история проблемы». Алматы. 2004, с. 108—116.
9. Там же, с. 113; АЛИМБАЙ Н., МУКАНОВ М.С., АРГЫНБАЕВ Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. Алматы. 1998; ГАЛИЕВ В.З. Культура Казахстана во второй половине XIX — начале XX веков: учебное пособие по истории Казахстана с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата. 1992, с. 88—98; МУСТАФИНА Р.М. Бытовой Ислам у казахов (XIX—X вв.) (историко-этнографическое исследование): дисс. докт. ист. наук. Алматы. 2006.
10. ГАЛКИН М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб. 1868. с. 35.
11. СМЕРНОВ А.П. Быт и нравы киргизов. Изд. 2-е. СПб. 1897, с. 25.
12. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб. 1772, с. 26.
13. Дело об указе муллама Мургазаеву и Кутушеву об их пребывании в орде. 30 апреля 1812 г. Государственный архив Актыбинской области (ГА АО), ф. 1, оп. 3, т. 2, д. 868, л. 11.
14. ХАРУЗИН А. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). Странички из Записной книги с 13 фототипными таблицами. М. 1888, с. 162—163.
15. Государственный архив Оренбургской области (ГА ОО), ф. 6, оп. 10, д. 3487, л. 476.
16. АЖИГАЛИ С. Памятники Северного Приаралья. В кн.: История и культура Арало-Каспия: сб. ст. Алматы. 2001, с. 150—183.
17. ШУЛЬЦ К.К. фон. Некоторые результаты нивелировочных исследований, произведенных между Оренбургом, Аральским морем и Кара-Тугаем. Т. 12. 1884, вып. 3, с. 1—40.
18. Там же, с. 18
19. ҰРПАҚҰЛЫ Т. Ойшыл, ағартушы, хазірет. — Темір. 2000. 13 мамыр; ШАНҒЕРЕЕВ Е. Кіші жүз пірі — Досжан хазірет. — Темір. 2000. 9 қыркүйек; ӘЖІГАЛИ С.Е. Досжан-ишан Қашақұлы (1812—1896). В кн.: Қазақстан ұлттық энциклопедия. Т. 3. Алматы. 2001, с. 373.
20. ДАВЛЕТШИН. Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз. СПб. 1899, с. 86.
21. Там же, с. 86.

22. Там же, с. 96.
23. Қазақстан Республикасының Ақтөбе Облыстық Мемлекеттік Мұрағаты (ҚР АОММ), 13-қор, 8-тізбе, 288 іс, п. 2.
24. http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/MULLA; КРЫМСКИЙ А. Е. История мусульманства. М.-Жуковский. 2003; Ислам. Энциклопедиялық анықтамалық. Алматы. 2010, б. 149.
25. КРЫМСКИЙ А. Е. Ук. соч.
26. АМЕЛИН В. В., ДЕНИСОВ Д. Н., МОРГУНОВ К. А. Ислам в конфессиональном пространстве Оренбургского края. Оренбург. 2014, с. 7—8.
27. www.din.gov.kz.
28. Ислам. Энциклопедиялық анықтамалық. Алматы. 2010, б. 149.
29. БАРТОЛЬД В. В. Сочинения. Т. 6. Работы по истории ислама и арабского халифата. М. 1966, с. 675; ФАТЮЩЕНКО А. Уйти нельзя. Обидите. — Вокруг света. 2003, № 5 (2752).
30. 7-Юныс сүресі, 62—64 аяттар. Құран Кәрім, (қазақша мағына және түсінігі). 1991, б. 216.

Провинциальное чиновничество России первой половины XIX в. в трудах дореволюционных и советских исследователей

О.А. Плех

Аннотация. Публикация посвящена историографии провинциального чиновничества России первой половины XIX века. В ходе анализа дореволюционных и советских отечественных исследований особое внимание уделено следующим вопросам: какие методологические подходы использовались авторами, какие исследовательские задачи они ставили перед собой, какие источники легли в основу исследований, какие оригинальные выводы были сделаны и какой вклад их публикации внесли в научное осмысление проблемы.

Ключевые слова: историография, чиновничество, бюрократия, местное управление, провинция, государственная служба.

Abstract. The publication is devoted to the historiography of provincial officials of Russia in the first half of the XIX century. During the analysis of pre-revolutionary and Soviet domestic studies, special attention was paid to the following questions: what methodological approaches were used by the authors, what research tasks did they put, what sources formed the basis of the research, what original conclusions were made and what contribution did their publications contribute to the scientific understanding of the problem.

Key words: historiography, officialdom, bureaucracy, local government, province, public service.

Феномен российской бюрократии на протяжении более чем полутора столетий привлекает к себе внимание отечественных исследователей, неоднократно предпринимавших попытки представить природу и специфику формирования служилого сословия в контексте истории государственного управления. О существовании давних историографических традиций можно говорить и применительно к изучению чиновничества первой половины XIX века. Традиционно в исторической науке анализ литературы проводится с учетом хронологического принципа, что очень важно, поскольку на разных этапах развития нашего государства перед научным сообществом стояли разные задачи, а проблематика публика-

Плех Олеся Анатольевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра «История России XIX — начала XX вв.» Института российской истории РАН. E-mail: plekh@mail.ru.

Plekh Olesya A. — candidate of historical sciences, research scientist of Center “Russian History of the 19th and early 20th centuries”. The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. E-mail: plekh@mail.ru.

ций, взгляды и выводы исследователей во многом были обусловлены общим историческим контекстом. Цель настоящей публикации — рассмотреть опыт изучения провинциальной бюрократии первой половины XIX в., накопленный в науке дореволюционного и советского периодов.

Дореволюционная историография российского чиновничества первой половины XIX в. довольно скудна. Об этом справедливо в свое время писал Н. П. Ерошкин. Однако автор не вполне правомерно ограничивал исследовательский опыт этого периода «несколькими посредственными журнальными статьями», считая, что интерес ученых сдерживали «господствующие верхи», не заинтересованные «в публичном освещении таинств управления»¹. В противовес этому в современных исследованиях можно увидеть и другую крайность: стремление преувеличить научные достижения дореволюционных авторов путем включения в историографию чиновничества работ, в которых не ставилась цель охарактеризовать систему управления или оценить состояние местной бюрократии (публицистические очерки философской направленности, художественные произведения, а также посвященные описанию отдельных губерний сочинения путешественников, этнографов, краеведов и самих чиновников)². Данную тенденцию также нельзя признать полезной с научной точки зрения.

Во второй половине XIX — начале XX в. развитие получило несколько исследовательских течений, в разной степени затрагивавших состояние бюрократии дореформенной России. К первому направлению относятся публикации правоведов (в том числе, представителей «государственной школы»). Реформы Александра II и попытки их скорректировать в годы правления Александра III вызвали оживленный интерес ученых, попытавшихся проследить эволюцию правительственной политики в области местного управления, выделить ее слабые и сильные стороны, сопоставить с практикой, выработанной в западноевропейских странах. В основе методологии таких исследований лежал формально-юридический метод, что обусловило и характер источниковой базы, включающей преимущественно законодательные акты и нормативные документы. Теоретическим фундаментом служили философские и социально-политические воззрения европейских мыслителей Нового времени.

Одно из первых историко-правовых исследований, посвященных анализу губернского управления первой половины XIX в., принадлежит А. В. Лохвицкому. Автор впервые обратил внимание на проблему формирования кадрового состава местных учреждений, считая, что среди служащих «пришлый» элемент доминировал над «туземным». Он полагал, что дворянство, пользуясь высоким положением и привилегиями, «мало сделало для страны», из всей его массы выделился «весьма небольшой, годный для правительства кадр»³, которого не хватало даже для того, чтобы заполнить центральные учреждения. Иные слои русского населения, ввиду почти поголовной безграмотности, также не могли удовлетворить потребности в управленческих кадрах, в связи с чем правительство вынуждено было привлекать на службу инородцев, в первую очередь немцев и поляков, обладавших многочисленным дворянством и имевших в западных губерниях больше возможностей получить образование, чем в «коренных русских». Все это привело к засилью инородцев в «администрации», в том числе и в провинциальной.

Некоторые идеи, высказанные Лохвицким, поддерживал и развивал в своих трудах яркий представитель «государственной школы» А. Д. Градовский. В частности, он указывал на то, что Екатерина II при проведении губернской реформы 1775 г. предполагала, что местные учреждения будут состоять преимущественно из местных жителей. Но на практике провинциальное общество оказалось к этому неготовым: «образованнейшие из дворян» предпочитали службу полковую или в центральных учреждениях, оставляя выборные дворянские должности на местах для «благородной черни». В условиях нехватки кадров «главные из местных должностей» стали наполняться лицами, назначаемыми в губернии из центральных учреждений. Вследствие всего этого «служебный персонал, действовавший в губерниях, постоянно являлся чем-то посторонним, чуждым местному населению»⁴. И в этом Градовский видел одну из главных проблем, которая привела к появлению таких «условий государственной администрации», что даже самые полезные начинания как Александра I, так и Николая I «не могли привести ни к какому положительному результату»⁵.

Другой представитель «государственной школы» — Б. Н. Чичерин, рассматривая этот вопрос в теоретическом ключе, полагал, что в любом государстве, где нет развитого местного самоуправления, «провинции управляются людьми, которые совершенно им чужды, которые не знают ни местных условий, ни местных интересов»⁶. При этом у бюрократии всегда развивается свой собственный «интерес», сопряженный со стремлением к безграничной власти, но ввиду того, что судьба местных чиновников зависит от начальства, «с произволом к низу соединяется раболепство кверху»⁷. Угодливость же проявляется в стремлении изобразить в отчетах приятную для начальства картину, а все, что ее нарушает, тщательно скрывается. В итоге, те, кто стоит наверху, не имеют ни малейшего понятия о том, что происходит на местах. Все это, по мнению Чичерина, в полной мере проявилось в дореформенной России, когда такие негативные черты бюрократического порядка управления, как медленность делопроизводства, рутинность, формализм, отписки, равнодушие ко всякому делу; неспособность к плодотворной деятельности, чиновничество и чиновничество, из-за общего низкого интеллектуально-нравственного уровня служащих дополнились «беззастенчивым произволом» и «всепроникающим лихоимством»⁸.

Попытка проанализировать историю государственной службы в России была предпринята Н. К. Нелидовым. Он одним из первых обратил внимание на существовавшую в науке и практике «терминологическую разноголосицу» относительно понятий «должностное лицо», «служащий» и «чиновник» и полагал, что они тождественны по своей сути⁹. Причем подчеркивалось, что термин «чиновник» характерен только для российского законодательства, в его основе лежала связь между понятием «должность» и «идеей о ранге, классе или чине, в котором состоит должность»¹⁰. Анализируя условия гражданской службы в первой половине XIX в., автор негативно оценивал стремление правительства сохранить сословные ограничения и положительно характеризовал постепенное введение требований к уровню образования чиновников. Нелидов полагал, что кадровые проблемы, с которыми столкнулось государство

в этот период, стали результатом непродуманной политики предшествующего времени. В частности, несвоевременным шагом явилось освобождение дворянского сословия от обязательной службы. На тот момент в обществе еще не было достаточного количества лиц, подготовленных к служебной деятельности и стремившихся посвятить себя ей. Не лучшим образом сказалось введение служебных привилегий для дворянства, которое, в свою очередь, не только было не в состоянии обеспечить необходимое количество кадров для гражданской службы, но и избегало рядовых должностей, в особенности в местном управлении.

В ином ключе политику правительства в отношении дворянства рассматривал А.В. Романович-Славатинский. Он считал, что издание Манифеста о вольности дворянства 1762 г. вовсе не означало полного освобождения от службы. В результате преобразований 1775 г. возникла «обязанность дворянства, хотя закон называл ее правом, преимуществом, тянуть тягло местной службы»¹¹. Однако дворяне, хотя и понимали свою новую роль, на протяжении первой половины XIX в. неохотно принимали участие в выборах, а представители знатных фамилий вовсе от них уклонялись. Главную причину этого автор видел в том, что «знатное дворянство не хотело тянуть одну выборную местную службу с дворянством рядовым»¹². В связи с этим следует упомянуть и исследование С.А. Корфа, посвященное истории дворянского сословного управления. Автор прямо заявил, что попытка ввести в России этот институт привела к самым ничтожным результатам, поскольку само дворянство по отношению к дарованному ему самоуправлению оказалось еще «недоразвитым»: высшее сословие ввиду недостаточной образованности и высокой степени невежества в основной своей массе попросту было не готово не только к выборной, но и к гражданской службе в целом¹³.

Среди историко-правовых исследований встречаются попытки представить общую характеристику российской бюрократии. В основном, конечно, это были небольшие статьи или разделы монографий. Так, «Лекции по русскому государственному праву» Н.И. Лазаревского содержат параграф, посвященный чиновничеству, в котором служащие первой половины XIX в. разделены на три категории: 1) чиновники центральных учреждений и лица, назначаемые правительством на высшие (штатные) должности в местном управлении; 2) лица, служащие по выборам в губернских и уездных присутственных местах; 3) канцелярские чиновники центральных и местных учреждений¹⁴. Автор, рассматривая их правовое положение, противопоставлял первые две категории третьей, считая, что последняя являлась «великим злом», поскольку «это были люди без образования, с самым необеспеченным служебным положением, жившие главным образом противозаконными поборами с просителей и сильные своим закулисным влиянием»¹⁵. Существование в провинции такого класса, по мнению Лазаревского, уже само по себе «вносило в народ известную деморализацию», а более того «гибельным образом» сказывалось на местном управлении¹⁶. В целом же исследователь считал, что в дореформенной России еще не существовало бюрократии, как особой социальной силы со своими профессиональными интересами. Статья В.М. Гессена посвящена проблеме становления бюрократии в России и западноевропейских государствах. В этой работе, больше напоминающей публици-

стический очерк, автор изложил лишь общие размышления, основанные на имеющихся в научной литературе сведениях. В частности, он полагал, что в России бюрократия, являясь «детисцем полицейского государства XVIII в.», достигла наибольшего «всемогущества» при Николае I¹⁷. При этом он акцентировал внимание на ее коренных отличиях от служащих на Западе, для которых был характерен высокий профессионализм. В России же этому препятствовали весьма слабое распространение образования, «рутинность и безжизненный формализм», полная зависимость служащих от начальства, отсутствие у них уважения и страха перед законом, безответственность¹⁸. Кроме того, у российского чиновничества более ярко, чем на Западе, были выражены такие черты, как оторванность от общества и олигархичность.

Ряд историко-правовых исследований касается истории отдельных государственных учреждений¹⁹. Основное внимание в этих работах уделено анализу законодательных положений, определявших деятельность, структуру и компетенцию изучаемых институтов, и характеристике пробелов правового регулирования. Однако вопросы, непосредственно связанные с кадровым наполнением, ускользали от взора юристов.

Вторая группа дореволюционных исследований включает публикации, вышедшие из-под пера самих чиновников. Издание подобных трудов, как правило, осуществлялось по поручению и под непосредственным надзором министров и других «главноначальствующих» лиц. Большим достоинством этих работ было то, что авторы получали доступ к архивам центральных учреждений и ввели в научный оборот массу интереснейших документов²⁰, но ввиду их служебного положения критический анализ источников был затруднен, а оценочные суждения минимальны и часто сводились к восхвалению правительственной политики и деятельности лиц, занимавших руководящие посты. В литературе наибольшую известность получили юбилейные ведомственные издания, при подготовке которых создавались авторские коллективы, помимо чиновников включавшие историков, правоведов, архивистов²¹. Эти труды, несмотря на обилие фактического материала, содержат довольно скудную и разрозненную информацию по интересующей нас проблеме.

В целом публикации чиновников, затрагивавшие деятельность местных учреждений и их личный состав, немногочисленны. Одна из первых таких работ — статья В.К. Ржевского, в которой предпринята попытка охарактеризовать сложившийся к середине XIX в. бюрократический порядок управления. Автор разграничивал понятия «чиновник» и «бюрократия», считая, что первое означает «всякое лицо, обязанное службой», а второе — «владычество канцелярии». Всех чиновников он делил на три разряда: 1) лица, наделенные административной властью (губернатор, председатели палат, исправники и т.д.); 2) лица, имеющие совещательный голос (советники палат, заседатели судов и т.д.); 3) лица, назначенные для ведения переписки²². Он полагал, что бюрократия со всеми ее негативными чертами начинает властвовать на местах тогда, когда слишком усиливается «влияние столицы на провинцию» и обычной практикой становится назначение чиновников третьего разряда из столичных канцелярий на должности первого разряда в местные учреждения. Как известно, описываемые явления имели место в первой половине XIX в.,

однако Ржевский уклонился от однозначной оценки системы местного управления.

Многие проблемы государственной службы затронул Э.Н. Берендтс в записке, адресованной министру внутренних дел и впоследствии опубликованной. В частности, он довольно четко обозначил недостатки в практике формирования кадрового состава в первой половине XIX века ²³. Во-первых, военный человек признавался на все способным, и административные должности являлись средством награждения за проявленные доблести. Во-вторых, в центральные учреждения принимали лиц, не прошедших службу в провинции и не знавших нужд и потребностей государства, которым они собирались управлять. В-третьих, столичные чиновники, если и назначались в провинции, то воспринимали это как «необходимое зло», чтобы заслужить доверие и получить в столице более высокую должность («прочно установился взгляд», что служба в губернии по важности второстепенная и в ней состоят люди «какой-то низшей расы», к которым «настоящий, полноправный чиновник» может относиться лишь снисходительно, не сближаясь с ними). В-четвертых, правительство хотело видеть на службе лиц с высшим образованием, но при этом не обращало внимания на содержание их дипломов (не было понимания того, что «специализация наук» должна соответствовать сфере применения полученных знаний). В-пятых, ввиду того, что знания, приобретенные в учебных заведениях, оказывались бесполезными на практике, то они очень быстро забывались и заменялись канцелярской рутинной. Берендтс считал, что ни в одном государстве с хорошей администрацией не было таких порядков. В «неудовлетворительности» кадрового состава он видел причины неудач предпринимавшихся реформ и беззакония на местах. При Александре I этот фактор усугублялся укоренившейся привычкой «создавать учреждения, а затем искать людей, и не находя их, довольствоваться случайными находками» ²⁴. При Николае I на местах появилось немало «деятельных, честных и способных лиц», однако большинство служащих продолжало оставаться на «весьма низкой умственной и нравственной ступени развития» ²⁵. Кроме того, Берендтс обратил внимание на отношение дворянства к выборной службе и особо подчеркнул, что на должности в провинции поступали в основном представители низшего, обедневшего слоя («очень грубого», с поверхностным и недостаточным образованием), смотревшие на службу «как на воздаяние должного» (промысел, кормление) ²⁶.

Известный государственный деятель Г.А. Евреинов в своем очерке отметил другую особенность связи высшего сословия и службы: до середины XIX в. существовало почти полное «тождество чина и дворянского звания», и именно этот фактор являлся стимулом для привлечения на государственную службу пригодных для нее лиц из разных состояний. С этой точки зрения чинопроизводство являлось полезной мерой преодоления дефицита кадров. В то же время именно в этот период обнаружилось и вредное влияние чинов на общественные отношения, поскольку они обособляли «всех лиц, состоящих на государственной службе, в особое чиновное сословие, или касту» ²⁷. В статье опытного провинциального чиновника И.М. Страховского также имеется сюжет о служилом сословии. Автор утверждал, что на протяжении XIX в. происходило его

постепенное «обезличение»²⁸. Многочисленные попытки наладить профессиональную подготовку лиц, поступавших на службу, и урегулировать «подбор» кандидатов для высших провинциальных должностей не дали ожидаемых результатов, и даже в начале XX в. он вынужден был констатировать: «нет людей».

Третья группа дореволюционных исследований включает труды историков. Конечно, взвешенная оценка явлений прошлого требует времени и репрезентативных исторических источников, а прошедшего времени было явно недостаточно для научного осмысления происходивших в первой половине XIX в. процессов. Скучна была и документальная база: доступ к центральным архивам был ограничен, а губернские архивные ученые комиссии стали учреждаться только в конце XIX века. Кроме того, существовали цензурные ограничения. Все это накладывало отпечаток и на тематику, и на содержание исторических исследований.

Одной из немногих работ, посвященных чиновничеству и написанных с привлечением ранее неизвестных архивных материалов, был исторический очерк В.А. Евреинова о гражданском чиновничестве. Обосновывая актуальность своего исследования, автор особо отметил, что в российском обществе чины всегда имели большое значение, их предпочитали другим наградам, их добивались все — от низших служащих до высокопоставленных государственных лиц²⁹. Рассуждая о том, какое влияние сложившаяся в первой половине XIX в. система чиновничества оказала на кадровый состав государственных учреждений, Евреинов полагал, что не следует ее связывать со всеми пороками бюрократического аппарата. Да, в условиях кадрового голода чины использовались правительством как мера поощрения к гражданской службе, что привело к «чрезмерному размножению» чиновников и умалению значения самой награды. Однако «корень зла» произрастал из «несовершенства законодательства относительно самого приема на гражданскую службу лиц и повышения в должностях», а именно — из того, что занятие «должности поставлено в зависимость от имеющегося у служащего чина», а не наоборот, как предполагалось изначально³⁰. Такой порядок заставлял служащих «искать чинов», а действовавшие правила чиновничества позволяли достигать этой цели простой выслугой лет. Вследствие чего в провинции формировался «особый замкнутый класс, чуждый прочим слоям населения»³¹. Ввиду нежелания дворянства служить, в особенности в канцелярском звании, этот «класс» в основном пополняли лица не из дворян, готовые всецело посвятить себя служебной деятельности. Многие из них, занимавшие низшие и средние должности, были людьми малоспособными и необразованными, стремившимися к единой цели — наживе.

В целом труды историков, касавшиеся состояния провинциальной бюрократии первой половины XIX в., были единичны. При этом в одних случаях исследователи просто излагали известные им факты³², а в других — приводили лишь общие суждения, не подкрепленные документально. В последнем случае характеристика местного управления приобретала явно негативный окрас. Так, А.А. Кизеветтер полагал, что в губерниях царили полный произвол, взяточничество, волокита, бумагописание, «под гнетом которых задышалась страна и гибла всякая живая мысль»³³. Мест-

ные учреждения автор сравнивал с «воровскими и разбойничьими притонами», заполненными бюрократией, возмнившей себя всемогущей по отношению к незащищенному населению, но совершенно беспомощной перед стоявшими перед ней задачами в сфере управления. Подобный взгляд наблюдается и в работе известного историка В. О. Ключевского, который исходил из того, что в XVIII в. государственное управление имело дворянский характер, а с 1796 г. началась эпоха господства бюрократии: по мере ослабления привилегированного положения высшего сословия главным орудием правительства становилось чиновничество, а дворянство превратилось «во вспомогательное средство коронной администрации»³⁴. Под бюрократией он понимал «действовавшую вне общества и лишенную всякого социального облика кучу физических лиц разнообразного происхождения, объединенных только чинопроизводством», а главный недостаток управления видел в чрезмерном развитии канцелярского порядка³⁵. «Здание бюрократизма», достигшее наивысшего расцвета при Николае I, держалось на столоначальниках — таков главный вывод Ключевского. Несколько иной точки зрения придерживался С. Ф. Платонов. Он полагал, что в дореформенной России управление было сосредоточено в руках дворянского сословия, а реформа 1775 г. только упрочила его «первенствующее административное значение в стране». Отныне все учреждения стали «управляться дворянством: сверху они действовали в виде бюрократии, внизу — в качестве представителей дворянских самоуправляющихся обществ»³⁶.

Характерной чертой дореволюционного периода стало активное обращение к истории российского чиновничества публицистов. Так же как и представители научного сообщества, они пытались осмыслить особенности становления бюрократии в России и исторически обосновать ее специфику со всеми пороками и недостатками, выявить черты, отличавшие ее от западноевропейских служащих. Конечно, многие из авторов ограничивались лишь общими размышлениями, на которые большое влияние оказывала активно публиковавшаяся в конце XIX в. мемуарная литература, красочно иллюстрировавшая дореформенные порядки на местах. Однако ряд очерков и статей представляют собой любопытные произведения, близкие к историческим исследованиям. Пожалуй, наибольшую ценность представляют труды известного публициста Е. П. Карновича, который в своих работах не только учитывал сведения, опубликованные в научной литературе, но и самостоятельно изучал документальные источники. Это позволило ему обратить внимание на многие проблемные вопросы в изучении российского чиновничества. Во-первых, он попытался представить теоретический анализ категорий «чин», «чиновник», «бюрократия», справедливо указывая на то, что в разное время этим словам придавалось разное и не всегда соответствующее их сущности значение³⁷. Карнович считал, что термины «чиновничество» и «бюрократия» по сути синонимы и должны употребляться по отношению ко всем лицам, служащим по гражданскому ведомству. Во-вторых, применительно к дореформенной России автор пишет о неподготовленности чиновников к исполнению возлагаемых на них обязанностей. Правительство хотя и осознавало «важное практическое значение» наличия образования для занятия «более или менее видных должностей», но

массово назначало на них бывших военных офицеров «помимо всякого вопроса о пригодности их к этого рода гражданской службе»³⁸. Кроме того, начальство нередко при раздаче должностей руководствовалось личными соображениями и действовало «по протекции». В-третьих, исходя из того, что чиновничество — это сила, без которой не может обойтись ни одно государство, автор задался вопросом о соразмерности этой силы с действительными потребностями администрации и теми средствами, какими располагала казна для обеспечения состоявших на службе лиц. Эта важная проблема, сохраняющая актуальность и в современной исторической науке, впервые была обозначена Карновичем. В частности, он указал примерную численность российской бюрократии 1840-х гг. — 35 000 чел. — и сделал вывод о несоответствии этого числа пространству государства и задачам, стоявшим перед администрацией (для сравнения он привел данные о количестве бюрократии во Франции в этот же период — 80 000 человек).

Другой известный публицист К. Ф. Головин считал, что в дореформенной России, как ни в одной другой стране, дворянству принадлежало исключительное право «пополнять из своих рядов должности администрации и суда»³⁹, но оно совершенно не дорожило этими преимуществами и с презрением относилось к замещаемым им должностям. Более того, лица, поступавшие на выборные должности, под влиянием царившего канцелярского порядка постепенно становились «приказными самой чистой воды», да и само дворянское сословие активно пополнялось выходцами из «приказных». Такую организацию местного управления Головин считал «мнимо дворянской» и по сути — приказной.

Марксист М. С. Александров подверг критике многие идеи, культивировавшиеся в публицистической и исторической литературе. В частности, он задался целью развенчать «миф о господстве бюрократии» в первой половине XIX в., в связи с чем оспаривал взгляды Ключевского и пытался развивать идеи Платонова о единстве дворянства и чиновничества. Александров считал, что «никакой бюрократии вне поместного дворянства не существовало» («бюрократия была дворянством, а дворянство бюрократией», «учреждения бюрократические и учреждения выборные составляли единое целое») ⁴⁰. Из-за «недостатка в людях» правительство вынуждено было приглашать на низшие должности, «в качестве рабочих рук», выходцев из податных сословий, которые, продвигаясь по служебной лестнице и приобретая чины, пополняли дворянство. Этот процесс автор называл «самопополнением сословия». При этом он разделял «управляющее сословие» на землевладельцев, являвшихся «членами государственной организации», и безпоместных чиновников, таковыми не являвшихся («рабочие руки»).

В советской исторической науке исследователи далеко не сразу обратились к проблемам государственного управления Российской империи. Вплоть до 1960-х гг. эти вопросы практически не затрагивались. Исключение составляли лишь немногочисленные труды ученых, начавших свой творческий путь еще до революции. Так, в сочинении М. В. Довнара-Запольского, датированном 1925 г., содержался небольшой раздел, посвященный провинциальному чиновничеству, которое он именовал не иначе как «крапивное семя» ⁴¹. При этом автор не сообщал ничего нового

относительно кадрового состава местных учреждений, а лишь со ссылками на дореволюционную литературу и опубликованные мемуары описывал произвол, волокиту, формализм и взяточничество, пронизывавшие местное управление. В публикациях последующих десятилетий анализу бюрократии практически не уделялось внимания. В историографических обзорах нередко упоминаются труды П.Г. Рындзюнского и А.В. Предтеченского, в которых якобы дается общая характеристика российского чиновничества первой половины XIX века⁴². Однако при внимательном рассмотрении этих работ можно увидеть, что в них освещены лишь отдельные аспекты общественных и политических процессов, но вопросы развития бюрократии даже не затронуты⁴³. Хотя следует отметить, что авторы внесли заметный вклад в изучение государственных учреждений: они попытались охарактеризовать их деятельность и проанализировать проекты реформ, привлекая опубликованные и архивные материалы.

Безусловно, заслуживает внимания фундаментальный труд Н.М. Дружинина, посвященный реформе П.Д. Киселёва. Обратившись к проблемам формирования кадрового состава новых учреждений, он отметил, что правительство столкнулось с недостатком образованных и честных кандидатов «в узко очерченном круге» местного дворянства и чиновничества. Кроме того, появление новых учреждений «возбудило надежды разнообразных искателей мест, находивших себе высоких покровителей»⁴⁴. Как показала практика, уже в первые годы существования палат государственных имуществ отсутствие необходимых способностей и элементарной порядочности обнаружилось у подавляющего большинства лиц, назначенных управляющими палатами и их ближайшими помощниками. В целом, как подытожил Дружинин, несмотря на благовидные намерения Киселёва наполнить учреждения достойными людьми, в реальности «правлящее чиновничество нового министерства было плотью от плоти и костью от кости прогнившего дореформенного аппарата; оно ничем не отличалось от чиновников других министерств по своему происхождению, взглядам, привычкам и способам управления»⁴⁵.

С конца 1950-х гг. в советской исторической науке наметились положительные сдвиги, предопределившие интерес к изучению государственного аппарата самодержавной России и «исследовательский бум» следующих десятилетий. В 1964 г. появилась статья А.И. Парусова, посвященная истории местного управления первой четверти XIX века. Автор собрал массу фактического материала, но раскрыть его на фоне общей эволюции государственного аппарата ему не удалось. Работа приобрела описательный характер без необходимых обобщений, что не позволило выйти на новый уровень осмысления изучаемых процессов. Характеристика кадрового состава ограничилась утверждением, что «местное управление находилось целиком и полностью в руках господствовавшего класса дворянства»⁴⁶, однако в статье отсутствует документальное обоснование этой мысли.

Развернувшаяся в 1968—1972 гг. дискуссия, посвященная генезису, социальной природе и эволюции абсолютизма, актуализировала многие вопросы, связанные с историей государственного управления Российской империи, что предопределило появление целого ряда фундаментальных работ.

Качественно новый подход к изучению бюрократии предложил С.М. Троицкий. Во-первых, он попытался рассмотреть правительственную политику в отношении чиновничества в неразрывной связи с эволюцией государственного строя в XVIII веке. Во-вторых, анализируя процесс формирования бюрократии, он обратился к вопросам, связанным с ее составом и численностью, социальным происхождением, ролью денежного жалования, уровнем образования и профессиональной подготовки, и проблемам ее социальной эволюции («одворянивание», «обуржуазивание»). В-третьих, сложность поставленных исследователем задач потребовала привлечения значительного массива архивных документов, в первую очередь ранее не введенных в научный оборот (в частности, автору удалось обнаружить уникальные материалы переписей чиновников и канцелярских служащих, проводившихся в 1754—1756 гг.)⁴⁷. Все это позволило Троицкому сделать ряд важных наблюдений. Определяя бюрократию как «особый слой лиц, специализирующихся на управлении государством и обладающих рядом привилегий», он выделил присущие ей в середине XVIII в. отличительные черты: 1) разделение функций как между отраслями управления, так и внутри учреждений между отдельными чиновниками; 2) учет личной выслуги, способностей и образования при комплектовании кадрового состава и прохождении службы; 3) введение регулярных денежных окладов⁴⁸. Автор произвел подсчет численности служащих, в том числе и по местным учреждениям, а также предложил выделять в составе бюрократии четыре разряда: к первому отнесены чиновники I— классов по Табели о рангах, ко второму — VI— III, к третьему — IX— IV, к четвертому — канцелярские служащие, чьи должности не попали в Табель о рангах. Проведенное исследование позволило увидеть, что к середине XVIII в. Россия обладала немногочисленной, но сложной по социальному составу бюрократией, пополнявшейся выходцами из разных слоев населения, которые путем приобретения чинов вступали в ряды дворянства («одворянивание» бюрократии).

Первой фундаментальной работой о чиновничестве XIX в., предопределившей возникновение целого научного направления исследований, стала монография П.А. Зайончковского. В ее основу легла внушительная документальная база. В первую очередь, это многочисленные архивные делопроизводственные материалы: документы различных комитетов и комиссий, доклады, отчеты, записки, официальная переписка и проч. Сведения, которые удалось выявить, ранее не были известны исследователям. В частности, автор обнаружил точные сведения о численности чиновничества на середину века: в 1847 г. она составляла 61 548 чел., в 1857 г. — 86 066⁴⁹. Исследователь также привел данные о числе канцелярских служащих в 1857 г. — 32 073 чел., или 35,55% от всех гражданских служащих⁵⁰. Впервые должное освещение получили сюжеты, связанные с составом чиновничества, его образовательным уровнем, материальным положением, что во многом стало возможным благодаря массовой обработке формулярных списков. Также впервые в советской науке автор заявил, что бюрократию следует рассматривать как особую социальную группу, поскольку наряду с расстановкой общественных сил и определенной политической системой, люди, стоявшие во главе администрации, также оказывали значительное влияние на внутреннюю

политику государства. Проведенное исследование позволило автору сделать вывод, что за первую половину XIX в. государственный аппарат значительно вырос: в 1796 г. один чиновник приходился на 2250 жителей, а в 1851 г. — на 929 человек. Результаты анализа сословного состава показали, что потомственное дворянство составляло не менее 85% от высшей бюрократии, но среди среднего и низшего чиновничества этот показатель был невелик (не более 20%). Кроме того, автор указал, что, согласно министерской статистике, в конце 1840-х гг. около половины от всего дворянства «никогда не бывали ни в какой службе»⁵¹. Отметим, что при всей значимости данного исследования, сюжеты, связанные с личным составом местных учреждений первой половины XIX в., не получили полного освещения (внимание было уделено лишь высшему губернскому чиновничеству).

Еще одним советским историком, внесшим значительный вклад в изучение государственного управления Российской империи, был Н.П. Ерошкин. Государственные учреждения первой половины XIX в. он рассматривал сквозь призму ведомственного подхода, в соответствии с чем представил структуру, функции и характер деятельности центральных и местных правительственных органов. Автор подчеркивал, что политический курс определялся самодержавием и верхами бюрократии, формируемыми из дворянства, а министерства и подведомственные им учреждения играли роль инструментов реализации крепостнических интересов. Характеризуя уровень развития бюрократии, он пришел к заключению, что в первой половине XIX в. происходило постепенное усиление кадров («не только количественное, но и качественное их изменение в образовательном уровне и деловой квалификации»), однако этот процесс шел довольно медленно и к середине века даже верхушка бюрократии обладала «невысоким уровнем управленческой специализации», заметно отстававшим от «отраслевой специализации отдельных звеньев государственного аппарата»⁵². Исследователь также ввел в научный оборот обширный круг документальных источников, однако характеристику дореформенного чиновничества он представил, используя опубликованные в научной литературе сведения. В частности, данные по его численности и составу он почерпнул из работ Зайончковского и зарубежных коллег (У. Пинтнера, Х.-Й. Торке, Э. Амбургера).

В целом в отечественной науке 1960—1980-х гг. история властных институтов Российской империи привлекала внимание многих ученых (Л.Г. Захарова, П.Н. Зырянов, И.В. Оржеховский, В.Г. Чернуха и др.), однако хронологически их работы в основном охватывали вторую половину XIX — начало XX в., и чиновничество не являлось предметом исследования. Следует подчеркнуть, что активная разработка проблем российской государственности способствовала привлечению внимания историков к ранее не использовавшимся видам источников, что стимулировало развитие источниковедения⁵³. Так, изучение групповых формулярных списков позволило М.Ф. Румянцевой опубликовать ценные сведения о социальном составе и имущественном положении провинциальных чиновников конца XVIII века⁵⁴.

Проведенный историографический анализ показал, что в изучаемый период провинциальное чиновничество первой половины XIX в. еще не

стало предметом специального исследования. В дореволюционной науке история российской государственности привлекала внимание и ученых, и публицистов, однако ограниченный доступ к архивам и цензура накладывали отпечаток на тематику и содержание издававшихся работ. В зависимости от задач, которые ставили перед собой авторы, публикации можно разделить на две группы. Первая связана с развернувшейся в общественных кругах дискуссией о перспективах развития самоуправления в России и соотношении принципов централизации и децентрализации, которая актуализировала изучение не только реформаторского опыта, но и опыта правового регулирования деятельности отдельных учреждений и гражданской службы в целом. В этом контексте проблемы формирования кадрового состава местных учреждений затрагивались лишь попутно. Выводы ученых в основном базировались на анализе законодательного материала, а делопроизводственные документы, отражавшие действие правовых норм на практике, практически не изучались.

Вторая группа исследований представлена публикациями, направленными на теоретическое осмысление феномена российского чиновничества. Авторы этих работ пытались обосновать свой взгляд на особенности становления служилого сословия, связывая этот процесс с возникновением и укреплением централизованного государства. Они стремились исторически обосновать специфику российского чиновничества со всеми его пороками и недостатками (такими, как взяточничество, самоуправство, «чиномания» и проч.), выявить отличия от западноевропейской бюрократии. Попадая в поле зрения этих исследователей, провинциальное чиновничество, как правило, получало негативную характеристику. Критические оценки подкреплялись выдержками из мемуарной литературы, изобличавшей «злодеяния» местных бюрократов.

В советской период труды, посвященные российской государственности первой половины XIX в., были немногочисленны. В основе исследований лежал классовый подход; на выводы ученых накладывала отпечаток необходимость учитывать официальные идеологические установки, что при обращении к конкретно-историческому материалу нередко обнаруживало противоречия и не позволяло выйти за пределы общепринятой парадигмы. Однако в 1960—1980-е гг. советским ученым удалось совершить прорыв в изучении государственного управления Российской империи. В этот период научное сообщество переосмыслило достижения дореволюционной историографии, обратилось к изучению ранее неизвестного архивного материала, в том числе к обработке массовых источников, и внедрению новых методов источниковедческого анализа. Все это позволило выработать качественно новый подход к изучению бюрократии Российской империи. Впервые появились исследования, непосредственно посвященные чиновничеству первой половины XIX в., в которых на основе документального материала раскрывались проблемы, связанные с его численностью, составом, образовательным уровнем, имущественным положением. Однако сюжеты, связанные с личным составом местных учреждений, по-прежнему освещались лишь фрагментарно.

Примечания

Публикация подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-1194.2018.6).

1. ЕРОШКИН Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М. 1981, с. 7.
2. См., например: ГАПОНОВ А. С. Сибирское управление и чиновничество XIX века в отечественной историографии: дис. канд. ист. наук. Томск. 2011, с. 55—95; ХОВАЛЫГ С. С. Историография чиновничества Тувы во второй половине XIX — начале XX в. — Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2014, № 2 (82), с. 70—72.
3. ЛОХВИЦКИЙ А. В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. СПб. 1864, с. 124—125.
4. ГРАДОВСКИЙ А. Д. Начала русского государственного права. Т. 3. Ч. 1. Органы местного управления. СПб. 1883, с. 132.
5. Там же, с. 133.
6. ЧИЧЕРИН Б. Н. Курс государственной науки. Ч. III. Политика. М. 1898, с. 481.
7. Там же.
8. Там же, с. 482—484.
9. НЕЛИДОВ Н. К. Юридические и политические основания государственной службы. Ярославль. 1874, с. 136—137.
10. Там же, с. 136.
11. РОМАНОВИЧ-СЛАВАТИНСКИЙ А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб. 1870, с. 491.
12. Там же, с. 492.
13. КОРФ С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762—1855 годов. СПб. 1906, с. 173, 200.
14. ЛАЗАРЕВСКИЙ Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. II. Административное право. Ч. 1. Органы управления. СПб. 1910, с. 67.
15. Там же, с. 70.
16. Там же, с. 71.
17. ГЕССЕН В. М. О бюрократии. В кн.: ГЕССЕН В. М. Вопросы местного управления. СПб. 1904, с. 10, 21.
18. Там же, с. 16—23.
19. См.: АНДРЕЕВСКИЙ И. Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб. 1864; БЛИНОВ И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб. 1905; ГЕССЕН В. М. Губернатор как орган надзора. В кн.: ГЕССЕН В. М. Вопросы местного управления, с. 27—66; ГОГЕЛЬ С. К. Губернские присутствия смешанного состава как органы административной юстиции на местах. — Вестник права. 1906, кн. 4, с. 393—466; КОРФ С. А. Административная юстиция в России. Кн. 1. Очерк исторического развития власти надзора и административной юстиции в России. СПб. 1910; и др.
20. См.: АНУЧИН Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России... СПб. 1872; ВАРАДИНОВ Н. В. История Министерства внутренних дел. Ч. I—II. СПб. 1858—1862; МУРАВЬЁВ Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Т. 1. М. 1889; Судебная реформа. Т. 1. М. 1915; и др.
21. См.: История Правительствующего сената за двести лет. 1711—1911 гг. Т. 1—5. СПб. 1911; Министерство внутренних дел: исторический очерк, 1802—1902. СПб. 1901; Министерство финансов. 1802—1902. Ч. 1. СПб. 1902; Министерство юстиции за сто лет. 1802—1902: исторический очерк. СПб. 1902; СЕРЕДОНИН С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802—1902). Т. 1—5. СПб. 1902; и др.
22. РЖЕВСКИЙ В. К. Взгляд на теорию бюрократической администрации. — Русский вестник, 1860, т. 29, кн. 10, с. 773—774.
23. БЕРЕНДТС Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации. СПб. 1913, с. 112—114, 116—118.
24. Там же, с. 111.
25. Там же, с. 162.
26. Там же, с. 91—92.

27. ЕВРЕЙНОВ Г. А. Прошлое и настоящее значение русского дворянства. СПб. 1898. с. 55.
28. СТРАХОВСКИЙ И. М. Губернское устройство. — Журнал Министерства юстиции. 1913, № 9, с. 158.
29. ЕВРЕЙНОВ В. А. Гражданское чиновничество в России. Исторический очерк. СПб. 1887, с. 57.
30. Там же, с. 57, 59.
31. Там же, с. 57.
32. Так, М. Т. Яблочков, собрав воедино все доступные сведения по истории российского дворянства (причем многие ранее неизвестные), не давал никаких оценок описываемым фактам, полагая, что они «говорят сами за себя». См.: ЯБЛОЧКОВ М. Т. История дворянского сословия в России. СПб. 1876, с. XXXVI.
33. КИЗЕВЕТТЕР А. А. Исторические очерки. М. 2006, с. 405.
34. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Лекции по русской истории. Ч. III. СПб. 1902, с. 277, 421.
35. Там же, с. 429—432.
36. ПЛАТОНОВ С. Ф. Лекции по русской истории. Вып. III. СПб. 1899, с. 176.
37. КАРНОВИЧ Е. П. Русские чиновники в былое и настоящее время. В кн.: КАРНОВИЧ Е. П. Собрание сочинений. Т. 2. М. 1995, с. 589—590.
38. Там же, с. 639.
39. ГОЛОВИН К. Ф. Наше местное управление и местное представительство. СПб. 1884, с. 6.
40. АЛЕКСАНДРОВ М. С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб. 1910, с. 102, 106.
41. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Администрация и суд при Николае I. Баку. 1925, с. 30.
42. См., например: ПАВЛЮК Ю. Б. Российское чиновничество в системе местного управления в первой половине XIX века: на материалах Московской и Тверской губерний: дисс. канд. ист. наук. М. 2001, с. 11.
43. ПРЕДТЕЧЕНСКИЙ А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.-Л. 1957; РЫНДЗЮНСКИЙ П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М. 1958.
44. ДРУЖИНИН Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселёва. Т. 2. Реализация и последствия реформ. М. 1958, с. 87.
45. Там же, с. 101.
46. ПАРУСОВ А. И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия. — Ученые записки Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Вып. 72. Серия историко-филологическая. Т. 1. Горький. 1964, с. 189.
47. ТРОИЦКИЙ С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. Формирование бюрократии. М. 1974, с. 5—7, 19, 158.
48. Там же, с. 5.
49. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. 1978, с. 67—68.
50. Там же, с. 68.
51. Там же, с. 221.
52. ЕРОШКИН Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). М. 1981, с. 66.
53. См., например: АРХИПОВА Т. Г. Секретный комитет 6 декабря 1826 года. — Труды МГИАИ, 1965, т. 20, с. 212—240; ЕЛПАТЬЕВСКИЙ А. В. Документирование прохождения государственной службы в России XVIII — начала XX веков. — Труды ВНИИДАД. Т. 5. Ч. 1: Документоведение. М. 1974, с. 146—205; ЛИТВАК Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М. 1979; ПАЙНА Э. С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX — начало XX в.). В кн.: Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX в. Л. 1967, с. 147—175; и др.
54. См.: РУМЯНЦЕВА М. Ф. Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений России: 1762—1802 гг.: дисс. канд. ист. наук. М. 1985.

Н.А. СОБОЛЕВА. Идентичность Российского государства языком знаков и символов: эмблематики, геральдики, сфрагистики, вексилологии. М. Издательский дом ЯСК. 2018. 656 с.

Надежда Александровна Соболева — известный специалист в области так называемых «вспомогательных исторических дисциплин», прежде всего — геральдики и нумизматики. Основные интересы исследователя устремлены к российским материалам, именно им посвящены ее многочисленные публикации. При этом Н.А. Соболеву никак нельзя упрекнуть в том, что она замыкается в национальных границах. Она включает в сферу своего внимания сравнительные материалы в широчайшем географическом и хронологическом диапазоне, использует работы зарубежных коллег на разных языках. В рассматриваемой в этой рецензии книге особенно важным представляется присущий автору комплексный междисциплинарный подход, причем скрупулезный источниковедческий анализ сопровождается масштабными обобщениями историко-философского плана. Автор и ранее неоднократно обращалась к масштабным сюжетам, имеющим большое общественно-политическое значение¹. Объем монографии весьма значителен — более 50 п. л.

Основной замысел нового исследования Соболевой ясен уже из первых слов названия книги — «Идентичность Российского государства». Именно этому, а не какой-то одной из специальных дисциплин или соответствующих массивов материала, посвящено содержание работы. Монография опубликована при финансовой поддержке РФФИ.

Ее текст разбит на крупные проблемные блоки: «Идентичность — выявление истины», «Эмблемы и знаки власти Древнерусского государства, Московии, раннего Нового Времени», «Геральдика и российское общество», «Российский социум и сфрагистика», «Вексилология, истоки одного из государственных символов», «Политическая символика в современном мире».

Н.А. Соболева сознательно отступает от традиционных стандартов, согласно которым считается необходимым начинать крупную обобщающую работу с обоснования избранной темы, обзоров источников и историографии. Представляется, что автор крупного исследования, особенно новаторского (каким является рецензируемая монография), имеет полное право отступать от устаревшей структуры, отдающей школярством. Наступает время подумать о создании новых, более современных моделей.

В поисках «идентичности» и «актуальности» в мире символов и знаков государственности, рассматриваемых в широком хронологическом диапазоне, неизбежно столкновение с источниковедческими трудностями. Символика и эмблематика средневековой Руси весьма значительно отличается от аналогичных феноменов Петербургской России и позднейших (постмонархических и постсоветских) периодов. Учитывая архаичный (по преимуществу феодальный) характер традиционной государствен-

ной символики, труднодоступный для понимания современного человека, исследования в данной области требуют высокого профессионализма. Работы Соболевой отмечены именно этим качеством.

Размышляя по поводу актуальности государственной символики в наши дни, необходимо иметь в виду, что по сравнению с временами существования традиционных обществ, она в значительной степени оттеснена на задний план современными культурными феноменами, в числе которых образовательные структуры, средства массовой информации, кинематограф, интернет и т.п. Вместе с тем в наше время имеет место частичное возрождение использования различных знаков и пиктограмм (дорожные знаки, символы автомобильных компаний, всевозможные «иконки» электронных устройств).

Первая часть рецензируемой книги озаглавлена «Идентичность — выявление истины». В этом заглавии отразилось кредо Соболевой как исследователя. Поиск идентичности на первый взгляд предполагает навязывание читателю готовых идей. Но автор монографии прежде всего — историк, озабоченный поиском истины. Связь государственной самоидентификации с истиной вполне органична. Она исходит из достаточно старого, но никем не опровергнутого положения: «отечественная история есть народное самосознание» (а всемирная, в таком случае — общечеловеческое). При таком понимании цель поисков идентичности совпадает с задачей академической науки — поиском истины, во всяком случае, стремлением максимально к ней приблизиться.

В этой части книги помещен раздел «Мифология и практика использования средневековых эмблем в современном источниковедении». В нем

раскрывается сложность изучения подобных материалов. Многие политические символы и регалии с самого своего появления окружены недостоверными преданиями, ряд геральдических изображений перенесен на гербовые щиты непосредственно из мифологии. Но вся эта фантастика не может быть полностью отброшена, поскольку мы хотим установить не только реальное происхождение эмблемы или инсигнии, но и то, как они воспринимались в ту или иную эпоху, какие ассоциации вызывали. Здесь требуется многоплановое всестороннее исследование, а не слепое следование единичной версии, показавшейся ученому наиболее привлекательной. В этом отношении работа Соболевой представляется образцовой, хотя, конечно, не каждое высказанное ею мнение можно рассматривать как окончательное решение вопроса.

Следующий раздел — «Российская государственная символика в контексте проблем реконструкции национальной идентичности» — непосредственно посвящен ключевой проблеме монографии. Этот вопрос представляет значительные трудности, поскольку символы и регалии наделялись индизонимным, в ряде случаев неоднозначным смыслом. Здесь единственно возможный и наиболее надежный путь — сопоставление изучаемых объектов со свидетельствами письменных источников (как российских, так и иноземных). Вопрос о национальной идентичности восточнославянского населения эпохи средневековья весьма запутан, в частности, современной политической конъюнктурой. Очевидно, что древнейшее славянское население первоначально осознавало свою идентичность на уровне так называемых «летописных племен», однако идеи единства Рус-

ской земли, а также всего славянского мира отчетливо фиксируются еще в Начальной летописи. В дальнейшем архаические этнонимы типа «древляне», «кривичи» сменяются областными прозваниями «смоляне», «новгородцы», соответствующими уже городским центрам более новых политических образований. По-видимому, значительная часть населения идентифицировала себя с отдельными землями-княжениями. При этом представление о единстве Русской земли сохранялось и наглядно отражалось в летописных текстах, а также таких памятниках, как «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели русской земли». Сейчас трудно составить ясное представление о том, насколько глубоко воспринималось это единство на разных территориях, в том или другом столетии, в тех или иных социальных слоях. Соответственно, нет полной ясности в остро стоящем вопросе о времени становления в рамках восточнославянской общности трех народностей, превращения местных диалектов в самостоятельные языки. Ответ на этот вопрос могут дать этнолингвистические исследования, а также изучение политической истории позднего Средневековья. Поскольку процесс протекал в форме постепенной эволюции, устанавливаемые хронологические рубежи неизбежно остаются достаточно условными.

Далее автор монографии переходит к разделу «Отражение имперского мышления в атрибутах власти русских государей XI—VI вв.». Название раздела представляется в известной мере спорным, не очень точным в плане терминологии и хронологии. К Руси XI—IV вв. понятие «империя» не подходит. В определенном смысле следует говорить о вхождении Руси в качестве вассального образования

в состав империи Чингизидов и Золотой Орды. Началом становления Российской империи можно считать завоевание при Иване Грозном Поволжья и Сибири. Киевская Русь (которую К. Маркс называл «империей Рюриковичей») явно не являлась империей, а ее существование в виде единого государства было предельно краткосрочным. Возможно стоит сблизить его не с империями древности и Средневековья, а с так называемыми «варварскими королевствами». В эпоху феодальной раздробленности, завершившейся на Руси на рубеже XV—VI вв., наша страна также мало походила на империю.

Тем не менее имперская идеология проникала на Русь из Византии, прежде всего, с усвоением переводной книжной традиции. Соответственно, и панегирики древнерусским князьям, и внешнее оформление их власти отражали сильнейшее влияние традиций Ромейской державы. С конца XV в., с ростом могущества великих князей московских, византийская имперская идеология приобретала на Руси «второе дыхание». Все это весьма существенно. Соболева совершенно не случайно делает акцент на «имперском мышлении» на Руси. Не вполне удачен в контексте заголовка данного раздела термин «государь». Это древнее слово до середины XIV в. не употреблялось по отношению к светским правителям.

Регалии московских царей известны достаточно хорошо. Этого не скажешь про княжеские инсигнии более раннего периода. Княжеские шапки, многократно изображавшиеся в иконописи и на миниатюрах рукописей, до нас не дошли (если не считать шапки Мономаха). Известно, что важнейшим символом княжеской власти являлся меч. Ряд изображений и текстов свидетельствуют, что посадение

на княжеский стол сопровождалось вручением меча. Бесспорные русские княжеские мечи, кроме сохранившихся во Пскове мечей святых князей Всеволода-Гавриила и Довмонта (оба иноземной работы), неизвестны. В соседней Польше в числе королевских регалий хранится легендарный меч «Щербец», которым польский король в начале XI в. сокрушил Золотые ворота Киева. В числе коронационных регалий в Оружейной Палате находятся государственный меч и щит. Вероятно, в качестве регалии мог выступать и так называемый шлем Ярослава Всеволодовича, украшенный серебряными пластинами со священными изображениями и молитвенной надписью с именем владельца. Наконец, к числу регалий домонгольского времени можно отнести ряд произведений ювелирного искусства из кладов, сокрытых в ряде городов во время монгольского нашествия. Большинство изделий, по мнению, господствующему среди исследователей, входило в женское парадное убранство. Некоторые из них, однако, могли принадлежать князьям. Среди украшений имеются две золотые диадемы, украшенные эмалью. Если они принадлежали женщинам, то, очевидно, княгиням, и должны рассматриваться как регалии.

Следующий проблемный блок посвящен эмблемам и символам власти Древней и Московской Руси, а также раннего Нового времени. Он включает разделы «Исторические корни украинского трезубца», «Имперская идея и российская символика власти (XI—VI вв.)», «Феномен двуглавого орла, реальность и семантика», «Образ святого Георгия и атрибутика Российского государства», «Символика российских городов XVI—VIII вв.»

Вопрос об истоках и семантике московского герба приводит к мысли

об их неоднозначности, вариабельности и изменчивости. Изображения всадника-драконоборца на монетах удельного периода, несомненно, вызывали ассоциацию со святыми воинами. То же касается подобных всадников на государственных печатях Ивана III и Василия III. При этом вооруженные всадники на московских монетах однозначно считались изображениями государя. «Двойник» московского ездока, литовский герб «Погоня» (“Pogo”), также считался изображением правителя. Всадники на рублях царя Алексея Михайловича и медных копейках Петра I изображают этих государей. Популярный на печатях и монетах, начиная со времен сына Александра Невского Андрея, родственный мотив в виде всадника с охотничьей хищной птицей не находит подходящего аналога в христианской иконографии. Все же, ученые-геральдисты петербургского периода приняли решение остановиться на образе Св. Георгия в качестве окончательного значения московского герба.

Еще один проблемный блок озаглавлен «Геральдика и российское общество». Он включает разделы «Геральдическое искусство в России», «История московского герба» и «Феномен казанского герба: история, семантика, реальность». Текст, в котором рассматривается «геральдическое искусство», по существу посвящен усвоению традиций западноевропейской геральдики на русской почве. Этот процесс характеризуется подробно, со знанием дела.

Дальнейшее изложение озаглавлено «Российский социум и сфрагистика». Следует отметить, что на протяжении всего советского и последующего периодов в нашей стране из сфрагистических материалов изучались практически исключительно

металлические печати. Единственное крупное исследование, посвященное всему объему материала (включая воскоматичные печати), было опубликовано Соболевой в 1991 году². Соответственно, уровень владения автором информацией в этой части книги чрезвычайно высок. В ней представлены разделы: «К вопросу об удостоверении русских актов в контексте восточноримского права», «Развитие отечественной сфрагистики и проблемы изучения печатей XIV— V вв.», «О праве печати», «Итальянский след» в становлении атрибутов власти Московской Руси», «К вопросу о политике русского правительства в отношении присоединенного в XVI в. Казанского края (по материалам казанской эмблематики)».

Следующая часть книги озаглавлена «Вексилология: истоки одного из государственных символов». Она посвящена русским знаменам и флагам — материалу, который крайне редко сколько-нибудь подробно анализируется в работах, имеющих отношение к государственной символике. В то же время в летописях и иных источниках при описании боевых действий неоднократно упоминаются стяги и хоругви. Эти знамена нередко изображались иконописцами и миниатюристами. Чин венчания на царство включал вручение государю скипетра, чтобы «править хоругви» (управлять знаменами). Эта часть книги включает разделы: «Русские знамена и флаг корабля “Орел”, «Российский триколор: мифы и историческая реальность».

Книгу завершает блок разделов, посвященных государственной символике наших дней — «Политическая символика в современном мире». В него входят такие сюжеты, как «К вопросу о символике России в первой четверти XX столетия», «Создание государственных гимнов Российской империи и Совет-

ского Союза», «Из истории советской политической символики», «Символика России 90-х гг. XX — начала XXI в. в государственной политике и общественном дискурсе».

Нет необходимости доказывать, что данная тема является сложной и достаточно деликатной. Революция действительно требовала тотального ниспровержения старого мира, в том числе символики, связанной с самодержавием. Патриархальное, полуфеодалное символическое общественное сознание, на которое была ориентирована старая геральдика и атрибутика, должно было быть заменено новым, в своей основе рационалистическим. Этот рационализм был в известной мере фиктивным, поскольку по существу он должен был утверждать новые, коммунистические идеалы. Кроме того, любые символы и эмблемы по своей природе условны. Поиск нового, естественно, был отмечен экспериментаторством, не всегда удачным. Достаточно вспомнить о восточных мотивах, включающих свастику буддистского образца на «керенках», где она соседствует с «билибинским» двуглавым орлом, лишенным короны. При этом на купюре 250 руб. мотив свастики непосредственно наложен на орла. Подобные ассигнации с орлами и свастиками продолжала выпускать и советская власть (купюры с подписью Г.Л. Пятакова). В дальнейшем традиции символического мышления в области государственной эмблематики нередко одерживали победу над здравым смыслом (изображение земного шара на гербе СССР).

В результате происшедших в нашей стране перемен происходит частичное возвращение к дореволюционным истокам. Сам по себе этот закономерный процесс, как возрождение исторической памяти, воз-

ражений не вызывает. Но здесь стоит вспомнить основные положения старой геральдики, согласно которым такие атрибуты, как корона, держава и скипетр, являются отличительным признаком гербов монархических государств. В России же, согласно Конституции, республиканская форма правления.

Можно сказать, что эти атрибуты относятся не к высшей власти, а к «имперской» сущности государства. Действительно, и по территории, и по многонациональному характеру, по развитию науки и образования, и по международному положению сегодняшняя Россия имеет основания рассматриваться как империя. Традиции имперского сознания сохраняются у значительной части населения. Но все это не имеет прямого отношения к официальной государственной символике. На сегодняшний день она у нас отмечена непоследовательностью, отсутствием логики. Впрочем, этот недостаток — в духе традиций средневекового (и первобытного) символического мышления.

При подобной широте круга используемых материалов и литературы, какая-то их часть неизбежно остается неохваченной. Остановлюсь на некоторых пробелах в новой книге Соболевой.

Очень содержателен раздел, посвященный лично-родовым знакам Рюриковичей, в основном — принадлежащему Владимиру Святославичу, выступающему в наше время, по иронии судьбы, в виде украинского герба. Здесь автор обходит своим вниманием С.В. Белецкого, создателя наиболее крупных сводок по русским княжеским знакам³, и некоторых других российских исследователей, обращавшихся к подобным материалам в последнее время.

С ранними знаками Рюриковичей связан еще один сюжет, представляющийся существенным для изучения становления го-

сударственной символики. Американский исследователь Р.К. Ковалёв в недавней публикации рассматривает подражание саманидскому дирхему начала X в., несущее изображение с христианской символикой, — изображение головы хищной птицы, увенчанное крестом⁴. И ранее происхождение подобных монет пытались связать с Русью. Ковалёв нашел этому подтверждение. На обнаруженной в срубной гробнице первой половины — середины X в. во Пскове серебряной трапецевидной подвеске (по-видимому, своеобразный верительный знак сборщика дани) присутствует схожая птичья голова с крестом. На обороте — несомненный знак Рюриковичей довольно сложных очертаний (двузубец). Наличие на подвеске рассматриваемого рисунка, наряду со знаком Рюриковичей, несомненно, связанным с княжеской династией, правившей на Руси, — сильный аргумент в пользу русского происхождения этой монеты. И монета и подвеска, очевидно, несут изображения, связанные с княжеской властью. Если так, то перед нами весьма ранняя символика княжеской власти, включающая христианский мотив. Если принять соображения Ковалёва, то это — сенсационное открытие, по-новому освещающее становление чеканки монет на Руси и символику власти древнейших князей. Соболева может относиться к этим построениям с недоверием, но упомянуть этот сюжет, на мой взгляд, стоило. Гипотеза Ковалёва получила положительную оценку в нескольких отечественных публикациях.

Один из ранних знаков Рюриковичей, принадлежавший Святополку Окаянному, включает крест, венчающий один из зубцов двузубца. Непосредственное присоединение христианского символа к княжескому

знаку для древнерусского материала не характерно. Но сама возможность такого объединения, особенно на заре распространения христианства на Руси, знаменательна. В могильнике Бодзя (Центральная Польша), в погребении рубежа X— I вв. недавно был обнаружен бронзовый наконечник пояса, также украшенный изображением двузубца, увенчанного крестом⁵. В данном случае, в отличие от двузубца на монетах Святополка, крест помещен на другом зубце. Погребение, очевидно, связано с выходцем из Древней Руси (известно, что Святополк бежал в Польшу). Перед нами еще один ранний пример христианизации символов княжеской власти. Такого рода новые материалы могли бы быть полезны читателю.

Соболева не упоминает в своей книге новые публикации фасадных белокаменных рельефов на Боровицкой башне Московского Кремля⁶. На них имеются геральдические щиты с изображениями, обнаруживающие западные параллели. Среди них представлены и наиболее популярные в Москве мотивы — двуглавый орел и всадник. Было бы небезынтересно соотнести эти изображения с разделом рецензируемой книги, посвященным «итальянскому следу». Возможно, Надежда Александровна не согласна с датировкой и интерпретацией авторов публикаций, но упомянуть об этих рельефах, на мой взгляд, в любом случае, стоило.

Новую книгу Соболевой нельзя назвать чисто источниковедческой. Это обобщающее историческое исследование, созданное автором, имеющим широкий кругозор, владеющим значительным набором специальных подходов. Книга богато иллюстриро-

вана, в том числе цветными вклейками. Особенно ценными представляются воспроизведения печатей. Издание будет весьма полезно как историкам, так и узким специалистам по целому ряду дисциплин, а также тем читателям, которых интересует вопрос поиска российской идентичности и национальной идеи, а также учащейся молодежи. Очень жаль, что монография издана ограниченным тиражом.

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

(доктор ист. наук, гл. научн. сотр. Института археологии РАН)

Примечания

1. СОБОЛЕВА Н. А. Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. М. 2006.

2. ЕЕ ЖЕ. Русские печати. М. 1991.

3. БЕЛЕЦКИЙ С. В. Знаки Рюриковичей. Ч. 1. X— I вв. Учебное пособие. Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. СПб. 2000.

4. KOVALEV R. K. Grand Princess Olga of Rus' Shows the Bird: Her 'Christian Falcon' Emblem. In: Russian History, Leiden: Koninklijke Brill. NV. 2012, p. 460—517.

5. BUKO A., KARA M., DOUGLAS PRICE T., DUCZKO W., FREI K. M., SOBKOWIAK-TABAKA I. A. Unique Medieval Cemetery from the 10th/11th Century with Chamber-like Graves from Bodzia (Central Poland). Preliminary Result of the Multydisciplinary Research. — Archäologisches Korrespondenzblatt. Mainz. 2013, Jahrgang 43, h. 3, p. 431—432, fig. 8a.

6. ПЕТРОВ Д. А., КОВАЛЁВ Д. Е. Белокаменные гербы на Боровицкой башне Московского Кремля. — Российская археология. 2014, № 3, с. 147—155.

История транспорта России: учебник. Под общей ред. Т.Л. Пашковой. М. ФГБУ ДПО «Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте». 2019. 380 с.

В аннотации заявлено, что учебник посвящен истории становления и развития всех видов транспорта России. Его главная цель — показать эволюционный процесс исторического развития технического прогресса в транспортной сфере. Предназначен для студентов и курсантов, обучающихся на 1-м и 2-м курсах образовательных учреждений высшего образования, осуществляющих подготовку кадров для транспортной отрасли.

От декларации о намерении написать (сентябрь 2016 г.) до опубликования учебника (февраль 2019 г.) прошло два с половиной года. Не менее пяти раз Административный департамент Министерства транспорта России собирал авторский коллектив для анализа проведенной работы, достигнутых результатов и согласования новых установок. Соавторы в «межсовещательный» период регулярно консультировались между собой, некоторые предполагаемые авторы отсеивались, приглашались новые. В результате в список авторского коллектива вошли двадцать два человека. Это преимущественно представители транспортных вузов страны: гражданской авиации (Ульяновск, Москва, С.-Петербург); автомобильно-дорожного (Москва); морского (Новороссийск, С.-Петербург); путей сообщения, где главный профиль — железнодорожный (Екатеринбург, Москва), и речного (Новосибирск, Нижний Новгород). Кроме того в авторский коллектив был включен ведущий эксперт департамента транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры г. Москвы.

Структурно содержание учебника подразделяется на Введение, 8 разделов и 2 приложения. Авторы указывают, что история транспорта — самостоятельно институционально сформировавшийся раздел исторической науки (с. 6). И хотя нет специальности «История транспорта», она может быть включена в специальность 07.00.10 «История науки и техники» (например, п. 11 «Области исследований»: «История становления и развития промышленных комплексов и других объектов народнохозяйственного значения»), или п. 16 специальности 05.22.19 («Эксплуатация водного транспорта, судоходство», «История развития судоходства в России») с присуждением ученой степени кандидата или доктора технических наук.

Во Введении нет упоминания о предшествующей учебной литературе. Представляется, что целесообразно было указать в пределах страницы основные учебные издания хотя бы по видам транспорта, опубликованные за последнюю четверть века. В этом случае обоснование новизны в изложении материала, как представление истории единой транспортной системы, а не отдельных ее видов, было бы более убедительным.

Соавторы учебника применили алфавитный порядок изложения материала. Пожалуй, более логично было бы руководствоваться хронографическим принципом, например поставить разделы в следующей последовательности: речной, морской,

железнодорожный, городской, автомобильный, авиационный транспорт.

1-й раздел «Истоки развития транспорта» содержит обзор истории изобретения и развития транспортных средств в сжатом виде — от древности (в данном случае 800—840 тыс. лет назад, когда, по мнению ученых, человек мог использовать плот) до первых шагов интеграции видов транспорта в нашем Отечестве на рубеже II и III тысячелетий. Этот раздел в определенной степени играет роль «введения».

После разделов, посвященных видам транспорта, помещен 8-й раздел «Межотраслевая транспортная координация и перспективы развития транспорта России в XXI в.». Межотраслевую транспортную координацию отражает один параграф (о транспортно-пересадочных узлах). Может быть, для начала этого достаточно, учитывая, что вопросы интеграции видов транспорта включены в содержание теоретических учебных курсов о современном транспорте. Остальные параграфы 8-го раздела освещают прогнозы по развитию видов транспорта, в том числе трубопроводного (которому не уделено специального раздела в учебнике). Судя по всему, 8-й раздел выполняет некоторые функции «заключения».

Если смотреть на историю транспорта как на «становящуюся» систему (элементы которой были первоначально достаточно разрознены, но экономические интересы их сближали), то 1-й и 8-й разделы учебника синтетичны, а со 2-го по 7-й — аналитичны. Кроме того, 2—7-й разделы оснащены дидактическими компонентами: «Хронология важных событий»; «Глоссарий»; «Контрольные вопросы»; «Тестовые задания»; «Литература». Так что в целом анализ и синтез дополняют друг друга.

Стоит отметить, что хотя учебник называется «История транспорта

России», в литературе по городскому транспорту указаны только книги о московском городском транспорте. В разделе о дорожной отрасли и автомобилестроении в рубрике «Основная литература» приведены издания по истории научных исследований, автодорожного образования, а книга «Дороги России. Страницы истории дорожного дела» почему-то включена в колонку «Дополнительная литература» (с. 165).

В разделе о морском транспорте, в частности, сказано, что 8 марта 1902 г. по предложению министра финансов С.Ю. Витте была предпринята коренная реорганизация управления торговым мореплаванием. В начале 1903 г. было учреждено самостоятельное Главное управление торговым мореплаванием и портами (с. 250). Может создаться впечатление, что Витте был сторонником создания Главного управления торговым мореплаванием и портами. Однако в реальности он выступал против учреждения нового Главного управления (на правах министерства). Николай II как-то спросил Витте: «Как вы думаете относительно образования Главного управления торгового мореплавания и портов? Я ответил, что ныне торговое мореплавание ведается одним столом в департаменте торговли, что, может быть, следует несколько усилить эту часть, но во всяком случае эту часть торговли нерационально отделять от торговли вообще, а тем более образовывать из этой части особое министерство... Как только я приехал Петербург... приехал ко мне от государя фелдъегерь с пакетом. Я был очень удивлен, так как сам только что приехал из Крыма. Распечатав пакет, я нашел в нем указ, подписанный его величеством, об образовании главного управления торгового мореплавания и торговых портов и приказ о назначении начальником этого главного управления на правах министра великого князя Александра Михайловича. Все сие прошло без Государственного

Contents

Articles: **A.D. Popova**. Mechanisms of control over power in the eyes of the Russians in the era of the formation of parliamentarism. Discussion issues: **N.G. Semova**. Problems of reindustrialization: approaches to its study at the beginning of the XXI century; **M.A. Beznin, T.M. Dimoni**. Social revolution in Soviet Russia. Contributions: **I.V. Petrov**. Cartoons in the Russian occupation press in 1942—1944 and Soviet religious politics; **S.Yu. Kargapol'tsev, I.Yu. Lapina**. Church building of the Grand Peterhof Palace and objects adjacent to it: history, chronology and research works. Historical publicism: **D.V. Bodnarchuk**. The West in the imagination of Russian Liberals in 1860s (on the basis of "Otechestvennye Zapiski"). For teacher of history: **I.G. Chapaykina**. Stolypin's project of principal management in province in context of reforming at the beginning of the XX century. International scientific cooperation: **N.V. Antonova, V.S. Kalinovskaya, D.A. Pashentsev, V.A. Shestak**. The role of D.V. Stasov in the development of Russian jurisprudence; **A.R. Batyaeva, V.S. Kalinovskaya, B.V. Sangadzhiev, S.N. Smirnov**. Personality and professional activities of F.N. Plevako; **A.A. Galushkin, M.Ye. Zhukova, E.Y. Komlev, D.A. Pashentsev**. History of creation and activities of the Organization of American States; **A.A. Darkov, M.V. Ignatieva, E.V. Maystrovich, A.A. Soloviev**. History of the political and civil rights of women in the Federal Republic of Germany. Peoples of Russia: **O.V. Buraeva, B.A. Bazarov, N.V. Imenokhoev, D.A. Miyagashev**. At the origins of Siberian city. Diplomacy in history: **I.N. Kolesnikov, M.V. Dahrendorf**. Russian diplomats in German states in XVIII century: Frankfurt am Main, German principalities and cities. History and fates: **V.N. Makarova, Z.F. Khasanova**. Mikhail Fomich Churko — an investigator of the life and culture of the Bashkir people. Jubilee of scientist: **Sh.A. Gapurov, I.G. Kosikov, A.D. Osmaev**. Prominent Russian historian, public and state actor Javus Ahmadov is 70 years old. People. Events. Facts: **V.I. Dolinko, Yu.V. Rygova**. History of formation of the railway complex of Russia and its influence on socio-economic development of the state; **O.A. Kolyakina**. An analysis of combat effectiveness and superiority of fighters RVGK in the battle of Kursk; **R.I. Seferbekov, O.B. Khalidova**. Periodization of historical macroprocesses in Russia: stages of modernization (the example of Dagestan); **G.M. Mendikulova, E.A. Nadezhuk; A.Zh. Gabdullina, A.A. Akataeva, T.S. Tumabaev**. The Kazakhs in military captivity in Norway and Finland in World War II. From history of religions: **G.G. Khmourkin**. How many clergymen of the Russian Orthodox Church were perished in 1917—1926? **V.A. Akhmadullin**. The activity of the Council on the religious cults on the research of foreign Islam in 1956—1965; **R.A. Beknazarov**. Islam in Aktobe region: the history of formation in the XIX — early XX centuries. Historiography: **O.A. Plekh**. Provincial bureaucracy of Russia in the first half of the XIX century in the works of pre-revolutionary and Soviet researchers. Reviews on books: **N.A. Soboleva**. Identity of the Russian state by the language of signs and symbols: emblems, heraldry, sphragistics, vexillology (by **A.V. Chernetsov**); The history of transport of Russia (by **A.B. Kruchkov, K.V. Kruchkova**).

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный номер № 894**

Главный редактор П.А ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Присланные материалы после рецензирования не возвращаются
Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 10, 2019

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (495) 741-65-18, (495) 741-65-17. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.09.2019. Формат 70x1081/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 2972-2019. Индекс 70145.

Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано в АО «Красная Звезда».
125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62
E-mail: kr_zvezda@mail.ru <http://www.redstarprint.ru>

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2019 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»
Подписной индексе для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**